STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2018

#1 (27) || January

№1 (27) || январь

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2018-27-1-1-304

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

канд. филол. наук доцент Д.С. Мухортов

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Технический редактор:

канд. филол. наук Е.В. Раздобурдина

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьефулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2017. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2017 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences Docent D.S. Mukhortov
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Technical Editor:
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia)
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishevska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

<i>Теперик Т.Ф., Теперик Р.Ф. (Москва, Россия). Невербальное поведение: филологический и психологический аспекты</i>	9
<i>Митрович-Марич Я. (Белград, Республика Сербия). Графема и пиксель: культура чтения в цифровую эпоху</i>	18
<i>Мойсова-Чепишевска В. (Скопье, Македония). Македонские Золушки в контексте мировой культуры</i>	30
<i>Сергеев А.В. (Москва, Россия). Жанр романа в творчестве Х. Понтоппидана</i>	40
<i>Блинов А.В. (Москва, Россия). Некоторые особенности выражения семантики категории модальности в готском языке</i>	50
<i>Терещук А.А. (Санкт-Петербург, Россия). Язык русскоязычной иммиграции в Барселоне: морфосинтаксический уровень</i>	60
<i>Клюева И.В. (Саранск, Россия). Лев Толстой в творческом сознании Степана Эрзы</i>	69

Материалы и сообщения

<i>Макарова-Томинец И.Д. (Копер, Словения). По-словенски с русским акцентом: языковой портрет русскоговорящего жителя Словении</i>	91
<i>Мирвода Т.А. (Москва, Россия). Детский современный фольклор как объект психолингвистического эксперимента</i>	110
<i>Асеева С.А. (Москва, Россия). Иллюстрация М.В. Нестерова к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: интермедиаальный и философско-антропологический аспекты</i>	125
<i>Србиновска С. (Скопје, Македонија). За значењето на раскажувањето и меморијата во последниот роман на Славко Јаневски / Художественное и историческое в романе Славко Яневского «Свалка»</i>	131

Программы

Программа учебной дисциплины «Введение в славянскую филологию»	144
Программа спецкурса «Интернет-технологии для гуманитариев (от HTML до MySQL)»	155
Программа учебной дисциплины «Введение в изучение русской литературы (часть II)»	164
Программа учебной дисциплины «Современная русская литература: основные тенденции и закономерности развития»	178

События. Имена. Судьбы

<i>Крупчанов А.Л. (Москва, Россия). Владимир Маканин</i>	191
--	-----

<i>Поспишил Иво (Брно, Чешская Республика). Валентин Распутин глазами чехов (Портрет и вокруг: несколько штрихов).....</i>	194
<i>Шешкен А.Г. (Москва, Россия). Памяти Галины Яковлевны Ильиной (1930–2018)</i>	200
<i>Ильина Г.Я. Формы исторической прозы в современной хорватской литературе</i>	204

Библиографии

<i>Воропаев В.А. (Москва, Россия). Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 1966–1980</i>	211
<i>Злочевская А.В. (Москва, Россия). Изучение русской литературы в Чехии и Словакии (2006–2015 гг.): Аннотированная библиография</i>	264

Научная жизнь

<i>Баданина И.В. (Москва, Россия). Международная научная конференция «Русско-славянский диалог: язык, литература, культура»</i>	275
---	-----

Критика. Библиография

<i>Михайлова М.В. (Москва, Россия), Ботнаренко Н.М. (Ивано-Франковск, Украина). Человечность – мера всех вещей.....</i>	280
<i>Бабичева М.Е. (Москва, Россия). Живые страницы отечественной истории</i>	285
<i>Хлебус М.А. (Москва, Россия). Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин / Под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: SCRIPTUM, 2017. 509 с.</i>	289

In Memoriam

<i>Памяти Андрея Анатольевича Зализняка</i>	294
<i>Вера Александровна Кочергина (1924–2018).....</i>	301

Content

Articles

<i>Teperik T. , Teperik R. (Moscow, Russia). Nonverbal behavior: philological and psychological approaches</i>	<i>9</i>
<i>Mitrovich-Marich Ya. (Belgrade, Republic of Serbia). Grapheme and Pixel: The Culture of Reading in the Digital Age</i>	<i>19</i>
<i>Mojsova Chepishhevska V. (Skopje, Macedonia). Macedonian Cinderellas in the Context of World Cultural</i>	<i>30</i>
<i>Sergeev A.V. (Moscow, Russia). The Genre of a Novel in the Work of H. Pontoppidan.....</i>	<i>40</i>
<i>Blinov A.V. (Moscow, Russia). Featuring Semantics of Modality in Gothic</i>	<i>50</i>
<i>Tereshchuk A. (Saint-Petersburg, Russia). The Language of Russian-Speaking Immigration in Barcelona: Morphosyntactic Level.....</i>	<i>60</i>
<i>Klyueva I.V. (Saransk, Russia). Leo Tolstoy in Stepan Erzia's Creative Consciousness</i>	<i>69</i>

Communications and Materials

<i>Makarova Tominec I.D. (Koper, Slovenia). A Russian Accent in Slovenian: A Speech Portrait of the Russian-speaking Slovenian</i>	<i>91</i>
<i>Mirvoda T.A. (Moscow, Russia). Children's Contemporary Folklore as the Object of a Psycholinguistic Experiment.....</i>	<i>110</i>
<i>Aseeva S.A. (Moscow, Russia). M.V. Nesterov's Illustration of LN. Tolstoy's Novel "Anna Karenina": Intermedial and Philosophical-Anthropological Aspects.....</i>	<i>125</i>
<i>Srbinovska S. (Skopje, Macedonia). Fiction and Fact in Slavko Janevski's "Landfill"</i>	<i>131</i>

Programs

<i>The Program of the Academic Discipline «Introduction to Slavonic Philology»</i>	<i>144</i>
<i>Special Course Program «Internet Technologies for the Humanities (from html to mysql)»</i>	<i>155</i>
<i>The Program of the Academic Discipline «Introduction to Russian literature Study (Part II)».....</i>	<i>164</i>
<i>The Program of the Academic Discipline «Modern Russian Literature: The Main Trends and Patterns of Development».....</i>	<i>178</i>

Events. Names. Destiny

<i>Krupchanov A.L. (Moscow, Russia). Vladimir Makanin</i>	<i>191</i>
---	------------

<i>Pospišil Ivo (Brno, Czech Republic). Valentin Rasputin through the Eyes of the Czechs (Portrait and Around: A Few Thoughts)</i>	194
<i>Sheshken A.G. (Moscow, Russia). In Memory of Galina Ilyina (1930–2018)</i>	200
<i>Ilyina G.Ya. Forms of Historical Prose in Contemporary Croatian Literature.....</i>	204

Bibliography

<i>Voropaev V.A. (Moscow, Russia). The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him in Russian. 1966–2008.....</i>	211
<i>Zlochevskaya A.V. (Moscow, Russia). Study of Russian Literature in Czech Republic and Slovakia: Annotated Bibliography</i>	264

Academic Life

<i>Badanina I.V. (Moscow, Russia). International Scientific Conference "Russian-Slavic Dialogue: Language, Literature, Culture"</i>	275
---	-----

Critique. Bibliography

<i>Mikhailova M.V. (Moscow, Russia), Botnarenko N.M. (Ivano-Frankivsk, Ukraine). Humaneiness is the Measure of All Things.....</i>	280
<i>Babicheva M.E. (Moscow, Russia). Vital Pictures of the Motherland History.....</i>	285
<i>Khlebus M.A. (Moscow, Russia). Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej MICHAŁ Szyszkin / Praca zbiorowa pod redakcją Anny Skotnickiej i Janusza Świeżego. Kraków: Wydawnictwo «scriptum», 2017. 509 s.</i>	289

In Memoriam

<i>In Memory of Andrei Zaliznyak</i>	294
<i>In Memory of Vera Kochergina (1924–2018).....</i>	301

Статьи

Articles

Т.Ф. Теперик, Р.Ф. Теперик (Москва, Россия)

Невербальное поведение: филологический и психологический аспекты

Аннотация: В статье рассматривается невербальное поведение в контексте положений современной психологической науки, с одной стороны, а также анализируется изображение невербального поведения персонажа с точки зрения поэтики различных жанров (пьеса Шекспира «Юлий Цезарь» и биография Плутарха «Цезарь»), с другой. Хотя изображение внутреннего мира у обоих авторов реализуется не только в описании невербального поведения, одним из ведущих мотивов в изображении характера персонажа как в пьесе, так и в биографии является смех; страх оказаться смешным заставляет главного героя совершить ошибку, приводя его к гибели. Не только внешние факторы повлияли на фатальные для главного героя события, но и его собственный внутренний мир, состояние его души. Это является одним из доказательств внимания обоих писателей к человеческой психологии, а также понимания ее закономерностей и парадоксов.

Ключевые слова: психология, персонаж, поэтика, смех, мотив, жанр, жест

T. Teperik, R. Teperik (Moscow, Russia)

Nonverbal behavior: philological and psychological approaches

Abstract: The paper deals with nonverbal behavior in a context of the modern psychology postulates on one hand and analyses depictions of nonverbal behavior from the point of view of different genres' poetics (Shakespeare' 'Julius Cesar' and Plutarch' 'Cesar') on the other. Naturally, both authors unveil hero' inner world not only by describing their nonverbal behavior, but both in the play and in the biography one of the leading motives is laughter: fear of looking ridiculous makes the hero to make an error, which leads him to the death. Not only fatal to hero external factors influence events, but his own state of mind, his own inner world. This serves to prove both authors' attention to human psychology and their understanding of its consistent patterns and paradoxes.

Key words: psychology, personage, poetics, laughter, motive, genre, text

В науке не так много тем, имеющих настолько междисциплинарное звучание, как проблема невербального поведения, относящаяся как к психологии, так и к филологии. Мы говорим о проблеме, потому что если литературоведение имеет

дело с изображением невербального поведения¹, то психология – не с изображением реальности, а с ней самой. Поэтому если для психолога центральная проблема – это проблема интерпретации невербального поведения, то для филолога это проблема идентификации невербального поведения как художественного средства. И тем не менее точки соприкосновения существуют, поскольку как филология в анализе литературных текстов использует положения психологии о психике человека, так и психология дополняет свое представление о человеке, о его психике, сознательном и бессознательном в том числе и через анализ литературных произведений.

Не случайно корифей отечественной психологии Л.С. Выготский в своей классической работе «Психология искусства» говорил именно о возможностях взаимного обогащения этих двух наук².

Что касается самого невербального поведения как предмета психологической науки, то здесь оно понимается прежде всего как система несловесных форм психического функционирования, позволяющих распознавать психологические и психофизические свойства и состояния говорящего. Как правило, невербальное поведение передает несколько основных видов информации: эмоциональной, эстетической, индивидуально-личностной, биофизической, медицинской, пространственной и психологической³. И поскольку в отличие от вербального невербальное поведение сложнее декодируется, то, в большей степени отражая язык бессознательного, оно являет собой и более «чистый» материал для анализа, в то время как слово, речь, будучи отрефлексированы сознанием, могут нуждаться в некоторой «дешифровке».

К элементам невербального поведения относятся: мимика, жесты, поза, интонационные, ритмические, высотные характеристики голоса, его временная и пространственная организация. В психологии жесты рассматриваются как показатели личностных особенностей человека: коммуникативные (приветствия, угрозы, запрещающие жесты и другие), описательно-изобразительные, подчеркивающие речь, модальные, выражающие оценку, отношение к предметам, людям, явлениям и т. д. Человек, формируясь в той или иной конкретной социальной среде, усваивает не только характерные для этой среды способы жестикуляции, но и правила их применения и прочтения⁴. И хотя содержание, сила и частота жестикуляции обуславливается групповыми и культурными нормами, можно говорить об инвариантных характеристиках жестов, которые, независимо от пола, возраста, культуры, расы, могут нести одну и ту же информацию. Что касается объективных характеристик жестов, то психологи выделяют в первую очередь их направленность, форму, интенсивность и частоту.

Характерной особенностью «мимических картин» эмоциональных состояний является то, что мимика включает признаки как универсальные, специфические для выражения одних состояний, так и неспецифические для выражения других. Например, признак «уголки губ опущены» сопровождает негативные эмоциональные состояния, печаль, грусть, тоску. Тогда как «глаза прищурены» может сопровождать как гнев, так и радость.

¹ Теперик Т.Ф. Поэтика невербального поведения как предмет филологического исследования (на материале античных авторов) // Stephanos. 2016. № 1(15). С. 91–98

² Выготский Л.С. Психология искусства. М., 2017. С. 11–21.

³ Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998. 164 с.

⁴ Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.

Один из ведущих специалистов в этой области П. Экман установил, что лучше всего эмоции гнева, радости, страдания распознаются по нижней части лица. Средняя же часть лица в большей степени выдает удивление и страх, а рассогласование мимических движений может свидетельствовать о неискренности чувств¹.

И хотя выражение глаз тоже может что-то скрывать, они в большей мере свидетельствуют об истинных переживаниях. Не случайно в литературном произведении встречаются такие эпитеты по отношению к взгляду, как «радостный», «удивленный», «испуганный», «страдающий», «внимательный», «презрительный», «восхищенный». Таким образом, и примеры из художественных произведений говорят в пользу того, что качественные и динамические параметры взгляда труднее поддаются контролю и регуляции.

Особый параметр невербального поведения – поза, включающая в себя определенное положение и сочетание частей тела человека: головы, плеч, туловища, рук, ног. Тем самым поза оформляет экспрессивный репертуар человека. Для получения информации о личности на основе внешнего рисунка позы ее рассматривают, как правило, в следующих координатах: естественная – искусственная, статическая – динамическая, напряженная – расслабленная, энергичная – пассивная, психологически однозначная – многозначная, уродливая – прекрасная, типичная – индивидуальная².

Смех наряду с паузами, кашлем, вздохами, стоном и плачем относится к акустической экстралингвистике³ и является как неконтролируемым, так и – частично – контролируемым проявлением. Тем самым смех может быть показателем конгруэнтного состояния и выражать как чистую радость (детский смех), так и крайне амбивалентное отношение к ситуации («смех сквозь слезы»). В литературном произведении, как и в жизни, характеристика смеха часто дает емкое представление о психоэмоциональном состоянии человека: насмешливый, нервный, болезненный, презрительный, беззаботный, простодушный, искрометный, неподдельный, откровенный, странный, веселый, молодой, беззаветный, визгливый, громкий, звонкий, здоровый, раскатистый, истерический, милый⁴.

Таким образом, под невербальным поведением личности понимается социально и биологически обусловленный способ организации усвоенных индивидом невербальных средств общения, преобразованных в индивидуальную, конкретно-чувственную форму действий и поступков. При рассмотрении связей и отношений между элементами и подструктурами невербального поведения ученые исходят из того факта, что сам феномен «невербальное поведение» рассматривается в контексте социальной перцепции, как личностное образование, наделенное когнитивно-регулятивной функцией⁵.

Но если писатель или поэт, имея возможность сообщить о переживаниях личности словом, прибегает еще и к языку жестов, то для чего? Зачем Ахматова пишет, в «Месте последней встречи»: «Но шаги мои были легки, // Я на правую руку надела // Перчатку с левой руки»? Или Пушкин в «Евгении Онегине» – что «Ленский пешкою ладью // Берет в рассеянье свою»? Очевидно, потому, что эти

¹ Экман П. Психология лжи. М., 2016. С. 181–263.

² Бодаев А.А. Восприятие и понимание человеком человека. М., 1982. С. 146–237.

³ Мартынова Е.М. Феномен смеха в аномальной коммуникации // Мартынова Е.М. Аберрации невербального общения М., 2015. С. 195

⁴ Карасёв Л.В. Философия смеха. М., 1996. 222 с.

⁵ Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д., 1999. С. 83–112.

жесты сильнее выражают эмоциональное состояние героев, они могут сказать не меньше, чем слова. А в некоторых случаях и больше. Это касается и второстепенных персонажей, находящихся как бы на периферии сюжета.

Например, в новелле Томаса Манна «Смерть в Венеции» описание невербального поведения русского семейства сообщает читателю многое: и эмоциональную атмосферу внутри этого семейства, и культурную, отличительную, по мнению автора, черту «русскости», и восприятие этого взаимодействия другими, и отношение главного героя к недоступной ему непосредственности выражения чувств: «Слева... расположилось русское семейство... Они благодарно наслаждались жизнью, без усталости окликали непослушных, заигравшихся детей, шутили... целовались друг друга в щеки, нимало не заботясь о наблюдающих эту интимность»¹. Иными словами, не только сами жесты русских были иными, но и их собственное отношение к этому было иным, возможно, потому, что в сравнении с опытом главного героя, для них большее значение имела реальность, а не ее восприятие.

Если в психологии главным «наблюдателем жестов» является специалист, то в литературном произведении, особенно если это не лирическое стихотворение, как у Ахматовой, им может быть и иной персонаж. Кому автор отведет функцию «наблюдателя» – зависит от его художественной задачи и жанра литературного произведения.

Например, в драме, где авторский текст отсутствует или минимален, возможности описания жестов по сравнению с эпическими жанрами сужены. Именно поэтому изображение жестов – не на сцене, а в самом тексте пьесы – имеет огромное значение.

Рассмотрим с этой точки зрения разножанровый, но сходный по содержанию материал, например пьесу Шекспира о Цезаре и биографию Плутарха, являющуюся источником для этой пьесы². В биографии, разновидности эпического жанра, жесты персонажей описаны автором, в то время как в пьесе, где авторского текста нет, о них говорят сами же персонажи.

Так, «наблюдатель» за невербальным поведением Брута – его жена Порция: *«За ужином внезапно стал задумчив // вздыхая и скрестив в раздумье руки. // Когда ж спросила я тебя, в чем дело, // То на меня ты посмотрел сурово, // Потом, рукою проведя по лбу, // В ответ ногой нетерпеливо топнул»*³. Этот невербальный текст был интерпретирован верно, он заставил Порцию задуматься, что с Брутом что-то не так.

В свою очередь Брут, присматриваясь к Цезарю, полагает, что с ним тоже «что-то не так», и именно на основании его невербального поведения: *«У Цезаря на лбу пылает гнев. // Все, как побитые, за ним идут; Кальпурния бледна; у Цицерона глаза, как у хорька, налиты кровью»*.

И даже такой традиционный жест, как рукопожатие, может означать разное, будучи не только жестом приветствия или прощания, но и *актом доверия*. *«Все, как один, мне дайте ваши руки»*, – говорит Брут заговорщикам для скрепления их союза, оказавшегося, как известно, весьма прочным.

¹ Манн Т. Новеллы. Смерть в Венеции. Л., 1984. С. 96–143

² Теперик Т.Ф. Мотив смеха в «Юлии Цезаре» Шекспира и его античные источники // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: Коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 506.

³ Русский текст цитируется по изданию: Шекспир У. Юлий Цезарь / На англ. и рус. яз.; пер. Н.М. Карамзина, А.А. Фета, М.А. Зенкевича, А. Величанского; сост., предисл. и коммент. А.Н. Горбунова. М., 1998. 301 с.

Похожий жест есть в биографии Цезаря, где поэт Цинна, которому на следующий день предстоит умереть от рук разъяренной толпы, принявшей его за другого Цинну, заговорщика, накануне видит сон, где Цезарь его ведет куда-то, взяв за руку. И самого Цезаря точно так же, «взяв за руку», Децим Брут поведет в сенат, к мечам заговорщиков. Таким образом, в обоих случаях это жест ложный, он должен внушить доверие, но в обоих случаях окажется фатальным.

Поскольку Децим у Плутарха при этом *смеется*, имеет смысл остановиться на изображении смеха и улыбки, также не всегда верно интерпретируемых форм невербального поведения, причем в обоих рассматриваемых нами художественных текстах.

Например, *улыбка*, о которой говорит Цезарь, верно распознавший сущность Кассия «Он не любит игр. // И музыки, не то что ты, Антоний. // Смеется редко, если ж и смеется, // То словно над самим собой с презреньем // За то, что не сумел сдержать улыбку». Однако дело может обстоять и иначе. Когда заговорщики опасаются, что их раскрыли, Брут успокаивает их так: «То не о нас Попилий говорит, // Смеется он, и Цезарь так спокоен». Здесь смех интерпретирован *in bonam partem*, и, как станет ясно позже, интерпретирован верно.

Улыбка еще более неоднозначна, за ней может скрываться и нечто страшное, как, например, в пророчестве Антония: «И кровь и гибель будут так привычны, // Ужасное таким обычным станет, // Что матери смотреть с улыбкой будут, // Как четвертует их детей война!» Еще больше эта неоднозначность присутствует в словах Октавия: «И многие с улыбкой, я боюсь, // Скрывают в сердце миллионы козней». С одной стороны, это характеризует недоверчивость Октавия, но не стоит забывать, что за улыбкой у Шекспира может скрываться что-то действительно опасное, как в сновидении жены Цезаря, где римляне с улыбками погружают руки в кровь, текущую из его статуи¹.

В биографии Плутарха мотивы смеха и улыбок не менее выразительны. Когда пираты требуют у Цезаря выкуп в двадцать талантов, он смеется, предлагая дать пятьдесят, и в этом *смехе*, при витальной угрозе, показан контроль Цезаря над ситуацией, позже, тоже «со смехом», он им скажет, что всех повесит, а они будут охотно слушать «эти вольные речи, видя в них проявление благодушия и шутливости»². Пираты не разглядели за смехом Цезаря его истинных намерений и за это заплатились. Так же точно не понял смеха Цезаря – уже в другой ситуации, в Риме, – Цицерон, хотя он и «считал подозрительной и внушающей опасения деятельность Цезаря, по внешности спокойную, подобно гладкому морю, и распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости». Это, конечно, не полные аналоги смеха и улыбки, но выражающие семантически близкие состояния.

«Но, – добавлял Цицерон, – когда я вижу, как тщательно уложены его волосы, как он почесывает голову одним пальцем, мне кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение государственного строя». То есть невербальное поведение Цезаря обмануло и Цицерона, посчитавшего человека, заботящегося о своем имидже, неспособным к серьезным делам. Таким

¹ Интерпретация этого сна дана нами в статье: *Теперик Т.Ф.* Поэтика сновидения в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» и античные источники // Литература XX века: Итоги и перспективы изучения. Четвертые Андреевские чтения. М., 2006. С. 80–85.

² Текст Плутарха цитируется по изданию: *Плутарх. Цезарь* / Пер. К. Лампсакова и Г. Стратановского // Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 436–495.

образом, подлинных целей Цезаря и такой опытный политик также не распознал. Пираты посчитали, что Цезарь не способен их наказать, потому что смеется, пишет и декламирует стихи, т. е. «занят всякой ерундой». Цицерон не посчитал бы «ерундой» занятия стихами, он посчитал «ерундой» другое, но важно, что в обоих случаях это касается невербального поведения, неверно понятого. А когда самого Цезаря, проезжавшего мимо бедного галльского городка, друзья со смехом спросят: «Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей?» – он ответит им вполне серьезно: «Я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме». Почему Цезарю не до смеха, а его приятели смеются? Потому что его внутренний мир, его истинные желания от них скрыты. Его не понимают, *когда он смеется*, но его не понимают и когда *он не смеется*, тем самым смех – то, что больше разделяет, чем соединяет, даже если это не Цезарь и его враги, а Цезарь и его друзья, партнеры по коммуникативной ситуации, – и они его не понимают.

Например, Цезарь *улыбнется*, увидев в галльском храме свой меч, захваченный в бою, а когда друзья захотят его убрать, он им этого не позволит, «считая приношение священным». Снова улыбка обнаруживает превосходство над ситуацией: они видят лишь меч, захваченный в бою, т. е. только внешнее, только поражение. Но он видит *меч в храме*, священный предмет, значит, это и меч победителя! И снова понимание ситуации – ее видимости и сущности – не совпадает. А когда это несовпадение исчезнет, когда Цезарь и те, кто рядом с ним, посмотрят на ситуацию *одинаково*, – *одинаково* прежде всего с точки зрения смеха, это и приведет Цезаря к гибели. После сна Кальпурнии, хотя содержание его у Плутарха иное, чем в пьесе, Цезарь сначала решит не идти в сенат. Однако Децим Брут, высмеив гадалек и взяв Цезаря за руку, что должно придать тому решимости в неоднозначной ситуации, все-таки приведет его в сенат, к заговорщикам. И хотя сам Цезарь с помощью такого же жеста, взяв за руку, убеждал кормчего при переправе в Брундизий: «Смелей! Ты везешь Цезаря и его счастье», – и никакого коварства в том случае не было, автором показано, что этот жест обманчив: он может быть истинным, а может и что-то скрывать.

Вот и поверив Бруту, смеющемуся над прорицателями, сновидениями и прочей «ерундой», и вверившись его руке, Цезарь обрек себя на гибель. Слова «ерунда» в тексте Плутарха нет, но если говорится, что что-то может быть осмеяно, вряд ли к нему стоит относиться серьезно, тем более что прорицатели и гадания не традиционная мишень для римских шуток. Децим Брут в данном случае использовал смех в качестве аргумента убеждения, добиваясь, чтобы Цезарь уступил. Тот уступает и – проигрывает. Можно сказать, что на этот раз не он победил смех, а смех победил его. Но если вера в сны и прорицания была так распространена в античности, почему же уступить ей – значит показаться смешным? Очевидно, потому, что в подтексте подлинным объектом смеха являются *не прорицатели, а тот, кто им верит*. Если Цезарь им верит, то и он оказывается смешон, а этого он позволить себе уже не может. Раньше, еще не будучи властелином Рима, он видел сущность вещей, а не только их видимость, но теперь он вынужден смотреть на ситуацию уже не только своими глазами. Прекрасный пример: «...он хотел, как и подобало, встать перед сенатом, но его удержал один из друзей или, вернее, льстецов – Корнелий Бальб, который сказал: “Разве ты не помнишь, что ты Цезарь? Неужели ты не потребуешь, чтобы тебе оказывали почитание, как высшему существу?”» В этой фразе объяснение метаморфозы, происшедшей с Цезарем. Он хотел встать, выразив этим жестом уважение сенату, но не встал, потому что

ему было указано, как эта форма невербального поведения может бы воспринята другими. Если он высшее существо, то как он может бояться каких-то там снов? Кто партнеры по коммуникации – враги или друзья, теперь уже не столь важно, важнее, что с изменением политического статуса Цезаря меняется и его точка зрения на события. Это, по Плутарху, и есть главный фактор успеха мартовских Ид, недаром в предисловии именно к этой паре биографий (Цезаря и Александра) о смехе сказано, что он больше информативен для характера персонажа, чем выигранные сражения и осады городов¹.

В пьесе Шекспира этот мотив не только сохранен, но и усилен, объектом смеха являются уже не только не гадатели, но само сновидение жены Цезаря, Кальпурнии, из-за тревожного содержания которого он, как и у Плутарха, отказывается идти в сенат. Поэтому Деций (чья роль в пьесе аналогична роли Децима Брута у Плутарха) отказывается передавать сенату известие о том, что Цезарь не придет: «...осмеян буду, когда им передам слова». В отличие от Децима у Плутарха, он здесь говорит не о других, он говорит *о себе* – смеяться будут над ним, а он ведь друг Цезаря! В итоге он уговорит Цезаря пойти в сенат, предложив благоприятное, но ложное толкование сновидения Кальпурнии², но прежде убедив с помощью гипотетического смеха сенаторов, для которых вера Цезаря в сны может составлять комический момент.

Если у Плутарха говорится, что достойны смеха прорицатели со своими знамениями, то у Шекспира – что осмеян будет тот, кто принесет известие об отказе Цезаря от встречи с сенатом; различие в деталях есть, но риторические аргументы совпадают: и у Плутарха, и у Шекспира для того, чтобы Цезарь уступил, его оппонент использует смех. Только если у Плутарха Цезарь уступает потому, что другие (прорицатели) оказываются смешными, то у Шекспира потому, что он сам боится показаться смешным. Ориентируясь на текст Плутарха, Шекспир не воспроизвел смех и другие формы невербального поведения буквально, т. е. именно так, как это имело место в биографии. Трансформировав средствами трагедийной поэтики свой первоисточник, он не только сохранил главное, но и сделал его выразительнее, насколько это соответствовало задачам драматургии. Если в биографии показано, как за смехом главного героя скрывается его подлинная позиция, недоступная пониманию других, то в пьесе продемонстрировано, что и за улыбкой может скрываться нечто также недоступное пониманию других. Только показано не авторским текстом, как это имело место в эпической биографии, а репликами персонажей, поскольку текст драмы – это слово персонажей, автор не стремится *изобразить смех* своего героя; в этом Лев Шестов, писавший, что в шекспировском «Юлии Цезаре», в отличие от «Двенадцатой ночи», где так много искреннего, веселого и беспечного смеха, ни одно из действующих лиц не смеет даже на мгновение улыбнуться³, почти прав. «Почти», потому что если искренне смеющегося героя в пьесе нет, это не означает, что нет героя неискреннего. И в этой неискренности, в этой способности передать партнеру ложное толкование ситуации оба автора оказались невероятно чутки к изображению эмоционального состояния своих героев. Психолог, если он специалист, может и должен интерпретировать невербальное поведение индивидуума верно, но люди могут и оши-

¹ Теперик Т.Ф. Невербальный текст и политический контекст в биографии Плутарха «Александр» // ШАГИ / STEPS. 2017. Т. 3. № 4. С. 213.

² Теперик Т.Ф. Поэтика сновидения в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» и античные источники. С. 84.

³ Теперик Т.Ф. Мотив смеха в «Юлии Цезаре» Шекспира и его античные источники. С. 517.

баться, как это произошло в художественной реальности с литературными персонажами Шекспира и Плутарха. Важно отметить, что в обоих случаях авторами был проявлен интерес не только к изображению невербального поведения персонажей, но и к одной и той же его форме. Неизбежные различия в поэтике изображения, вызванные различными жанровыми законами, лишь подчеркивают в данном случае сходство. И у Плутарха, и у Шекспира показано, как тот, кто раньше не боялся смерти, достигнув наивысшего могущества, все-таки чего-то боится, в данном случае – быть воспринятым в контексте смешного. Таким образом, жанровые различия повлияли на различие в деталях изображения невербального поведения, но сам интерес к нему вызван тем обстоятельством, что обоих авторов волнует внутренний мир их героя, состояние его души. А поскольку психология является областью человеческого знания, которая изучает именно душу (от греч. *psyche* – душа), можно с основанием утверждать, что в изображении невербального поведения литературных персонажей и в пьесе Шекспира и биографии Плутарха присутствует психологический аспект.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человеком человека. М., 1982. С. 146–237.
- Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 2017. С. 11–21.
- Карасёв Л.В.* Философия смеха. М.: Изд-во РГГУ, 1996. 222 с.
- Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002. 581 с.
- Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д., 1999. С. 83–112.
- Манн Т.* Новеллы. Смерть в Венеции. Л., 1984. С. 96–143, 114.
- Мартынова Е.М.* Феномен смеха в аномальной коммуникации // Мартынова Е.М. Аберрации невербального общения. М.: Алеф-Пресс, 2015. С. 195–212.
- Морозов В.П.* Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998. 164 с.
- Плутарх.* Брут // Плутарх. Избранные биографии / Пер. с греч. под ред. и с предисл. С.Я. Лурье. Л., 1941. С. 293–319.
- Плутарх.* Цезарь / Пер. К Лампсакова и Г. Стратановского // Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 436–495.
- Теперик Т.Ф.* Поэтика сновидения в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» и античные источники // Литература XX века: Итоги и перспективы изучения. Четвертые Андреевские чтения. М., 2006. С. 80–85.
- Теперик Т.Ф.* Невербальный текст и политический контекст в биографии Плутарха «Александр» // ШАГИ / STEPS. 2017. Т. 3. № 4. С. 213–224.
- Теперик Т.Ф.* Поэтика невербального поведения как предмет филологического исследования (на материале античных авторов) // Stephanos. 2016. № 1(15). С. 91–98.
- Теперик Т.Ф.* Мотив смеха в «Юлии Цезаре» Шекспира и его античные источники // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: Коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 506–517.
- Экман П.* Психология лжи. М., 2016. С. 181–263.
- Шекспир У.* Юлий Цезарь / На англ. и рус. яз.; пер. Н.М. Карамзина, А.А. Фета, М.А. Зенкевича, А. Величанского; сост., предисл. и коммент. А.Н. Горбунова. М., 1998. 301 с.

REFERENCES

- Bodalev A.A. (1982) Human Perception and Understanding of Another Human. Moscow, pp. 146–237.
- Ekman P. (1992) Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage. N.Y.; London. 367 p.
- Karasev L.V. (1996) The Philosophy of Laugh. Moscow. Russian State University for the Humanities Press. 222 p.
- Kreidlin G.E. (2002) Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language. Moscow. 581 p.
- Labunskaya V.A. (1999) Human's Expression: Communication and Interpersonal Cognition. Rostov-na-Donu, pp. 83–112.
- Mann T. (1919) Der Tod in Venedig. Berlin. 145 S.
- Martynova E.M. Phenomenon of Laughter in Abnormal Communication. In: Martynova E.M. Nonverbal Communication Aberrations. Moscow. Alef-Press Publ. 2015, pp. 195–212.
- Morozov V.P. (1998) Art and Science of Communication: Nonverbal Communication. Moscow. 164 p.
- Vygotsky L.S. (2017) Psychology of Art. Moscow, pp. 11–21.
- Plutarch. Brutus. In: Plutarch. Selected Biographies / Transl, ed. and foreword by S. Lurie. Leningrad. 1940, pp. 293–319.
- Plutarch. Cesar / Transl. by K. Lampsakov and G. Stratanovsky. In: Plutarch. Selected Lives: In 2 vols. Vol. 2. Moscow. Pravda Publ. 1990, pp. 436–495.
- Teperik T. Poetics of Dreams in Shakespeare's *Julius Cesar* and Its Ancient Sources. In: The 20th century' Literature: Results and Perspectives of a Study: The 4th Andreev' Hearings. Moscow. 2006, pp. 80–85
- Teperik T. Nonverbal Text and Political Context in Alexander' life by Plutarch. *SHAGI / STEPS*. Vol. 3. No 4. 2017, pp. 213–224.
- Teperik T. Poetics of Nonverbal Behavior as a Matter of Philological Research (on the material of ancient authors). *Stephanos*. 2016. No 1(15), pp. 91–98.
- Teperik T. Motive of Laughter in Shakespeare' Julius Cesar and Its Antic Sources. In: European Literature National Codes in a Context of a Historical Époque: Collected Works. Nizhny Novgorod. N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Press, pp. 506–517.

Сведения об авторах:

Тамара Федоровна Теперик,
доктор филол. наук
доцент
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tamara Teperik,
Doctor of Philology
Assistant Professor
Lomonosov Moscow State University
teperik@mail.ru

Римма Федоровна Теперик,
канд. психол. наук
доцент
МГУ имени М.В. Ломоносова

Rimma Teperik,
PhD
Assistant Professor
Lomonosov Moscow State University
rimmateperik@mail.ru

:

Я. Митрович-Марич (Белград, Республика Сербия)

Графема и пиксель: культура чтения в цифровую эпоху

Аннотация: Прошло два десятилетия с появления первых размышлений Умберто Эко на тему влияния информационных средств на процесс чтения, которые были изложены в его исследовании «От Интернета до Гутенберга». Находящийся перед вами текст — «Графема и пиксель. Культура чтения в цифровую эпоху» — представляет собой попытку дополнить размышления Эко о причинах изменения процесса чтения.

Цель данного исследования — путем полемического диалога поставить перед современным читателем и современным обществом ряд нерешенных вопросов, отталкиваясь от основных положений Эко и полемизируя с ними. Через противопоставление классического, линейного чтения и цифрового чтения как эмпирических категорий, первая из которых имеет свое основание в прошлом и настоящем, а также свои теоретические принципы, в данном исследовании подчеркивается влияние информационных средств на формирование навыков чтения, отношений читатель — текст, вплоть до совершенно преобразившейся культуры чтения как социологического и культурологического феномена, обусловленного новыми технологическими достижениями, появлением новых носителей данных, новых информационных средств.

Таким образом, исходя из изменившейся философии чтения, мы сталкиваемся с новыми проблемами, которые не являются лишь читательскими, текстологическими, но связаны со сферами медиалогии, дистанционного обучения, лингвистических и правовых вопросов, гипертекста — одним словом, это проблемы новой письменности и нового процесса обучения сегодняшнего и будущего читателя.

В исследовании обращается внимание на ответственность академического сообщества, государства и общества перед лицом указанных проблем, частичные решения которых следует искать в образовательном процессе как системном ответе современного общества на проблему формирования личности читателя, читательских компетенций и функциональной, прежде всего информационно-медийной письменности.

Ключевые слова: гипертекст, информационные средства, медиалогия, медийная письменность, информационная письменность, интерактивность, линейное чтение, цифровое чтение, коммуникация, виртуальное сообщество

Grapheme and Pixel: The Culture of Reading in the Digital Age

Abstract: It has been two decades since Umberto Eco's first contemplations on the subject of media influence on the process of reading were poured into his "From Internet to Gutenberg" study. The text that is laid before you – "Grapheme vs Pixel – culture of reading in a digital age" is a communication attempt to Eco's essence, in order to clarify what conditions the newness in the reading process.

The purpose of our study is to challenge the modern reader and community through polemic dialogue, starting with Eco's framework, arguing it. Thwarting the classical, in this context, linear reading and digital reading as experienced categories, out of which the first has its foothold in past and present equally, as well as theoretical structure. This study underlines media influence on forming reading habits, reader-text relations, even the thoroughly altered culture of reading as a sociological and culturological phenomenon conditioned with new technological achievements, new carriers of information, new mediums.

A start from an altered philosophy of reading opens a plethora of problematic questions that are not limited neither to the reading audience, nor text, but rather dive into the departments of methodology, remote studying, linguistics and legalities, hypertext, that is – departments of new literacy and new introduction of literacy to the contemporary and future reader.

The study also points out the accountability of the academic community, the state, and society towards the subjects in question that should be in part resolved through the educational process in the form of a systematic approach of society to shape the reader's personality, reading competence, and functional digital media literacy.

Key words: hypertext, media, mediology, media literacy, digital literacy, interaction, linear reading, digital reading, communication, virtual community

В шестидесятых годах Маршалл Маклюэн написал свою «Галактику Гутенберга», где заявил, что линейный способ мышления, который принесла с собой печать, практически вытеснен глобальным способом восприятия и понимания посредством телевизионных изображений и других видов электронных устройств. Если не сам Маклюэн, то многие его читатели точно показали пальцем на дискотеку «Манхэттен», а затем на печатную книгу со словами: «Это (дискотека) убьет это (книгу)!»

Умберто Эко¹

ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЯ, ИЛИ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Появление Интернета привело к грандиозному цивилизационному сдвигу в распространении информации, сравнимому только с тем, какой в свое время произвел печатный пресс Гутенберга.

Сегодня понятие функциональной письменности практически полностью относится к основам работы на компьютере, знанию компьютерных языков и программ. Вездесущее и доступное подключение к Интернету стало повседневностью современного человека. Между отправителем и получателем сообщения возникает каузальность, взаимодействие, диалог, и получатель не только может ответить отпра-

¹ Лекция «От Интернета до Гутенберга», прочитанная У. Эко в Итальянской Академии прогрессивных исследований (декабрь 1996 г.).

вителю, тем самым реализовав коммуникацию, но может и сам стать отправителем того же самого принятого сообщения... И так до бесконечности.

Современные средства коммуникации меняют наши привычки и рожают новые – как положительные, так и отрицательные. Эти привычки, прежде всего, относятся к чтению как к процессу. От рукописных книг до печатных и наконец электронных, онлайн-публикаций...

Что нас в новых условиях определяет как читателей; насколько меняются и меняются ли вообще теории чтения; что теряет или приобретает наша компетенция чтения; как мы относимся к тексту, который постоянно приглашает нас к новому прочтению; являются ли эти призывы дополнением к основному тексту или отступлением от него; в какой мере меняется концепция библиотек, книжных магазинов, среды в целом под влиянием электронных изданий; сохранится ли в будущем бумажная книга; имеют ли электронные, интернет-источники полноправный статус при цитировании в научных сочинениях и как их использовать; получит ли дистанционное обучение (*long distance learning*), в результате дигитализации и влияния современных информационных средств, перевес над традиционным образованием; насколько информационная эмансипация определяет читателя и его потребности; наконец, насколько новые способы чтения меняют или модифицируют само понятие культуры чтения.

Готовы ли мы, как академическое сообщество, государство и общество, выработать принципы обучения, которые целое поколение, прежде всего школьников, познакомят с характерными особенностями медийной письменности, предоставляя новые компетенции чтения, применимые к процессу как линейного, так и цифрового чтения.

Это лишь некоторые из целого ряда открытых вопросов, которые непосредственно проистекают из новых отношений между текстом и читателем, а также из обусловленности этих отношений техническими достижениями современности.

ТЕОРИИ ЧТЕНИЯ И ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА

Если телевизионный экран можно считать своего рода идеальным окном, через которое можно увидеть весь мир, представленный в виде картин, тогда экран компьютера – это идеальная книга, в которой можно читать о мире, представленном в виде слов и страниц.

Умберто Эко¹

Теоретики феномена чтения в своих исследованиях в основном занимались проблемой отношений между читателем и текстом, находя и иллюстрируя различные подходы и отправные точки. В этой сфере существуют самые разные теории: от риторического подхода, так называемого «речевого чтения», представителями которого являются прежде всего Уэйн Бут (Vein But) и Поль Рикёр (Paul Ricker), до семиотического и структуралистского подхода, среди его многочисленных представителей – Роман Якобсон, Стэнли Фиш (Stanley Fish), Умберто Эко (Umberto Eco); а также феноменологического подхода (коротко говоря, он подразумевает эстетическое восприятие, воображение и формирование значения в сознании читателя), представленного Романом Ингарденом (Roman Ingarden), Вольфгангом Изером (Wolfgang Iser), Жоржем Пуле (Georges Poulet); психоаналитического и субъективного подхода, который апеллирует к личности читателя, формирую-

¹ Лекция «От Интернета до Гутенберга», прочитанная У. Эко в Итальянской Академии прогрессивных исследований (декабрь 1996 г.).

щей чтение и его интерпретацию, о чем говорят положения Ролана Барта (Roland Barthes), Нормана Поланда (Norman Poland) или Дэвида Блича (David Blach); а также историко-социологического подхода, который изучает читательскую публику определенного времени и общества, как это делали такие теоретики, как Жан-Поль Сартр (Jean-Paul Sartre), Ролан Барт (Roland Barthes), Яус (Hans-Robert Jauss) или Лукач (György Lukács); и, наконец, герменевтического подхода, который включает различные принципы – от интерпретационной авторитарности до релятивизма в толковании текста, его представители – снова Уэйн Бут (Vein But), Стэнли Фиш (Stanley Fish), а также Жак Деррида (Jacques Derrida), Поль Рикёр (Paul Ricker), Цветан Тодоров и многие другие.

Не умаляя вклада других теоретиков чтения, а также других теорий, не упомянутых в данной работе, вкратце обратим внимание на исследование Альберто Мангеля (Alberto Manguel) «История чтения»¹. Это всестороннее, исчерпывающее исследование охватывает различные аспекты культурологического изучения читателя в контексте государства, традиции, эпохи, феноменов, обусловленных обществом, культурой соответствующей страны и нации. С другой стороны (что чрезвычайно важно для темы данной работы), начав с Индии и Китая, Греции и Рима, пройдя сквозь Средние века и эпоху Возрождения до современного периода, Мангель заканчивает электронной книгой. Этот канадский писатель и теоретик позволяет по-другому прочесть историю чтения – посредством носителей информации: от глиняных табличек, папируса, пергамента, рукописных и печатных книг до CD и DVD-дисков.

Исходным положением исследования является признание существования генезиса, пути развития чтения, а также того факта, что одним из способов интерпретации истории культуры – и, если хотите, истории цивилизации – является именно способ чтения.

Отталкиваясь от приведенных теорий, в контексте противопоставления линейного и цифрового чтения, очень важно дать определение современному читателю. Изер говорит об имплицитном читателе, Фиш – об информированном читателе; различные теории описывают компетенцию чтения разными способами и основываясь на разных исходных положениях.

Именно проблема компетенции в процессе чтения имеет чрезвычайную важность. Когда пользователь держит в руках книгу и читает страницу за страницей, он в процессе чтения ориентирован на этот единственный и единый текст. Чтение для него является интимным процессом, взаимодействием между читателем и автором. Только в той мере, в какой автор желает сослаться на другие тексты и других авторов в сносках и цитатах, он делится этой информацией с читателем. В этом линейном процессе писатель ведет читателя сквозь текст, направляет его, позволяя ему в процессе чтения самому отреагировать на текст, причем реакция эта обусловлена искусством чтения, опытом, соотношением эмоций и эрудиции, знанием внетекстуального контекста, культурных, общественных и других реалий. Борхес говорит: «В конце, после всего, остаемся только читатель и я, в то время как мое СЛОВО пытается воплотиться в НЕМ, а он пытается воплотиться в СЛОВЕ»².

Цифровое, интерактивное чтение имеет другой характер. Перед читателем более не текст, полностью сформированный, отражающий интерпретации, пережи-

¹ Мангел Алберт. Историја читања. Нови Сад: Светови, 2005.

² Борхес Хосе Луис. Бабилонска књижница. Сабрана дјела II. Загреб, 1985. С. 176

вания, знания в рамках прочитанного (или создание нового по мотивам прочитанного), а текст, который изначально предстает скорее как возможность, модель, а не как литературное произведение, имеющее начало, конец и своего автора.

Современные пользователи интернет-изданий, привыкшие к интернет-информации и воспитанные на ней как читатели, могут и к художественному тексту относиться как к любому другому виду информации. Иными словами, границы между отправителем и получателем информации через Интернет как средство массовой коммуникации более не существует. Отправитель и получатель информации находятся не только в линейном, одностороннем отношении. Получатель имеет возможность ответить, прокомментировать полученную информацию и в таком виде вернуть ее отправителю (при этом получатель также становится отправителем), а может передать ее дальше, другим пользователям, которые становятся реципиентами и потенциальными отправителями.

В этом киберпространстве книги превращаются в аморфную массу, которую читатель формирует в соответствии со своими предпочтениями, изменяя отношения и как бы сам становясь автором.

«Книга должна читаться слева направо (или справа налево, сверху вниз, как это принято в разных культурах), линейным способом. Конечно, можно перескакивать, можно, дойдя до тридцатой страницы, вернуться и проверить что-то на десятой странице, – но все это подразумевает работу, я хочу сказать, физическую работу. Гипертекст, напротив, представляет собой сеть, существующую в разных измерениях, в которой каждая точка или каждый узел потенциально могут быть связаны с любым другим узлом»¹.

Гипертекст, как назвал его Умберто Эко, – это серьезный вызов для читателя. Встает вопрос отступлений в процессе чтения. Открывая новые узлы во время чтения основного текста, читатель получает возможность разъяснить, узнать подробности, которые смогут ему помочь, когда он вернется к основному тексту. Эти узлы, однако, могут стать ловушкой, которая запутает нить чтения, эту тонкую связь, почти личный, интимный диалог между читателем и автором основного текста. Одним щелчком мыши читатель переходит к новому узлу, получая доступ к новым текстам, а те, в свою очередь, содержат все новые и новые узлы, в которые можно заглянуть. Попадая в такую ловушку, вы с каждым щелчком все больше удаляетесь от основного текста и, разумеется, утрачиваете необходимую связь с писателем и его произведением.

¹ Лекция «От Интернета до Гутенберга», прочитанная У. Эко в Итальянской Академии прогрессивных исследований (декабрь 1996 г.).

ОБЩЕСТВО И ОРГАНИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ЭМАНСИПАЦИИ ИНФОРМАТИКИ КАК ВИДА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Если люди понимают Шопена с помощью комментариев и презентаций на компакт-диске, не переживайте из-за того, что никто не покупает историю музыки в пяти томах. Сегодня понятие письменности распространяется на многие информационные средства. Просвещенная политика письменности должна учитывать возможности всех этих информационных средств.

Умберто Эко¹

В отличие от линейного чтения книги, при чтении гипертекст действительно может стать аморфной, безличной массой – и читатель потеряется в джунглях предложенных узлов, предложенной информации.

Учитывая все сказанное, нам представляется чрезвычайно важным понятие медийной письменности, которое, в самом широком смысле, подразумевает отношение индивидуума к продукции информационных средств (театр, кино, телевидение, комиксы, Интернет). Задержимся на том сегменте медийной письменности, который относится к использованию гипертекста, к сфере цифровой письменности.

Особенно важно для будущего чтения и формирования компетенции чтения у нового поколения, и прежде всего у дошкольников и школьников, сориентировать пользователей во всем многообразии мультидисциплинарных материалов и гипертекстов.

Решающая роль в этом принадлежит обществу и высшей школе. Волей-неволей современный читатель с каждым днем все больше обращается к цифровому чтению, и становится крайне опасно оставлять его во власти гипертекста без твердой позиции и рекомендаций по отношению к нему. Самообразование в этой области может привести к серьезным культурным и общественным проблемам и открыть новую главу в пресловутом явлении «кризис чтения».

Выдающееся цивилизационное достижение современных информационных средств, особенно Интернета, состоит в осуществлении многовековой человеческой мечты о свободном распространении идей, знания, информации, о доступности результатов человеческого творчества везде, всегда и для всех, без границ и преград. Наша задача – сориентироваться в этом многообразии. Отсюда потребность в двояком подходе к решению проблем, которые ставит перед нами повседневная современная жизнь.

Прежде всего необходимо овладеть самой техникой, научиться использовать компьютер, языки и программы, которые он предлагает, так же как сначала мы учимся держать ручку в руках, а уже потом писать. На этот вызов наше государство и учреждения ответили, введя в начальной и средней школе предмет по выбору ИНФОРМАТИКА. Таким образом, школьники научились держать ручку и писать буквы.

Встает другой вопрос: что писать, что читать? В контексте нашей темы государство и общество оставили без внимания чрезвычайно важный образовательно-воспитательный компонент отношения пользователя к тем материалам, которые ему предлагаются. Научиться различать буквы и слова не значит научиться читать. Научиться использовать компьютерные программы и уметь находить нуж-

¹ Лекция «От Интернета до Гутенберга», прочитанная У. Эко в Итальянской Академии прогрессивных исследований (декабрь 1996 г.).

ную информацию не означает, что вы будете осознанно и прагматично относиться к этой информации. Поэтому, по нашему мнению, предмет ИНФОРМАТИКА следует заменить предметом МЕДИЙНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ и методически подойти к процессу образования, практически теми же способами, какие в первых классах начальной школы применяются в процессе линейного чтения печатных текстов и их обработки на уроке.

Одним словом, нужно заново учиться читать гипертекст, нужно, опираясь на опыт линейного чтения, из этого опыта взять те элементы, которые можно применить к чтению цифровому. «Новое компьютерное поколение научилось читать с невероятной скоростью (только не книги в классическом смысле, а слова на экране компьютера. – Я. М.-М.). Старомодный университетский преподаватель сегодня не в состоянии читать с экрана компьютера с такой же скоростью, как современный подросток. Те же подростки, если вдруг захотят перепрограммировать свой домашний компьютер, должны знать или выучить логические операции и алгоритмы, должны научиться с высокой скоростью печатать на клавиатуре буквы и цифры»¹.

Перед образовательными учреждениями, государством, обществом сегодня стоит серьезная задача – научить подростков не только КАК, но и ЧТО печатать с высокой скоростью, как относиться к гипертексту, книге поэзии, прозы, научному сочинению, которые больше не напечатаны на бумаге, а являются частью пространства, полного новых возможностей. В этом смысле не только меняются наши читательские привычки, но полностью меняется философия чтения, феномен чтения, а вместе с ним и понятие письменности. Поэтому Умберто Эко под просвещенной политикой письменности подразумевает ту, которая относится к информационным средствам (см. вводную цитату).

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ И ВИРТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА

Все больше говорится о том, что в ближайшем будущем гипертекстуальные CD-диски заменят книги. Наличие гипертекстуальных дисков сделает книги излишними. Даже если учесть, что гипертекст обычно имеет мультимедийную форму, полностью гипертекстуальный диск в ближайшем будущем заменит не только книги, но и видеокассеты и многие другие носители, на которых передается и хранится информация. Является ли различие между визуальной и буквенной информацией, книгой и гипертекстом действительно настолько простым?

Умберто Эко²

К вопросу, который поставил Умберто Эко, мы добавим еще один уровень, связанный с изменением навыков чтения, а также навыков публикации и обсуждения, например, литературного произведения.

Современные информационные средства, прежде всего Интернет, привели к возникновению совершенно нового феномена: писатели, ученые, творческие люди в целом больше не публикуют свои работы в традиционном смысле – нередко они публикуют их исключительно в Интернете. Наряду с литературными произведениями, пользователям доступны научные исследования, цифровые выставки аудио- и видеоматериалов, картин и фотографий, вплоть до виртуальных музейных экспозиций.

¹ Лекция «От Интернета до Гутенберга», прочитанная У. Эко в Итальянской Академии прогрессивных исследований (декабрь 1996 г.).

² Там же.

По отношению к гипертексту читатель получает полную свободу даже в оформлении внешнего вида страницы, с которой он будет читать. Одним щелчком он может обратиться к помощи справочников, словарей, энциклопедий, обзоров, толкований; он может оставить на экране область, в которую будет вводить свои комментарии; может, например, читать «Анну Каренину» и одновременно открыть окно (часть экрана), в котором будет смотреть одноименный фильм; может вставить портрет автора, может разделить экран на несколько частей и читать стихотворение в нескольких переводах... Он может оформить страницу так, как ему хочется. Он может и не читать, а слушать текст. Может его дописывать, менять, относиться к нему как к модели, аморфной массе. Цифровое чтение поддерживает прагматическое отношение к понятию интертекстуальности. Цифровая страница открывает и проблему паратекста.

Однако неизвестно, влияют ли такие вмешательства вообще на процесс чтения. Эко предлагает возможный ответ или собственную философию письма и чтения: «Гипертекст несет в себе идею физически подвижного текста, а такой текст оставляет впечатление абсолютной свободы чтения. Однако это лишь впечатление, видимость свободы. Единственное, что позволяет создавать бесконечно большое количество текстов и существует уже веками, – это алфавит. С помощью небольшого числа букв создаются миллиарды текстов; это происходит от Гомера до наших дней. Текст-стимул, который не предоставляет ни буквы, ни слова, а заданный порядок слов и страниц, не позволяет выдумывать все, что придет в голову. Наша свобода заключается лишь в том, что мы можем с помощью ограниченного количества способов перемещаться между заранее заданными фрагментами текста»¹.

Далее меняется и способ коммуникации в связи с литературным произведением. Традиционные литературные вечера, дебаты, обзоры и презентации книг с выступлениями специалистов, издателей, авторов в присутствии публики – компьютеры во многом меняют эту ситуацию. Сегодня формируются виртуальные сообщества, в которых читатели напрямую обмениваются мнениями, комментариями, рекомендациями... Весь мир может участвовать в этих виртуальных литературных дебатах, каждый имеет возможность вступить в коммуникацию, причем не только с читателями, но и с авторами. В виртуальных сообществах обсуждаются как печатные книги, так и гипертексты.

Стало привычным, когда ученые из разных уголков мира работают над одним проектом в рамках общей виртуальной лаборатории. Возможности безграничны.

С феноменом цифрового чтения связаны и оцифрованные – виртуальные – библиотеки. Они давно стали частью нашей реальности, помощью в обучении и чтении. Нам доступны практически все значительные мировые библиотеки, их издания, рекомендации и, конечно, виртуальные сообщества, члены которых обмениваются своим опытом в связи с определенной библиотекой, темой, общими интересами...

Вопрос библиотек снова поднимает проблему ответственности общества и учреждений перед системой образования. В каком состоянии находятся школьные библиотеки, в которых младшее поколение, как правило, впервые знакомится с библиотечной системой? Готовы ли мы менять обстановку, предоставлять ученикам, наряду с книгами, CD и DVD-диски, а наряду с партами и лампами – компьютерные столы с возможностью подключения к общей библиотечной сети?

¹ Лекция «От Интернета до Гутенберга», прочитанная У. Эко в Итальянской Академии прогрессивных исследований (декабрь 1996 г.).

С классного кабинета и школьной библиотеки начинается процесс фундаментального образования, самостоятельной работы с информацией, цифрового чтения.

Наконец, появление необходимых технико-технологических условий позволило реализовать цель, известную в мире как *long distance learning* – дистанционное обучение. При рассмотрении всех возможностей современных информационных средств становится ясно, что и без официального подтверждения дистанционное обучение на практике существует уже много десятилетий. Сегодня в Сербии можно прослушать лекцию преподавателя из любого уголка мира.

Иллюстрируя замечание о глобальной сети знаний, приведем в качестве положительного примера онлайн-лекцию в формате видеоподключения, которую организовали филологический факультет Белградского университета и университетская библиотека «Светозар Маркович». Из своего кабинета в университете Ковентри профессор Янике Адема (Janneke Adema) прочитала для белградских студентов и библиотекарей лекцию на тему «флюидной книги» в рамках проекта «Liquid publishing project»¹. Профессор Адема познакомила нас с понятием флюидных книг как собирательного наименования для электронных материалов, являющихся носителями информации.

В рамках лекции она сообщила чрезвычайно важные данные об увеличении доли цифрового чтения по отношению к линейному. А именно, среди студентов университета Ковентри 48% читают с экрана, 34% – в зависимости от доступности текста и только 13% выбирают книги в классической форме. Исследование профессора Адема показывает, что студентам проще работать с электронными материалами.

Несмотря на то что мы несколько отстаем от мировых тенденций, и в нашей стране открывается все больше кафедр дистанционного обучения, которые во всем мире уже давно имеют такие же права, как обучение традиционное. Новые жизненные реалии требуют, чтобы мы – как общество – приспособились к ним. Наша задача – подготовить учителей новой письменности, преподавателей виртуальных кафедр, читателей гипертекстов... Новый профиль учителя и ученика, преподавателя и студента.

Ведь от пользователей флюидных книг, от читателей гипертекстов требуется как владение техникой работы с новыми средствами коммуникации, так и выработка собственного отношения к предлагаемым материалам. Надо сказать, что на кафедрах некоторых государственных факультетов и большинства частных институтов существуют предметы и даже направления, связанные с информационными средствами. Проблема нашей системы образования заключается в том, что она готовит тех, кто будет работать в СМИ, но не тех, кто будет учить школьников работе с информационными средствами, цифровому чтению, медийной письменности.

¹ Адема Янике. Флюидне књиге: <http://www.unilib.bg.ac.rs/projekti/predavanjaAdema>

СУДЬБА КНИГИ И КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ, ИЛИ ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Появление новых технологических средств не означает, что все предыдущие средства обязательно станут лишними. Автомобили быстрее велосипедов, однако конструкция велосипеда до сих пор не изменилась. Мысль о том, что новая технология упраздняет прежние технологии, звучит слишком упрощенно.

Умберто Эко¹

В человеческой природе заложено скептическое отношение к новому. Говоря об информационных средствах, мы всегда были склонны, наряду со всеми комплиментами, приписать современным технологическим достижениям и атрибут нового, которое отменяет все старое. Считалось, что радио обесценит прессу; что кино обесценит фотографию; что телевидение сделает лишними и фотографию, и радио, и кино; что Интернет заменит и «закопает» и кино, и телевидение, и радио, и прессу...

В этом отношении между новыми и старыми носителями информации, скорее, имеет место причинно-следственная связь, чем упрощенная оценка, согласно которой новые каналы коммуникации обесценивают прежние. Не только из-за сравнения велосипеда и автомобиля, которое привел Эко, но и вследствие известного нам по опыту взаимопроникновения разных информационных средств, которые изменили наши компетенции чтения, которые повлияли на наш читательский опыт и не меньшее влияние оказали на саму литературу. Понимание и чтение этой литературы обусловили информационные средства: «Появление кинематографии и комиксов, несомненно, освободило литературу от определенных повествовательных задач, которые она традиционно выполняла. Однако если существует то, что называется литературой постмодерна, она существует именно благодаря сильному влиянию комиксов и кино»².

Можно отметить и обратное; именно под сильным влиянием литературы и потребности в ее новом «прочтении», визуальном преображении и адаптации для новых информационных средств появились великие кинематографические и телевизионные экранизации литературных произведений как вид нового чтения, интерпретации, коммуникации. Более того, литературные произведения, даже в виде переплетенной книги, даже до появления первых электронных публикаций, воспринимались создателями новых художественных форм как аморфная масса, как модель, как гипертекст, как возможность не просто «перевода» письменного в визуальное, но создания нового произведения искусства с новыми художественными целями – как в отношении зрителя, так и в отношении читателя.

В результате появления новых информационных средств понятие гипертекста, которое мы использовали в контексте цифрового чтения, обнаружено и в линейном чтении в тех рамках, в которых оно само было вызовом для авторов, работавших с новыми информационными средствами, такими как комиксы, кино, телевидение, Интернет...

Эта каузальность одинаково важна как для создателей текста, так и для его читателей. Можно прийти к заключению, что разные виды информационных средств оказывают друг на друга существенное влияние и что все они сохраняются в будущем, что они не уничтожают, а дополняют друг друга.

¹ Лекция «От Интернета до Гутенберга», прочитанная У. Эко в Итальянской Академии прогрессивных исследований (декабрь 1996 г.).

² Там же.

Информационные средства оказывают решающее влияние на наш читательский опыт, на сам процесс чтения, открывая новые горизонты, формируя новый опыт, делая нас более компетентными. Навыки чтения и философия чтения – как линейного, так и цифрового, как с бумажных страниц, так и со страниц, состоящих из пикселей – существенно изменились под влиянием информационных средств.

Прежде всего посредством системы образования, особого отношения к компьютерным гуманитарным наукам, к медиалогии как дисциплине академическое сообщество должно сделать все возможное, чтобы обучить и направить читателя к новой, давно существующей и значительно изменившейся культуре чтения.

К медийной письменности следует подойти максимально открыто. Ведь наряду с воспитательно-образовательным компонентом, наряду с обучением грамоте встает еще целый ряд нерешенных вопросов – от культурологических, социологических, психологических до правовых, связанных, например, с проблемой авторских прав.

Серьезные вызовы стоят и перед лингвистами в связи с появлением неологизмов в сфере информационных средств, а также целых языков, которые изобретают и используют виртуальные сообщества. Здесь встает проблема цифрового чтения и понимания прочитанного. Поскольку язык виртуальных сообществ не только последовал призыву Чехова в том, чтобы широту мысли выразить минимальным количеством слов, но и целые выражения, фразы, общие места в нем часто заменяются одной графемой или символом. И такой язык надо уметь читать.

Вопрос заключается в том, обедняет ли сжатость общения вследствие использования новых средств коммуникации язык, а тем самым и читателя, или же поиски новой письменности имеют глубинные связи с безграничными творческими возможностями человека.

«Малларме поведал нам, что достаточно сказать “une fleur” (цветок), чтобы вызвать к жизни целую вселенную запахов, форм и мыслей. В поэзии меньше слов часто имеет больше веса. Три строки из Паскаля говорят больше, чем триста страниц длинного и скучного трактата о морали и метафизике. Поиски новой письменности, которая сможет выжить в новых условиях, не должны превратиться в поиски прединформационных компонентов. Враги письменности скрываются в других местах»¹.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Милер Хилис.* Читање које чита. Етика читања // Књижевна реч. Београд, 1997. № 498–499.
- Иглтон Тери.* Побуна читаоца // Књижевна критика. Београд, 1989. № 20.
- Мангел Алберто.* Историја читања. Нови Сад: Светови, 2005.
- Адема Јанике.* Флуидне књиге. <http://www.unilib.bg.ac.rs/projekti/predavanjaAdema>
- Ћаловић Драган.* Увод у теорију медија. Београд: Мегатренд универзитет, 2009.
- Компјутерно искуство и нове информационе средства. <http://www.link.singidunum.ac.rs/osnovnedig.html>
- Зграбљић-Ротар Н.* Медијска писменост, медијски садржаји и медијски утјецаји. <http://www.media.ba/mediacentar/compiled/p754.htm>

¹ Лекција «От Интернета до Гутенберга», прочитанная У. Эко в Итальянской Академии прогрессивных исследований (декабрь 1996 г.).

Зиндовић-Букадиновић Г. Визуелни језик медија. Београд: Институт за педагошка истраживања, 1994.

Зиндовић-Букадиновић Г. Медијска писменост: теорија и пракса // Зборник Института за педагошка истраживања. Београд, 1997. № 29.

Rayner Philip. Media Studies The Essential Introduction. London & New York: Routledge, 2001.

Сведения об авторе:

Јасмина Митровић-Марич,
доктор филологији
Посол Републике Србији
у Краљевству Данска

Yasmina Mitrovich Marich,
Doctor of Philology
Ambassador of the Republic of Serbia
to Kongeriget Danmark

ambassador@city.dk
Svanevaenget 36 DK 2100 Copenhagen

В. Мойсова-Четишевска (Скопје, Македонија)

Македонские Золушки в контексте мировой культуры

Анотация: Одна из самых распространенных повествовательных парадигм и в то же время один из самых ярко выраженных символов женской инициации – превращения девочки-подростка в женщину – можно проанализировать сквозь призму поэтики сюжета о невинно преследуемой героине, в котором этот образ раскрывается через отношения мачехи и падчерицы. Он присутствует во всемирно известных сказках «Золушка», «Спящая красавица» и «Белоснежка и семь гномов». В данной статье исследуются культурологические сходства и различия в образах так называемых македонских Золушек из волшебных сказок, опубликованных в сборниках фольклора Марко Цепенкова и Кузмана Шапкарева.

Ключевые слова: волшебная сказка, женская пубертантная инициация, культурологические сходства / отличия

В. Мойсова-Четишевска (Скопје, Македонија)

Македонските пепелашки низ еден глобален контекст

Апстракт: Еден од најпарадигматичните, а истовремено и најексплицитно изразени симболизми на женската пубертетска иницијација, согледана низ призмата на **поетиката на невинно прогонета хероина**, се открива преку односот **макеа – паштерка**. Тој е препознатлив во светските приказни «Пепелашка», «Заспаната убавица» и «Снежана и седумте џуџиња», а овој труд е насочен кон истражувањата на културолошките сличности и разлики кај т. н. македонски Пепелашки во волшебните приказни (сказните) на Марко Цепенков¹ и Кузман Шапкарев².

Клучни зборови: волшебна приказна (сказна), женска пубертетска иницијација, културолошки сличности / разлики

¹ Цепенков М.К. Македонски народни умотворби. Скопје: Македонска книга, 1972. (Volume three.)

² Шапкарев К. Избрани дела. Скопје: Мисла, 1976. (Volume five.)

Macedonian Cinderellas in the Context of World Cultural

Abstract: One of the most wide-spread narrative paradigms and at the same time one of the most pronounced symbols of female puberty initiation – the turning of a teenage girl into a woman – can be traced through the prism of poetics of the plot about the innocent pursued heroine which is revealed through the relationship of stepmother and stepdaughter. It is present in the world-famous fairy tales such as “Cinderella”, “Sleeping Beauty” and “Snow White and the Seven Dwarfs”. This article investigates culturological similarities and distinctions in the images of so called Macedonian Cinderellas from fairy tales, published in folklore collection by Marko Tsepenkov and Kuzman Shapkarev.

Key words: fairy tale, female pubertal initiation, culturologic similarities / distinctions

ЗА «ПЕПЕЛАШКА» И ЗА СЕКСУАЛНАТА СИМБОЛИКА НА ЧЕВЛИЧЕТО ШТО (НЕ) ПАСУВА

Сказните се развиле од митовите поточно од приказните за животните некаде кон крајот на периодот на дивјаштвото, при постоењето на поразвиената митологија. Со текот на времето сказната сè повеќе ја губи својата митолошка обоеност и низ процесот на трансформацијата ја добива својата специфична структура и уметнички стил. Во овој контекст особено се издвојуваат истражувањата на Владимир Пропп, кој во своето дело «Историски корени на сказната» се обидува да ја согледа и објасни нејзината еволуција. Тој нејзиното потекло го бара во митот, а уште подлабоко во примитивните обреди, а најмногу во **обредот на иницијација**¹. Во тој контекст треба да се истакне дека како **најпримарна иницијација** се согледува **пубертетската**² чиј парадигматичен образец се среќава во волшебните приказни / сказните. Исто така, како особено значајна се издвојува херојската која е предмет на истражување во епските творби, а не помалку е застапена и свадбената иницијација која се открива во специфичните фолклорни остварувања во чинот на самата венчавка, особено во свадбените поворки. Што се однесува до релацијата пубертетска иницијација – сказна / волшебна приказна, Лидија Стојановиќ-Лафазановска вели дека волшебната приказна функционира како еден **лесен дублет** на иницијацииските митови и ритуали. И како што кажува Мирча Елијаде, слушателите на волшебните приказни без да бидат свесни за тоа доживуваат еден вид иницијација, нормално не сосема идентична со обичаите на примитивните народи.

Се чини дека «Пепелашка» е една од сказните што постоеле отсекогаш. Верзии на оваа сказна може да се најдат низ целиот свет³. Трите големи култури (египет-

¹ Една од најархаичните форми во социјалниот живот на првобитниот човек е обредот на иницијација кој воспоставува тесна, неразделна врска со мотивот за претскажување на смртта. Основната придобивка од обредот за иницијантот значи стекнување повисок социјален статус. Се претпоставува дека за време на извршувањето на обредот, иницијантот умира преку т. н. симболична или привремена смрт.

² Целата пубертетска иницијација предвидува одреден број искушенија кои се повеќе или помалку драматични, како: сепарација од мајката / таткото, изолација во шумата под раководство на некој иницијациски учител (водач), забрана на јадење разновидни растенија и месо, вадење заб, обрежување кое честопати е пропратено со субинцизија. Види: Стојановиќ-Лафазановска Л. Homo initiatus. Скопје: Матица македонска, 2001.

³ Види: alicegrey.hubpages.com/hub/The-Origins-of-the-Cinderella-story (преземено на 07.09.2016).

ската, индиската и кинеската) ја вклучуваат во своето усно творештво. Во првиот век од н. е., во Египет, напишана од Херодот (Ἡρόδοτος Hēródotos) и адаптирана од Страбон (Στράβων, Strabōn), приказната е изградена според вистинска личност, а тоа е Родопис од Наукратис, која додека се капела, орел ѝ ја украде **сандалката**, ја однел во Мемфис и ја спуштил во skutot на кралот. Овој пак испратил луѓе да ја бараат сопственичката. Кога таа била пронајдена, кралот ја зел за жена.

На почетокот на 9-от век, Таун Ченг-Шинг (Taun Cheng-Shing), еден од првите фолклористи во светот, книжевно ја обработува во книга. Во оваа ориентална верзија¹, девојчето од огништето се вика Јешен (Yeh-Shen), има лоша маќеа која ја присилува да ги врши сите домашни работи, да носи партали, додека таа сонува за прекрасен фустан за да присуствува на една забава (во оваа верзија нема принц). На помош ќе ѝ дојде една **рипка** (симболот на рибата за Ориентот не е случаен), која ќе ѝ подари прекрасна облека. Јешиен ќе појде на забавата, но на враќање ќе си ја загуби **златната чевличка** која ќе ја најде еден трговец (и тоа богат). Тој веднаш ќе се вљуби во девојката која може да има толку малечко стапало, без притоа да ја познава. Поради силната љубов што ќе ја почувствува кон оваа непозната девојка, одлучува да ја пронајде. И приказната завршува со среќен крај со поента во вечната љубов меѓу трговецот и девојката.

И покрај тоа што Таун Ченг-Шинг не го наведува потеклото на оваа приказна, се верува дека таа потекнува од Ориентот токму поради еден од главните мотиви (мотивот за **девојката со малечко стапало**) што може да се поврзе со обичајот во Кина да им се врзуваат нозете на малите девојчиња, за истите да не растат, токму поради тоа што минијатурност на стапалото се доживува како симбол за убавина, благородност, вклучително и девственост [José María Plaza 2004: 243].

Најстарата европска верзија на «Пепелашка» е шкотската, насловена како «Рашин Коати» (Rashin Coatie)², според името на главниот лик. Девојката од оваа приказна, како и во кинеската верзија, е потпомогната од **теленце** (не од риба), единственото нешто што ѝ останува од починатата мајка, кое, како и рибата, поседува волшебни моќи. Оваа верзија од 1540 година блиска до ориенталната, ги поседува основните заеднички мотиви што ќе ги имаат и подоцнежните верзии на сказната «Пепелашка».

Џанбатисте Басиле³ во својата книга «Пентамерон» ја вклучува верзијата која е најблиска до онаа која ни е позната благодарение на Шарл Перо (Charles Perrault) и на браќата Грим (Grimms). Басиле ја раскажува историјата на Цецола во сказната насловена како «Пепелавата мачка», според името со кое ѝ се обраќаат или како што ја нарекуваат лошите сестри. И покрај блискостите, сега веќе и во насловот а и во содржината, верзијата на Басиле ќе претрпи видни измени кај Перо, затоа што во италијанската сказна самата Цецола (Zezolla) си ја убива маќеата, посоветувана од својата гувернанта. Јасно е дека Перо ќе го исфрли овој момент, затоа што никој не сака да ги стимулира децата вака драстично да си ги решаваат проблемите.

Потоа по Цецола, следува верзијата на Перо (Cendrillon, *Histoires ou contes du temps passé*, 1697), наменета да ги подучува и забавува девојките во аристократските т.е. граѓанските салони. Во оваа верзија на Перо, која е многу попозна-

¹ Види: traditions.cultural-china.com/en/211Traditions8980.html (преземено на 07.09.2016).

² Види: www.sacred-texts.com/neu/celt/sfft/sfft12.htm (преземено на 07.09.2016).

³ Италијанецот Џанбатисте Басиле (Giambattista Basile) во 1636 год. ќе го објави зборникот Пентамерон (Pentamerón), во кој ќе биде вклучена сказната «Сонце, месечина и Талија», мотивски неверојатно слична на подоцнежната видоизменета «Заспана убавица» на Шарл Перо.

та / попопуларна од претходно споменатите, за првпат се воведува **чевличката од кристал**, според некои по грешка. Перовата чевличка потоа кај браќата Грим (Aschenputtel, *Kinder-und Hausmärchen*, 1812), која во духот на романтизмот е поблиска до усната / народната верзија, но и во некои други верзии, ќе стане или **златна**, или **бисерна**, или **црвена**...

Во овој контекст треба да се споменат уште две верзии кои се дел од културите и традициите на американското поточно на африканското тло, а не смее да се заборави и руската народна приказна «Василица Прекрасна». Имено во 1884 година (во книгата *The Algonquin Legends of New England*¹) Арон Шепард (Aaron Shepard) ја запишува и објавува приказната за Малото Лице Со Лузни која ја чул од Микмак Индијанците². Во оваа верзија девојчето со име Малото Лице Со Лузни е малтретирано од своите сестри, зашто само тоа може да го види Скриениот, невидлив воин кој ќе се ожени само со девојката која има доволно чиста душа да може да го види. Кон крајот на минатиот век се појавува и една верзија од Западна Африка, запишана од Оби Оњефулу (Obi Onyefulu: *Chinye: A West African Folk Tale*), која раскажува за девојчето Чиње. Во оваа приказна нема ниту чевличка, ниту принц, но кога макеата ќе го испрати девојчето Чиње да донесе дрва од темната шума, тоа со своето добро срце ќе најде богатство во шумата.

Секако во ова проследување на популарната приказна, како посебна верзија се јавува и онаа од Дизниевият анимиран филм «Пепелашка» («Cinderella») од 1950-тата, која пак веќе во 2015 година оживеа и доби своја играна верзија³.

Сепак, како клучно прашање се истакнува дилемата зошто е избрана токму **чевличката** (без разлика дали станува збор за кристална, златна ...) како предмет на препознавање.

Бруно Бетелхајм нуди една обемна и темелна анализа на «Пепелашка». Тој објаснува дека клучните теми кои се обработуваа во оваа сказна се темите на зависта (меѓу браќата и сестрите), на реализацијата на желбите, триумфот на покорните / скромните и казнувањето на лошите. Но, главниот акцент е ставен токму на зависта и на толку (зло)употребуваниот едиповски комплекс. Според Бетелхајм, Пепелашка потајно го посакува татка си, па затоа и си ја убива мајка си (се разбира ментално, не фактички); мајката, всушност, е заменета со макеата, како некој далечен, но сепак, дел од домот кој ја малтретира и кој треба да биде казнет. Низ соочувањето со макеата, Пепелашка го минува патот на иницијација и созревање за да го достигне моментот кога ќе може да се вљуби во принцот, односно да ја надмине или, можеби, да ја пренасочи својата љубов од таткото кон принцот.

Хозе Марија Пласа, во «Пепелашка и сексуалната симболика на кристалното чевличче», надоврзувајќи се на коментарите на Бетелхајм дообјаснува дека во «Пепелашка» се согледува една патека на созревање, на соочување / контролирање на поривите, напуштање на огништето / домот и откривање на големиот свет, што нуди нови можности претставени преку ликот на принцот. А централниот дел на сказната, губењето на чевличката и потрага по нејзината сопственичка, според Пласа, има јасна сексуална алузија⁴.

¹ Види: publicdomainreview.org/collections/the-algonquin-legends-of-new-england-1884/ (преземено на 07.09.2016).

² Оваа приказна е поместена и во книгата «Legends of the Micmacs» (1894). Види: archive.org/details/cihm_12305 (преземено на 07.09.2016).

³ Види: www.refinery29.com/cinderella-origins (преземено на 07.09.2016).

⁴ Чевличката ја претставува вагината, а ногата – пенисот. Принцот ќе ја земе онаа чија нога влегува / пасува совршено на чевличката. И кога заклучува дека ногата на Пепелашка е онаа која одго-

ЗА МАКЕДОНСКИТЕ «ПЕПЕЛАШКИ» И ЗА ПОЕТИКАТА НА НЕВИНО ПРОГОНЕТАТА ХЕРОИНА

Во «Пепелашка», како и во: «Црвенкапа» и «Заспаната убавица», но и во «Снежана и седумте цуциња»¹ се препознава една т. н. **поетика на невино прогонета хероина** која пред сè се наоѓа во најнепосредна релација со женската иницијација. Имено, невиното прогонство на хероината претставува пат кон нејзиното успешно созревање, кој, пак, е неопходно да се измине како предуслов за да биде успешно реализиран преодот од детство во зрело женско доба кај девојчињата.

Еден од најпарадигматичните, а истовремено и најексплицитно изразени симболизми на женската пубертетска иницијација, согледана преку оваа поетика се открива преку односот **макеа – паштерка**² кој е препознатлив и во веќе споменатите светски приказни и особено во варијантите на «Пепелашка». Но, интересно е што вакви примери наоѓаме и во приказните на Марко Цепенков и Кузман Шапкарев.

Се работи за приказната «Девојчето и дванаесетте месеци»³ чија содржина може да се подели на два дела: во првиот дел е прикажана хероината и нејзиното прогонство од родителскиот дом, искушенијата и проверките низ кои минува, додека вториот дел го прикажува безуспешното повторување на истите дејства од страна на лошата полусестра. Имено, **макеата**⁴ решава да ѝ нанесе зло на паштерката на тој начин што ја испраќа да оди по вода на една чешма каде се собираат самовилите доцна во ноќта, со надеж дека нема да се врати жива дома. На опозицијата меѓу макеата и паштерката може да се гледа како на важен елемент на сказната зашто, од една страна, со неа се изразува универзалната етичка и естетска димензија претставена преку спротивставеноста на злото и доброто, а од друга, се мотивира напуштањето на домот од страна на хероината при што оваа македонска приказна се чита и како типичен пример каде напуштањето/заминувањето на / од домот е мотивирано заради злобата и завидливоста на противникот. Главното искушение за Марта е во вечното и крајно неблагоприятно прашање **«Кој од дванаесетте месеци е најубав?»**, кое таа мудро го одговара: «Ов, мори златна бабо... ами сите месеци сè во годината од убави поубави, немаат ниеден лош месец» [Цепенков 1972: 145].

вара на неговиот објект на желба, ја погледнува во очите и открива дека таа е жената на неговиот живот (*Plaza José María. Tres siglos de Perrault // El Mundo Magazine. 2004. 23 maggio. P. 243*).

¹ Јадранка Влатова во својата книга «Литература за деца» ја посочува токму «Снежана и седумте цуциња» како приказна, како среќен избор со која треба да се започне чинот на читањето кај детето. Види: «Со што треба да се почне на почетокот од читањето» (Литература за деца. Скопје: Ѓурѓа, 2001. С. 34–46).

² Види го дипломскиот труд на Ивана Рилкова «Иницијациското сценарио во македонските народни сказни (женската иницијација во сказните од типот невино прогонета хероина)», одбранет на Катедрата за македонска книжевност и јужнословенски книжевности на Филолошкиот факултет «Блаже Конески» на 13 октомври 2010 година.

³ Во 2017-та година се случи и книгата-сликовница «Бајки од Македонија» (Скопје: Арс ламина – публикации, Либи, 2017) во која се застапени четири македонски волшебни приказни кои претставуваат дел од усна традиција на Македонците меѓу кои и «Девојчето и дванаесетте месеци». Сите приказни се адаптирани од Билјана Црвенковска, а илустрациите ги направи Катерина Николовска. Види: blog.literatura.mk/2016/05/17/bajki-od-makedonija/ (преземено на 13.01.2018).

⁴ Владимир Пропп во своето дело «Историските корени на волшебната приказна» истакнува дека во волшебната приказна се појавува макеата и нејзината историска улога за да го преземе на себе непријателството кое за време на одржувањето на обредите на иницијација му припаѓало на таткото, кој се јавува во функција на иницијациски водач на својот син (според [Пропп 1990: 133]).

По ова следува награда со која на секое нејзино прозборување алтан да ѝ паѓа од устата и, секако, непречено враќање дома. Макеата поттикната од зависта дека паштерката не само што се враќа дома, туку се враќа и богато наградена, ја испраќа својата вистинска / родена ќерка со надеж дека и таа ќе се офајди. Но, нејзиниот несоодветен одговор ја казнува со змијчиња да вади од устата со што од аспект на иницијацијата треба да се земе предвид дека лошата сестра не е способна да го мине патот на своето созревање. Во врска со оваа волшебна приказна треба да се потенцира дека станува збор за рана фаза од пубертетската транзиција. Фактот дека хероината по нејзиното враќање во домот не наидува на брачен другар, сведочи за тоа дека во оваа приказна станува збор за созревање на мало девојче, кога девојката е во процес на прилагодување на новите социјални улоги и одговорности. Карактеристично за оваа приказна покрај опишувањето на успешната иницијација која ја преживува хероината е и тоа што во неа е многу значајно претставен односот: **успешна (вистинска) – неуспешна (квази-иницијација)**. Приказната го презентира карикираниот опис на неправилната социјализација, за да го охрабри и поттикне детето да го следи правилниот модел. Освен тоа, преку ваквата дихотомизирана карактеризација на двата потхода приказната нуди поларизиран поглед на свет кадешто злото е казнето, а доброто наградено.

Во оваа приказна експлицитно се укажува дека станува збор за помало девојче кое копнее по емоционално усогласување и одобрување од страна на родителската фигура (мајката), за разлика од оние приказни за Снежана, Пепелашка, или за заспаната убавица, позната и како Трнорушка каде се среќаваме со иницијација која се врзува со подоцнежниот развој на пубертетот и затоа хероината е во потрага по брачниот другар.

Варијанта на приказната за Пепелашка наоѓаме и во петта книга од собраните фолклорни материјали на Шапкарев под наслов «Мара Пепелашка се чинит царица». Во оваа приказна мајка ѝ на Мара се претворила во крава, затоа што Мара предејќи заедно со другарките, не успела да ја исполни должноста (поставена од мајка ѝ) – да испреде еден тагар кадели во рок од еден ден. Во меѓувреме татко ѝ се преженува со друга жена и макеата на Мара ѝ наложува да ја заколе кравата и да јадат од тоа месо. Бидејќи тоа не е вистинска крава, туку претворената мајка на Мара, таа ги собира секојдневно коските од јадењето и ги чува кај огништето:

«Кога раставјала софрата, таја коските од месото не и фрлала на п'т да и јадет кучињата, а и собирала, та и запретфела во пепелта. Секога Мара така чинела и од жал за мајка си, нигде не излегувала од дома, а сфре крај огниште си седеља, како во пепелта да била и таја запретана, та зато'а м'шча'ата је ја прекаревала Мала Пепелашка» [Шапкарев 1976: 53].

Овде се среќаваме и со симболиката на предењето, кое претставува еден од реликtnите облици на женската пубертетска иницијација. Предењето ја претставува парадигмата на женската продуктивност. Исполнувањето на сите женски активности во женските приказни претставуваат метафора на женското созревање.

Во посоченава приказна хероината е претставена како мрзливо девојче и затоа ѝ е даден прекарот – **пепелашка**, а згора на сѐ и е казнета со претворањето на мајка ѝ во крава. Понатамошниот тек на приказната, всушност е ненадеен пресврт во моментот кога коските ќе се активираат во волшебен предмет со што индиректно мајката стекнува статус на чудесен помошник. Во трите сцени на свадбата во кралскиот простор, Пепелашка се јавува со целосно квалитативно променет идентитет. Ваквата физичка промена може да се протолкува како премин од грдо кон

убаво, како процес на созревање на девојката, но и како антиципација на промената на идниот социјален статус. Но, ваквата ненадејна трансформација на ликот е обременета од опасноста да не се надмине лиминалното време, со што повторно би се вратила во првобитната форма на паштерка. Интересно е што ликот е целосно свесен за ваквата опасност. Затоа Пепелашка настојува навреме да се врати дома. Во една таква трка со времето, таа прави несвојствена „грешка“, со тоа што го губи едниот **чевел**. Тој е знак на препознавање и поврзување на хероината со идниот сопруг (царот): «Тога царот си ја зел за царица и таа си изваила запретаните во кланикот уба'и рутишта и си се променала во вистинска царица. Ете така Мара пепелашка се сторила царица» [Шапкарев 1976: 55].

Исто така, интересно е што во оваа приказна на Шапкарев, Мара Пепелашка нема ни родени сестри, ниту полусестри. Најзначаен тука е воведниот дел, во кој мајка ѝ се претвора во **крава**, чии коски таа ревнотно ги чува по извршениот «обреден канибализам» од страна на таткото и макеата. Чувањето на коските од мајка ѝ како и тридневното успешно криење од татко ѝ кога таа е преубава девојка, може да се сфати како одредено искушение т.е. испит. Оваа приказна најевидентно ни укажува за т.н. женска пубертетска иницијација која на крај резултира со свадба, при што најочигледно е прикажан нејзиниот обреднопреоден карактер – **Пепелашка станува царица**. Мажачката со царот е оној конечен исход и цел на една успешно спроведена пубертетска иницијација.

Со ова се покажува колку наведените приказни се универзални. На овие простори тие имаат и локални уметнички вредности, кои се контаминирале кон универзалните (во македонската варијанта Пепелашка оди на оро, а не на бал). Всушност и македонската приказна, во својата структура ги чува круцијалните елементи од овој најважен преоден обред: *таинствената шума, големата кука, чудесниот помошник и женидбата*.

ЗА СКАЗНАТА ЗА СВЕЗДЕНИТЕ ПЕРНИЧИЌА ИНСПИРИРАНА ОД МАКЕДОНСКАТА «ПЕПЕЛАШКА»

Имено, книга «Џица» на Славка Манева е еден своевиден **зборник во мало**, составен од дваесет и неколку раскази, односно од **осовременети и модернизирани сказни**, смислувани и раскажувани за единствениот слушател, за персонифицираната џамлија Џица. Џамлијата Џица «се тркала» од сказна во сказна, искажувајќи ги притоа своите сожалувања, восхитувања или незадоволства од јунаците во приказните. Во тој контекст таа е вистинска «играчка» каква одамна родителите не им подарали на своите деца.

Имено, фолклорот за деца е со долга и богата традиција и како посебност не се одбегнува во класификациите ни кај големиот (јужно)словенски и балкански собирач В. Караџиќ, но ни кај македонските собирачи К. Миладинов, К. Шапкарев, М. Цепенков. Во Зборникот на браќата Миладиновци тој фолклор поточно тие **кратки песнички-енигми** се наречени *играчки*, или кај Шапкарев *залагалки* или *скоропоговорки* или пак кај Цепенков кој ваквите творби ги поместува во описот на детските игри. Самиот збор *играчки* постои и денес, вели Јадранка Вladoва, но ние ова име «го користиме за да означиме предмети од различни материјали, предмети кои се направени рачно (па, затоа, содржат повеќе љубов), или, пак, се направени “машински” во фабриките (најчесто од метал, од гума и од пластика) за да им го разубават детството на децата, за да си играат со нив и поубаво да влегуваат во светот на возрасните» [Вladoва 2001: 50]. Играчките и во најсиромашната

и во најбогатата кука се еднакво важно богатство за детството. Така, слободно можеме да заклучиме дека детството на големите македонски преродбеници на 19-от век е исполнето со овие најсуптилни и најфантастични играчки создадени со помош на човечкиот дух и духовитост, создадени само од зборови. Во **детските говорни игри** смислата најчесто станува жртва на ритмот и на асоцијациите според звучењето. Тие се во добар дел матни и знаат «да прозвучат сосем “нелогично”, но со тоа не се губи нивната убавина кој се остварува со помош на асонанците, алитерациите и римите. Целта на овие форми», заклучува Влагова, «е **играта сама за себе**» ([Влагова 2001: 51]; означеното е мое. – В.М.-Ч.).

До некаде оваа логика е провокативна и за авторката Манева. Затоа таа се докажува како извонреден соговорник и соучесник во игрите, во фантазиите и, се разбира, во нивните наивности и непослушности спрема возрасните. Во «Готварски(те) сказни», Манева на еден чудесен начин станува блиска со децата, поточно со девојчињата. Низ еден навидум наивен, нон шалантен, неодговорен (раз)говор, авторката ги нанижува сказните, приказните, како придружни и необврзни четива, како згоди и незгоди од животот и од лектиратата. Тие се раскажани попатно, зашто во центарот на вниманието е некој вкусен рецепт. «Многу нешто од односот писател читател овде престанува да важи, а книгата, во која е прилично искористена кулинарската терминологија, е вешто компонирана и во неа се меѓусебно проникнати, од една страна, збирката сказни, поврзани, како што рековме, со настанувачката реалност и, од друга страна, малиот готварски прирачник за девојчиња, составен од рецепти, како што се гледа од целините на книгата, за *паштети*, за *салати* и за *колачиња*», вели Науме Радически во поговорот кон оваа книга.

На «Готварски(те) сказни» во оваа смисла им се мошне сродни «Свездени(те) перничиња» за која авторката во 1996 година ја доби наградата на ДПМ «Ванчо Николески» за најдобра книга за деца. И тоа е она што нас нè интересира. Во овој случај имаме, исто така, хармонично проникнување на два наративни тека, меѓусебно различни, но обединети по системот на меѓусебно надополнување. Збирката сказни сега е проследена со покуси авторски кажувања за месеците, за нивните карактеристики и, особено, за нивните народни имиња. Во /со овие кажувања, всушност, авторката е во еден **континуиран разговор со своите читатели**. Таа им вели на своите мали, но за неа многу битни, соговорници: «Во мојата книга вам, драги деца, **секој месец ќе ви подари по една сказна, а тринаесетта ви е подарок од мене**. Сепак отпрвин јас ќе ви раскажам по нешто за нив, за да ги запознаете и засакате. При запознавањето се кажува прво името, но овде тоа е неможно, бидејќи секој месец има по неколку имиња. Едното им е според календарот, а другите им ги дал народот, според своите особини». Но, оваа книга има и уште една, наративна, воведна рамка. Манева имено сака да ги потсети, и тоа не само децата, туку и возразните, и особено учителите, на **подзаборавената сказна за девојчето и дванесетте месеци**, запишана од страна на Марко Цепенков, во која главното искушение за девојчето Марта лежи во вечното и крајно неблагодарно прашање «Кој од дванесетте месеци е најубав?», сказна која е и предмет на интерес и на овој текст. Затоа и авторката ги упатува своите мали читатели кон нови дванесет сказни кои следуваат по приказните за секој месец одделно. А потоа, откако ќе протечат **кажувањата за сите дванесет месеци**, како и **дванесетте сказни што следат по секое од нив**, авторката има уште едно, сега завршно обраќање до своите читатели. Тоа е, всушност, на некој начин, продолжение на воведното обраќање. Така она, што им го «ветува» на почетокот, на крајот и го

остварува и на своите слатки читатели им подарува уште една, тринаесетта сказна, а тоа е «Сказната за свездените пернициња».

Сепак, со едно сите можеме да се сложиме. А тоа е дека сказната, и усната / народната и авторизираната, но и авторската најверојатно е **најважниот вид во литературата за деца**. Ако се тргне од фактот дека должината на временскиот период во кој децата покажуваат интерес за неа е доволно долг и интензивен, како и од фактот дека степенот / интензитетот на тој интерес е исклучително голем, тогаш со неа не може да се споредува ниеден друг литературен вид. А «Пепелашка» особено, како една од сказните што постоеле отсекогаш.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Анастасова-Шкрињариќ Н.* «Биографија» на една книга – «Морфологија на сказната» на Владимир Проп // Проп Вл. Морфологија на сказната. Скопје: Македонска реч, 2009. С. 5–20.
- Браќата Грим.* Пепелашка. Скопје: Детска радост, 1993.
- Владова Ј.* Литература за деца. Скопје: Ѓурѓа, 2001.
- Денкова Ј.* Книжевност за деца. Штип: Универзитет «Гоце Делчев», 2011.
- Drndarski M.* Voved, Narodna bajka u modernoj književnosti. Beograd: Nolit, 1978.
- Друговац М.* Македонска книжевност за деца и младина. Скопје: Детска радост, 1996.
- Елијаде М.* Аспекти на митот. Скопје: Култура, 1992.
- Ивановска Г.* Зад превезот на сказните // Мираж. Скопје, 2006. 15 јули.
- Кајоа Р.* Од бајките до научната фантастика // Разгледи. Скопје, 1972. Бр. 7.
- Манева С.* Свездени пернициња. Скопје: Детска радост, 2005.
- Plaza J.M.* En un lugar de la memoria-antologia de la novela española. Espasa-Calpe, S.A., 2001.
- Прокопиев А.* Патувањата на сказната. Скопје: Магор, 1997.
- Проп Вл.* Морфологија на сказната. Скопје: Македонска реч, 2009.
- Проп Вл.* Проблеми комике и смеха. Нови Сад, 1984.
- Prop V.* Historiski korjeni bajke. Sarajevo: Svjetlost, 1990.
- Стојановиќ-Лафазановска Л.* Номо initiatus. Скопје: Матица македонска, 2001.
- Стојковска Г.* Речник на јужнословенска митологија. Скопје: Издавачки центар Три, 2004.
- Тодоров Ц.* Увод у фантастичну књижевност. Београд: Рад, 1987.
- Cashdon Sh.* The Witch Must Die-How Fairy Tales Shape Our Lives, Basic Books. N.Y., 1999.
- Цепенков М.К.* Македонски народни умотворби. Книга трета. Скопје: Македонска книга, 1972.
- Шапкарев К.* Избрани дела. Книга петта. Скопје: Мисла, 1976.
- Шваб Г.* Најубавите митови. Скопје: Просветно дело, 1999.

ИНТЕРНЕТ ИЗВОРИ

alicegrey.hubpages.com/hub/The-Origins-of-the-Cinderella-story
traditions.cultural-china.com/en/211Traditions8980.html
www.sacred-texts.com/neu/celt/sfft/sfft12.htm
publicdomainreview.org/collections/the-algonquin-legends-of-new-england-1884/archive.org/details/cihm_12305
www.refinery29.com/cinderella-origins

Информации за авторот:

Весна Мојсова-Чепишевска,
Доктор по филологија
професор
Универзитет Св. Кирил и Методиј
Филолошки факултет «Блаже Конески»

Vesna Mojsova Chepishevska,
Doctor of Philology
Professor
University St. Cyril and Methodius
Faculty of Philology “Blaze Koneski”
vesnamojsova@hotmail.com

А.В. Сергеев (Москва, Россия)

Жанр романа в творчестве Х. Понтоппидана

Аннотация: Статья посвящена жанру социально-психологического и философского романа в творчестве Х. Понтоппидана на рубеже XIX–XX в. В ней констатируется близость его эстетической программы идейным установкам культурного движения «Современный прорыв», раскрывается полемика с идеями грундтвигианства в романе «Обетованная земля» (1891–1895) в духе антиклерикальных воззрений Г. Брандеса, рассматривается вопрос о поиске смысла человеческого существования в романе «Счастливчик Пер» (1898–1904), обнаруживающем сходство с идейными исканиями Х. Ибсена.

Ключевые слова: жанр, эстетическая программа, антиклерикальные воззрения, идейные искания

A. V. Sergeev (Moscow, Russia)

The Genre of a Novel in the Work of H. Pontoppidan

Abstract: This article discusses H. Pontoppidan's social-psychological and philosophical novel at the turn of the 20th century. It is argued that Pontoppidan's aesthetics were similar to the beliefs of the Modern Breakthrough adherents, he shared Georg Brandes' anticlerical views and debated grundtvigianisme in The Promised Land (1891–1895), his Lucky Per (1898–1904), like H. Ibsen's Peer Gynt, exposed his searches for the essence of human existence.

Key words: genre, esthetic program, anticlerical views, artistic explorations

С именем Хенрика Понтоппидана (1857–1943) связаны вершинные достижения в жанре социально-психологического и философского романа в литературе Дании. Первые рассказы Понтоппидана увидели свет в середине 1880-е гг., и он не принимал непосредственного участия в культурном движении Г. Брандеса «Современный прорыв», возникшем в начале 1870-х гг. и ставившем своей целью создание верного жизни проблемного искусства. Однако именно Понтоппидан сумел сохранить и преумножить то лучшее, что было у его предшественников. «Как никто другой среди датских писателей, Понтоппидан глубоко вдохнул свежий воздух, ворвавшийся сквозь распахнутые Г. Брандесом окна, и никто так, как

он, не ответил на требование ставить проблемы на обсуждение»¹. Но это не значит, что писатель ограничивал себя только постановкой социальных проблем. Подобно Ибсену, Понтоппидан задал тон дискуссии о смысле человеческого бытия. Эта проблема лежит в основе самого крупного романа Понтоппидана «Счастливчик Пер» (1898–1904), принадлежащего вместе с романами «Обетованная земля» (1891–1895) и «Царство мертвых» (1912–1916) к лучшим произведениям датской литературы конца XIX – начала XX в.

Понтоппидан родился 24 июля 1857 г. в Ютландии. История рода Понтоппиданов, священников из Фредерисии, своими корнями уходит в начало XVII в., когда один из далеких предков писателя, Эрик Бробю, по обычаю того времени перевел свою фамилию на латинский язык. Об этом Понтоппидан поведал читателям в автобиографии «На пути к самому себе» (1943), составленной из четырех томов воспоминаний, написанных в период 1930–1940-х гг. («Годы детства», 1933; «Зрелость», 1936; «Наследство и долг», 1938; «Семейная жизнь», 1940). Понтоппидан приводит в автобиографии такой курьезный факт: в Германии его произведения без ведома писателя и к его глубокому неудовольствию впервые были опубликованы под фамилией Топпидан с частицей фон, что указывало на его якобы дворянское происхождение.

Понтоппидан рос и воспитывался в семье священника, но, по его собственному признанию, был начисто лишен религиозного чувства. В отличие от своих многочисленных предков-церковнослужителей, он еще в отрочестве решил стать инженером и после окончания реального училища в городе Раннерс поступил в Копенгагенский Политехнический институт. Однако незадолго до его окончания он изменил свои планы и, не получив институтского диплома, уехал в Северную Ютландию, чтобы попробовать себя в качестве преподавателя Высшей народной школы. В 1881 г. Понтоппидан женился на дочери местного крестьянина и оказался в гуще крестьянской жизни. К этому времени относятся первые литературные опыты писателя, в которых центральное место занимает крестьянская тема. Потрясенный нищетой и страданиями крестьян он пишет исполненные обличительного пафоса рассказы, изданные в двух сборниках: «Картины сельской жизни» (1883) и «В хижинах» (1887). Острая социальная критика пронизывает и другие произведения Понтоппидана тех лет, в частности, большой рассказ «Церковная шхуна», вошедший в сборник «Подрезанные крылья» (1881), повести «Приход Сандинге» (1883), «Полярный медведь» (1887), сборник рассказов «Тучи» (1890).

Об эстетических взглядах Понтоппидана написаны десятки книг и статей, но лучше всего о них судить по его собственным высказываниям, вложенным в уста главного героя романа «Ночная стража» (1894). В нем писатель воссоздает атмосферу острых дискуссий, развернувшихся в период идейного кризиса «Современного прорыва». Йорген Халлагер, возглавляющий движение молодых радикально настроенных художников, осуждает датских неоромантиков и символистов за измену актуальным вопросам современности. В своих выпадах против адептов «бесполезной красоты и заоблачных фантазий» он почти дословно повторяет слова Г. Брандеса о том, что современный художник «призван участвовать в борьбе за свободу человеческого духа». Представитель нового поколения датских художников восхищается творчеством своих предшественников, создававших, по его словам, «передовое социальное искусство» и сознательно «использовавших его для агитации в борьбе за построение справедливого общества».

¹ Thomsen K. Hold galden flydende. Aarhus, 1957. S. 137

Свою брандесианскую по духу эстетическую программу Понтоппидан воплощает в крестьянских рассказах и постепенно становится ведущим крестьянским писателем, показывающим истинное положение дел в датской деревне: социальное расслоение крестьянства, бедность и бесправие бедняков, ужасающие условия их жизни. Высокую оценку крестьянским рассказам Понтоппидана дает Г. Брандес. Писательский дар Понтоппидана представляется ему «здоровым и мощным как чернозем»¹. Глубокое внутреннее родство с Понтоппиданом испытывает М. Андерсен-Нексе. В предисловии к роману «Пелле-Завоеватель» (1906–1910) Нексе назовет Понтоппидана своим учителем.

Почти все рассказы Понтоппидана, представленные в сборниках «Картины сельской жизни» и «В хижинах», отличаются ярко выраженной тенденциозностью и, как у многих других скандинавских писателей конца века, отмечены печатью натурализма. Персонажи Понтоппидана в большинстве своем несчастные, обездоленные, опустившиеся на дно жизни люди. Об их отчаянной борьбе за существование рассказывается сдержанно, почти бесстрастно, лишь изредка в интонации рассказчика слышатся нотки сарказма или гнева. В «Хлебе из милости» одинокую больную старуху насильно увозят в дом призрения. Он похож на тюрьму, и в народе о нем идет худая молва. Старуху связывают, бросают на повозку, и на вопрос недоумевающего священника о том, что здесь происходит, крестьяне равнодушно отвечают: «Да это Стине Бедкерс отправили в “ящик”». В рассказе «Ане Мете» вдова рыбака приходит на кладбище, чтобы перезахоронить прах своего ребенка. Девочка скончалась от воспаления легких в тот момент, когда ее отца с приступом белой горячки принесли из трактира четверо его друзей. И вот спустя двадцать лет могила дочери исчезла. Это место на кладбище продано богатым людям. В рассказе «Калека» смертельная болезнь жены разлучает двух молодых любящих друг друга людей. Иронически звучат вложенные в уста священника слова о «незнающей пределов милости Господней». В рассказе «Великий день» жена выгоняет из дома мужа-алкоголика, после чего он кончает с собой. «Великим» этот день становится для их малолетнего сына. Он горд тем, что оказался в центре всеобщего внимания. Герой рассказа «Путешественник», от лица которого ведется повествование, случайно забрел в крестьянское селение и в одной из покосившихся глиняных хижин под грудой ветхого тряпья обнаружил немощную старуху. В руках у нее палка, которой по ночам она отбивается от полчища крыс. Власти обещали отправить ее в больницу, ожидая, что, скорее всего, она умрет по дороге... Рассказчик покидает селенье, горестно повторяя про себя: «Век гуманности – свободы – прогресса!»

В рассказах сборника «Тучи» Понтоппидан затрагивает проблему общественно-политической жизни страны. Он изображает парламентских лидеров, предающих интересы своих избирателей, с горечью пишет и о пассивности крестьян, отказавшихся от борьбы за свои права. При этом он проявляет большой интерес к внутреннему миру отдельного человека, к тому, как в его сознании преломляются общественно-политические проблемы своего времени. Одна из таких проблем – отношение к религиозно-почвенническому грундтвигианскому движению, возникшему в Дании в начале XIX в. и вскоре превратившемуся в общественную силу национального значения.

По мысли основателя движения, писателя, философа, религиозного и общественного деятеля Н.Ф.С. Грундтвига (1783–1872), датская культура представляла

¹ Brandes G. Henrik Pontoppidan // Brandes G. Samlede skrifter. Bd. 3. København, 1919. S. 315.

собой культуру высших слоев общества и не находила опоры в народной среде. Простым людям не хватало образования, чтобы принимать участие в общественно-культурной жизни. Эту проблему, по мысли Грундтвига, была призвана решить основанная им Высшая народная школа, открывшая свои двери для взрослого населения Дании. Всеобщее народное образование на основе христианского вероучения и с сохранением национальных традиций дохристианского прошлого должно было дать мощный подъем национального культурного строительства.

К 1870-м гг. грундтвигианское движение охватило подавляющую часть сельского населения страны и нашло сторонников среди городских жителей, сохранявших интерес к народной культуре. Ориентированное на традиционные ценности и национальную культурную традицию, оно было направлено против свободомыслящего, либерально-демократического движения Г. Брандеса. В нем оно видело угрозу возрождению «национального христианского духа» и всеми способами пыталось дискредитировать «безбожное и вольнодумное» брандесианство.

Казалось, Понтоппидан как защитник крестьянских интересов должен был находиться на стороне противников Г. Брандеса. И хотя Понтоппидан и заявлял, что «никогда не состоял в дружине святого Георга», тем не менее именно он оказался наиболее верным его сторонником. Как писал Э. Бредсдорф, «воинствующий радикал и тенденциозный писатель, исполненный гнева против социальной несправедливости, отстаивавший идею политической свободы и выступавший против романтического мировоззрения, религии и церкви, Понтоппидан выражал в своем творчестве идеологическую позицию Г. Брандеса»¹.

В написанных вслед за крестьянскими рассказами повестях «Приход Сандинге» и «Полярный медведь», Понтоппидан едко иронизирует над грундтвигианской идиллией народной жизни, не имеющей ничего общего с реальной действительностью. В «Приходе Сандинге» богатая копенгагенская дама произносит восторженные речи о своей любви к простым людям и прогоняет находящуюся у нее в услужении крестьянскую девушку, соблазненную ее сыном. В «Полярном медведе» священник после долгих лет пребывания в Гренландии возвращается домой и получает приход. Но вскоре становится жертвой церковных интриг и вынужден вновь уехать на Север. Разоблачению ложных, далеких от жизни представлений посвящены и другие повести Понтоппидана 1890-х гг.: «Воспоминания» (1893), «Древний Адам» (1894), «Песня песней» (1894), линия от которых ведет к первому крупному произведению писателя – романной трилогии «Обетованная земля» (романы «Чернозем», «Обетованная земля», «Судный день», 1891–1895), в которой вопросы религиозной веры решаются в духе антиклерикальных воззрений Г. Брандеса.

В центре трилогии судьба молодого священника Эммануэля Ханстеда, видящего свое призвание в пробуждении сознания крестьян и приобщении их к духовной культуре. Но его стремление опроститься, поселившись среди крестьян и женившись на крестьянской девушке, равно как и его мечты о своей культурно-просветительской миссии, приводят лишь к тому, что он разочаровывается в людях, теряет уверенность в себе и в конце концов сходит с ума. Причина всех его бед – религиозно-романтическое мировоззрение. Свои неудачи Эммануэль объясняет тем, что не умеет правильно истолковать Божью волю.

Крестьяне, в глазах которых Эммануэль хотел казаться своим, на деле оказываются хитрыми и бесчестными людьми, а вовсе не теми «чадами Божьими», какими он себе их представлял. Его брак с крестьянкой рушится, потому что у них с

¹ Bredsdorff E. Henrik Pontoppidan og Georg Brandes. En kritisk undersogelse. København. 1964. S. 85.

женой совершенно разные интересы. И самое страшное – умирает его единственный сын. Свято веря, что болезнь ребенка – это «испытание, ниспосланное ему Богом», Эмануэль слишком поздно обращается за помощью к врачу. Смерть сына он воспринимает как «наказание за то, что в тяжелую минуту пал духом и все же обратился к помощи человека, идя наперекор неумолимой воле Провидения».

Потрясенный смертью сына, Эмануэль превращается в обезумевшего фанатика, проповедующего наступление конца света и ожидающего, что «Бог заговорит его устами и откроет людям истину». И когда этого не происходит, он теряет рассудок и умирает.

Совершенно очевидно, что «обетованная земля», которую безуспешно пытается найти Эмануэль, не более чем плод его фантазии. Поэтому его поиски истины с самого начала обречены на неудачу. В то же время неуклонное стремление героя в своем служении Богу, подобно ибсеновскому Бранду, идти до конца вызывает к нему невольное сочувствие. Как замечает по этому поводу С.М. Кристенсен, «суд над мечтателем вершится без милосердия, однако с уважением к той страсти, с которой герой заставляет себя поверить в свое дело и следовать своему пути без колебаний»¹. Между тем сходство между героями Ибсена и Понтоппидана чисто внешнее. Если Ибсен концентрирует внимание на том, с какой страстью Бранд отдается религиозной идее, саму же идею он формулирует крайне абстрактно, то для Понтоппидана религиозные искания Эмануэля – это отражение острой политической борьбы за влияние на крестьянство, происходившей под прикрытием теологических дебатов и споров о культуре.

Сам Понтоппидан называл свой роман «переосмыслением библейского мифа». Частная судьба героя приобретает в нем характер большого художественного обобщения. Трагический финал романа становится «судным днем» для многочисленных приверженцев грундтвигианства, питавших несбыточную надежду путем возрождения традиционных ценностей разрешить социальные противоречия и превратить Данию в некую идеальную, патриархально-христианскую «обетованную землю».

В «Счастливишке Пере» проблемы общественной жизни и национальной культуры играют не менее важную роль, чем в «Обетованной земле». Однако в центре внимания автора проблема духовного становления личности. Если Эмануэлю, несмотря на все его усилия, так и не суждено духовно прозреть и разрешить мучавшие его противоречия, то Перу Сидениусу удастся воплотить заложенные в нем способности к созиданию и стремление к свободе.

Принято считать, будто ключом к пониманию авторского замысла в романе служит притча Понтоппидана «Полет орла» (сборник «Хроники», 1890) об орленке, выросшем вместе с курами и утками на крестьянском дворе. Увидев пролетающую в небе орлицу, он устремляется следом за ней, но, испугавшись высоты, возвращается назад и гибнет от выстрела работника, принявшего его за хищную птицу. Смысл аллегорической притчи, иронически переосмысливающей содержание андерсеновской сказки, сводится к тому, что влияние среды сильнее природного начала. И что Пер, хотя и отваживается на бунт против обывательской среды, все же не в силах преодолеть власть родовых традиций, «проклятие наследства Сидениусов»².

Но, несмотря на заметное сходство между двумя этими произведениями, прямого совпадения здесь нет. Идейное содержание романа принципиально отличается от морали притчи. Идея развития и саморазвития личности является в рома-

¹ Brønsted M. og Kristensen S.M. Danmarks litteratur. Bd. 2. København, 1966. S. 68.

² Dahlerup-Petersen E. Henrik Pontoppidan // Kapitler af dansk digtning. København, 1951. S. 70.

не главной. Она выражена в судьбе и размышлениях героя, у которого, подобно герою ибсеновской драмы, духовная сущность определяет его образ жизни, неразрывно связанный с проявлением воли, с действием.

Наиболее важным внутренним качеством героя романа является стремление реализовать этический принцип «будь самим собой» – именно ту формулу жизни, которая для ибсеновских героев служит основой формирования личности, сочетающей в себе силу и цельность характера с высокими идеалами. Понтоппидан осуждает тех, кто умерщвляет свое духовное «я», равно как и тех, кто позволяет завладевать своей душой «троллям» и в погоне за успехом готов попирает права других.

Писателя глубоко волновала идея свободы. В какой мере сказывается на человеке влияние окружающей среды? Может ли даже сильная натура разорвать оковы, наложенные на нее воспитанием в детстве? Эти вопросы Понтоппидан задавал себе постоянно. И если в ранних произведениях он отвечал на них с известной долей пессимизма, то в «Счастливишке Пере» писатель решительно изменил свою прежнюю точку зрения.

Строгие моральные запреты, дух христианского отречения и покорность судьбе, царящие в семье Сидениусов, не могут остановить развитие Пера, наделенного от природы «созидательной волей к жизни». Еще на студенческой скамье ему удается разработать проект использования силы волн Атлантического океана. Этот проект, быть может еще незрелый, отмечен печатью незаурядного таланта. Мечты юного Пера вполне осуществимы, потому что он полон энергии и принадлежит к поколению «юных и смелых дарований», пришедших на смену бесплодным мечтателям и фантазерам, «лишним людям» 1890-х гг.

Однако преодолеть влияние прошлого, воплощенного в семейных представлениях и традициях, оказывается для Пера совсем не просто. Он хотя и оторвался от своих корней, но так и не обрел душевного равновесия и способности к объективной самооценке. В борьбе с деспотизмом отца Пер развил в себе «дух непокорного одиночества, которое стало движущей силой всей его последующей жизни». Пер замкнут в себе, честолюбив и эгоистичен. Усвоив радикальные взгляды доктора Натана, он приходит к выводу, что не следует быть разборчивым в средствах, если речь идет о великой цели, потому что «счастье достается самому ловкому, самому сильному, самому отважному». Удача сопутствует Перу. Он принят в кругах копенгагенской буржуазии, в него влюбляется дочь банкира Якоба. Его распирает от гордости во время поездки в Германию, где его проект получает одобрение специалистов. И когда он возвращается в Копенгаген, то настолько оглушен успехом, что теряет интерес к судьбе своего детища. Он слишком преисполнился чувства собственного величия, чтобы обсуждать судьбу проекта с ненавистными ему «денежными мешками».

Еще одним препятствием к свободному развитию личности становится для Пера внушенный ему в детстве страх смерти. Тяжелым испытанием оказывается для него смерть отца. Мысли о ней наполняют его беспокойством, которое мешает ему осуществить свои планы. Пера мучит не столько боль утраты, сколько ощущение угрожающей реальности смерти и уничтожения. В объятиях Якобы он, казалось, находит то, что позволяет ему «прогнать со своего пути призрак смерти». Однако смерть матери, которая прожила жизнь, полную страданий, вновь открывает для него «силу и величие в страдании, в отречении, в самопожертвовании». Косвенным комментарием к душевному состоянию Пера в этот момент служит письмо Якобы, в котором она высказывает мысль о том, что «между страхом

смерти и рабским смирением должна существовать связь»: «Если воспринимать наше пребывание на земле только как генеральную репетицию перед собственно представлением – куда денется радость жизни?» В последней главе романа Пер, словно соглашаясь с Якобой, говорит своей жене Ингер: «Есть люди, которых влечет к несчастью именно их религиозный инстинкт. Они утверждают, что лишь горе, отречение и безнадежность могут освободить дух человеческий».

По ходу действия романа Понтоппидан постоянно ставит своего героя перед этой ибсеновской дилеммой: радость жизни или отречение от нее, саморазвитие или самоуничтожение. Жажда славы и наслаждений увлекла Пера на ложный путь, путь эгоизма и себялюбия: «Он продал свою душу за блага земные. Сделка со счастьем, выпавшим на его долю, оказалась союзом, заключенным с самим сатаной». Этот путь оказался для Пера неприемлем. Другой путь, «по которому шли Сократ, Христос, или Будда», – это путь религиозного отречения. Пер помнит буддистское изречение: «Кто ничего не любит, ничего не ненавидит, ничего не желает на этой земле, тот и лишь тот, не знает ни оков, ни страха». Но жизнелюбивая натура героя не позволяет ему признать за счастье отречение от собственного «я». И когда Пер случайно узнает, что его мать, прежде чем оказаться в доме Сидениуса, была веселой и жизнерадостной девушкой, то страх за будущее своих детей, в которых он может пробудить мысль об отречении от жизни, заставляет Пера покинуть семью и последние годы провести в одиночестве.

Каков же итог жизненных исканий Пера? На этот вопрос писатель дает ответ в последней главе – идейном стержне всего произведения. Пер так и не достиг в жизни больших высот и в глазах других выглядит неудачником. Но он не чувствует себя несчастным. Пер и вправду «счастливчик», потому что ему была дарована возможность познания и самопознания как источник высшего счастья человека («изведать высшее человеческое счастье “быть самим собой и познать самого себя”»). Понтоппидан, как и Г. Брандес, апеллирует к идее личности, которая благодаря стремлению к развитию, заложенному в человеческой природе, осуществляет принцип свободы. На собственном опыте Пер убеждается в необходимости не щадя сил бороться против того, что препятствует духовному совершенствованию, против разрушающего влияния среды и собственного эгоизма. Иначе легко стать человеком неполноценным, «заправским Сидениусом до конца дней». Это нелегкая борьба, но она оставляет надежду на победу. Именно по этой линии проходит идейная грань между «Полетом орла» и «Счастливчиком Пером». Основная мысль притчи, как отмечалось, в невозможности противостоять влиянию среды. В «Счастливчике Пере» для свободной личности неодолимых преград не существует.

Последнее крупное полотно писателя – роман «Царство мертвых», в котором он развивает одну из тем «Счастливчика Пера» – тему судьбы брандесианского наследия в Дании. В «Счастливчике Пере» Понтоппидан восхищается доктором Натаном, прототипом которого в романе послужил Г. Брандес: «Докатившаяся из Европы – не без содействия доктора Натана – волна культурного подъема не только вызвала давно не изведанный духовный расцвет, не только породила революционно настроенную плеяду писателей, но и вывела на арену множество юных дерзновенных умов, которые искали применения своим силам в областях чисто практических». Однако результаты деятельности доктора Натана Понтоппидан оценивает как малозначительные, с горечью констатируя, что «современные идеи свободомыслия» не были восприняты датским обществом. После того

как «Современный прорыв» утратил свою созидательную силу, произошло то, что и должно было произойти: «...пробуждавшееся к духовной жизни сознание нации обратилось к религии, и наступила религиозная реакция».

Почти одновременно с началом работы над романом «Царство мертвых» Понтоппидан написал стихотворение, которое он также посвятил судьбе духовных завоеваний Г. Брандеса в Дании. Оно было опубликовано 4 февраля 1912 г. – в день семидесятилетия датского критика. «Почему великий мастер, близкий друг поэта, удалился от празднеств и не принимает почестей?» – спрашивает поэт и не находит ответа. И вот то ли во сне, то ли наяву к нему ночью прилетает Сова. Ее голос звучит резким диссонансом в хоре похвал, которые днем раздаются со всех сторон: «Он принес в страну свет!» Сова кричит совсем иное: «Он воскликнул: “Да будет свет!” – и вокруг сгустилась тьма».

И хотя сам юбиляр отнесся к стихотворению довольно настороженно («...Ваше стихотворение весьма туманно, – писал он Понтоппидану, – и я не совсем понимаю, хотели ли Вы выразить Ваш или мой взгляд на обстоятельства»¹), критика Понтоппидана была направлена против тех сподвижников Г. Брандеса, которые изменили его идеалам борьбы за свободу. Как пишет Х. Стангеруп, «стихотворение Понтоппидана – это рукопожатие Г. Брандесу и обвинение в адрес его последователей, не сумевших продолжить его дело»².

В «Царстве мертвых» Понтоппидан с горечью признает, что провозглашенная Г. Брандесом идея борьбы за свободу не пустила корней в сознании датской нации. Молодое поколение отвернулось от него, так и не оценив величие его подвига. Враги свободы «сумели подорвать веру в разум и погасить свет жизнеутверждающей гуманности». «Свет нового дня, блеск солнца, весеннее настроение, радость жизни исчезли в сумерках упадка».

Свой пессимистический взгляд на развитие общественной ситуации в стране Понтоппидан выражает в трагических судьбах героев романа: политика Тюге Енслева, помещика-либерала Торбена Димера и дочери министра Ютте Абильтгор.

В образе Тюге Енслева Понтоппидан воплотил черты некоторых ведущих скандинавских политиков конца века, однако главным прототипом героя романа послужил Г. Брандес, активно участвовавший в деятельности либеральной партии «Венстре». Как и Г. Брандесу, герою романа, посвятившему свою жизнь борьбе «за идеалы свободы и прогресса», приходится испытать горечь поражения.

Сыну простого кузнеца, ставшему политическим лидером оппозиции, «борцу за справедливость и защитнику бедняков» не удастся провести в жизнь демократические реформы. Его предадут карьеристы и циники из его же собственной партии, напуганные его «бескомпромиссностью и стремлением к истине». Видя, что идеалы борьбы за свободу больше не воспламеняют тех, кого он прежде считал своими единомышленниками, Енслев переживает глубокое разочарование. «Подобно Моисею, он хотел вывести народ из рабства, пробудив в нем волчий аппетит к жизни. Быть может, в стране уже никогда больше не родится человек, наделенный столь же божественной волей, как у него... Но мы видим теперь, результатом борьбы за освобождение стало появление кучки несчастных, поперхнувшихся жизнью людей», – с горечью констатирует автор.

Глубоко разочарованы происходящим в стране близкие Енслеvu по духу Торбен Димер и Ютте Абильтгор. Торбен мог бы сделать блестящую политическую карье-

¹ Skjerbaek T. Kunst og budskab. Studier in Henrik Pontoppidans forfatterskab. København, 1970. S. 70.

² Stangerup H. Henrik Pontoppidan // Dansk Litteratur historie. Bd. 3. 1977, S. 298–299.

ру. Однако он предпочитает вести жизнь затворника в своем родовом поместье в Ютландии. После долгого пребывания за границей Дания представляется ему «царством мертвых», «местом, где миллионы безвольных теней похоронили свои мечты о счастье». Торбен умирает с мрачным пророчеством на устах: «Мы стоим перед мировой катастрофой, которая станет последней судорогой смертельно больного общества».

Мрачное умонастроение Торбена всецело разделяет Ютте Абильтгор, в которую он был влюблен еще со времен своей юности. Ютте кажется самой себе «единственным бодрствующим человеком, случайно оказавшимся в мире сомнамбул». Она убеждена, что всю свою жизнь провела в заточении. «Однажды мне пригрезилось, будто я блуждаю в большой темной зале и пытаюсь открыть хотя бы одну из многих дверей; но все они заперты, и я никуда не могу выйти. Такой мне часто представляется жизнь». Ее чувства умерли. Ютте уходит из жизни через год после смерти Торбена, у нее, как и у него, больше нет желания жить.

И Торбен, и Ютте – плоть от плоти того утратившего жизненные ориентиры поколения, которое пришло на смену радикально настроенным участникам «Современного прорыва». Представители нового поколения уже не способны принимать жизнь «во всем ее величии и многообразии». Они не в силах повлиять на обстоятельства и изменить жизнь к лучшему.

И все же Понтоппидан не теряет веры в будущее. В эпилоге романа выжившие в «царстве мертвых» друзья Торбена приходят на его могилу. Они готовы следовать его духовному завещанию и «принимать жизнь такой, какая она есть, с ее светлыми и темными сторонами». Роман завершается светлой мажорной нотой: «чистые, радостные звуки свирели одного из собравшихся звучали как знак духовного пробуждения и обновления».

Творчество Понтоппидана, пронизанное беспокойством и чувством ответственности за судьбу человека, с самого начала вызывало споры. Они достигли своего апогея, когда Шведская академия решала вопрос о нобелевском лауреате по литературе за 1917 г. Одни из ее членов видели в Понтоппидане яркого и самобытного художника, другие, во главе с В. фон Хейденстамом, считали его «старомодным подражателем Бальзаку». Компромиссным решением Нобелевского комитета стало присуждение премии сразу двум датским писателям: Хенрику Понтоппидану и Карлу Гьеллерупу, хотя вклад Гьеллерупа в художественную литературу Дании был все же не столь значительным, как у Понтоппидана. Впрочем, и тогда уже было ясно, что причина негативного отношения к нему со стороны ряда членов комитета заключалась в ангажированности его гражданской позиции, о которой сам Понтоппидан в книге воспоминаний «На пути к самому себе» писал: «Великих подвигов своим пером я не совершил, и хорошо это знаю. Но в течение ряда лет я выполнял свой долг как простой солдат в извечной борьбе за освобождение человеческого духа»¹.

Высокую оценку творчества Понтоппидана дал в 1927 г. Томас Манн, отметивший, в частности, что Понтоппидан «достиг в литературе совершенно европейского уровня». И далее: «Со всепобеждающей и изумляющей силой, в которой заключается тайна искусства, он судит свое время и как подлинный художник указывает путь к более высокой человечности»².

¹ *Pontoppidan H. Undervejs til mig selv. København, 1954. S.176.*

² *Omkring Lykke-Per / Udgivet af Knut Ahnlund. København, 1971. S. 173.*

ЛИТЕРАТУРА

- Brandes G.* Henrik Pontoppidan // Brandes G. Samlede skrifter. Bd. 3. København, 1919. 546 s.
- Bredsdorff E.* Henrik Pontoppidan og Georg Brandes. En kritisk undersøgelse. København, 1964. 306 s.
- Brønsted M. og Kristensen S.M.* Danmarks litteratur. Bd. 2. København, 1966. 192 s.
- Dahlerup-Petersen E.* Henrik Pontoppidan // Kapitler af dansk digtning. København, 1951. 348 s.
- Omkring Lykke-Per / Udgivet af Knut Ahnlund.* København, 1971. 355 s.
- Pontoppidan H.* Undervejs til mig selv. København, 1954.
- Skjerbaek T.* Kunst og budskab. Studier in Henrik Pontoppidans forfatterskab. København, 1970. 302 s.
- Stangerup H.* Henrik Pontoppidan // Dansk Litteratur historie. Bd. 3. 1977. 730 s.
- Thomsen K.* Hold galden flydende. Aarhus, 1957.

ЛИТЕРАТУРА

- Brandes G. Henrik Pontoppidan. I: Brandes G. Samlede skrifter. Bd. 3. København. 1919, 546 s.
- Bredsdorff E. (1964) Henrik Pontoppidan og Georg Brandes. En kritisk undersøgelse. København. 306 s.
- Brønsted M. og Kristensen S.M. Danmarks litteratur. Bd. 2. København. 1966. 192 s.
- Dahlerup-Petersen E. Henrik Pontoppidan. I: Kapitler af dansk digtning. København. 1951. 348 s.
- Omkring Lykke-Per / Udgivet af Knut Ahnlund. København. 1971. 355 s.
- Pontoppidan H. (1954) Undervejs til mig selv. København.
- Skjerbaek T. (1970) Kunst og budskab. Studier in Henrik Pontoppidans forfatterskab. København. 302 s.
- Stangerup H. Henrik Pontoppidan. I: Dansk Litteratur historie. Bd. 3. 1977. 730 s.
- Thomsen K. (1957) Hold galden flydende. Aarhus.

Сведения об авторе:

Сергеев Александр Васильевич,
канд. филол. наук,
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander Sergeev,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
av-sergeev@mail.ru

А.В. Блинов (Москва, Россия)

Некоторые особенности выражения семантики категории модальности в готском языке

Аннотация: В предлагаемой работе рассмотрены формы выражения императива и оптатива, как они представлены в переводе молитвы «Отче наш» с греческого на готский язык. На уровне лексики готские переводчики Библии старались в максимальной степени следовать греческому прототипу. В то же время на уровне грамматики имело место стремление адаптировать соответствующие категории, с одной стороны, формальным возможностям готского языка, с другой стороны, общему эмоциональному восприятию модальности текста. В греческом языке эти модусы демонстрировали склонность к сближению друг с другом и, по-видимому, к взаимозаменяемости. В то же время в готском языке перевод данных греческих форм демонстрирует последовательное разведение грамматических категорий наклонения. Благодаря этому те модальные оттенки, которые были присущи готскому императиву и оптативу, в общей структуре высказывания создавали особый смысловой пласт, отсутствующий в греческом языке. Таким образом, в общем контексте готской молитвы различие и чередование модальностей императива и оптатива оказывается релевантным как в плане выражения, так и в плане содержания.

Ключевые слова: техника перевода, императив, оптатив, семантика модуса, готская Библия, грамматическая форма

A.V. Blinov (Moscow, Russia)

Featuring Semantics of Modality in Gothic

Abstract: This article discusses forms of imperative and optative in the translation from Greek into Gothic of The Our Father prayer. Lexically, Gothic translators of the Bible were as precise as the Greek prototype prescribed. Grammatically, they sought to adapt the categories, at some points, to the formal potential of Gothic, and, at other points, to the overall emotional modality of the text. The Greek text indicated close proximity of these modes, and, apparently, their mutual replaceability. Meanwhile, the Gothic translation of the Greek forms treats the categories of the mood differently. This permitted to create new shades of modality, as Gothic imperative and optative prompted the meaning which was absent from the Greek text. To conclude, in the general context of the Gothic translation of the prayer the

difference and alternation of the modalities imposed by imperative and optative prove to be relevant both in terms of form and content.

Key words: translation techniques, imperative, optative, mode semantics, Gothic Bible, grammar form

В нашем факультетском журнале (Stephanos. 2014. № 2) была помещена статья О.А. Смирницкой «От слова к смыслу: Вульфила как переводчик готского Священного Писания», освещающая основные принципы перевода Библии на готский язык.

Эта работа побудила меня обратиться к проблеме лексико-грамматического обозначения тех отношений и состояний, которые, так или иначе, оказываются связанными с категорией модальности в готском переводе молитвы «Отче наш» [М 6: 9–13].

В последнее время вышел целый ряд исследований, анализирующих смысловое значение категории глагольного наклонения. В частности, рассматривается набор средств императивной и оптативной семантики.

Категория модальности оформляет смысловое единство высказывания. Эта категория принадлежит общей структуре предложения и может передаваться по-разному. Выбор тех или иных способов ее выражения в конкретном высказывании определяется семантическими функциями данной категории, которые получают реализацию, прежде всего, в соответствующих формах глагольного наклонения (а также, несомненно, интонационно-мелодическими средствами).

Согласно академику В.В. Виноградову, в системе глагола категория наклонения определяет модальность действия, «отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [Виноградов 1947: 581; см. также Виноградов 1950: 81].

В лингвистических исследованиях неоднократно отмечалось, что в определенных контекстах та или иная морфологическая категория может обретать дополнительное семантическое наполнение, т. е. выполнять такие функции, для которых в данном языке отсутствуют специальные грамматические формы. В этих случаях речь может идти о своеобразной «некатегориальной семантике» [Бондарко 1978: 144].

Применительно, в частности, к императиву В.В. Виноградов указывает: «Повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией. <...> В системе повелительного наклонения эта интонация является органической принадлежностью глагольных форм. *Вне этой интонации повелительного наклонения не существует* (выделено мной. – А.Б.)» [Виноградов 1947: 590].

И далее: «Кроме особенностей морфологического строя, повелительное наклонение отличается экспрессивностью, аффективностью своих грамматических значений. В категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлеченными, интеллектуальными значениями форм» [Виноградов 1947: 596].

Это означает, что повелительное наклонение в принципе способно выражать специфическое субъективное отношение говорящего к содержанию своего высказывания, определяя тем самым иллокутивную установку этого высказывания. Как следствие, «благодаря употреблению императива говорящий добивается большей экспрессивности сообщения, выражает свое субъективное, в частности, оценочное отношение к действию. В контекстах, в которых императив замещает другое наклонение, он всегда *экспрессивнее* (выделено мной. – А.Б.), чем другие способы модального выражения» [Грабье 1983: 106].

На это же обстоятельство указывает и Н.В. Перцов, подчеркивая, что «ключевой смысл императива – экспрессивность (субъективность)» [Перцов 2001: 250].

Вот этот эмоциональный (некатегориальный) компонент семантики повелительного наклонения способен определенным образом отражать «непосредственную психологическую связь между сознанием говорящего и глагольной ситуацией <...>, малое (или нулевое) психологическое расстояние между ними – по сравнению с разнообразными неимперативными способами выражения побуждения» [Перцов 2001: 222].

Одним из таких «неимперативных способов» является оптатив, категория желательного наклонения. Как и повелительное наклонение, оптатив передает как бы импульс к совершению того или иного действия.

Применительно, в частности, к древнерусскому языку отмечалось, что выбор между этими двумя наклонениями зависит от того, активным или неактивным субъектом является предполагаемый исполнитель действия, т. е. адресат высказывания.

Императив обращен к такому субъекту, который может или должен быть активным исполнителем требуемого или желательного действия. К нему всегда будет обращение во 2-м лице («ты», «вы»).

Если же прошение обозначает желаемое изменение в состоянии или качестве адресата прошения, который сам непосредственным исполнителем быть не может, регулярно используется оптатив в 3-м лице.

Таким образом, по-разному оформляются прошения, относящиеся непосредственно к субъекту во 2-м лице, который, по замыслу просителя, прямо и непосредственно называется как исполнитель искомого действия, и прошения, обращенные в адрес 3-го лица, которое не может непосредственно воспринимать высказанное пожелание и, соответственно, не может быть его активным исполнителем [Пичхадзе 2010: 14–24].

Указанный набор средств выражения семантики повелительного и желательного наклонений в древнерусских текстах представлен точно таким же образом в готском тексте молитвы.

И оптатив, и императив используются для того, чтобы выразить желание говорящего относительно осуществления некоторой ситуации. В этом отношении оба наклонения являются семантически и функционально близкими.

Но если оптатив является только более или менее нейтральным сообщением об определенном желании, то императив – это уже активная попытка каузировать исполнение желания, т. е. побудить к реализации, к появлению или осуществлению желаемой ситуации.

Таким образом, в семантике императива делается эмоциональный акцент именно на ее побудительном компоненте, в то время как в оптативе эмоция просителя

заметно ослаблена, и в этом случае внимание адресата прошения концентрируется на компоненте информационном.

Понятно, что высшую силу, Всевышнего, к которому, собственно, и обращена молитва, прямым образом каузировать невозможно. Здесь важно другое: в повелительном наклонении просящий прямо указывает на того, кто, по замыслу, в принципе способен непосредственно исполнить (или реализовать) просимое.

Тем самым в данном случае делается попытка установить более тесный (по сравнению с оптативом) психологический контакт с адресатом прошения, оказать на него активное эмоциональное воздействие, так как 2-е лицо повелительного наклонения – это непосредственный исполнитель (возможный или предполагаемый) прошения.

В то же время особую семантику обретает 3-е лицо оптатива. Здесь в принципе не может быть направленной каузации, так как 3-е лицо отсутствует в ситуации общения, и поэтому у просящего не может с ним быть прямого эмоционального контакта. Просящий не имеет возможности непосредственно воздействовать на адресата энергетикой своего желания. Как следствие, прошение облекается в более мягкую (оптативную) форму.

Условием успешности повеления является контроль над искомым действием. Такой контроль представляется двучастным, так как «во-первых, само действие должно контролироваться исполнителем <...>, во-вторых, говорящий должен иметь – полагать, что имеет, – определенное влияние на исполнителя» [Гусев 2002: 174–175].

Если такой контроль имеет место, возможно только повелительное наклонение, если контроля нет (или он заметно ослаблен) – регулярно используется оптатив как более мягкая (т. е. не включающая в себя интенсивную эмоциональную экспрессию) форма прошения.

Императив (обращение ко 2-му лицу)	Оптатив (обращение к 3-му лицу)
Проситель своим высказыванием побуждает адресата к действию (каузирует)	Проситель своим высказыванием выражает желание, чтобы действие совершилось (нет каузации)
Проситель пытается оказывать активное эмоциональное воздействие на адресата	Эмоциональная экспрессия в прощении отсутствует (или заметно ослаблена)

Главным компонентом семантики повелительного наклонения является наличие побуждения (или призыва, в нашем случае это прошение) к осуществлению какого-то определенного действия.

В этом случае морфологическая форма императива имеет значение непосредственного (прямого) выражения субъектом волеизъявления своего желания (или просьбы), направленной на то, чтобы адресат прошения так или иначе исполнил просимое, т. е. реализовал бы на практике то, что представляется просителю желанным или необходимым.

Таким образом, проситель обращает к адресату прошения своеобразный призыв быть как бы сопричастным тому действию, осуществления которого желает проситель. Эта сопричастность выражается в том, что следование призыву делает объект прошения (адресата) и просителя как бы единым субъектом императивного действия.

На создание такого единства направлен и субъективно-модальный компонент семантики повелительного наклонения – его экспрессивность при императивном высказывании прошения.

По-видимому, можно утверждать, что от адресата ожидается особенно пристальное внимание к искомому действию. Такое ожидание в виде призыва подкрепляется особой интонацией императивного высказывания.

В общую семантику повелительного наклонения включается компонент эмоционального призыва (мольбы) к адресату. Указанный компонент придает императивной форме ярко выраженную экспрессивность.

Формы оптатива видим в тех готских контекстах, где предполагаемый исполнитель не может быть непосредственным (неопосредованным) объектом прошения. Как следствие, субъект прошения лишен возможности обратиться к адресату напрямую. Поэтому адресат оптатива оформляется в 3-м лице, при том что сама молитва в целом обращена ко 2-му лицу («Отче наш», ты), которое при оптативном обращении выступает в роли посредника между субъектом и объектом прошения.

Субъект прошения, таким образом, стремится косвенным образом повлиять на реализацию желаемого действия. В этом случае форма оптатива призвана выразить не прямое (опосредованное) побуждение к действию, результат которого важен для просителя.

Причем это действие должно быть осуществлено 3-м лицом, которое в диалоге молитвы не участвует. В силу этого проситель не имеет возможности психологически воздействовать на него и поэтому снижает эмоциональную энергетику своего прошения, выбирая для него форму желательного наклонения: искомое действие оформляется уже не как императивное, а как оптативное.

Посредником при этом выступает Всевышний («Отче наш»), который, как предполагается, будет способствовать тому, чтобы желаемое получило реализацию.

Исследователи готского языка неоднократно отмечали, что на уровне лексики готские переводчики Библии стремились в максимальной степени следовать греческому прототипу [см., в частности: Stolzenburg 1905: 146–147, 154–155; Stutz 1966: 47; Трофимова 1993: 155]. Уровень слова был ведущим в передаче содержания Священного Писания при переводе с греческого языка на готский (почти подстрочный перевод «слово в слово»).

В то же время на уровне грамматики имел место, несомненно, гораздо более творческий подход, выражавшийся в стремлении адаптировать соответствующие категории, с одной стороны, формальным возможностям готского языка, с другой стороны – общему эмоциональному восприятию модальности текста, его «модуса».

Это прямо относится к грамматической категории наклонения, широко представленной в «Отче наш», которая есть «первоначальная молитва, молитва всех молитв, превосходнейшая молитва» [Толковая Библия 1998: 120].

В предлагаемой работе рассмотрены формы выражения желательного (оптатив) и повелительного (императив) наклонений, как они представлены в переводе молитвы «Отче наш» с греческого на готский язык.

В указанных языках данная категория представлена неодинаково, ее семантическое наполнение и диапазон употребления не совпадают.

«В греческой грамматике даже оптатив (модус произвольного допущения) в ином контексте может бесконечно близко подходить к самому определенному индикативу, а индикатив (модус реального существования) как угодно близко может подходить и к оптативу и к конъюнктиву (модус реально обусловленной возмож-

ности) и даже к императиву, несмотря на всю волевою категоричность этого последнего модуса» [Лосев 1977: 8].

Таким образом, в греческом языке эти модусы демонстрировали склонность к сближению друг с другом и, по-видимому, к взаимозаменяемости (свободное варьирование).

В то же время, как показывают наблюдения, в готском языке перевод данных греческих форм демонстрирует последовательное разведение грамматических категорий наклонения: императива и оптатива (дополнительная дистрибуция).

Два эти наклонения в готском языке четко и последовательно разведены в дополнительной дистрибуции. И это не может быть случайностью: греческий оригинал такой дифференциации не проводит.

В греческом тексте молитвы «Отче наш» повсеместно употреблен императив в аористе (кроме предваряющего $\text{προσεύχεσθε} = \text{bidjaip}$ «молитесь»: здесь греческий императив презенс = готский оптатив презенс). Греческому императиву в готском переводе соответствует либо оптатив, либо императив [Streitberg 1920: 205].

В готском тексте молитвы оптатив дан только в настоящем времени. И это, по-видимому, не случайно, потому что если предполагается, что желание осуществимо, то готский перевод регулярно употребляет это наклонение именно в настоящем времени, «в противном случае употребляются формы претерита» [Гухман 1994: 182; см. также: Streitberg 1920: 204].

Между тем следует отметить, что в греческом языке императив имел два времени: презенс и аорист. Однако разница в их употреблении была не временная, а видовая.

Повелительное наклонение в настоящем времени выражало действие длительного вида (ποιέι «делай»), т. е. означало требование постоянно выполнять определенное действие.

В этом смысле повеление προσεύχεσθε «молитесь», исходящее от Иисуса Христа, означало «вы всегда должны так молиться». «Отче наш» – молитва, которая «не исключает возможности продолжений, следствий и разъяснений» [Толковая Библия 1998: 120].

В готском языке повеление или требование выполнить действие длительного вида регулярно передается оптативом.

В греческом ему мог соответствовать либо императив презенс, либо, как в нашем случае, императив аорист [Streitberg 1920: 205].

Повелительное наклонение в греческом аористе означало, соответственно, однократное действие недлительного вида (ποίησον «сделай») [Соболевский 1999: 87, 301] и относило это желаемое действие к будущему времени, причем имелось в виду «не только отдаленное будущее, но даже и такое, которое следует непосредственно за моментом речи говорящего» [Соболевский 1999: 303].

В свою очередь система готского глагола не допускала различия по виду, а повелительное наклонение образовывалось только от основы настоящего времени.

При этом в абсолютном большинстве случаев текст готской Библии демонстрирует перевод греческого императива аориста готским императивом, а греческого императива презенса – готским оптативом.

И хотя повелительное наклонение в германских языках было слабо выражено и мало употребительно [СГГЯ 1966, IV: 259], однако формы готского императива регулярно и последовательно используются в тех случаях, когда обращение адресовано непосредственно к Богу. Он мыслится как агентивный субъект (2-е лицо).

Нет сомнений, что в готском языке имело место «наличие известного устоявшегося узуса, своего рода некодифицированных норм» [Гухман 1976: 9]. Давление этих норм так или иначе принуждало готских переводчиков отказываться от буквального следования категориальным формам, представленным в греческом тексте, и заставляло обращаться к смысловыразительным средствам своего родного языка [Гухман 1940: 77].

Формы готского опатива, в свою очередь, обращены к 3-му лицу, т. е. к субъекту уже не агентивному.

Выбор того или иного готского наклонения определяется именно данным обстоятельством: если «адресат прошения» [Толковая Библия 1998: 121 слл.] может быть активным исполнителем желаемого, то употребляется императив. В тех случаях, когда это невозможно, готский текст последовательно дает опатив.

Готско-греческое сопоставление этих прошений дает следующую картину.

1. «Да святится имя Твое»: **weihnai** (опатив презенс) = ἁγιασθήτω (императив аорист).

Здесь обращение к имени Бога, а не к Нему: «Бог Сам по Себе свят. Но мы противоречим этой святости, когда с непочтением относимся к имени Божию» [Толковая Библия 1998: 122].

2. «Да придет Царствие Твое»: **qimai** (опатив презенс) = ἐλθέτω (императив аорист).

3. «Да будет воля Твоя»: **wairþai** (опатив презенс) = γεννηθήτω (императив аорист).

Толковая Библия отмечает, что «воля Божия исполняется тогда, когда приходит Царствие Божие; и, наоборот, наступление Царства Божия есть необходимое условие для исполнения воли Божией» [Толковая Библия 1998: 122].

4. «Хлеб наш насущный дай нам сегодня»: **gif** (императив) = δός (императив аорист).

Здесь уже прямое обращение к Богу: прошение о действии, которое может исполнить только Он.

Аналогичным образом обстоит дело и в следующем прошении (а также в прошении 7):

5. «прости нам долги наши»: **aflet** (императив) = ἄφεξ (императив аорист).

6. «не введи нас в искушение»: **ni briggais** (опатив презенс) = μὴ εἰσενέγκης (конъюнктив аорист).

В данном случае ситуация особая: имеет место отрицательное прошение, т. е. просьба не осуществлять определенное действие.

И хотя это прошение обращено опять-таки, как и в предыдущих примерах, непосредственно к Богу, оно обретает иное грамматическое оформление: в греческом языке оно для 2-го лица всегда, независимо от адресации, вместо императива аориста выражается конъюнктивом аориста [Соболевский 1999: 301], тогда как готский язык в этих случаях почти повсеместно демонстрирует опатив [Streitberg 1920: 205].

Следует отметить при этом, что «германские языки имеют специальную парадигму, <...> функционально объединяющую смысловые структуры как опатива, так и конъюнктива других индоевропейских языков» [СГГЯ 1996, IV: 262].

Исключения, когда в отрицательном прошении греческому императиву соответствует императив готский, крайне редки:

L 8,52: **ni gretip** = μὴ κλαίετε «не плачьте»;

J 6,43: **ni birodeip** = μή γογγύζετε «не ропщите» [Streitberg 1920: 205].

Следует отметить, что в обоих примерах содержится повеление прекратить уже начатую деятельность.

Запрет во 2-м лице единственного числа готская Библия всегда передает конструкцией **ni** + оптатив, тогда как в греческом тексте это может быть либо презенс императива (μή + презенс императив), либо аорист конъюнктива (μή + аорист конъюнктив) [Streitberg 1920: 205].

В молитве «Отче наш» представлен как раз второй случай. Формы оптатива в греческом тексте Библии встречаются сравнительно редко, в большинстве случаев они заменяются конъюнктивом [Streitberg 1920: 204].

7. «Избавь нас от лукавого»: **lausei** (императив) = ῥῶσαι (императив аорист).

Вообще в германских языках оптатив выражал предполагаемую обусловленность, возможность или желательность реализации какого-то определенного действия (процесса) [СГГЯ 1996, IV: 260], и он мог использоваться также для обозначения будущего времени. При этом регулярно имела место смысловая нейтрализация между императивом и оптативом, когда, например, готский оптатив выступал в функции повелительного наклонения [СГГЯ 1996, IV: 258].

Вполне возможно, что готские переводчики Библии в своей работе сознательно (или интуитивно) учитывали психологический потенциал повелительного наклонения в своем родном языке и поэтому последовательно использовали императив во всех случаях, когда, согласно их представлениям, требовалось выразить необходимость максимально тесного эмоционального контакта между просителем и адресатом прошения, с которым проситель вступает в своеобразный диалог.

И, видимо, в соответствии с этими же представлениями, готский оптатив обладал сравнительно меньшей эмоциональной экспрессией, меньшей степенью субъективности, а потому использовался для выражения побуждений, обращенных к третьим лицам, т. е. к адресатам, не являющимся непосредственными (прямыми) участниками диалога между просителем и адресатом прошения и к которым в силу этого нет субъективной необходимости (или объективной возможности) направлять экспрессию побуждения прямо и непосредственно.

И это, как справедливо указывает Н.В. Перцов, конечно же, вовсе не означает, что императивная форма побуждения к действию носит более категоричный характер, нежели оптативная [Перцов 2001: 226].

Разумеется, призыв к Всевышнему ни в коем случае не может интерпретироваться как приказ, как категорическое требование, подлежащее безусловному исполнению.

В готском тексте молитвы акцент делается не на большей или меньшей степени повелительности (побудительности к действию) прошения, а на ее большем (императив) или меньшем (оптатив) эмоциональном напряжении.

Благодаря этому те модальные оттенки, которые были присущи готскому императиву и оптативу, в общей структуре высказывания создавали особый смысловой пласт, отсутствующий в греческом языке.

Таким образом, в общем контексте готской молитвы различие и чередование модальностей императива и оптатива оказывается релевантным как в плане выражения, так и в плане содержания.

Это чередование раскрывает в высказанных прошениях глубинный семантический уровень, содержащий утверждение необходимости (и возможности) тесной психологической связи Бога и человека.

Безусловное понимание, что Бог бесконечно выше человека, никак не отменяет страстной веры в то, что Всевышний Отче наш может пребывать в неразрывном единстве с обращающимся к нему с мольбой человеком, может быть ему бесконечно близким.

«Вульфила <...> не копирует, не калькирует, а с глубоким пониманием изъясняет оригинал, используя все ресурсы, которые дает ему язык» [Смирницкая 2014: 18].

Как представляется, проведенный анализ семантики модальности действия в молитве «Отче наш» в полной мере подтверждает правоту этих слов.

ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. 176 с.
- Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947. 783 с.
- Виноградов В.В. Синтаксис русского языка акад. А.А. Шахматова // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 75–126
- Грабье Вл. Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983. С. 105–128.
- Гусев В.Ю. Императив и смежные значения // Семиотика и информатика: Сборник научных статей. Вып. 37. М., 2002. С. 173–206.
- Гухман М.М. Происхождение строя готского глагола. М.; Л., 1940. 154 с.
- Гухман М.М. К типологии литературных языков донационального периода // Типология германских литературных языков. М., 1976. С. 5–29.
- Гухман М.М. Готский язык. М., 1995. 288 с.
- Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Известия АН СССР, серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 1. С. 3–8.
- Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001. 257
- Пичхадзе А.А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 14–24.
- Смирницкая О.А. От слова к смыслу: Вульфила как переводчик готского Священного Писания // Stephanos. 2014. № 2(4). С. 10–41.
- Соболевский С.И. Древнегреческий язык. СПб., 1999. 614 с.
- Сравнительная грамматика германских языков: В 5 т. Т. 4: Морфология (продолжение). М.: Издательство АН СССР, 1966. 496 с.
- Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 9. М., 1998.
- Трофимова Ю.М. Лексико-семантическая система готского языка. Саранск, 1993. 167 с.
- Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1919.
- Stolzenburg H. Die Übersetzungstechnik des Wulfila untersucht auf Grund der Bibelfragmente des Codex argenteus // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1905. Bd. 37. Heft 2. S. 146–147, 154–155.
- Streitberg W. Gotisches Elementarbuch. Heidelberg, 1920. 308 S.
- Stutz E. Gotische Literaturdenkmäler. Stuttgart, 1966. 268 S.

REFERENCES

- Bondarko A.V. (1978) Grammatical Meaning and Significance. Leningrad. 176 P.
- Vinogradov V.V. (1947) Russian Language: (Grammatical Doctrine of the Word). Moscow; Leningrad. 783 p.
- Vinogradov V.V. "The Syntax of the Russian Language" of Academician A.A. Shakhmatov. In: The Questions of the Contemporary Russian Language Syntax. Moscow. 1950, pp. 75–126.
- Grabier V.I. Semantics of the Russian Imperative. In: Comparative Study of the Grammar and Vocabulary of the Russian Language with the Czech Language and other Slavic Languages. Moscow. 1983, pp. 105–128.
- Gusev V.Yu. Imperative and Adjacent Values. In: Semiotics and Informatics: Collection of Scientific Articles. Issue 37. Moscow. 2002, pp. 173–206.
- Gukhman M.M. (1940) The Origin of the Structure of Gothic Verb. Moscow; Leningrad. 154 p.
- Gukhman M.M. To Typology of Literary Languages of the Pre-national Period. In: Typology of German Literary Languages. Moscow. 1976, pp. 5–29.
- Gukhman M.M. (1955) The Gothic Language. Moscow. 288 p.
- Losev A.F. On the Infinite Semantic Valence of the Linguistic Sign. *Izvestiya AN SSSR. Series of Literature and Language*. 1977. Vol. 36. No 1, pp. 3–8.
- Pertsov N.V. (2001) Invariants in the Russian Word Change. Moscow. 257 p.
- Pichkhadze A.A. Means of Expressing Imperative and Optative Semantics in Old Russian and Old Russian Prescriptive Monuments. *Questions of Linguistics*. 2010. No 5, pp. 14–24.
- Smirnitckaya O.A. From Word to Sense: Ulfilas as the Translator of Gothic Holy Scriptures. *Stephanos*. 2014. No 2(4), pp. 10–41.
- Sobolevsky S.I. (1999) Ancient Greek Language. St.-Petersburg. 614 p.
- Comparative Grammar of Germanic Languages. In 5 vols. Vol. 4: Morphology (continuation). Moscow. 1966. 496 p.
- Explanatory Bible, or Comment on All the Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament. Vol. 9. Moscow. 1998.
- Trofimova Yu.M. Lexico-semantic System of the Gothic Language. Saransk. 1993. 167 p.
- Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1919.
- Stolzenburg H. Die Übersetzungstechnik des Wulfila untersucht auf Grund der Bibelfragmente des Codex argenteus. *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1905. Bd. 37. Heft 2. S. 146–147, 154–155.
- Streitberg W. (1920) Gotisches Elementarbuch. Heidelberg. 308 S.
- Stutz E. (1966) Gotische Literaturdenkmäler. Stuttgart. 268 S.

Сведения об авторе:

Александр Владимирович Блинов,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander V. Blinov,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
blinov@philol.msu.ru

А.А. Терещук (Санкт-Петербург, Россия)

Язык русскоязычной иммиграции в Барселоне: морфосинтаксический уровень

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей функционирования русского языка у первого поколения русскоязычных иммигрантов, проживающих в Испании в автономном сообществе Каталония на территории провинции Барселона. Русский язык диаспоры испытывает влияние испанского и каталанского языков, используемых большинством жителей региона. Рассматриваются критерии отбора информантов для сбора языкового материала. В данном исследовании анализируются данные, полученные в результате 40 интервью с представителями русскоязычной диаспоры в Барселоне. Все информанты относятся к первому поколению иммигрантов и обладают языковой компетенцией в испанском языке. Родным языком информантов является русский. Статья показывает испанские и каталанские интерференции на морфосинтаксическом уровне. Отмеченные интерференции сравниваются с аналогичными процессами в языке русскоязычных иммигрантов в других странах и с тенденциями развития русского языка в России. Отдельное внимание уделено сопоставлению полученного материала с данными, представленными в монографии А. Урбан «Русско-испанский языковой контакт в Аргентине».

Ключевые слова: морфосинтаксический уровень языка, интерференция, языковой контакт, язык русских иммигрантов

Andrei Tereshchuk (Saint-Petersburg, Russia)

The Language of Russian-Speaking Immigration in Barcelona: Morphosyntactic Level

Abstract: The article studies the current state of the mother tongue of 40 Russian-speaking immigrants in the province of Barcelona, in the Autonomous Community of Catalonia, Spain. This is home to 12,212 immigrants from Russia. Their speech is influenced by Spanish and Catalan. The article analyzes how strongly Spanish and Catalan influenced the Russian of the immigrants. The paper shows the principles of selection of informants for the research and presents a description of the morphosyntactic level of the Russian spoken by the first generation of immigrants from Russia in Barcelona. The article describes Spanish and Catalan syntactic structures in the Russian speech of the infor-

nants. The results of the research are compared to the descriptions of the Russian spoken by immigrant communities in other countries. The findings are contrasted to A. Urban's results of her research entitled "Russisch-spanischer Sprachkontakt in Argentinien".

Key words: Russian immigration, morphosyntactic level, language contact, interference

INTRODUCTION

There are two types of study of language spoken by Russian immigrants outside Russia. One of them focuses attention on the language of a receptor country and on the problems of language acquisition among the first generation of immigrants. The second type of research reviews characteristic features of the Russian language of immigrant communities abroad. There are numerous interferences¹ from foreign languages in the Russian spoken by immigrants. The examples of this type of research are the works by Perotto [2012, 2013, 2015], Perotto and Ambrosi [2009], Golubeva-Monatkina [1999], Zhdanova [2012], Protasova [2004] or Bagana and Blazhevich [2011]².

The contact of Russian and Spanish is thoroughly studied in the monograph by Urban *Russisch-spanischer Sprachkontakt in Argentinien* [2004]. The scholar shows interferences of Russian in Spanish spoken by the target group of the research and analyzes the influence of Spanish on the language of the community. However, it should be taken into consideration that Spanish in Argentina has a number of characteristic features. Therefore, the language contact of Spanish and Russian in other countries of Latin America or in Spain can lead to some other types of interferences. Besides, some regions may be a ground for studying the contact between Russian, Spanish, and a local language. One such region is Catalonia. Some aspects of Russian spoken by immigrants in the autonomous community are described in the article by Tereshchuk [2015] dedicated to the lexical level of language. The present study shows the influence of Spanish and Catalan at the morphosyntactic level.

METHODOLOGY

The present article seeks to describe the Russian language of the first generation of Russian-speaking immigrants in the province of Barcelona, in the autonomous community of Catalonia, Spain. The focus is on the morphosyntactic level of language. It should be taken into account that the interferences at this level are not as frequent as at the lexical level [Appel, Muysken 1996: 164]. Furthermore, the speech of the first generation of immigrants is analyzed; it is claimed that their language is less susceptible to the interference at this level than that of the second or third generation. Perotto, comparing the linguistic integration of the first and second generations of immigrants, affirms that the immigrants who received a school education in their homeland possess "established grammar categories" in their minds [Perotto 2013: 238]. For that reason, the research did not register any examples of confusion in the use of cases. Urban showed a few expressions with errors in the use of cases in the speech of informants of the second generation, for example, the use of dative instead of accusative: я жду тебе (*ya zhdu tebe*), 'I am

¹ The phenomenon of interference could be described as "the deviation from the norms of either language which occur in the speech of bilinguals as a result of their familiarity with more than one language, i. e. as a result of languages in contact" [Weinreich, 1953: 1]

² It is evident that it is impossible to mention all the investigations concerning the subject; the presented list only shows the diversity of topics studied by different researchers in relation to the language of Russian immigrants.

waiting you', instead of я жду тебя (*ya zhdu tebia*) [Urban 2004: 242]. In Russian in some contexts the accusative case could be replaced with the genitive, but not with the dative, e. g. видно горы (*vidno goru*), 'the mountain is seen' / горы не видно (*gory ne vidno*), 'the mountain cannot be seen' [Lönngren 2013: 8]. The expression, registered by Urban, violates the norms of Russian. Nevertheless, sometimes, these phenomena occur in the Russian language spoken in Russia [Glovinskaya 2001: 476–478].

Hence morphosyntactic interference is rarer in the speech of the first generation of immigrants than in the speech of their descendants. Despite the fact that the phenomena of this kind are studied rarely, the analysis of interferential processes in the language of the first generation of immigrants can provide a valuable material for further studies of language contacts.

The Russian-speaking community in Barcelona is growing from year to year. According to statistical data provided by the *Statistical Institute of Catalonia*, the number of Russians in the autonomous community have multiplied considerably over the past 15 years, from 1,090 persons in 2000, to 15,293 in 2010 and to 21,319 in 2015 [*Institut d'Estadística de Catalunya*]. The province of Barcelona is home to 12,212 Russians, i. e. for 57,28% of all the Russians in Catalonia. The Russian population in the province of Barcelona shows the same dynamics of growth as in the whole autonomous community; the annual increase is 6–8 %. In 2000, the Russian community in the province consisted of 632 immigrants; in 2010, of 8,574, and in 2015, it came to 12,212.

The analysis of language of Russian immigrants in Barcelona is based on 40 interviews with members of the community. All of them belong to the first generation of immigrants. Three informants arrived in Barcelona before 2000 (in 1995, 1997 and 1999); the other immigrated in the 21st century: twelve informants in 2000–2005; ten in 2006–2010, and fifteen in 2011–2015.

11 male and 29 female informants were interviewed. The proportion of men and women reflects the percentage of gender groups in the Russian immigrant community in Barcelona (32,66–67,34%). All the informants are aged between 19 and 61. On the one hand, the research did not analyze the speech of those who had started to learn Spanish before 12. This age, marked by Lenneberg as a border in the Critical Period Hypothesis five decades ago [Lenneberg 1967], nowadays is described as the separation line between the child bilingualism and the teenager (adult) bilingualism [Chirsheva 2012: 58]. All the interviewed immigrants speak Spanish as L2; as is known, "second language learners are frequently found to have a detectable foreign accent even after learning / using the target L2 for years" [Li 2016: 76]. The study of language of children who began to speak Spanish before 12 requires a separate analysis; their speech cannot be compared to that of immigrants who came to Barcelona as adults. For that reason we set an age limit in selecting informants for the interview: the youngest interviewed immigrant was 19 years old (and he has been living in Spain since age 14). On the other hand, language acquisition in case of people of an advanced age is of a peculiar kind; therefore, it was decided not to interview senior people.

Another relevant sociolinguistic variable that was taken into consideration is the level of education. The informants were divided into 2 groups: immigrants with a secondary education (9 persons) and immigrants with a higher education (31 persons). There are 7 university students – sophomores and senior students. Research shows that their speech (in Spanish, Catalan, and Russian) is more similar to the speech of the informants with a higher education than those with secondary education.

The mother tongue of all the interviewed immigrants is Russian; they learned Spanish as a foreign language when they were teenagers or adults. All of them speak Spanish; 21 informants also speak Catalan, but only 5 of them use Catalan more often than Spanish.

The duration of every interview was approximately one hour. It consisted of reading a text in Spanish aloud (4–7 minutes), an orthographic test (3 minutes) and a semi-free conversation during the rest of time. The languages of the conversation were Russian and Spanish. During the interview there was a discussion of questions concerning the biography of an immigrant, his or her experience in learning Spanish, problems in the process of assimilation in Spain and the informant's plans for the future. Each interview was recorded with an Ipad and later transcribed with symbols of IPA (International Phonetic Alphabet).

INVESTIGATION RESULTS

The results obtained after the analysis of the interviews were compared to the conclusions of the study by Urban [2004]. It should be taken into account that Urban's investigation considers the language not only of the first generation of immigrants, but also of the second and third. Therefore, only a part of Urban's findings can be compared with the present research. Also it should be taken into consideration the influence of Catalan on the speech of Russian immigrants in Barcelona and distinctions between diatopic varieties of Spanish in Argentina and in Catalonia.

The copying of syntactic constructions is considerably more frequent than the borrowing of morphemes. We noticed only one example of the latter in the texts of our interviews; the inference that the interference of morphemes from Spanish into Russian (spoken by the first generation of immigrants in Catalonia) is rather an exception than a regular law could be deduced. An illustration of this phenomenon is the expression *говорит на каталане* (*govorit na katalane*), 'to speak Catalan'. The Russian adjective *каталанский* (*katalanski*), 'Catalan' (referring to the language), is formed with the suffixes *-ск* and *-ий* (the latter morpheme marks the masculine singular form). In Russian spoken by immigrants in Barcelona this word loses these two suffixes, allegedly under the influence of Spanish (*catalán*). At the same time, it conserves the Russian declension. The registered form *каталане* (*katalane*) does not mark the grammatical gender of the word: the desinence *-e* in the Prepositional case could correspond to masculine, feminine or neuter gender. Anyway, this example shows no Spanish morpheme in Russian discourse; the substitution of two suffixes by another one can be observed. Urban mentions the form *купили* (*kupiste*), 'you have bought', i. e. a combination of the root of the Russian verb *купить* (*kupit*), 'to buy', and the Spanish suffix *-iste* that marks the preterite tense in Spanish [Urban 2004: 236]. There is no doubt that the morpheme borrowing is a very rare phenomenon among Russian immigrants of the first generation.

Urban shows a few examples of changes in form of words under the influence of Spanish. One of these changes is *апельсина* (*apelsina*), 'orange', instead of Russian *апельсин* (*apelsin*). She comments that this change is due to the analogy with Spanish *naranja*, 'orange', that is, the masculine grammatical gender in Russian switches to the feminine in the Argentinian Russian. However, in the modern Russian language (spoken in Russia) in informal speech exists a diminutive form *апельсинка* (*apelsinka*), also in the feminine gender; the form registered by Urban possibly takes origin from informal Russian.

Sometimes the changes in the word structure could be explained not by the interference of Spanish / Catalan morphemes, but by the phonological influence or the lexical borrowing. For example, the change of lexical stress registered among members of the Russian community in Barcelona in such words as *директор* (*direktór*), 'director', *телевизор* (*televizór*), 'TV set', *футбол* (*fútbol*), 'football', is an accentological phenomenon that should be classified as an interference at the phonological level. On the other hand, the use of such lexeme as *супермеркат* (*supermerkát*), 'supermarket', instead of *супермаркет* (*supermarkét*), is an example of lexical interference [Tereshchuk 2015: 296–297]. In this case it is not a separate morpheme that is introduced to Russian, but the whole Spanish / Catalan word.

Another type of interference at the morphosyntactic level is the calque of some Spanish / Catalan syntactic constructions in Russian discourse. The most specific example is an excessive use of patterns with the verb *делать* (*delat*), 'to do'. In the speech of interviewed informants following expressions have been detected: *делать мастер* (*delat master*), 'to study a Master degree'; *делать резиденцию* (*delat rezidentsiu*), 'to obtain a residence permit'; *делать манифестацию* (*delat manifestatsiu*), 'to rally'. In Russian these expressions are formed without the verb *делать*: *учиться в магистратуре* (*uchitsia v magistrature*), *оформлять вид на жительство* (*oformliat vid na zhitelstvo*), *проводить манифестацию* (*provodit manifestatsiu*)¹. It could be suggested that the excessive use of constructions with the verb *делать* in the speech of members of the studied immigrant group could be related to the fact that the variety of Spanish spoken in Catalonia tends to a more frequent use of models with *hacer*, 'to do', than other geolinguistic varieties of the language [Wesch 1997: 303–304]. This phenomenon is explained by the influence of Catalan. The verb *fer* ('to do' in Catalan) plays an important role in the Catalan syntax; there is a number of Catalan predicate expressions with this verb which Spanish analogues are formed without *hacer*, e. g. *fer anar* – *mover*, 'to move'; *fer saber* – *comunicar*, 'to communicate'; *fer llum* – *dar luz*, 'to illuminate', etc. It is known that constructions with the verb coming from the Latin *facere*, 'to do' are widespread in all the languages of the northwestern part of the Iberian Peninsula [Zelikov 2001: 112–114]. On the other hand, the excessive use of the verb *делать* was also detected in the Russian language of some other immigrant communities. Urban registered constructions with *делать* with causative meaning: *Ты мне сделал напомниться* (*Ty mne sdelal napomnitsia*), 'You reminded me'; *Ты мне сделал обидеться* (*Ty mne sdelal obidetsia*), 'You offended me'. Bagana noticed in the speech of Russian immigrants in Portugal an expression *Когда ты делаешь годы?* (*Kogda ty delaesh gody*), 'When is your birthday?', under the influence of Portuguese *Quando fazes anos?* [Bagana, Blazhevich 2011: 14]. Zhdanova described the speech of Russians in Germany; she showed some expressions with the excessive use of *делать*, e. g. *Он делает славистику и германистику* (*On delaet slavistiku i germanistiku*), 'He follows Slavonic and German Studies', calqued on German *Er macht Slawistik und Germanistik* [Zhdanova 2012: 687]. These examples show that the explanation of this phenomenon due to the characteristics of Spanish in Catalonia could not be taken for granted. It is required to conduct a further research in this field that would show if the frequency of constructions with the verb *делать* in the speech of Russian immigrants in Catalonia is higher than in other regions of Spain or Spanish-speaking countries; also the language of Russian communities in other countries in relation to this subject should be studied.

¹ It should be noticed that in spoken language some of these constructions could be also expressed with the verb *делать*: *делать вид на жительство* (*delat vid na zhitelstvo*).

Делать is not the only verb that is widely used in the speech of Russians in Barcelona under the Spanish / Catalan influence. In the texts of the interviews a redundant use of the verb *иметь* (*imet*), 'to have' has been noticed. In Russian this verb is often replaced by an impersonal construction with the verb *быть* (*byt*), 'to be': *я имею* (*ya imeiu*) = *у меня есть* (*u menia est*), being the second option much more extended in the modern language. The verb *иметь* cannot be substituted by the impersonal construction only in the imperative mood and in some set phrases, e. g. *имейте терпение* (*imeite terpenie*), 'be patient'; *иметь глупость* (*imet glupost*), 'to be silly enough to do something'. At the same time, in some contexts only the impersonal construction could be used: *У тебя есть минута?* (*U tebia est minuta*), 'Do you have a free minute?' ≠ **Ты имеешь минуту?* (*Ty imeesh minutu*). Nevertheless, a preference of nominal predicates with the verb *иметь* to impersonal constructions in Russian spoken by immigrants in Catalonia could be observed: *Он имеет три машины* (*On imeet tri mashiny*), 'He has three cars'. The phrase is grammatically correct, but in modern Russian it is less natural than the impersonal variant *У него есть три машины* (*U nego est tri mashiny*). At the same time, some uses of the verb *иметь* that are inadmissible in Russian were registered. The expression *Он имеет страх* (*On imeet strah*), 'He is afraid', is a calque on Spanish *Tiene miedo* or on Catalan *Té por*¹. The example registered in Barcelona was detected in the speech of a male informant who immigrated in 2004, that is, he has spent more than a decade in the Spanish / Catalan-speaking society. He speaks both languages of the autonomous community, consequently it is impossible to determine whether this interference comes from Spanish or Catalan, but it could be established that instead of choosing an appropriate Russian expression *Он боится* (*On boitsia*) or *Он испытывает страх* (*On ispytyvaet strah*), the informant prefers to form the phrase according to norms of Spanish / Catalan syntax.

The similar phenomenon was also registered by Zhdanova in Germany. She detected the phrase *Я имела языковой курс* (*Ya imela yazykovoi kurs*), 'I attended a language course', instead of *Я прошла языковой курс* (*Ya prosha yazykovoi kurs*) among Russian immigrants in this country [Zhdanova 2012: 690]. The German sentence that was taken as a pattern is *Ich hatte einen Sprachkurs*; nevertheless, it should be noticed that more adequate German phrase in this context is *Ich machte einen Sprachkurs*, without the verb *haben*, 'to have'. Another option is to use the Present Perfect, *Ich habe einen Sprachkurs gemacht*. The verb *haben* in this case is auxiliary.

The fact that some interferences registered in situations of Russian-Spanish / Catalan and of Russian-German contact coincide can be explained by a certain degree of similarity that Romance and West Germanic languages share in some aspects in comparison with Russian. One of these interferences, present in the speech of Russian immigrants in Catalonia, is *взять поезд* (*vziat poezd*), 'to take a train', instead of *сесть на / в поезд* (*sest na / v poezd*), literally, 'to sit in the train'. This expression is widespread among the Russian community in Barcelona (referring not only to the trains, but also to other modes of transport); it is a calque on Spanish *coger el tren* or Catalan *agafar el tren*. We did not find analogous examples in the researches concerning the language of Russian immigrants in other countries, but it could be suggested that the same expression might be characteristic for the speech of Russians living in Romance and Germanic-speaking countries, in which the equivalent of 'to take a train' is used (cf.: Germ. *den Zug nehmen*; Fren. *prendre le train*; Ital. *prendere il treno*; Port. *tomar o comboio*).

¹ Urban also noted in Argentina *Я имею страх* (*Ya imeiu strah*), 'I am afraid' [Urban 2004: 242].

CONCLUSION

In Russian language spoken by the members of Russian community in the province of Barcelona, in Spain, similar interferential processes are observed as just like in other countries. Even the immigrants of the first generation tend to imitate Spanish and Catalan syntactic structures and introduce them into their speech. The influence of the local languages results in production of expressions that are inappropriate in Russian spoken in Russia, but are understandable and acceptable among members of the immigrant community. It is impossible to determine which language (Spanish or Catalan) has a more ostensible impact on the studied linguistic variety at the morphosyntactic level; the registered interferences can take origin from any of the local vernaculars.

ЛИТЕРАТУРА

Багана Ж., Блажевич Ю.С. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на примере русского и португальского языков) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 2(14). С. 10–15.

Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 341–492.

Голубева-Монаткина Н.И. О современной языковой культуре потомков русских эмигрантов в Канаде // США – Канада: Экономика – политика – культура. 1999. № 10. С. 100–108.

Жданова В.В. Язык русской диаспоры: к проблеме типологии морфологических и синтаксических характеристик // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчика. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 682–695.

Зеликов М.В. Модели с глаголом действия в языках Западной Романии // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 107–129.

Ленгрен Л. Русские падежи сквозь призму валентности // Poljarnyj vestnik. 2013. № 16. С. 1–22.

Перотто М. Витальность русского языка у второго поколения русскоязычных мигрантов в Италии: К продолжению исследования // Contributi italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti. Минск, 2013. С. 229–251.

Перотто М. Два поколения русскоязычных в Италии: условия сохранения и утраты языка // Русский язык зарубежья. СПб.: Златоуст, 2015. С. 237–257.

Протасова Е.Ю. Фенороссы: Жизнь и употребление языка. СПб.: Златоуст, 2004. 308 с.

Терещук А.А. Лексическая интерференция в речи представителей русскоязычной диаспоры в Каталонии // Древняя и Новая Романия. 2015. № 16(2). С. 290–300.

Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012. 486 с.

Appel R., Muysken P. Bilingüismo y contacto de lenguas. Barcelona: Ariel, 1996. 304 p.

Institut d'Estadística de Catalunya. URL: <http://www.idescat.cat> (accessed: 08.05.2017)

Lenneberg E. H. Biological foundations of language. New York: Wiley, 1967. 489 p.

Li Y. Degree of Foreign Accent in English Production by Japanese, Thai and Italian Adults and Children // The Asian EFL Journal. 2016. № 95. P. 75–90.

Perotto M., Ambrosi C. Emigrazione e bilinguismo. Realtà russofone a confronto // Studi slavistici. 2009. № 6. P. 171–195.

Perotto M. Vitalità della lingua russa nell'immigrazione russofona in Italia: una proposta di analisi integrata // Mediazioni. 2012. № 13. P. 1–26.

Urban A. Russisch-spanischer Sprachkontakt in Argentinien. Wien: Praesens, 2004. 289 S.

Weinreich U. Languages in contact, findings and problems. New York: Linguistic Circle of New York, 1953. 148 p.

Wesch A. El castellano hablado de Barcelona y el influjo del catalán. Esbozo de un programa de investigación // Verba. 1997. № 24. P. 287–312.

REFERENCES

Bagana Z., Blazhevich Y.S. Lexical Interference in a Situation of a Language Contact (based on example of Russian and Portuguese). *Vestnik Irkutskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*. 2011. No 2(14), pp. 10–15.

Glovinskaya M.Y. Common and Specific Processes in the Languages of the Motherland and of the Emigration. In: The language of Russian Emigration: Common Processes and Speech Portraits. Moscow. Yazyki Slavianskoy Kultury Publ. 2001, pp. 341–492.

Golubeva-Monatkina N.I. About the Modern Language Culture of the Descendants of Russian Emigrants in Canada. *SSHA – Kanada: Ekonomika – politika – kultura*. 999. No 10, pp. 100–108.

Zhdanova V.V. The Language of the Russian Diaspora: The Question of the Typology of Morphological and Syntactic Characteristics. In: Meanings, Texts and Other Interesting Topics: Collection of Articles in Honor of 80th Anniversary of I.A. Melchuk. Moscow. Yazyki Slavianskoy Kultury Publ. 2012, pp. 682–695.

Zelikov M.V. The Models with Action Verbs in the Languages of Western Romania. *Voprosy Yazykoznaniya*. 2001. No 4, pp. 107–129.

Lönngren L. Russian Cases through the Prism of Valency. *Poljarnyj Vestnik*. 2013. No 16, pp. 1–22.

Perotto M. The Vitality of the Russian Language among the Second Generation of Russian-Speaking Migrants in Italy: The Continuation of the Study. In: Contributi italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti. Minsk. 2013, pp. 229–251.

Perotto M. Two Generations of Russian-Speaking Immigrants in Italy: Conditions of Preservation and Loss of Language. In: The Russian Language in the Foreign Countries. St.-Petersburg. Zlatoust Publ. 2015, pp. 237–257.

Protasova E.Y. Finnish Russians: Life and Use of Language. St.-Petersburg. Zlatoust Publ. 2004. 308 p.

Tereshchuk A.A. Lexical Interference in the Speech of the Members of the Russian-Speaking Diaspora in Catalonia. *Drevniaya i Novaya Romaniya*. 2015. No 16(2), pp. 290–300.

Chirsheva G.N. Child Bilingualism: Instantaneous Learning of Two Languages. St.-Petersburg. Zlatoust Publ. 2012. 486 p.

Appel R., Muysken P. (1996) Bilingüismo y contacto de lenguas. Barcelona. Ariel. 304 p.

Institut d'Estadística de Catalunya. URL: <http://www.idescat.cat> (accessed: 08.05.2017).

Lenneberg E.H. (1967) Biological Foundations of Language. New York. Wiley. 489 p.

Li Y. Degree of Foreign Accent in English Production by Japanese, Thai and Italian Adults and Children. *The Asian EFL Journal*. 2016. No 95, pp. 75–90.

Perotto M., Ambrosi C. Emigrazione e bilinguismo. Realtà russofone a confronto. *Studi slavistici*. 2009. No 6, pp. 171–195.

Perotto M. Vitalità della lingua russa nell'immigrazione russofona in Italia: una proposta di analisi integrata. *Mediazioni*. 2012. No 13, pp. 1–26.

Urban A. (2004) Russisch-Spanischer Sprachkontakt in Argentinien. Wien. Praesens. 289 S.

Weinreich U. (1953) Languages in Contact, Findings and Problems. New York. Linguistic Circle of New York. 148 p.

Wesch A. El castellano hablado de Barcelona y el influjo del catalán. Esbozo de un programa de investigación. *Verba*. 1997. No 24, pp. 287–312.

Сведения об авторе:

Андрей Андреевич Терешук,
PhD (филология)
Управление по связям с общественностью
РГПУ им. А.И. Герцена

Andrei Tereshchuk,
PhD (Philology)
Department of Public Relations
Herzen State Pedagogical University of Russia
san_petersburgo@inbox.ru
atereschuk@herzen.spb.ru

И.В. Ключева (Саранск, Россия)

Лев Толстой в творческом сознании Степана Эрзя

Аннотация: В статье выявляется значение творческой личности Л.Н. Толстого для культурного сознания России конца XIX – первой трети XX в. Рассматриваются художественные интерпретации его образа отечественными художниками – живописцами (М.В. Нестеров) и скульпторами (А.С. Голубкина, В.Н. Домогацкий, К.Ф. Крахт, П.П. Трубецкой и др.) – в этот период. В данном контексте выявляется специфика восприятия Толстого скульптором С.Д. Эрзей. Анализируются как известные, так и неизвестные, несохранившиеся изображения великого русского писателя, созданные мастером в период пребывания в Европе (1907–1914) и в Аргентине (1927–1950) в разных материалах (гипс, цемент, дерево и др.). Вводятся в научный оборот новые архивные документы, малодоступные материалы из зарубежной (итальянской, аргентинской) прессы начала – середины XX в.

Ключевые слова: С.Д. Эрзя, Л.Н. Толстой, русская скульптура XX в., Л.Н. Толстой в изобразительном искусстве

I.V. Klyueva (Saransk, Russia)

Leo Tolstoy in Stepan Erzia's Creative Consciousness

Abstract: The article exposes the importance of L.N. Tolstoy's creative personality for the Russian cultural consciousness in the late 19th – first third of the 20th century. It discusses artistic interpretations of his image created by the Russian painter Mikhail Nesterov and sculptors A.S. Golubkina, V.N. Domogatsky, K.F. Kracht, P.P. Troubetzkoy during this period. Emphasis is laid on the perception of Tolstoy by the sculptor S.D. Erzia. The article analyzes well known, little unknown, and non-preserved images of the great Russian writer created by the sculptor in plaster, cement, and wood during his stay in Europe (1907–1914) and Argentina (1927–1950). The paper introduces new archival documents, inaccessible materials from the Italian and Argentinian press of the early-mid 20th century.

Key words: S.D. Erzia, L.N. Tolstoy, Russian sculpture of the 20th century, L.N. Tolstoy in fine arts

Центрообразом масштабного художественного мира, «скульптурной вселенной», созданной Степаном Дмитриевичем Эрзэем (Нефёдовым, 1876–1959), является «базовая личность» культуры романтического типа – Художник¹. Мастер создает свой пантеон «сверхлюдей»², в который наряду и наравне с библейскими и евангельскими персонажами (Моисей, Иоанн Креститель, Христос³) включает величайших художников и мыслителей мира (Бетховен⁴, Микеланджело⁵, Сократ⁶). В это число Эрзэя предполагал включить и выдающихся деятелей русской культуры: он создал портреты Вл. Соловьева (1911, не сохранился), Ф.И. Шаляпина (1909, не сохранился)⁷; в 1950-х гг. в Москве принял участие в конкурсе на памятник Н.А. Некрасову для Ленинграда, создал бюст академика И.П. Павлова, планировал принять участие в конкурсе на памятник М.Ю. Лермонтову для Москвы. Важное место в эрзинском пантеоне занимает образ Льва Николаевича Толстого, к которому он обращался неоднократно – в период своего пребывания в Европе (1907–1914) и в Аргентине (1927–1950).

В конце XIX – начале XX в. Толстой – безусловный духовный, нравственный авторитет как для соотечественников, так и для ищущих ценностные ориентиры интеллектуалов и обычных людей всего мира. Имение писателя Ясная Поляна в Тульской губернии и его дом в Москве, в Хамовниках, становятся местами настоящего паломничества. На рубеже веков интерес к творчеству и личности «Льва Великого» был беспрецедентен, писатель являлся в это время едва ли не самой резонансной фигурой в жизни страны – в связи с его отлучением от церкви, письмом к царю, юбилеями (70, 75, 80 лет со дня рождения). Публицист А.С. Суворин в 1901 г. говорил, что в России два царя – Николай II и Лев Толстой⁸. Всплеск внимания к личности автора «Войны и мира» наблюдался и в 1910-е гг. – после его смерти, сами обстоятельства которой не могли не вызвать широкого общественного обсуждения.

Искусствовед М.Ю. Герман утверждает, что в начале XX в. «еще писавший Лев Толстой почти забывался вместе с XIX веком...»⁹. Безусловно, среди современников писателя были и те, кто мог бы согласиться с подобным мнением. Так, А.В. Амфитеатров (с которым Эрзэя тесно общался в период своего пребывания в Европе) в 1907 г. заявлял: «...я... принадлежу к числу тех “восьмидесятников”, в жизни и развитии которых Толстой прошел стороной и почти бесследно»; тем

¹ Ключева И.В., Гринцова О.В. Художник в культурно-исторических версиях эстетизма (романтизм, модернизм, постмодернизм) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Режим доступа: www.science-education.ru/121-18762 (дата обращения: 08.06.2015).

² Ключева И.В. Художник как центрообраз творчества С. Эрзи (к проблеме иконографии раннего модернизма) // Творческая личность: субъект и объект культуросообразной деятельности: коллективная монография. СПб., 2013. С. 217–230.

³ Ключева И.В. Образ Христа в творчестве Степана Эрзи // Христианство и мировая культура. Междунар. науч. конф. Тез. докл. 30–31 окт. 2001 г. Ереван, 2001. С. 114–116.

⁴ Ключева И.В. «Бетховен» Степана Эрзи в контексте художественной антропологии модерна и символизма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 231–238.

⁵ Ключева И.В. Микеланджело в творческом сознании Степана Эрзи // XLI Огарёвские чтения. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. С. 134–138

⁶ Ключева И.В. Образ Сократа в творчестве Степана Эрзи (Интерпретация культурно-исторического прошлого в искусстве модерна и символизма // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2017. № 1–2. С. 4–9.

⁷ Ключева И.В. С.Д. Эрзэя и украинские скульпторы: пересечения, параллели, влияние // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6–2(28). С. 28.

⁸ Дневник А.С. Суворина / Ред., предисл. и примеч. М. Кричевского. М.; Пг., 1923. С. 263.

⁹ Герман М.Ю. Модернизм. Искусство первой половины XX века. СПб., 2003. С. 25.

не менее известный беллетрист признавал свое «глубокое уважение к личности Л.Н. Толстого», «восторженное благоговение к его стихийному гению и великим заслугам в области литературы и общего русского культурного сознания»¹.

А.К. Якимович, в отличие от Германа, считает, что Толстой принципиально актуален для новаторских художественных и философско-культурологических концепций XX в.: «...Историки искусства полагают, будто Толстой – духовный современник Крамского и Николая Ге. Но мне всегда казалось, что странный, безумный отказ от своего “рационального Я” и своей личности ради хаотического, органического, внеличного мира живой жизни – то, о чем Толстой писал всегда, а к концу жизни стал писать исключительно, – обращаясь не к социально-нравственно ориентированным мироустроителям русского XIX века, а к людям эпохи Фрейда, Андре Бретона, Марка Шагала, Пабло Пикассо»².

М.М. Бахтин отнюдь не отрицал в Толстом «отказа от своей личности», напротив, подчеркивал в нем наличие «индивидуалистского» начала, но связывал его с «восточной стихией» – в противовес западному, рационалистическому мировоззрению: «Своеобразный тип индивидуализма, созданный Толстым... Это восточный буддийский индивидуализм в противоположность западному, деятельному и гордому... Личная инициатива, лишенная исторической почвы, устремляется на внутренний путь. ...Идея крестьянина – крепкого крестьянина-переселенца уступила место идее крестьянина-странника, юродивого бродяги, не строящего дома и семьи... Борьба в религиозном мировоззрении Толстого двух начал: европейского, протестантского (кальвинического) сектантства с его благословением даров земных, с его освящением благосостояния и хозяйственного роста и восточного сектантства буддийского толка с его бродяжничеством и враждой ко всякой собственности и всякой внешней деятельности. Он ближе к Индии, чем к Америке»³.

С пиететом относились к личности и творчеству Толстого авторы, определившие наиболее влиятельный художественно-философский тренд в отечественной культуре рассматриваемого периода, – символисты. Если Д.С. Мережковский отмечал в Толстом «мучительное раздвоение» («рядом с бессознательной, донные еще не исследованной творческой силой в нем скрывается утилитарный и методический проповедник...»⁴), то А. Блок и А. Белый видели и ценили в нем именно «стихийного художника». Для Блока Толстой – «последний гений». В статье «Солнце над Россией» (1908) поэт говорил о нем: «Величайший и единственный гений современной Европы, величайшая гордость России, человек – одно имя которого – благоухание, писатель великой чистоты и святости... Ведь гений одним бытием своим как бы указывает, что есть какие-то твердые, гранитные устои: точно на плечах своих держит и радостью своей поит и питает свою страну и свой народ... Толстой идет – ведь это солнце идет... Все современные русские граждане, без различия идей, направлений, верований, индивидуальностей, профессий, впитали с молоком матери хоть малую долю его великой жизненной силы...»⁵. Толстой ассоциируется у поэта с вьюгой, мировым ветром, веющим на первозданных просторах, шумным океаном, витальной силой, свойственной вся-

¹ Амфитеатров А.В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Ч. 1. М., 2003. С. 419.

² Якимович А. Магическая вселенная. Очерки по искусству, философии и литературе XX века. М., 1995. С. 27–28.

³ Бахтин М.М. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 2000. С. 206–207.

⁴ Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 2007. С. 466.

⁵ Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1971. С. 243–244.

кому естественному природному существованию: «Спорить с ним все равно, что спорить со снежным ветром», – писал он в 1907 г.¹

Подобный ассоциативный ряд вписывается в общеромантическую образно-мотивную систему, переосмысленную Ф. Ницше в духе дионисийства и активно использовавшуюся русским символизмом (образы стихий ветра, огня и связанные с ними мотивы полета (танца), горения-сгорания). В представлении Ницше художник, гений, творец – это тот, кто подобен «очистительному ветру для старых удушливых склепов»², кто «готов и страстно желает летать и улетать...»³, превосходя собственные силы – «видя себя под собой»⁴, кто готов «сжигать себя в своем собственном пламени»⁵, «нести свой огонь в долины»⁶.

Характеризуя творческую личность, Блок нередко использует мотив «мирового сквозняка»: так, Вл. Соловьев ассоциируется у него со «стоянием на ветру из открытого в будущее окна», с «постоянным нарушением равновесия»⁷. Для А. Белого Толстой также является олицетворением мощных природных сил: ветра (пурги), «простора громового»: «Старик лихой, старик пурговый / Из грозных косм подъемлет взор, – / Нам произносит свой суровый, / Свой неизбежный приговор» («Льву Толстому», 1908)⁸. Следует подчеркнуть и важнейшее отличие трактовки образа Толстого русскими символистами от концепции творческой личности Ницше: русский гений выступает и выносит свой нравственный приговор не только от имени природы, но и от имени народа.

«Русские живописцы и скульпторы XIX века вволю пописали и полепили отшельника и пророка из Ясной Поляны»⁹, – пишет Якимович. Это продолжается и с наступлением XX в. На рубеже веков и в начале нового столетия прижизненные портреты писателя создают графики, живописцы, скульпторы: Н.А. Андреев, Н.Л. Аронсон, И.Я. Гинцбург, М.В. Нестеров, Л.О. Пастернак, И.Е. Репин, П.П. Трубецкой, увлекавшийся скульптурой сын писателя Лев Львович Толстой и др. Новый всплеск обращений к образу Толстого был связан с его резонансным уходом из жизни. Появляются работы А.М. Гюрджана, С.Д. Меркурова (которому было доверено снять посмертную маску с писателя), Б.М. Микешина и др. После Октябрьской революции 1917 г. по плану монументальной пропаганды работает над «Головой Толстого» скульптор К.Ф. Крахт (1917–1919). В 1928 г. мировая общественность отмечала 100-летие со дня рождения писателя. К этой дате в СССР его скульптурные портреты были созданы А.С. Голубкиной (1927), В.Н. Домогацким (1928, два бюста и барельеф), Б.Д. Королевым (1928, по заказу А.В. Луначарского).

Концепции визуального образа великого художника-мыслителя разнообразны. Наиболее значительное из нескольких его изображений, выполненных Трубецким, – портретный бюст 1899 г., в котором Толстой предстает как «стихийный художник», неразрывно связанный с природой (что в целом нехарактерно для этого скульптора, в образах которого «культурное» начало доминировало над

¹ Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. С. 154.

² Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 167.

³ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 138.

⁴ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 30.

⁵ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 46.

⁶ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 7.

⁷ Блок А. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. С. 504.

⁸ Белый А. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 329.

⁹ Якимович А. Магическая вселенная: Очерки по искусству, философии и литературе XX века. М., 1995. С. 27.

«природным»): «В небольшом по размерам произведении скульптору удалось достичь впечатления необычайной значительности портретируемого. Вылепленный в мягком материале... и сохранивший в бронзовом отливе динамику фактуры, бюст Толстого вызывает ассоциации с застывшим потоком лавы, принявшей облик человека. В этом эффekte – зерно образно-поэтической мысли скульптора, увидевшего в Толстом персонификацию стихийной силы природы, как бы перевоплощенной в мощь человеческого интеллекта»¹, – говорится об этом произведении в книге М.М. Алленова, Е.С. Евангуловой, Л.И. Лифшица.

Нестеров в живописном портрете 1907 г. подчеркивает в облике Толстого «благородное старчество»², изображая его мягким, человеческим, созерцающим. «Портрет старику нравится, – свидетельствовал художник, – хотя он и говорит, что любит себя видеть более “боевым”; для меня же, для моей картины он нужен сосредоточенным, углубленным»³.

Гюрджан вылепил портретный бюст Толстого (первоначальное название – «Мыслитель») в 1911 г. в Париже, в 1913 работа была отлита в бронзе, в 1914 г. – переведена в мрамор. Позже он выполнил еще один, больший по размеру мраморный бюст писателя, который в 1955 г. был установлен в сквере Толстого в столице Франции. Исследователь творчества армянского скульптора Р.Г. Драмбиан пишет, что Гюрджан «подчеркнул не только индивидуальные, но и этнические черты. “Толстой” Гюрджана – это умудренный жизнью простой человек и прежде всего русский. Но в то же время в нем нет ничего житейски обыденного... Толстой изображен ушедшим в свои мысли. В какой-то мере скульптор идеализировал Толстого, и при имеющемся сходстве он не совсем похож на того яснополянского Толстого, которого мы знаем по многочисленным снимкам, по известным портретам Репина, Крамского»⁴.

В скульптуре Крахта выявлены «не столько внешний облик и особенности характера писателя, сколько скрытые движущие силы творческого “горения духа”. Почти библейское лицо старца таит в своей динамической и вместе с тем хладнокровно-остраненной экспрессии что-то от театральной маски»⁵, – пишет искусствовед М.Л. Зингер.

Для Домогацкого, как считает искусствовед М.М. Кораллов, Толстой прежде всего художник, великий писатель, в нем нет ничего стихийного, нарочито подчеркнутого и символичного, только «напряжение мысли и глубокая скорбная дума»⁶. В скульптурном портрете, выполненном Королевым, С.Г. Капанова видит «кряжистую мощь и силу, энергию духа и формы»⁷.

Один из лучших портретов Толстого создала Голубкина. Известно, что она лично встречалась с писателем в 1900 г. и под впечатлением от этой встречи сумела дать ему глубокую нравственно-психологическую характеристику. Портрет, выполненный Голубкиной, далек от идеализации. Преклоняясь перед Толстым как великим художником-мыслителем, скульптор была разочарована в нем как в человеке: он показался ей неискренним, «нарочитым». З.Д. Клобукова передавала

¹ Алленов М.М., Евангулова Е.С., Лифшиц Л.И. Русское искусство X – начала XX века: Архитектура. Скульптура. Живопись. Графика. М., 1989. С. 466.

² Нестеров М.В. Из писем. Л., 1968. С. 182.

³ Нестеров М.В. Давние дни. Встречи и воспоминания. М., 1959. С. 278.

⁴ Драмбиан Р.Г. Акоп Гюрджан. Ереван, 1973. С. 24–25.

⁵ Зингер М. Константин Крахт // Советская скульптура. М., 1983. № 7. С. 149.

⁶ Кораллов М.М. По страницам трех юбилеев // Л.Н. Толстой и изобразительное искусство: Сб. статей. М., 1981. С. 151.

⁷ Капанова С.Г. Портреты Толстого в русском дореволюционном и советском искусстве // Л.Н. Толстой и изобразительное искусство: Сб. статей. М., 1981. С. 96.

ее впечатления: «Анне Семеновне не понравилось, что у Толстого и в одежде и в его обиходе была видна подделка “под мужика”, тогда как в каждом движении чувствовался большой барин, граф»¹. Одна из ведущих современных исследователей отечественной скульптуры О.В. Калугина утверждает, что во время работы над образом Толстого в Голубкиной «продолжали бороться понимание его образа как великого творца и разочарование от несовместимости личности такого масштаба с непоследовательностью, а порою и с двойственностью конкретных поступков»².

Согласно широко распространенной версии, Степан Эрзя также встречался с Толстым – в 1902 г.³ Нам эта версия представляется весьма сомнительной⁴, однако подчеркнем, что в период своего обучения в Москве – в Строгановском Центральном художественно-промышленном училище (1901/1902 учебный год) и особенно в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ, 1902–1907) – будущий скульптор живо интересовался личностью и творчеством великого писателя. События и многие обстоятельства жизни Толстого освещались в это время в прессе, в том числе в газете «Русское слово», в редакции которой Эрзя некоторое время сотрудничал в качестве фотографа. Они постоянно обсуждались учащимися МУЖВЗ. В окружении Эрзи были люди, которые позже стали членами общин толстовцев, например, дочь скульптора-архитектора С.А. Пожилыцова Екатерина⁵. (Эрзя тесно общался с семьей Пожилыцова на протяжении нескольких лет. В 1906 г. он выполнил портрет приемной дочери Пожилыцова Христы⁶.) В постоянном контакте с Толстым в период обучения Эрзи в МУЖВЗ были его непосредственные учителя – Л.О. Пастернак и особенно Н.А. Касаткин, с которым скульптор всегда был в тесных дружеских отношениях.

В середине 1940-х гг., находясь в Аргентине, Эрзя говорил своему другу и добровольному секретарю журналисту Луису Орсетти об особом пиетете, который он испытывал к Толстому, о «восхитительной чистоте» его жизни⁷, о портрете писателя, созданном Трубецким (по классу которого он числился в МУЖВЗ и творчество которого оказало на него немалое влияние в начале его профессионального пути): «Трубецкой был хорошим скульптором... У него сохранились некоторые хорошие произведения, например, бюст Толстого»⁸.

В аргентинской газете «La Prensa» в 1928 г. подчеркивалось, что характер творчества Эрзи «соответствует его философским идеям, избранным им душам», к

¹ Цит. по: Голубкина А.С. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. М., 1983. С. 339.

² Калугина О.В. Русская скульптура Серебряного века. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 2013. С. 224–225.

³ Сергеев М.Г. С родиной в сердце // Воспоминания о скульпторе С.Д. Эрзе. Саранск, 1972. С. 53–54.

⁴ Ключева И.В. Встреча С.Д. Эрзи с Л.Н. Толстым: исторический факт или автобиографическая мифология скульптора? // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 11–23. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_29825562_73606393.pdf (дата обращения: 08.09.2017).

⁵ Ключева И.В. Екатерина Пожилыцова (еще об одной модели Степана Эрзи) // Феникс–2010: науч. ежегодник каф. культурологии, энокультуры и театр. искусства. Саранск, 2010. С. 144–157.

⁶ Ключева И.В. Проблема научной биографии С.Д. Эрзи: новые факты, документы, материалы // Эрзинские чтения: Сб. материалов VI Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 140-летию со дня рожд. С.Д. Эрзи (7–9 ноября 2016 г.). Саранск, 2016. С. 41–51.

⁷ Орсетти Л. Скульптор Степан Эрзя. Биографические заметки и очерки. 1950 г.: машинопис. копия; пер. с исп. ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 562. Л. 30.

⁸ Орсетти Л. Скульптор Степан Эрзя. Биографические заметки и очерки. 1950 г.: машинопис. копия; пер. с исп. ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 562. Л. 341.

числу которых относятся Бетховен и Толстой¹. Несколько ранее эта же газета писала о «позитивном влиянии», которым российский скульптор обязан философскому учению («доктринам») Толстого. Это влияние, как писала газета, выражается в «экзальтированном чувстве человеческой солидарности, которое стремится поднять униженных – в соответствии с евангельскими принципами»². Журналист и искусствовед Иоханнес Франце писал в 1928 г. в выходящей в Аргентине немецкой газете «Deutsche La Plata Zeitung»: «Эрзя со своей непритязательностью, со своим монашеским одиночеством не привязан к земле, как Толстой, хотя и имеет с ним какие-то общие черты. Он вообще ни к чему не привязан. Ему принадлежит весь мир... Он является своеобразным примером того, что в этом пестром материалистическом мире есть еще существа без высокого образования, свободные от интеллектуализма, наивные, как дети, и плодovitые, как земля, прокладывающие свой путь. Это светящиеся искры, исходящие из глубины духовных миров, кометы в хаосе материализма»³. Удивительным образом эта характеристика Эрзи совпадает с характеристикой творчества Толстого, данной Бахтиным. Личность крестьянина-художника Степана Эрзи, по существу, соответствует типу индивидуализма «восточного типа», представленному в произведениях Толстого: «крестьянин-странник», «бродяга, не строящий дома и семьи», враждебный «ко всякой собственности и всякой внешней деятельности», чья «личная инициатива устремлена на внутренний путь». Эрзе были близки и другие черты мировоззренческой позиции Толстого: проповедь любви ко всему живому, ощущение органической связи с миром природы, с космосом, принципиальный пацифизм.

Вероятно, Эрзя мечтал о создании образа Толстого еще в период учебы в Москве. В личном фонде скульптора в Центральном государственном архиве Республики Мордовия (ЦГА РМ) есть несколько репродукций фотопортретов писателя – вырезки из газет и журналов 1900-х – начала 1910-х гг. Скульптор хранил их всю жизнь, несмотря на переезды, скитания: вероятно, на протяжении многих лет он внимательно изучал внешний облик писателя.

Проблема воплощения образа грандиозной творческой (исторической) личности была для Эрзи непростой. Один из интервьюеров (как установлено нами – С. Розанов) в рукописи, датированной 1921–1922 гг., передает его слова: «Самое редкое, что может быть, редчайшее – портрет. Лица не соответствуют громадным идеям. Я был сопливым мальчишкой и читал Достоевского, плакал... Я увидел после его портрет... борода... Я горел от злости на его лицо. Как увязать то впечатление от Достоевского, то есть *саму сущность* (курсив наш. – И.К.) Достоевского, с его бородой. Ленин невозможно огромен, а его делают с галстуком (так в тексте. – И.К.) <> обязательно набок. Я не могу. Нет большей гримасы на великих людей, чем их портрет»⁴. В этом признании отражена главная художественно-эстетическая установка мастера при создании портрета выдающейся личности: максимальный отход от обыденного, повседневного, случайного, сиюминутного, стремление дать обобщенный образ «на все времена», выразить «саму сущность». Впервые к реализации замысла портрета Толстого Эрзя обратился во Франции, в Ницце, в конце 1909 г. Работа под названием «Философ» была представлена на XXII Международной выставке Ниццкого

¹ El escultor ruso Stephan Erzia // La Prensa. [Buenos Aires]. 1928. Jul. 7.

² El escultor ruso Stephan Erzia, uno de los artista más // La Prensa. [Buenos Aires]. 1927. Jul. 5.

³ Franze J. Stephan Erzia. Ginsiedler, Fraumer. Bildhauer // Deutsche La Plata Zeitung [Buenos Aires]. 1928. Juni 20.

⁴ ОР ГРМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

художественного общества, которая официально открылась 10 февраля (28 января по старому стилю) 1910 г., неофициально – несколькими днями ранее. Как утверждал друг и биограф Эрззи Г.О. Сутеев, после выставки скульптура была приобретена одним из музеев Мюнхена¹. Об этой работе писал авторитетный итальянский искусствовед и художественный критик Уго Неббия в ноябре 1910 г.: «...стоический образ “Философа”, лоб которого, кажется, горит внутренним светом мысли»².

О смерти Толстого Эрззи узнал, находясь в Париже. Зимой 1910 – весной 1911 г., готовясь к Всемирной выставке в Риме, скульптор работает над масштабной композицией «Распятый Христос» («Христос с философами»). У подножия креста он предполагает разместить изображения выдающихся мыслителей и подвижников всех времен и народов. В их число, как пишет Сутеев, были включены Леонардо да Винчи, Савонарола, Сократ, Вл. Соловьев, Л. Толстой и др.³ Согласно К.Г. Абрамову, философов было двенадцать⁴ – т. е. скульптор избирает «новых апостолов» из числа выдающихся деятелей культуры. По версии С. Розанова, композиция включала в себя до шестидесяти фигур: «...скульптор изображает распятого Христа, вокруг которого собралось несколько десятков философов и великих людей всех времен и народов... Задачей всей композиции для автора являлось желание выразить через лица и позы этих людей отношение человечества к распятому Христу. К великому сожалению, композиция эта еще в глине была уничтожена, и от нее осталось всего лишь несколько голов да обломков фигур»⁵. Согласно Сутееву, портреты мыслителей на выставку не попали, потому что у Эрззи не хватило средств на их отливку. Был выставлен только «Христос распятый»⁶.

Фотографии с двумя созданными в этот период изображениями Толстого были присланы Эрззей из Франции в Москву – его коллеге и другу, соученице по МУЖВЗ М.Д. Рындзюнской. Из эрззинских писем к ней, находящихся сегодня в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ), проанализированных нами в отдельной статье⁷ и полностью опубликованных в монографии⁸, следует, что он отправлял коллеге фотоснимки своих работ (часто этюдных), как правило, сразу после их выполнения.

Первое из этих изображений – портретный бюст, датированный автором 1910 г. (возможно, это вариант «Философа» 1909 г.). Несомненно, что он выполнен по одному из вышеупомянутых фотопортретов Толстого, бережно хранимых Эрззей. Несмотря на реалистичность манеры исполнения работы (с элементами импрессионизма), художник делает общую установку на обобщенность образа – спина мужчины обнажена, что придает портрету «античное» звучание – Толстой приравняется к великим древнегреческим мыслителям. (Подчеркнем, что в это время Эрззи работал и над портретом Сократа, который также должен был войти в композицию «Христос с философами».)

¹ Сутеев Г. Скульптор Эрззи. Биографические заметки и воспоминания. Саранск, 1968. С. 35.

² Nebbia U. Erzia. Artisti della Rivoluzione // Il Viandante [Milano]. 1910. Nov. 7.

³ Сутеев Г. Скульптор Эрззи. Биографические заметки и воспоминания. С. 31.

⁴ Абрамов К.Г. Степан Дмитриевич Эрззи: биографический очерк. Саранск, 1979. С. 46.

⁵ ОР ГРМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 12. Л. 7 об.

⁶ Сутеев Г. Скульптор Эрззи. Биографические заметки и воспоминания. С. 38.

⁷ См.: Ключева И.В. «Дорогой друг Матильда Давидовна...»: письма С.Д. Эрззи к М.Д. Рындзюнской как источник изучения его биографии и творчества // Центр и периферия. 2014. № 4. С. 36–42.

⁸ Ключева И.В. Скульптор С.Д. Эрззи: биография и творчество в культурном контексте последней трети XIX середины XX века. Саранск, 2016. С. 203–211.

Рисунок 1. Слева: фотопортрет Л.Н. Толстого из личного архива С.Д. Эрзи. 1900-е гг. ЦГА РМ. Справа: С.Д. Эрзя. Л.Н. Толстой. 1910. Глина (?). ОР ГТГ

Вероятно, этот бюст стал подготовительной работой для второго изображения Толстого, фотоснимки которого находятся в ОР ГТГ (еще одна фотография, на которой рядом со скульптурой запечатлен сам автор, хранится в личном фонде С.Д. Эрзи в ЦГА РМ). Этот портрет, датированный 1911 г., известный также под названием «Старик», – одно из самых оригинальных изображений Толстого в мировой скульптуре. Великий писатель предстает обнаженным, похожим на Пана с одноименной картины М.А. Врубеля (1899) – художника, которого чрезвычайно высоко ценил Эрзя. Вряд ли Эрзе, находившемуся в Европе, было известно высказывание Г.И. Чулкова о врубелевском «Пане», опубликованное в журнале «Золотое руно» в 1909 г.: «...сказочно светит красная ущербная луна над небывалым лугом и мудростью известной сияют глаза мужицкого Бога... В лице Пана есть что-то похожее на лицо Льва Толстого, каким оно представляется, когда читаешь Мережковского. Лицо божественно-плотское. В своем “Пане” Врубель сумел запечатлеть и тишину, и мудрость, и лесную

Рисунок 2. Слева: мастерская С.Д. Эрзи на ул. Сен-Жак в Париже. 1911. Среди работ мастера – скульптуры «Христос распятый» и «Л.Н. Толстой» («Старик»). ОР ГТГ. Публикуется впервые. Справа: С.Д. Эрзя. Л.Н. Толстой (Старик). ОР ГТГ (фрагмент)

безгрешность»¹. Вероятно, сходство Пана с Толстым в картине любимого художника Эрзья увидел сам и в своей работе довел его до абсолютного.

Эрзинский Толстой-Пан – «мужицкий Бог» связан с первозданным природным началом, в данном случае прежде всего со стихией земли. В отличие от врубелевского, он далек от тишины и гармонии, напротив, его образ глубоко трагичен. Скульптор подчеркивает контраст между немощным сгорбленным старческим телом (некогда сильным, мускулистым) и мощью непобежденного духа.

Несомненно, что при создании этого произведения Эрзья учитывал опыт и других интересных ему художников – своих старших современников. Здесь ощутимы переключки с опытом О. Родена: с его памятниками великим писателям, где они представлены в обнаженном виде (памятник В. Гюго, варианты памятника Бальзаку), со знаменитым «Мыслителем», а также с работой «Прекрасная Омиер». В стилистике «Старика» ощутимо также влияние свободной импрессионистской лепки Трубецкого.

Рисунок 3. Мастерская С.Д. Эрзья в Шато Д'Эмбержер (Со, Франция). 1911.

На заднем плане в центре портретный бюст Л.Н. Толстого. ЦГА РМ

Еще одно изображение Толстого – портретный бюст (гипс или/и цемент) был выполнен Эрзьем в 1911 г. По данным Е.В. Бутровой, он «экспонировался во время панихиды (имеется в виду гражданская панихида. – И.К.) по писателю в редакции русского журнала “Былое” на бульваре Сен-Жак, 50, в Париже»². Журнал «Былое» и газета «Общее дело» издавались известным русским публицистом и общественным деятелем, близким к революционерам-народовольцам, затем к эсерам, В.Л. Бурцевым. В доме № 50 на бульваре (улице) Сен-Жак находилась квартира, в которой много лет жил Бурцев, книжный магазин и склад под названием «Общее дело», принадлежавшие секретарю Бурцева – эсеру Л.З. Родштейну, а также русская типография И.А. Рираховского (в которой печатались и эти издания). В объявлении, помещенном в русской газете «Парижский вестник» 11 февраля (30 января) 1911 г. сообщалось, что в книжном магазине «Общее дело» наряду с выпусками названных журнала и газеты имеется полное собрание сочи-

¹ Чулков Г. Москва и Демон // Золотое Руно. 1909. № 6. С. 73.

² Бутрова Е. Странник Эрзья // Наше Наследие. 2013. № 108. Режим доступа: www.nasledie-rus.ru/podshivka/10813.php (дата обращения: 01.03.2015).

нений Толстого, запрещенное в России¹. В парижский период Эрзя тесно общался с Бурцевым, Родштейном и другими сотрудниками редакции «Общего дела». В среде русской революционной эмиграции горячо обсуждалось значение Толстого для русской культуры.

25 (12) марта 1911 г. «Парижский вестник» сообщал в заметке «Дар скульптора Эрзи (так в тексте. – И.К.)»: «На этой неделе в библиотеку группы содействия партии с<оциалистов>–р<еволюционеров> будет доставлен бюст Толстого, работы Эрзи. Этот бюст принесен скульптором в дар библиотеке»². Вероятно, в этом жесте молодого художника был элемент своеобразного творческого состязания с Трубецким: менее чем за месяц до этого – 18 (5) февраля того же года – «Парижский вестник» сообщал, что товарищ министра Дюжарден-Бомец «получил от скульптора Трубецкого предложение принести в дар Франции статую Толстого»³. Библиотека парижской группы содействия партии социалистов-революционеров находилась на улице Кордельер, 10. В эту группу помимо Бурцева и Родштейна входили лидеры правых эсеров Н.Д. Авксентьев и В.М. Чернов (с которыми также общался в этот период Эрзя).

Гипсовый бюст Толстого Эрзя выставлял в одном из парижских «Осенних салонов», а также на своей персональной выставке в галерее Жоржа Пти, проходившей 3–15 января 1913 г.⁴ Этот бюст виден на одной из фотографий его мастерской в замке Д'Эмбержер в пригороде Парижа Со.

Сергеев утверждал, что в Париже Эрзя «сделал портрет Льва Толстого из камня»⁵. Возможно, мемуарист ошибся: на сегодняшний день нет достоверных данных о создании Эрзей портрета Толстого в этом материале.

Вероятно, именно датированный 1911 г. бюст экспонировался на персональной выставке Эрзи в 1927 г. в Париже – в помещении объединения торговцев произведениями искусства и антиквариата на улице Вилль л'Эвек, 18 (в каталоге указано, что материалом является цемент⁶). Это была одна из немногих скульптур Эрзи, которые он смог разыскать во Франции после своего длительного отсутствия (1914–1926 гг.). Работа была привезена мастером в Аргентину и представлена на его первой выставке в Буэнос-Айресе, открывшейся 2 июля 1927 г. в помещении ассоциации «Друзья искусства». Она упоминается в ряде статей, посвященных этой выставке⁷. Публицист Армандо Маффей писал о ней: «...Толстой, который был представлен в парижском Осеннем салоне 1912 г. Голова с величавой изогнутой бородой, вздыбленные волосы и притягательная сила взгляда, выражающего одновременно доброту и силу характера. Превалирует сила, как почти во всех скульптурах Эрзи...»⁸. Другой автор, Риккардо Бернардини, утверждал, что эрзинский Толстой – «работа восхитительная», однако, по его мнению, скульптору не удалось отразить все стороны гения русской культуры, и в этом он явно уступает такому мастеру, как Роден: «Толстой – многогранная, не поддающаяся однозначному определению, грандиозная фигура», у Эрзи же он предстает «несколько “суженным”,

¹ Книжный магазин и склад «Общее дело» // Парижский вестник. 1911. 11 февр. С. 4.

² Дар скульптора Эрзи (так в тексте. – И.К.) // Парижский вестник. 1911. 25 марта. С. 4.

³ Памятник Толстому // Парижский вестник. 1911. 16 февр. С. 4.

⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 427. Л. 2.

⁵ Сергеев М. С родиной в сердце // Воспоминания о скульпторе С.Д. Эрзе. Саранск, 1972. С. 54.

⁶ ОР ГРМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 57 (вклейка № 84).

⁷ Exposición Stephan Erzia // La Nacion. [Buenos Aires]. 1927. Jul. 15.

⁸ Maffei A. El escultor ruso Stephan Erzia inaugurará su exposición el sábado próximo en Amigos del Arte // La Epoca. [Buenos Aires]. 1927. Jun. 29.

ибо он был столь велик, что только смелые удары резца такого мастера, как Роден, могли бы обессмертить его в скульптуре. Как красноречив Бальзак французского скульптора!...»¹

Рисунок 4. Слева: С.Д. Эрзя. Толстой. Цемент. 1911
(фрагмент фотографии мастерской скульптора в Со).
Справа: С.Д. Эрзя. Л.Н. Толстой. 1930. Альгарробо. ГРМ

Находясь в Аргентине (1927–1950), Эрзя вновь обращается к образу великого писателя – вероятно, замысел портрета возникает у него в связи с празднованием 100-летнего юбилея Толстого в 1928 г. Вскоре после своей первой выставки, открыв для себя новый скульптурный материал – сверхплотные породы субтропического дерева, мастер выполняет в одной из них – альгарробо – масштабный портрет «Лев Николаевич Толстой» («Философ», Государственный Русский музей (ГРМ)). Йоханнес Франце писал в мае 1931 г., что работа «была создана два года назад»², т. е. в середине 1929 г., однако она датирована автором 1930 г. (возможно, в нее вносились какие-либо корректировки). Таким образом, очевидно, что не только тематически, но и хронологически, по времени создания «Толстой» непосредственно связан с «Бетховеном» (кебрачо, 1928–1929, ГРМ), «Сократом» (кебрачо), представленным на персональной выставке Эрзи в буэнос-айресской галерее «Аргентина» в 1931 г.³ и «Моисеем» (1932, альгарробо, МРМИИ).

«Толстой» должен был экспонироваться на XVII Венецианской Биеннале в 1930 г. Об этом свидетельствует письмо У. Неббии (который в это время жил и работал в Венеции) к Эрзе от 3 января: «...Работы должны быть в Венеции в первой половине марта... Я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе – как твой старый друг и как искренний пропагандист твоего искусства, но не следует думать, что я уверен в результате, поскольку времена и вкусы сильно изменились, и

¹ Bernardoni R. Por las exposiciones. Stephan Erzia // Claridad. [Buenos Aires]. 1927. Jul. 25.

² Fr[anze J.]. Ausstellung Stephan Erzia. Salon Müller // Deutsche La Plata Zeitung. [Buenos Aires]. 1931. Mai 24.

³ Galeria Argentina. Stephan Erzia. 18–VIII–1931. Buenos Aires, 1931. 2 p.

часто я не могу согласиться с новыми веяниями...»¹. Как следует из статьи Франце, портрет не попал на выставку, поскольку был доставлен в Венецию слишком поздно и «ни с чем был отправлен назад»². Впервые «Толстой» был представлен на открывшейся в мае 1931 г. очередной персональной выставке Эрзы в салоне Ф. Мюллера в Буэнос-Айресе.

Созданная в Аргентине работа по композиции похожа на портрет с фотографии 1911 г. Это говорит о том, что Эрзя, работая в альгарробо или кебрачо, чаще всего не следовал за материалом, подчиняясь ему, а создавал задуманный им самим образ, подбирая подходящий для конкретного замысла кусок дерева.

Как часто у Эрзы в решении образа гения (художника, мыслителя) в этом произведении доминирует мотив «мирового сквозняка». Природный субтропический материал, позволив сделать более экспрессивными «грозные космы» портретируемого, придал пластическому звучанию произведения дополнительную мощь и динамизм. Портрет соответствует характеристике писателя, данной Мережковским: «Лев Толстой – громадная стихийная сила. Гармония нарушена; нет созерцательного, безмятежного наслаждения – это жизнь во всем ее величии, в первобытной полноте, в несколько дикой, но могучей свежести»³. Толстой у Эрзы обуреваем ветром, который означает порыв и прорыв из мира эмпирического в мир трансцендентальный, к полноте жизни, к «музыкальной стихии». Удивительным образом сквозь узнаваемые черты русского писателя в эрзинском портрете «просвечивают» черты Фридриха Ницше. Не случайно Йоханнес Франце, говоря об этом произведении, вспоминает Ницше и проводит параллель с языческим верховным богом древних германцев – Одином: «Портрет Толстого... Философ, имеющий что-то общее... со “сверхчеловеком” Ницше, похож на Толстого, но это не просто портрет. Это существо – среднее между богом и человеком ... из тех, кто идет навстречу буре... Порыв ветра запутался в бороде и стих, густые брови разлохматились от страшного ветра. Русский Один, загадочный мыслитель с твердой волей, заключенной в этом стареющем теле... Желтоватый цвет лица контрастирует с варварской дикостью волос, которые представляют собой не что иное, как естественные отростки дерева. Эта таинственная голова с ее жизнеутверждающей силой, с ее монументальной завершенностью, с диким пророческим взглядом, эта голова – символ всей природы... это смесь мистических черт древнего божества, лохматых бровей Ницше и рассерженного бога...»⁴. Впечатление Франце от этого портрета как будто «накладывается» на его впечатление от фигуры Толстого-Пана 1911 г. (фотографии которой он, несомненно, видел в личном архиве скульптора): описывая «голову с ее жизнеутверждающей силой», он говорит и о «стареющем теле».

Подобная трактовка созданных Эрзей портретов заставляет вспомнить описание Толстого, данное Лу Андреас-Саломе – известной европейской интеллектуалкой, выросшей в России, приезжавшей на рубеже XIX–XX вв. в Ясную Поляну вместе с великим (тогда совсем молодым) германским поэтом Р.М. Рильке (с которым Эрзя познакомился в Париже в 1913 г.): «...он произвел на нас странно одухотворенное, трогательно потрясающее впечатление, как человек, уже не при-

¹ ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 364. Л. 6 об.

² *Fr[anzen J.]*. Ausstellung Stephan Erzia. Salon Müller // *Deutsche La Plata Zeitung* [Buenos Aires]. 1931. Mai 24.

³ *Мережковский Д.С.* Вечные спутники Портреты из всемирной литературы. СПб., 2007. С. 175.

⁴ *[Franzen J.]* Atelier: Stünde bei Stephan Erzia. Das nue Über: Leo Tolstoi. Bildmerf ans Algarrobo // *Deutsche La Plata Zeitung*. [Buenos Aires]. 1930. Jan. 24.

надлежащий земному. Тоненькая сгорбленная фигурка в желтой вязаной фуфайке, седые волосы, выбивающиеся из-под высокой шапочки, и глаза – такие ясные на беспомощном одухотворенном лице, ясные и как будто надо всем, за всем. Он был похож на волшебное существо – какой-то заколдованный мужичок... В те мгновения, когда сбоку налетал сильный ветер, его фигура, казалось, обретала истинную форму – нечто беспомощное, взмятенное и подхваченное ветром угадывалось в ней и одновременно – таинственная высокая сила. Способная противостоять бурям»¹.

Аргентинская критика высоко оценивала эрзинскую работу 1929–1930 гг. Луис Орсетти, неоднократно упоминавший ее в своих статьях, говорил, что она «является точным изображением измученной души философа Ясной Поляны»², отражая «напряжение его внутренней борьбы», его мучительные исследования тайны жизни и смерти, его «колебания между верой и отчаянием»³.

Литератор Сиксто С. Мартелли акцентировал внимание на декоративности работы (которая в данном случае не умаляет глубины образа), утверждая, что это «одна из самых красивых работ» скульптора⁴. Анонимный автор статьи в буэнос-айресской англоязычной газете «The Bulletin Board» подчеркивал, что Эрзе удалось добиться огромного портретного сходства и удивительного эффекта «подлинности»: «деревянные вены, кажется, пульсируют теплой и вибрирующей жизнью»⁵.

Портрет Толстого демонстрировался на персональной выставке Эрзи в 1954 г. в Москве в Центральном выставочном зале Союза художников СССР на Кузнецком мосту. Он был среди тех работ, которые произвели наибольшее впечатление на посетителей выставки: «Могуч, монументален Лев Толстой. Эту работу надо бы установить в общественном месте» (Наталия Рославлева)⁶; «“Толстой” – гениален!» (без подписи)⁷; «“Лев Толстой” Эрзи достоин Сталинской премии 1-й степени (Т. Скорняков)⁸; «Особенно взволновали меня две вещи – “Лев Толстой” и “Спящая мать”. В этих произведениях постигнута глубокая правда искусства и человечность» (С. Плисецкая, театровед)⁹; «Меня особенно поразил... Лев Толстой. Сколько художников старались передать образ гениального писателя, и как это мало удавалось даже талантливейшим из них. В скульптуре Эрзя (так в тексте. – И.К.) вы впервые видите настоящего Толстого во всей его многогранности. Здесь он отображен и как великий писатель, и как философ, и как бунтарь с его вырвавшимся из души “Не могу молчать”, и как человек, которому “все человеческое не чуждо”» (скульптор А. По <нрзб>)¹⁰.

Крайне редко появляются отзывы с отрицательной оценкой «Толстого» (как и творчества Эрзи в целом). Так, некий «студент В. Газданов» пишет, обращаясь к скульптору: «Ваш Толстой <—> скорее сошедший с ума проповедник, чем пи-

¹ Из дневника Л. Андреас-Саломе // Азадовский К.М. Рильке и Россия: Статьи и публикации. М., 2011. С. 241–242.

² Orsetti L. Stephan Erzia, artista de America y del Mundo // Hombre de America [Buenos Aires]. 1945. № 27. Oct. P. 12.

³ Orsetti L. Stepan Erzia // Villa Ballester. [Buenos Aires]. 1945. Mayo 24.

⁴ Martelli S.C. Stephan Erzia, el escultor solitario. Noticia acerca de la vida y arte del gran artista ruso // Caras y Caretas. [Buenos Aires]. 1935. Mayo 18.

⁵ The Russian Artists in Buenos Aires // The Bulletin Board. [Buenos Aires]. Vol. X. 1946. № 5. Aug. P. 12–13.

⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 478. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 46.

⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 481. Л. 7.

⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 478. Л. 26.

¹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 479. Л. 20.

сатель, который говорил людям, чтобы они любили жизнь»¹. Под этой записью другой посетитель оставил свою: «Как странно, что бывают такие студенты!»²

Писатель Николай Богданов, посетивший мастерскую скульптора 3 марта 1957 г., записал в альбоме отзывов: «Один его Толстой – свидетельствует, что перед нами великий художник...»³. Писатель Виктор Липатов, увидевший эту работу позже – в 1976 г. на выставке в Москве, посвященной 100-летию со дня рождения скульптора, – написал о своем впечатлении: «Его Толстой могуч и бесконечен, как природное явление»⁴.

Искусствовед С.Г. Капанова подчеркивала, что работа отличается «бурным движением формы, драматизмом и силой»⁵. Академик Д.С. Лихачев дал свою интерпретацию смыслового наполнения особенностей формы этого произведения: «Скульптор Эрзя (так в тексте. – *И.К.*) изобразил Толстого в вихре его закрутившейся бороды. Это символ движения, движения, как бы вырастающего из самого себя. Это символ движения его пламенной совести, его совести, которая не мирилась ни с какими остановками и окостенением»⁶.

Выставку Эрзи в 1954 г. посетил и известный впоследствии писатель Борис Васильев, который много позже в книге воспоминаний написал: «У Эрзи (так в тексте. – *И.К.*)... есть скульптурные портреты двух гениев человечества: Моисея и Толстого. В 1954 году они стояли рядом на Кузнецком: косматые, неистовые, рвущиеся из крепчайшего и теплого дерева квербахо (автор ошибается: материалом обеих скульптур является альгарробо. – *И.К.*): они были созданы из одного материала не только скульптором. Вот тогда-то я впервые воочию и увидел Толстого... Яростно невообразимого, несоизмеримого ни с кем из сущих, горящего и бунтующего, мятущегося и ищущего и всегда – страдающего. Это потом его причесали в салонах нашего понимания и постижения. Напомнили и припудрили, кастрировали и упростили до собственного восприятия, низведя с небес на свой привычный уровень салонов и людских, кухонь и лакейских. Но тогда-то, на Кузнецком, в 54-м, когда наивный Эрзя привез свои шедевры в дар своему народу... я понял, что Толстой – личность библейского измерения, что обычные рамки ему тесны, что они не просто ограничивают и даже не просто сковывают его – они его упрощают»⁷.

То, что «Толстой» у Эрзи стоит в одном ряду с «Моисеем», отмечала и искусствовед О.П. Воронова: «...у Эрзи он чем-то похож на “Моисея”. Чем именно? Богатырской статью непокорности и сопротивления, сжигающей его страстью, исступленной любовью. К будущему своего народа. Вихрем взметенные волосы, летящая словно по ветру борода, косматые брови, сердито нависшие над глазами какими-то седыми кустами. Кажется, будто он борется с бурей. И действительно, кто, как не он, воплотил в себе бурю чувств, волновавших тогда Россию?... Недаром второе название портрета “Мыслитель”. Только не сосредоточенно-задумчивый, как у Родена, а неистовый...»⁸. Воронова утверждала, что Эрзе уда-

¹ ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 482. Л. 4 об.

² Там же.

³ ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 484. Л. 66.

⁴ Липатов В. Краски времени. М., 1983. С. 235.

⁵ Капанова С.Г. Портреты Толстого в русском дореволюционном и советском искусстве // Л.Н. Толстой и изобразительное искусство: Сб. статей. М., 1981. С. 96.

⁶ Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1984. С. 130.

⁷ Васильев Б. Век необычайный. М., 2003. С. 34.

⁸ Воронова О.П. Дум высокое стремление... // С веком наравне. Т. 3. Книга о скульптуре. М., 1974. С. 266.

лось совместить в портрете реалистичность и символичность: «Живой человек и одновременно легенда. Конкретное лицо и символ. Символ неуспокоенности мятежного человеческого духа, протеста против неизменного рабского окружения»¹.

Таким образом, при всем внешнем сходстве с моделью, узнаваемости конкретных индивидуальных черт, портрет Толстого у Эрзи – это не традиционный реалистический портрет, а мифологизированный образ, символ Толстого как «стихийного гения», «стоящего на ветру», выносящего «свой суровый приговор» современности от имени природы и народа.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов К.Г. Степан Дмитриевич Эрзя: биографический очерк. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. 112 с.

Алленов М.М., Евангулова Е.С., Лифшиц Л.И. Русское искусство X – начала XX века: Архитектура. Скульптура. Живопись. Графика. М.: Искусство, 1989. 480 с.

Амфитеатров А.В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Ч. 1. М.: НПК «Интелвак», 2003. 752 с.

Бахтин М.М. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Русские словари. 2000. 800 с.

Белый А. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 556 с.

Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Правда, 1971. 560 с.

Бутрова Е. Странник Эрзя // Наше Наследие. 2013. № 108. С. 160–172. Режим доступа: www.nasledie-rus.ru/podshivka/10813.php (дата обращения: 01.03.2015).

Васильев Б. Век необычайный. М.: Вагриус, 2003. 234 с.

Воронова О.П. Дум высокое стремление... // С веком наравне. Т. 3. Книга о скульптуре. М., 1974. С. 258–267.

Герман М.Ю. Модернизм. Искусство первой половины XX века. СПб.: Азбука-классика, 2003. 478 с.

Голубкина А.С. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. М.: Сов. художник, 1983. 424 с.

Дар скульптора Эрзи (так в тексте. – *И.К.*) // Парижский вестник. Messenger Russe de Paris. 1911. 25 марта. С. 4.

Дневник А.С. Суворина / Ред., предисл. и примеч. М. Кричевского. М.; Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. 407 с.

Драмбиан Р.Г. Акоп Гюрджан. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. 90 с.

Зингер М. Константин Крахт // Советская скульптура. № 7. М.: Сов. художник, 1983. С. 145–153.

Из дневника Л. Андреас-Саломе // Азадовский К.М. Рильке и Россия: Статьи и публикации. М., 2011. С. 241–242.

Калугина О.В. Русская скульптура Серебряного века. Путешествие из Петербурга в Москву. М. БуксМАрт, 2013. 336 с.

Капанова С.Г. Портреты Толстого в русском дореволюционном и советском искусстве // Л.Н. Толстой и изобразительное искусство: Сб. статей. М., 1981. С. 91–97.

Клюева И.В. «Бетховен» Степана Эрзи в контексте художественной антропологии модерна и символизма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 231–238.

¹ Воронова О.П. Дум высокое стремление... С. 267.

Клюева И.В. Встреча С.Д. Эрзи с Л.Н. Толстым: исторический факт или автобиографическая мифологема скульптора? // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 11–23. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_29825562_73606393.pdf (дата обращения: 08.09.2017).

Клюева И.В. «Дорогой друг Матильда Давидовна...»: письма С.Д. Эрзи к М.Д. Рындзюнской как источник изучения его биографии и творчества // Центр и периферия. 2014. № 4. С. 36–42.

Клюева И.В. Екатерина Пожилыцова (еще об одной модели Степана Эрзи) // Феникс-2010: науч. ежегодник каф. культурологии, энокультуры и театр. искусства. Саранск, 2010. С. 144–157.

Клюева И.В. Микеланджело в творческом сознании Степана Эрзи // ХLI Огарёвские чтения. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. С. 134–138.

Клюева И.В. Образ Сократа в творчестве Степана Эрзи (Интерпретация культурно-исторического прошлого в искусстве модерна и символизма) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2017. № 1–2. С. 4–9.

Клюева И.В. Образ Христа в творчестве Степана Эрзи // Христианство и мировая культура. Междунар. науч. конф. Тез. докл. 30–31 окт. 2001 г. Ереван: Лингва, 2001. С. 114–116.

Клюева И.В. Проблема научной биографии С.Д. Эрзи: новые факты, документы, материалы // Эрзинские чтения: Сб. материалов VI Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 140-летию со дня рожд. С.Д. Эрзи (7–9 нояб. 2016 г.). Саранск, 2016. С. 41–51.

Клюева И.В. С.Д. Эрзя и украинские скульпторы: пересечения, параллели, влияние // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6–2(28). С. 27–34.

Клюева И.В. Скульптор С.Д. Эрзя: биография и творчество в культурном контексте последней трети XIX середины XX века. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 280 с.

Клюева И.В. Художник как центрообраз творчества С. Эрзи (к проблеме иконографии раннего модернизма) // Творческая личность: субъект и объект культуросообразной деятельности: Коллективная монография. СПб.: Эйдос, 2013. С. 217–230.

Клюева И.В., Гринцова О.В. Художник в культурно-исторических версиях эстетизма (романтизм, модернизм, постмодернизм) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Режим доступа: www.science-education.ru/121-18762 (дата обращения: 08.06.2015).

Книжный магазин и склад «Общее дело» // Парижский вестник. Messenger russe de Paris. 1911. 11 февр. С. 4.

Кораллов М.М. По страницам трех юбилеев // Л.Н. Толстой и изобразительное искусство: Сб. статей. М., 1981. С. 139–159.

Липатов В. Краски времени. М.: Молодая гвардия, 1983. 320 с.

Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-е, 1984. 269 с.

Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. 907 с.

Нестеров М.В. Давние дни. Встречи и воспоминания. М.: Искусство, 1959. 400 с.

Нестеров М.В. Из писем. Л.: Искусство, Ленингр. отд-е, 1968. 451 с.

Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 [1] с.

ОР ГРМ (Отдел рукописей Государственного Русского музея). Ф. 102. Оп. 1. Д. 57.

ОР ГРМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 12. 11 л.

Орсетти Л. Скульптор Степан Эрзя. Биографические заметки и очерки. 1950 г.: машинопис. копия ; пер. с исп. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 562. 375 л.

Памятник Толстому // Парижский вестник. *Messenger Russe de Paris*. 1911. 16 февр. С. 4.

Сергеев М. С родиной в сердце // Воспоминания о скульпторе С.Д. Эрзе. Саранск, 1972. С. 31–83.

Сутеев Г. Скульптор Эрзя: Биографические заметки и воспоминания / Сост. Г. Горина; ред. В. Сутеев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 176 с.

ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 364. 8 л.

ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 427. 2 л

ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 478. 51 л.

ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 479. 21 л.

ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 481. 14 л.

ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 482. 33 л.

ЦГА РМ. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 484. 97 л.

Чулков Г. Москва и Демон // Золотое Руно. 1909. № 6. С. 71–74.

Якимович А. Магическая вселенная: Очерки по искусству, философии и литературе XX века. М.: Галарт, 1995. 168 с.

Bernardoni R. Por las exposiciones. Stephan Erzia // Claridad. [Buenos Aires]. 1927. Jul. 25.

El escultor ruso Stephan Erzia // La Prensa. [Buenos Aires]. 1928. Jul. 7.

El escultor ruso Stephan Erzia, uno de los artista más // La Prensa. [Buenos Aires]. 1927. Jul. 5.

Exposición Stephan Erzia // La Nacion. [Buenos Aires]. 1927. Jul. 15.

[*Franze J.*] Atelier: Stünde bei Stephan Erzia. Das neue Über: Leo Tolstoi. Bildmerkmale an Algarrobo // Deutsche La Plata Zeitung. [Buenos Aires]. 1930. Jan. 24.

Fr[an]ze J. Ausstellung Stephan Erzia. Salon Müller // Deutsche La Plata Zeitung. [Buenos Aires]. 1931. Mai 24.

Franze J. Stephan Erzia. Ginsiedler, Fraumer. Bildhauer // Deutsche La Plata Zeitung [Buenos Aires]. 1928. Juni 20.

Galeria Argentina. Stephan Erzia. 18–VIII–1931. Buenos Aires, 1931. 2 p.

Maffei A. El escultor ruso Stephan Erzia inaugurará su exposición el sábado próximo en Amigos del Arte // La Epoca. [Buenos Aires]. 1927. Jun. 29.

Martelli S.C. Stephan Erzia, el escultor solitario. Noticia acerca de la vida y arte del gran artista ruso // Caras y Caretas. [Buenos Aires]. 1935. Mayo 18.

Nebbia U. Erzia. Artisti della Rivoluzione // Il Viandante [Milano]. 1910. Nov. 7.

Orsetti L. Stephan Erzia, artista de America y del Mundo // Hombre de America [Buenos Aires]. 1945. № 27. Oct. P. 12–13.

Orsitti L. Stepan Erzia // Villa Ballester. [Buenos Aires]. 1945. Mayo 24.

The Russian Artists in Buenos Aires // The Bulletin Board. [Buenos Aires]. Vol. X. 1946. № 5, Aug. P. 12–13.

REFERENCES

- Abramov K.G. (1979) Stepan Dmitrievich Erzia: Biographical Sketch. Saransk. Mordovian Publ. House. 112 p.
- Allenov M.M., Evangulova E.S., Lifshits L.I. (1989) Russian Art of the 10th – early 20th century: Architecture. Sculpture. Painting. Graphic Arts. Moscow: Iskustvo (Art). 480 p.
- Amfiteatrov A.V. Collected Works: In 10 vols. Vol. 10(1). Moscow. NPK Intelwak Publ. 2003. 752 p.
- Bakhtin M.M. Collected Works: In 6 vols. Vol. 2. Moscow. Russkie Slovari (Russian Dictionaries) Publ. 2000. 800 p.
- Belyi A. (1966) Poetry and Poems. Moscow; Leningrad. Sovetskiy Pisatel (Soviet Writer) Publ. 556 p.
- Blok A. Collected Works: In 6 vols. Vol. 5. Moscow. Pravda (Truth) Publ. 1971. 560 p.
- Butrova E. Wanderer Erzia. *Nashe Nasledie (Our Heritage)*. 2013. No 108, pp. 160–172. Access mode: www.nasledie-rus.ru/podshivka/10813.php (date of circulation: 01/03/2015).
- Vasiliev B. (2003) Extraordinary Century. Moscow. Vagrius Publ. 234 pp.
- Voronova O.P. Dum Vysokoe Stremlenie... (And Great Ambitions of Your Thoughts...). In: With the Century on a Par. Vol. 3. The Book about Sculpture. Moscow. 1974, pp. 258–267.
- German M.Yu. (2003) Modernism: Art of the first half of the 20th century. St.-Petersburg. Azbuka Klassika Publ. 480 p.
- Golubkina A.S. (1983) Letters. Some Words on the Sculptor's Craft. Reminiscences of Contemporaries. Moscow. Sovetsky Khudozhnik (Soviet Artist) Publ. 424 p.
- Gift of Sculptor Erzia. *Parizhskij Vestnik. Messenger russe de Paris*. 1911. March 25, p. 4.
- Diary of A.S. Suvorin / Ed., preface and notes by M. Krichevsky. Moscow; Petrograd. L.D. Frenkel Publ. House. 1923. 407 p.
- Drambian R.G. (1973) Hakob Gyurjyan. Yerevan. Publ. House of the Academy of Sciences of Armenian SSR. 90 p.
- Zinger M. Konstantin Kracht. *Soviet Sculpture*. Moscow, 1983. No 7, pp. 145–153.
- From the L. Andreas-Salome Diary. In: Azadovsky K.M. Rilke and Russia: Articles and Publications. Moscow. 2011, pp. 241–242.
- Kalugina O.V. (2013) Russian Sculpture of the Silver Age. Travel from St.-Petersburg to Moscow. Moscow. BuksMart Publ. 336 p.
- Kaplanova S.G. Portraits of Tolstoy in Russian Pre-Revolutionary and Soviet Art. In: L.N. Tolstoy and the Fine Arts. Moscow. 1981, pp. 91–97.
- Klyueva I.V. “Beethoven” by Stepan Erzia in the Context of the Artistic Anthropology of Art Nouveau and Symbolism. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Povolzhsky Region. Gumanitarnye Nauki (Proceedings of Higher Educational Institutions. The Volga Region. Humanities Sciences)*. 2006. No 3, pp. 231–238.
- Klyueva I.V. S.D. Erzia Meeting with L.N. Tolstoy: A Historical Fact or of the Sculptor's Autobiographical Mythologem? *History. Historians. Sources: An Electronic Scientific Journal*. 2017. № 2, pp. 11–23. Access mode: https://elibrary.ru/download/elibrary_29825562_73606393.pdf (reference date: 08.09.2017).
- Klyueva I.V. “Dear Friend Matilda Davidovna...”: S.D. Erzia's Letters to M.D. Ryn-dzyunskaya as a Source for the Study of His Life and Work. *Centr i Periferiya (Center and Periphery)*. 2014. No 4, pp. 36–42.
- Klyueva I.V. Ekaterina Pozhiltsova (about one more model of Stepan Erzia). In: Fenix-2010: Scientific Yearbook of Chair of Culturology, Ethnoculture and Theatrical Art. Saransk. 2010, pp. 144–157.

Klyueva I.V. Michelangelo in Stepan Erzia's Creative Consciousness. In: XLI Ogarev Readings. Saransk. Mordovia Univ. Press. 2013, pp. 134–138.

Klyueva I.V. The Image of Socrates in Stepan Erzia (Interpretation of Cultural and Historical Past in Art Nouveau and Symbolism. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition*. 2017. No 1–2, pp. 4–9.

Klyueva I.V. The Image of Christ in Stepan Erzia. In: Christianity and World Culture. International Scientific Conference. Abstracts. 2001, Oct. 30–31. Yerevan. Lingua Publ. 2001, pp. 114–116.

Klyueva I.V. The Problem of the Scientific Biography of S.D. Erzia: New Facts, Documents, Materials. In: Erzia Readings: Materials of the 6th International Scientific-Practical Conference, dedicated to S.D. Erzia 140th Anniversary (2016, Nov. 7–9). Saransk. 2016, pp. 41–51.

Klyueva I.V. S.D. Erzia and Ukrainian Sculptors: Intersections, Parallels, Influence. *Historical and Socio-Educational Thought*. 2014. Vol. 6. No. 6–2(28), pp. 27–34.

Klyueva I.V. (2016) Sculptor S.D. Erzia: Biography and Creative Work in the Cultural Context of the last third of the 19th – the middle of the 20th century. Saransk. Mordovia Univ. Press. 280 p.

Klyueva I.V. The Artist as a Central Figure in S. Erzia (to the problem of early modernism iconography). In: Creative Personality: Subject and Object of Cultural Activity: Collective Monography. St.-Petersburg. Eidos Publ. 2013, pp. 217–230.

Klyueva I.V., Grintsova O.V. The Artist in Cultural-Historical Versions of Aestheticism (romanticism, modernism, postmodernism). *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya (Modern Problems of Science and Education)*. 2015. No 1. Access mode: www.science-education.ru/121-18762 (date of circulation: 08.06.2015).

Bookstore and Warehouse «Obshchee Delo» («Common Cause»). *Parizhsky Vestnik. Messenger russe de Paris*. 1911, Febr. 11. P. 4.

Korallov M.M. On the Pages of Three Anniversaries. In: L.N. Tolstoy and Fine Art. Moscow. 1981, pp. 139–159.

Lipatov V. (1983) The Colors of Time. Moscow. Molodaya Gvardiya (Young Guard) Publ. 320 p.

Likhachev D.S. (1984) Literature – Reality – Literature. Leningrad. Sovetsky Pisatel (Soviet Writer) Publ. 269 p.

Merezhkovsky D.S. (2007) Eternal Companions. Portraits from the World Literature. St.-Petersburg. Nauka (Science) Publ. 907 p.

Nesterov M.V. (1959) The Old Days. Meetings and Memories. Moscow. Iskusstvo (Art) Publ. 400 p.

Nesterov M.V. (1968) From Letters. Leningrad. Iskusstvo (Art) Publ. 451 p.

Nietzsche F. Works: In 2 vols. Vol. 2. Moscow. Mysl (Thought) Publ. 1990. 829 [1] p.

State Russian Museum, Manuscript Department, fund 102, inv. 1, doc. 57.

State Russian Museum, Manuscript Department, fund 102, inv. 1, doc. 12. 11 p.

Orsetti L. Sculptor Stepan Erzia. Biographical Notes and Essays. 1950: Typewritten Copy; Transl. from Spanish. Central State Archive of the Republic of Mordovia (CSA RM), f. P-1689, inv. 1, doc. 562.

Monument to Tolstoy. *Parizhsky Vestnik. Messenger russe de Paris*. 1911, Febr. 16. P. 4.

Sergeev M. With the Homeland in the Heart. In: Memories of Sculptor S.D. Erzia. Saransk. 1972, pp. 31–83.

Suteev G. (1968) Sculptor Erzia. Biographical Notes and Memoirs. Saransk. Mordovian Publ. House. 176 p.

- CSA RM, f. P-1689, inv. 1, doc. 364. 8l p.
- CSA RM, f. P-1689, inv. 1, doc. 427. 2l p.
- CSA RM, f. P-1689, inv. 1, doc. 478. 51l p.
- CSA RM, f. P-1689, inv. 1, doc. 479. 21l p.
- CSA RM, f. P-1689, inv. 1, doc. 481. 14l p.
- CSA RM, f. P-1689, inv. 1, doc. 482. 33l p.
- CSA RM, f. P-1689, inv. 1, doc. 484. 97 p.
- Chulkov G. Moscow and the Demon. *Zolotoe Runo (Golden Fleece)*. 1909. No 6, pp. 71–74.
- Yakimovich A. (1995) The Magical Universe. Essays on the Art, Philosophy and Literature of the Twentieth Century. Moscow. Galart Publ. 168 p.
- Bernardoni R. Por las exposiciones. Stephan Erzia. *Claridad*. [Buenos Aires]. 1927. Jul. 25.
- El escultor ruso Stephan Erzia. *La Prensa*. [Buenos Aires]. 1928. Jul. 7.
- El escultor ruso Stephan Erzia, uno de los artista más. *La Prensa*. [Buenos Aires]. 1927. Jul. 5.
- Exposición Stephan Erzia. *La Nacion*. [Buenos Aires]. 1927. Jul. 15.
- [Franze J.] Atelier: Stünde bei Stephan Erzia. Das nue Über: Leo Tolstoi. Bildmerf ans Algarrobo. *Deutsche La Plata Zeitung*. [Buenos Aires]. 1930. Jan. 24.
- Fr[anze J.]. Ausstellung Stephan Erzia. Salon Müller. *Deutsche La Plata Zeitung*. [Buenos Aires]. 1931. Mai 24.
- Franze J. Stephan Erzia. Ginsiedler, Fraumer. Bildhauer. *Deutsche La Plata Zeitung* [Buenos Aires]. 1928. Juni 20.
- Galeria Argentina. Stephan Erzia. 18–VIII–1931. Buenos Aires, 1931. 2 p.
- Maffei A. El escultor ruso Stephan Erzia inaugurará su exposición el sábado próximo en Amigos del Arte. *La Epoca*. [Buenos Aires]. 1927. Jun. 29.
- Martelli S.C. Stephan Erzia, el escultor solitario. Noticia acerca de la vida y arte del gran artista ruso. *Caras y Caretas*. [Buenos Aires]. 1935. Mayo 18.
- Nebbia U. Erzia. Artisti della Rivoluzione. *Il Viandante* [Milano]. 1910. Nov. 7.
- Orsetti L. Stephan Erzia, artista de America y del Mundo. *Hombre de America* [Buenos Aires]. 1945. No 27. Oct., pp. 12–13.
- Orsitti L. Stepan Erzia. *Villa Ballester*. [Buenos Aires]. 1945. Mayo 24.
- The Russian Artists in Buenos Aires. *The Bulletin Board*. [Buenos Aires]. Vol. X. 1946. No 5. Aug., pp. 12–13.

Сведения об авторе:

Ирина Васильевна Ключева,
канд. филос. наук
доцент

Институт национальной культуры
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва

Irina V. Klyueva,
Candidate of Philosophy
Assistant Professor
Institute of National Culture
National Research
Ogarov Mordovia State University

klyueva_irina@mail.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

И.Д. Макарова-Томинец (Копер, Словения)

По-словенски с русским акцентом: языковой портрет русскоговорящего жителя Словении

Аннотация: Настоящая статья предлагает обзор и анализ частотных случаев языковых ошибок, наблюдаемых в словенской речи русскоговорящих переселенцев. Материалом для статьи послужил анализ устных интервью с 10 информантами, владеющими словенским языком на начальном уровне. Их речь представляет особый интерес для исследования, так как является примером формирования промежуточной языковой системы на стыке двух родственных языков. При анализе использована терминология преимущественно современных российских психолингвистов (Цейтлин, Залевская, Воейкова), занимающихся проблемой билингвизма.

Ключевые слова: словенский язык, русский язык, билингвизм / двуязычие, интерференция, анализ ошибок

I.D. Makarova Tominec (Koper, Slovenia)

A Russian Accent in Slovenian: A Speech Portrait of the Russian-speaking Slovenian

Abstract: This article provides an overview and study of frequent language mistakes made by Russian-speaking Slovenians. Informants were 10 adults with a rudimentary knowledge of the language. Their discourse is of special interest for the researcher as it shows how an in-between system of two related languages grows. Research makes predominant use of contemporary Russian psycholinguists' terminology (e.g., Zeitlin, Zalevskaya, Voyeykova).

Key words: Slovenian, Russian, bilingualism, interference, mistakes analysis

В последнее время число русскоговорящих жителей Словении заметно растет. Так, по данным Министерства внутренних дел Республики Словения в сентябре 2016 г. постоянное проживание в стране оформило приблизительно 5000 иностранцев¹, переехавших в Словению из Российской Федерации, Украины, Казахстана. Русскоговорящие переселенцы активно участвуют в образовательной, культурной

¹ См. статистические данные об иностранцах, опубликованные на официальном сайте словенского Министерства внутренних дел www.mniz.gov.si/si/mniz_zavastujci_v_sloveniji/statistika/ (доступ: 27.09.2017г.).

среде Словении, активно открывают небольшие частные предприятия. Успешной интеграции способствует, с одной стороны, в основном нейтральное, умеренно-позитивное отношение местного населения к русскоговорящим переселенцам, с другой стороны, ускоренная ассимиляция самих русскоязычных мигрантов, быстро приспосабливающихся к новой языковой и социокультурной среде. Таким образом, в случае российско-словенского языкового контакта можно говорить об ускоренном процессе социализации, в котором важную роль играет также процесс освоения словенского языка как языка окружения¹.

В течение 2012–2016 гг. в рамках двух научных билатеральных проектов² были проведены наблюдения за разными аспектами процессов языковой и культурной адаптации русскоговорящих переселенцев в Словении, в основу которых легли интервью с российскими переселенцами, представителями различных поколений (с подростками, их родителями), а также социолингвистический опрос большой группы русскоговорящих переселенцев³. При том что отчет об изменениях, которые наблюдаются в русскоязычной речи переселенцев под влиянием словенского языка как языка окружения мы уже публиковали [Makarova 2015; Макарова 2016], особенности русифицированного варианта словенского языка, наблюдаемого в речи русскоговорящих переселенцев (1-го поколения) в рамках проведенных исследований, еще не были освещены.

Согласно данным интервью языковая компетенция русскоговорящих переселенцев весьма разнородна как с точки зрения соответствия словенским орфоэпическим нормам, так и с точки зрения объема активного словарного запаса, степени автономности говорящего, многообразия использованных стилистических средств, свободы владения социолингвистическими и прагматическими аспектами коммунитивной компетенции на словенском языке. Различия обусловлены, с одной стороны, индивидуальными обстоятельствами (например, языковыми способностями конкретного человека), с другой стороны, некоторыми типичными факторами, которые мы можем предложить в качестве основных, на основании проведенных наблюдений.

По нашему мнению, существенными факторами, обуславливающими успешность языковой адаптации, можно считать следующие: 1) время, проведенное в Словении или в словенской языковой среде; 2) интенсивность языковых контактов со словенской языковой средой (прохождение обучения в словенской школе или ВУЗе, работа со словенскими коллегами (на словенском языке), активное участие в различных (спортивных, культурных) мероприятиях, в открытых лекциях, в многочисленных словенских обществах, объединениях по интересам, что обеспечивает активное общение на словенском языке в свободное время, 3) языковой состав непосредственного социального окружения (супруг(а), другие члены

¹ Русскоговорящие переселенцы как представители так называемых «третьих» государств имеют возможность бесплатно изучать словенский язык в различных словенских городах [Ferbežar, Pirih Svetina 2005], имеется также поддержка дополнительного изучения родного языка переселенцев [Medvešek, Bešter 2011].

² Речь идет о двух словенско-российских исследовательских проектах «Расширение потенциала адаптационных механизмов в случае русско-словенских языковых и культурных контактов» (номер проекта BI-RU/12-13-026) и «Фазы языковой адаптации в речи различных поколений русскоговорящих переселенцев в Словении и словенскоговорящих переселенцев в России» (номер проекта BI-RU/14-15-034).

³ В качестве примера можно привести русскоговорящую группу в социальной сети Facebook «Живем в Словении».

семьи, язык общения в рамках семьи и т. д.); 4) возможность дополнительно изучать словенский язык (индивидуально или в группе); 5) намерение конкретного переселенца остаться в Словении на длительное время / на всю жизнь или же впоследствии поменять место жительства (вернуться домой, переехать в третью страну); 6) восприятие собственного экономического положения как супериорного / самодостаточного, что иногда наблюдается у некоторых обеспеченных переселенцев из России¹.

В настоящей статье будут рассмотрены языковые отступления, формирующие узнаваемый русскоязычный акцент в речи главным образом начинающих говорить на словенском языке. Данные были собраны посредством устных интервью с десятью информантами, представителями первого поколения переселенцев, которые прожили в Словении максимум 18 месяцев (см. таблицу ниже). С точки зрения конкретного уровня языковой компетенции на словенском языке, определяемого в основном интуитивно, можно говорить, что наши информанты владеют словенским языком на уровне A1/A2. Здесь важно отметить, что для полного анализа частотности и устойчивости частотных языковых отступлений, наблюдаемых у русскоговорящих на словенском языке, необходимо включить в анализ также данные о языковых отклонениях, наблюдаемых на более высоких уровнях языковой компетенции (до уровня C2), включая анализ письменной речи. Отдельный научный интерес представляет также вопрос о корреляции уровней языковой компетенции на обоих языках, как на русском, так и на словенском.

Таблица 1: Информанты, начальная ступень владения словенским языком

	Имя	Возраст	Место рождения	Длительность пребывания в Словении
1	Т.М.	22 года	Санкт-Петербург, РФ	10 месяцев в Словении
2	О.Л.	47 лет	Алма-Аты, Казахстан	1 год в Словении
3	С.М.	37 лет	Казань, РФ	1 год в Словении
4	Я. Р.	40 лет	Калининград, РФ	1 год в Словении
6	О.	18 лет	Украина	10 месяцев в Словении
7	О.Ф.	23 года	Российская Федерация	10 месяцев в Словении
8	А.	19 лет	Украина	1,5 года в Словении
9	А.	10 лет	Казань, РФ	6 месяцев в Словении
10	М.	11 лет	Калининград, РФ	6 месяцев в Словении

На основании анализа устных интервью можно сделать следующие выводы. Русскоязычные переселенцы переезжают в Словению, в лучшем случае выучив основы словенского языка либо посредством индивидуальных занятий (короткие курсы по скайпу), либо посредством интернет-сайтов, гораздо реже (по крайней мере по имеющимся у нас данным) посредством предварительного изучения словенского языка в языковой группе². Это означает, что в большинстве случаев переселенцы не имеют достаточной языковой подготовки. Часть информантов также ссылается на межъязыковое сходство, которое поможет им быстро доучить язык уже после переселения в страну. Кроме того, на начальном этапе, особенно в случае бизнес-миграции, сопровождаемой открытием собственного предприя-

¹ Данные приводятся на основании устных интервью, состоявшихся в Словении в городе Копер, Любляна, Изола, Порторож, в течение 2014–2015 гг.

² Как правило, более серьезную языковую подготовку демонстрируют будущие студенты, собирающиеся учиться в Словении.

тия в Словении, переселенцы находят посредников, так что к целенаправленному активному изучению словенского языка они приступают уже после фактического переселения в страну.

В связи с этим вполне обоснованным можно считать предположение, что в речи русскоязычных переселенцев, с которыми мы говорили в период после первых 6, 10, 12 и 18 месяцев их пребывания в Словении, можно найти многочисленные отклонения от словенской языковой нормы на всех языковых уровнях.

Высокий процент, иными словами – настоящий концентрат, отступлений от языковой нормы под влиянием негативной интерференции со стороны родного языка является характерной особенностью языковой компетенции на любом иностранном языке на начальном этапе его освоения. Речь идет о начальном этапе формирования промежуточной / вторичной языковой системы¹, возникающей в серой зоне на стыке обоих языков, поэтому эта система, по наблюдениям психолингвистов, отличается межъязыковой грамматикой [Воейкова 2011:27], образуемой в результате полного / частичного перекрытия / наложения обеих языковых систем. Начальный этап интенсивного межъязыкового контакта, известного в литературе как преморфологический этап², отличается агрессивным упрощением / симплификацией языковой системы, что означает экстремальное сокращение словенского словоизменения, отличающегося заметным разнообразием. Симплификация может проявляться как в исключительном использовании одной, как правило, самой простой и частотной формы, в так называемом «замороженном» виде (на самом раннем этапе усвоения языка).

ПРИМЕР 1 (ИНФОРМАНТ 4)

Вопрос: Kdo pomaga?

Ответ (информант): Jaz pomaga (вместо **pomagam**).

Вопрос: Niste končali?

Ответ (информант): Ne, niste (вместо **nisem**).

В данном случае использована ситуация общения в условиях так называемого коммуникативного кризиса, когда необходимость объясниться на словенском языке значительно превышает запас имеющихся в распоряжении языковых средств, что активизирует компенсационные, или проблемно-разрешительные, коммуникативные механизмы [Воейкова 2011: 20], которые выражаются главным образом в безальтернативной опоре на словенскую речь / реплики более компетентного собеседника, иллюстрируя таким образом максимальную степень коммуникативной неавтономности говорящего.

На следующей ступени формирования языковой компетенции симплификация может привести к гипергенерализации одной, наиболее частотной формы / модели, особенности которой на основании выравнивания по аналогии переносятся на иные элементы языковой системы. Главным образом речь идет об активации вспомогательного механизма усвоения грамматики – так называемой дефолтной (доминантной, базовой) формы, полностью замещающей необходимую и правильную [Воейкова 2011: 23].

¹ Промежуточный язык, отличающийся динамичным, лабильным характером, постепенно формирующийся у говорящего в процессе освоения второго языка ([Залевская 2009: 37]; также [Цейтлин, Абабкова 2011]).

² Начальная фаза языкового контакта, отличающаяся слабым владением или полной нейтрализацией словоизменительных особенностей целевого языка [Цейтлин 2011: 184].

ПРИМЕР 2 (ИНФОРМАНТ 4)

Imam hiša tukaj v Kopru, to je nevelika hiša. Stanujem s čirkoj, imam čerka. Ona je Marija. Ona stara 10 let. Uči v osnovna šola v Kopru.

Очевидно, что на момент записи информант располагает лишь двумя грамматическими формами существительного женского рода. В качестве дефолтной, или базовой, в его речи преобладает форма именительного падежа (*hiša*, *hčerka*, *osnovna šola*).

ПРИМЕР 3 (ИНФОРМАНТ 3)

3.1. Ima lepe velike okna.

Ima lepe stalaktity.

Отсутствие согласования между прилагательным и существительным, к которому оно относится, в данных примерах доказывает, что на данном этапе говорящий использует / распознает только одну дефолтную форму прилагательного во множественном числе, которая в его речи замещает остальные множественные формы прилагательных в винительном падеже, имеющиеся в целевом языке (под влиянием негативной интерференции со стороны русского языка).

3.2. Bila sem v Italiji, v Hrvaški, v Avstriji,
v Češki in Poljski*.

*В данном случае мы говорим уже об **интралингвальном** типе отступлений / ошибок, возникающих не под влиянием родного языка, а именно под влиянием неполного овладения уже целевого языка [Цейтлин, Абабкова 2011: 182], также [Pirih-Svetina 2005: 22].

Наблюдается выравнивание всех форм женского локатива (предложного падежа) по аналогии с первыми двумя формами, игнорирующее тот факт, что названия государств, образованные от прилагательных, должны изменяться по образцу склонения имен прилагательных, а не имен существительных (*na Češkem*, *in Poljskem*). Говорящий таким образом генерализует более частную и простую для его понимания грамматическую модель / форму.

3.3. Berem facebook, berem spletne strane
zanimive.

В этом случае менее частотную форму винительного падежа множественного числа склонения женского рода на согласный (*strani*) в речи говорящего замещает более частотная форма с окончанием на -е (*knjige*, *revije*, ...), подкрепленная, возможно, также выравниванием с предстоящей и постстоящей формой прилагательного в форме винительного падежа множественного числа -е (*spletne strane zanimive*).

3.4. Kupla sem nekaj hranu, kislo smetana,
krompirčak, korenček, paradižnik.

В последнем примере также наблюдается нарушение согласования между неопределенным местоимением и существительным (*nekaj hranu*), а также между прилагательным и существительным в следующей паре, причем существительное представлено в дефолтной форме именительного падежа вместо требуемого винительного (*kislo smetana* вместо *kislo smetano*).

ПРИМЕР 3

N'e želi greti k frizerju	(ошибочная форма инфинитива глагола <i>iti</i> по аналогии с частотной формой первого лица единственного числа того же глагола в настоящем времени <i>grem</i>)
N'e v' edem	(<i>ne vem</i> , по аналогии с частотной формой инфинитива, напоминающего однокоренной русский глагол с похожим значением: <i>vedeti</i> – ведать)*

*Аналогичные ошибки частотны в словенской речи и у других иностранцев.

В-третьих, для промежуточного языка в стадии формирования характерна исключительная лабильность, динамичность, что означает, что в речи информанта можно одновременно наблюдать как правильные и неправильные формы, некоторое время параллельно существующие в его идиолекте, до тех пор, пока говорящий четко не осознает смысловых и функциональных границ между ними.

ПРИМЕР 4 (ИНФОРМАНТ 3)

Pride **doma** približno ob **dveh** uri.

В данном случае информантка не проводит функционально-смыслового различения между вариантами обозначения локации в статике (места) и цели движения (*doma* = *domov*), с одной стороны, и между двумя возможными обозначениями времени, сосуществующими в словенском языке, с другой (*ob dveh* = *ob drugi uri*). В идиолекте информантки все указанные формы сосуществуют одномоментно.

ПРИМЕР 5 (ИНФОРМАНТ 3)

Pojutri šla sem do trgovine.

В этом случае мы наблюдаем пример *паронимизации*, т. е. семантического и функционального спаивания внешне похожих, в данном случае однокоренных слов (*jutri-jutro-pojutrišnjem* – *zjutraj*), которые в речи информантки по своему смыслу и функционалу перекрываются, образуя своеобразные семантические «лужицы» с нечеткими внутренними границами.

ПРИМЕР 6 (ИНФОРМАНТ 3)

Ne gledam televiziju, ni rada, nisem rada, nimam rada televiziju.

В данном высказывании информантка выбирает разные варианты выражения модальной конструкции «не люблю», сосуществующие в ее речи, демонстрируя неполное владение системой словенского языка.

В-четвертых, процесс освоения языка в прямом контакте с языковой средой в случае словенского языка часто сопровождается усвоением разговорных, локально ограниченных форм, которые говорящий нередко а priori считает правильными (*mam (imam), super, svašta, družga, flaška, giro, fetina, merenda, ful, sekirati, manča, katastrofa*). То же явление генерализации нелитературных форм в качестве нормативных характерно и для освоения просодических особенностей словенского языка (в частности, места ударения, усваиваемого именно на слух, из языковой среды): *lahko* / *lahko*, *slabo* / *slabo*.

В ситуации коммуникативного кризиса, т. е. острой нехватки словарного запаса, наблюдаются случаи замещения словенских слов русскими, которые в речи словенизируются фонетически.

ПРИМЕР 7 (ИНФОРМАНТ 3)

Živi **toliko** (русское слово «только» = словенское слово «samo») moja skupina.

Недостающее словенское слово (*samo*) информант замещает русским лексическим эквивалентом *tol'ko* (только), словенизируя его фонетически.

Следующий отрывок, представляющий упрощенную фонетическую запись из интервью с информантом Р. (11 месяцев в Словении, родом из Украины), также содержит несколько вышеописанных примеров.

ПРИМЕР 8. ОТРЫВОК 1 (ИНФОРМАНТ 4)

Tri mesece mo^oče sem potreboval, da sem že začel govoriti. Mal sem sekiral **se** za svoje besedilo, pač kako **sem** ja izgovarjam... ampak ni bilo druge možnosti, pa ja **sem** n^e tako dovolj poznam **angleš'inu**, i pa mogel govorit' na *slovenš'ini* in pa sem razbil ta barier **da bojim se** in začel govorit'.

На фонетическом уровне данный информант демонстрирует смягченное произношение согласных (*n'e, govorit'*), упрощение скопления согласных с последующим смягчением (*šč → š → š*; *angleš'inu, na slovenš'ini*). Украинское происхождение информанта проявляется также во фрикативном заднеязычном согласном *y* (*mo^oče, druye*).

На морфологическом уровне очевидно неполное владение как именным, так и глагольным словоизменением. В частности, наблюдается ошибочная форма винительного падежа (*angleš'inu*, вместо *angleščino*), а также ошибочное управление глагола – выбор предлога (*govoriti na slovenš'ini*) под влиянием русского языка (говорить на словенском языке). Словенские глаголы в речи информанта обнаруживают излишнее, редундантное использование личной формы вспомогательного глагола (*sem izgovarjam; sem ne poznam*), с другой стороны, мы наблюдаем опущение вспомогательных форм в формах прошедшего времени (*mogel govorit', začel govorit'*) – также под влиянием модели образования прошедшего времени в русском языке, где вспомогательный глагол не требуется.

На уровне семантики наблюдается разговорная лексика (*sekirati*), использование частотной лексической кальки из русского языка (*razbiti barier*), ошибочный выбор глагольной лексемы (*poznam angleš'inu* вместо *znam angleščino*) под влиянием русского языка. В последнем случае ошибка вызвана переносом значения русского лексического эквивалента *знать* с широкой семантической сочетаемостью, допускающего в русском языке как соединения с объектом, обозначающим лицо, так и с объектом, обозначающим предмет / язык, в словенский язык, где соответствующие значения покрывают две различных глагольных лексемы (*znati, poznati*), выбор которых зависит от значения слова, обозначающего объект:

Знать человека	Poznati osebo
Знать язык	Znati jezik

Анализ порядка слов в приведенном отрывке также показывает ошибочное размещение возвратного местоимения *se* (*malo sem sekiral se za svoje besedilo; da bojim se*) под влиянием русских возвратных глаголов, в которых возвратные

местоимения никогда не отрываются от основы. Освоение несвободного порядка слов в разных иностранных языках (немецкий, английский) часто является проблемой для русскоязычных, на что обращают внимание различные исследователи [Воейкова 2011: 28].

ПРИМЕР 9. ОТРЫВОК 2 (ИНФОРМАНТ 4)

Jaz sem mislim, da bom učil jih, **otrokov**, ruščine... jaz bi jih poslal še za mesec v Moskvo... Govorijo **na ruš'ini**... Jaz **sem ne hočem**, če bom živem v **jevropskoj države**, jaz **ne htel bi** dat otroku še dva jezika, bo lažje **njemu poznat** ruščino, **on** bi lažje **z vsej Sovetskoj zvezoj** govoril.

Во втором отрывке обнаруживаются те же ошибки, что и в первом (*govorijo na ruš'ini*), редундантное использование вспомогательного глагола в глаголах настоящего времени (**jaz sem mislim**, **jaz sem ne hočem**), сопровождаемое излишним для словенского языка использованием личных местоимений (*jaz*). Последняя особенность – одна из самых характерных отличительных черт русского акцента, отражающая характерное для русского языка эксплицитное выражение агенса (*Я хочу*). В том же отрывке наблюдаются еще два похожих примера излишнего использования личных местоимений, по русской синтаксической модели (**jaz ne htel bi**, **on bi lažje govoril**, **bo lažje njemu**). Характерным отступлением является также преимущественное использование полных форм местоимений, пренебрегая необходимым различием между краткими и полными формами местоимений, а также игнорирование правильного порядка слов.

В именном склонении наблюдается также калькирование русского словосочетания из русского языка (*v jevropskoj države*) с русскими именными окончаниями. Калькирование русского словоизменения наблюдается и в следующем примере (*z vsej Sovetskoj zvezoj*).

Характерная особенность русскоязычных информантов – последовательная манифестация категории одушевленности в форме родительного падежа множественного числа (*otrokov*) по аналогии с более частотными формами (*malčkov*, *zajčkov*).

Дословное калькирование форм из родного языка наблюдается также при отрицательной модификации модального глагола: **jaz sem ne hočem** (вместо правильной словенской формы **nočem**), а также в форме **jaz ne htel bi** (*я не хотел бы*) с излишним для словенского языка использованием формы личного местоимения. Одновременно наблюдается неправильное использование отрицательных форм условного наклонения (*ne bi želel / hotel*) – калька русской синтаксической модели, – сопровождаемое нарушением словенского порядка слов.

ПРИМЕР 10. ОТРЫВОК 3 (ИНФОРМАНТ 3)

Palačinke je ruska nacionalna hrana. Lahko palačinke naredit iz različnim nadevom, s škuto, z džemom, z marmeladom, z mesom. Oni je zelo okusny... so zelo okusny, zelo kaloričny, to je dobro, še imate nekaj... golod. Še ste lačni. To je dobro za ljudi, kdo ima rad sladišče / sladice az' iroma mjasu.

На фонетическом уровне данная информантка демонстрирует сохранение русской произносительной нормы аканья (*az'irama* вместо *oziroma*), замену словенской лексемы *meso* русским эквивалентом *mjasu*, смягчение *naredit*. Информантка сохраняет в речи русский гласный *y(ы)*, особенно во множественном числе, вместо словенского гласного *i* (*so zelo okusny*, *ste lačni*).

В данном отрывке можно найти примеры частичной симплификации языковой системы с последующей самокоррекцией (*oni je zelo okusny... so zelo okusny*), что наблюдается два раза (*palačinke je ruska jed*). Сосуществование разных вариантов манифестации одного и того же смысла в рамках одного высказывания сопровождается калькированием русской синтаксической модели модального глагола (модальный глагол + инфинитив): *lahko narediti* = *можно сделать* вместо *lahko naredimo*.

Лабильность / динамичность русифицированного словенского языка в речи наших информантов имеет также свои индивидуальные проявления:

ПРИМЕР 11 (ИНФОРМАНТ 3)

Želela by, še imela by sestanek s prijateljami (*še* вместо *če*).

Še bo dobro vreme, lahko šla sva se na sprehod na morje (*še* вместо *če*).

Специфичной особенностью речи данного информанта является неразличение условного союза *če* и частицы *še* (*če* = *še*) вследствие симплификации.

Лингвистический анализ устных интервью с русскоязычными информантами на словенском языке позволяет сделать следующий систематический обзор частотных отступлений по различным языковым уровням:

1. ОТСТУПЛЕНИЯ НА ФОНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

1) Характерное смягчение словенских согласных в позиции перед переднеязычными гласными (i, e): *Baz 'il'ika, zap 'isan 'i v slovansk 'ih jez 'ikih, p 'erva č'этка, n 'e razum 'el 'i? u Izol 'i, b 'erem kn 'igu, č 'e se sprašujemo, l 'eta, dobiti pik 'e*.

Смягченное произношение согласных наблюдается также в случаях, когда говорящий переносит/калькирует смягченное произношение однокоренного слова из русского языка: *vs 'ak* (всяк), *o kul 'turnem* (о культурном), *kul 'tur 'i* (культуре).

2) Систематически наблюдаемое оглушение конечного (v) в фонетической позиции перед следующим глухим согласным или в позиции конца слова под влиянием русской произносительной нормы (v → f): (*nasprotnikof*), (*fse*), (*afтор*), (*slovencef*), (*sedem* (*mesecf*), *imamo takšnih* (*komarjef*)).

3) Произношение безударного вокала o как a, так называемое аканье, под влиянием русской произносительной нормы (o → a): (*slavenija*), (*slavencef*).

4) Редукция безударного гласного e с последующим переходом в (i), так называемое иканье, под влиянием российской произносительной нормы (e → i): *pr 'ipov 'edala* (*namesto prepovedala*).

5) Замещение переднего словенского гласного i задним русским гласным у: (i ← y(y)) в однокоренных словах: *byl*, *byli*, *moj syn*, *na obysku*. Часто подобное замещение наблюдается и в окончаниях множественных форм именного склонения, а также в формообразующей частице условного наклонения *bi*, который русскоязычные информанты особенно на начальном этапе произносят как *by*: *želela by, še imela by sestanek s prijateljami*.

6) Упрощение сочетания согласных (-šč- → š) с последующим смягчением (š → š'), что, правда, наблюдается не у всех информантов, а скорее выборочно (чаще у самоучек): *slovenš '(č)ina, izhodiš 'č 'a, izhod 'iš 'na točka v latinš 'čini, iš '(č)emo, iš '(č)e vzroke zunaj, stališ 'e, kərš 'anske znak 'e*.

7) Характерной фонетической приметой русскоговорящих переселенцев из Украины является фрикативный заднеязычный (g → ɣ): *ɣovor 'it 'i, ɣəʃš '(č)ine, knjiɣ*.

О различной роли фонетических ошибок для успешной коммуникации в свое время писал русский исследователь Щерба, разделивший их на коммуникативно-значимые (т. н. «фонологические ошибки») и коммуникативно незначимые («артикуля-

ционные ошибки») (Щерба 1957:13). Артикуляционные ошибки придают речи говорящего узнаваемый национальный акцент, в то время как фонологические ошибки могут привести к коммуникативному сбою, т. е. непониманию. К последним при определенных условиях можно отнести ошибочное место ударения (в отдельных случаях при отсутствии корректирующего контекста), например: *dōma* вместо *doma*. При этом в целом на основании наших данных можем сказать, что фонетические особенности русскоговорящих на словенском языке действительно сообщают их речи узнаваемый русский акцент, но, как правило, не ведут к коммуникативному сбою¹.

II. ОТСТУПЛЕНИЯ НА УРОВНЕ ПРОСОДИИ

В качестве заметных отступлений на уровне просодии в первую очередь необходимо указать ошибочное место ударения, когда русскоговорящий калькирует фонетическое оформление однокоренного слова из русского языка: *simpatična dəržava, zelo izobraženeča, simbol svete trojice, sem poročen, hodi v sed'mi razr'ed, s taksijem, jezyk, dōma, on je velik*.

Особенно долго ошибочное место ударения сохраняется в словенских словах с подвижным местом ударения: *nekatere ljudi, na vikendu, iz jantarja*.

III. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В именном склонении частотны следующие отступления.

Замена словенских словоизменительных падежных окончаний русскими:

Вин.п. ед.ч.:	<i>Imam majhnu družinu, jaz sem za mamu</i>
Пред.п. ед.ч. (существительные):	<i>fšol'e</i>
(прилагательные):	<i>na Čevljarsoj</i>
Твор.п. мн.ч.:	<i>tanko drevo z večjimi listami, s prijateljami</i>

Особенно частотны отступления при словоизменении словенских имен существительных, принадлежащих к особым типам склонения (существительные женского рода на согласный: *stran-strani, vas-vasi*), или имен существительных с индивидуальными особенностями склонения (так называемые слова-исключения: *otroci, ljudje, lasje, zobje*): *ljudi zelo mirni, ljudi zelo prijazni, imam otroci, jaz sem za oče (za očeta)*.

Длительное время необходимо и для усвоения нестандартного расширения основ словенских существительных мужского рода, основа которых заканчивается на *-r*: *certifikat na papiru* (вместо *na papirju*), *vidu sem profesora* (вместо *profesorja*).

Заметны отдельные случаи выравнивания используемых падежных форм по аналогии: *v tujini bila sem v Italiji, v Hrvaški, v Avstriji, v Češki in Poljski*.

Как уже отмечалось выше, на начальном этапе в речи русскоговорящих заметно нарушение согласования между существительными и прилагательными (между главным и зависимым словом): *Ima novy kolesa. Ima veliky okna*. Особенно часто данные отступления встречаются в формах множественного числа под влиянием морфологической интерференции русского языка, где имя прилагательное имеет универсализированную форму множественного числа, вне зависимости от рода существительного.

¹ В данном случае было бы полезно провести специальное уточняющее исследование частотности и причин возможных коммуникативных неудач в общении русских и словенцев, для чего наш материал, на данный момент, не является достаточным.

Таблица 2

	Словенские формы мн. ч.	Русские формы мн. ч.	Примеры
Ср. р.	Nova kolesa	новые колеса	<i>Novy kolesa</i>
Муж. р.	Ruski prijatelji	русские приятели	<i>Ruski prijatel'i</i>
Жен. р.	Ruske knjige	русские книги	<i>Rusky knjige</i>

Вполне предсказуемы рассмотренные отступления в случае выравнивания по аналогии глагольных основ инфинитива и форм настоящего времени, наблюдаемые в словенской речи и других иностранцев: *Morajo greti domov* (ошибочная форма инфинитива глагола *iti*, построенная информантом по аналогии с формой настоящего времени того же глагола в первом лице единственного числа *grem*), *n'e v'edeš* (*ne veš*, по analogiji z *vedeti*).

Вопросительные и относительные местоимения

Русскоговорящие с трудом различают вопросительные и относительные местоимения, формы которых в русском языке нейтрализованы, а в словенском последовательно различаются:

Moj sin slabo govori kako i jaz.

Kdaj pridem domov, skuham kosilo.

Pišem točno to, kaj sem že pisala.

Союзное слово *ki* / *kateri*

Zelo lepa reka, katera teče v Sloveniji.

В русском языке основа союзного слова *который* единообразна, в отличие от словенского языка, где это союзное слово имеет две формы – **ki** и **kateri** – в зависимости от того, используется ли это слово с предлогом или без.

<i>Reka, ki teče</i>	Река, которая течет
<i>Reka, v kateri teče</i>	Река, в которой течет...

Аналогичный пример несимметричного функционально-семантического распределения значений в словенском и русском языке – это различие вопросительных слов *kakšen* и *kateri*. Вопросительное слово *kakšen* означает, что речь идет об общих качествах предмета, в то время как вопросительное слово *kateri* означает, что речь идет о типовых свойствах, позволяющих отнести предмет к определенному классу / типу, определить его номер в списке аналогичных предметов. В русском языке данное различие нейтрализовано.

Словенский язык	Ответ	Русский язык	Ответ
Kakšna je vaša predavalnica?	velika	Какая у вас аудитория?	Большая
Katera je vaša predavalnica?	341		Номер 341

Приведем наблюдение из жизни. Когда на автобусной остановке русскоговорящий информант спрашивает: *Kakšen bus?* – не все словенцы понимают, какая точно информация интересует говорящего. Поэтому случаи коммуникативного сбоя здесь случаются.

Категория числа

Характерное для словенского языка различие между двойственным и множественным числом в русском языке уже давно утрачено, так что в речи русско-

говорящих частотна нейтрализация специфических форм двойственного числа, обязательных в словенском литературном языке. Наши информанты в этом случае часто используют формы множественного числа.

Moji otroci zdaj v šoli (речь идет о двоих детях), *približno dve ure*

Ситуация осложняется еще и тем, что и некоторые региональные варианты словенского разговорного языка (например, приморский на словенском побережье) также утратили различия между формами двойственного и множественного числа. Отсутствие примеров в непосредственной языковой среде еще более затрудняет активное овладение этими формами¹.

Кроме того, на начальном этапе в словенской речи информантов наблюдается параллельное сосуществование не только словенских, но и русских форм множественного числа:

Imam hruški, jabolki (груши, яблоки).

Категория одушевленности

Весьма характерно для словенской речи именно русскоговорящих сохранение в речи грамматической манифестации одушевленных существительных (особенно во множественном числе): *učim otrokof, vabim staršef, vidim mojih prijateljef, pozvati nasprotnikof*.

IV. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

1. В условиях нехватки словарного запаса, характерной для начального этапа овладения языком, позиции словенских слов активно замещаются русскими словами: *Delajo eksperimente* (вместо более подходящего словенского варианта *izvajajo*), *delajo izpite* (вместо *polagajo / opravijo*).

2. На начальном этапе часто наблюдается замена двух предлогов *za / na*, которые есть как в словенском, так и в русском языке, при том что их семантика и функционал различаются.

В словосочетании *za zajtrk* эквивалентом русскому предлогу *на* является словенский предлог *za*. В предложении *Cena se je zvišala za 10% na 300 EUR* ошибочное использование русского предлога *на* вместо словенского *za* может привести к коммуникативной неудаче, так как в словенском языке предлог *na* означает конечный результат, а предлог *za* – указание разницы.

Таблица 3. Предлоги *za, na* в русском и словенском языках

В словенском	В русском
Za zajtrk	На завтрак
Za 20%	На 20%
Na 300 EUR	До 300 евро (конечный результат)
Za koga	Для тебя
Namesto tebe	За тебя
Za hišo	За домом
Na strehi	На крыше

¹ Так, например, в речи приморцев гораздо более высокая вероятность услышать *Dajte dva piva!* вместо литературного варианта *Dajte dve pivi*.

Частичное совпадение значений характерно и для использования словенского предлога *za* в значении *для кого* (*za koga*), в то время как эквивалентом русскому *за тебя* будет выступать словенский предлог *namesto tebe*. Межъязыковые совпадения значений и функционирования предлогов *na* и *za* возрастают при использовании предлогов в их прямом значении – при указании на физическое положение объектов (последние два примера в таблице).

В любом случае, семантика и функционал предлогов, небольших служебных слов достаточно сложны для освоения, по-видимому, потому, что для уяснения тонких межъязыковых различий в полном объеме требуется значительное время.

3. Как уже было отмечено, в случае контакта славянских языков, обладающих генетически родственным словарным фондом, частотно наблюдаются отступления в связи с ошибочной семантизацией внешне похожих слов. Речь идет об известном в языкознании понятии «ложных друзей» – следствии межъязыковой омонимии. Из наших наблюдений можем привести следующие примеры:

ПРИМЕР 3.1.

Jaz ga **pozdravila**, ker je dobil hčerko (вместо словенского эквивалента *čestitala*)

ПРИМЕР 3.2.

Slovenskih znamenitostej poznam iz televizije (вместо словенского эквивалента *znanih oseb*).

ПРИМЕР 3.3.

Hvala, to bila zanimiva **beseda**! (вместо словенского эквивалента *pogovor*)

ПРИМЕР 3.4.

Kje živite? – En čas od Ljubljane (вместо словенского эквивалента *eno uro*)

4. Семантические различия в случае межъязыковой паронимии могут быть использованы и для специфического межъязыкового юмора¹:

ПРИМЕР 4.1.

Ali si ga obiskala? – Saj ni kriminalc!

Комический эффект возникает, поскольку словенское слово *obiskati* – «посетить с визитом» похоже на русский пароним *обыскать*. Таким образом невинный вопрос, в преломлении межъязыкового фильтра, русскоговорящий может понять как вопрос по факту обыска. Комический эффект в этом случае вполне понятен.

ПРИМЕР 4.2.

Ona je končno «dobila» svojega šefa.

И в этом случае комический эффект возникает благодаря межъязыковой паронимии, когда словенский глагол *dobiti* – «достать, получить» в связи со своей внешней похожестью на русский пароним *добить* ← *бить*, частотный в разговорном языке, получает новое переносное значение – «добить, уничтожить, агрессивным натиском достичь своей цели».

В данном случае значение данного словенского выражения, пропущенное через межъязыковое «кривое зеркало», может быть интерпретировано как «она наконец доказала свое шефу, поставив его в невыгодное положение», т. е. она его «добила».

¹ Примеры найдены в Интернете, на форумах и в публикациях членов интернет-сообщества «Живем в Словении».

5. Межъязыковые различия на семантическом уровне, наблюдаемые как на уровне лексических, так и на уровне грамматических элементов, могут выражать глубокие функциональные несовпадения между языками, рассматриваемые в рамках отдельных специальных исследований [Derganc 2008; Derganc 2009; Uhlik 2016a; 2016b]¹. В целом можно сказать, что иногда очень сложно определить конкретный языковой уровень, к которому относится то или иное языковое отступление, так как оно может проявляться на нескольких языковых уровнях одновременно.

К таким примерам можно отнести различия в использовании личных местоимений. Когда мы говорим о том, что русский язык не проводит различий между так называемыми краткими и полными видами личных местоимений (*meni-mi, tebi-ti, njega-ga, njemu-ti* и т. д.), освоение которых в связи с этим представляет сложность для русскоговорящих, речь идет о различиях на грамматическом (морфологическом) уровне. Когда мы говорим о том, что использование личных местоимений в русских высказываниях гораздо более частотно в связи с другим строением русского предложения, в которых агенс тяготеет к эксплицитности и должен быть выражен, а в роли агенса часто выступает именно личное местоимение (в именительном или дательном падеже, если речь идет о предложениях типа *Мне холодно, мне нравится*), то в данном случае мы говорим уже о синтаксическом уровне проявления / манифестации межъязыковых различий.

Многоуровневые семантически-функциональные различия наблюдаются и в случае вопросительных местоимений *kakšen* и *kateri*, рассмотренных выше.

V. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В структуре предложений настоящего времени типа *Мой папа – инженер* формы глагола «быть», обязательные в словенском языке, в русском языке отсутствуют. Последовательное опущение личных форм этого глагола в словенской речи русскоязычных говорящих наблюдается и в прошедшем времени, где личные формы глагола «быть» являются обязательным формообразующим элементом.

Примеры высказываний в настоящем времени

To izdelki iz jantarja.. Oni zelo lepy in zelo dobry za zdravje.

(последовательное опущение глагола-связки *so*, обязательного в словенском языке)

Slovenija majhna, zelo mirna, tiha(ja) država.

(Опущение глагола-связки *je*, под влиянием русского языка: *Словения – (это) маленькая, спокойная, тихая страна.*)

Moja ulica Ljubljanska 49.

(Опущение глагола-связки *je*, под влиянием русского синтаксического эквивалента: *Моя улица – Люблянская.*)

V Sloveniji mi že z jul'a / od jul'a.

(Опущение глагольной связки *sto*, под влиянием русского синтаксического эквивалента: *В Словении мы уже с июля.*)

Moj pes zelo aktiven.

(Опущение глагольной связки *je*; под влиянием русского синтаксического эквивалента: *Мой пес очень активен.*)

Ljudi zelo mirni, ljudi zelo prijazni

(Два раза подряд опущена глагольная связка *so*; под влиянием русского синтаксического эквивалента: *Люди – очень спокойны, люди – очень приветливы.*)

¹ Например, было установлено, что словенское именное сказуемое *Jarad* выражает состояние, ограниченное по времени, в то время как словенский предикатив *rad* выражает постоянные предпочтения, см.: «provedkovni rad v ruščini izraža časovno omejeno stanje, ter se uporablja v predikativnih konstrukcijah z vezjo, med tem ko slovenski rad v indikativu v zvezi s polnomenimi glagoli označuje trajno lastnost» [Uhlik 2016: 287].

Примеры высказываний в прошедшем времени

Jaz mislil.

(Опущение глагольной связки *sem*, под влиянием русского синтаксического эквивалента: *Я думал*.)

Ob četrthi jaz šla na sprehod s psom.

(Опущение глагольной связки *je*; синтаксическая калька с русского языка: *В четыре я пошла на прогулку с собакой*.)

Kaj ste si ogledali v Sloveniji? – Že ogledala jezero Bled.

(Опущение вспомогательного глагола *sem*; синтаксическая калька с русского языка: *Уже посмотрела озеро Блед*.)

В области синтаксиса некоторые информанты (главным образом, самоучки) в словенской речи демонстрируют редундантное использование личных форм вспомогательного глагола «biti» в настоящем времени, при том что полноценный смысловой глагол в высказывании уже есть:

Jaz **sem** stanuju, jaz **sem** pomagam s slovenščino...

Prihajam **sem** z Rusii, iz Kaliningradu.

В качестве предположения можно объяснить это явление недостаточным функционально-формальным различием глагольных форм настоящего времени с глагольными с формами прошедшего времени. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что, согласно нашему материалу, данные отступления демонстрируют преимущественно глагольные формы первого лица единственного лица (когда речь идет о первом лице).

Весьма характерны для русскоговорящих различные отступления в порядке слов, в частности, несоблюдение словенской синтаксической нормы, предписывающей глагольной связке второе место в предложении:

Zdaj ona **je** upokojenka.

Vem, ker ona **je** uspešna.

Нарушения порядка слов наблюдаются и в случае ошибочного расположения возвратной частицы *se*, составной части возвратного глагола, под влиянием русской синтаксической модели:

U prostem času učim **se** italijanščino.

В данном случае это можно объяснить словоизменительной моделью русских возвратных глаголов, имеющих в своей структуре возвратную частицу *-ся/-сь*, которая ни при каких условиях физически не отделяется от основы базового глагола, в отличие от словенского языка: *я учусь, я умываюсь, я одеваюсь*.

В спонтанной словенской речи русскоговорящих на начальном этапе также наблюдаются спорадические включения русской синтаксической модели вопросительных предложений, когда интонация берет на себя функцию смысловоразличения утверждения и вопроса. В следующем примере интонация также максимирует ошибочную форму прошедшего времени, в которой опущен вспомогательный глагол под влиянием русской синтаксической модели: *N'e razumel 'i?/ = Ali niste razumeli?*

Заметным отклонением в словенской речи русскоязычных переселенцев является отступление от жесткого словенского грамматического правила, согласно которому при отрицательной модификации предложений прямой объект в винительном должен обязательно перейти в родительный падеж. Русскоговорящие информанты соблюдают это правило не так строго, в их речи часты предложения типа: *Jaz ne pijem kavo. Nisem dobila plačilo. Ne gledam televiziju*. Такие примеры являются прямым нарушением словенских синтаксических правил.

Достаточно широкий набор разнообразных отступлений, представленный выше, можно свести к следующему ориентировочному списку частотных языковых отступлений, формирующих узнаваемый русский акцент в словенской речи русскоговорящих переселенцев, особенно на начальном этапе¹.

Таблица 4. Ориентировочный список частотных языковых ошибок в словенской речи русскоговорящих переселенцев

	Описание	Пример
1	Ошибочное место ударения	<i>Doma, lju<u>d</u>i, jezy<u>k</u>, člove<u>k</u> je poro<u>č</u>en</i>
2	Аканье	<i>Slav<u>a</u>nija, prafes<u>a</u>r</i>
3	Смягчение согласных	<i>n'e razum'em, fs'ak</i>
4	Оглушение v → f в фонетически слабой позиции (в конце слова, перед следующим глухим согласным)	<i>Slavencef, fs'e</i>
5	Опущение личных форм глагола-связки БЫТЬ в настоящем и в прошедшем времени	<i>Ljudi zelo mirni Včeraj jaz počivala</i>
6	Излишнее редундантное использование личных местоимений (калькирование русской синтаксической модели)	<i>V Sloveniji mi že z jul'a</i>
7	Нарушения порядка слов (возвратные частицы, вспомогательные формы глагола, краткие формы местоимений в разных падежах)	<i>Jaz pozdravila ga, vprašala ga, kako je. Ona nasmehne se i gre via.</i>
8	Отступления в именном склонении (ошибочное или неполное согласование, выравнивание по аналогии)	<i>Berem spletne strane, velike okna Moram greti domov, ne vedem</i>
9	Отступления в глагольном словоизменении (ошибочное размещение возвратного местоимения, управление глаголов по русским синтаксическим / семантическим моделям)	<i>Mal sem sekiral se za svoje besedilo Telefonirati komu ukvarjati se z dokumenti</i>
10	Сложности при словоизменении во множественном числе (неправильное согласование между определительными местоимениями, прилагательными и именами, особенно в Им. и Вин. падеже), под влиянием русской синтаксической модели	<i>Fs'e lju<u>d</u>i</i>
11	Излишнее для словенского языка различие одушевленных существительных во множественном и двойственном числе	<i>Imam prijatelj<u>e</u>f Imam dveh prijatelj<u>e</u>f</i>
12	Опущение форм двойственного числа, их замещение формами множественного числа	<i>Dve prijateljice, dva piva</i>
13	Неразличие форм определительного местоимения ki / kateri	<i>Lepa reka, katera teče</i>
14	Неразличие семантики и функционала вопросительных местоимений kakšen / kateri	<i>Kakšen / kateri bus gre? Velik / majhen ulu številka 6</i>
15	Формальное неразличие вопросительных и относительных местоимений: kje / kjer , kaj / kar , kdaj / ko / kadar	<i>Kje sem, tam bom. Kdo hoče, ta ima.</i>

¹ Данный список нельзя признать полным и окончательным, скорее, он носит предварительный характер.

16	Нарушения грамматической категории отрицания (прямое дополнение остается в Вин. п.)	<i>Ne pijem pivo.</i>
17	Калькирование русской синтаксической модели в модальных конструкциях (глагол <i>lahko</i>)	<i>Lahko narediti</i>
18	Неразличение частотных для словенско-русского языкового контакта случаев неполного совпадения семантики и функционала, а также межъязыковой паронимии (на уровне лексем, форм, грамматических категорий – род)	<i>S čokoladom, z marmeladom pozdraviti / čestitati, znati / poznati za / na zajtrk</i>

Установленные особенности носят систематический характер, они формируют узнаваемый русский акцент, часто сосуществуют в словенской речи русскоязычных переселенцев, особенно на начальном этапе. Прежде чем функциональные и семантические различия между словенским и русским языком в сознании говорящего будут распознаны, осмыслены и освоены, прежде чем между ними будет проведена четкая граница, а промежуточный язык приобретет характер не лабильной, а стабильной языковой системы, должно пройти значительное время. По нашим наблюдениям, этот период в случае переезда в Словению в зрелом возрасте при условии активной работы с языком в среде проживания составляет как минимум 2 года. Если такая работа не проводится, а общение переселенца на словенском языке ограничено, указанные отступления в той или иной комбинации остаются в речи навсегда.

В качестве важного наблюдения считаем нужным отметить, что интересные языковые данные были обнаружены именно в речи информантов-самоучек, которые не прошли систематизированного языкового курса, а учили язык на основании личного языкового опыта общения в разных коммуникативных ситуациях, на базе собственных языковых способностей. Как показывают лонгитудинальные исследования, проводимые в подобных случаях, скорость усвоения отдельных языковых элементов иностранного языка может отличаться, а вот последовательность вполне прогнозируема и мало отличается от порядка освоения языковой системы ребенком (сначала единицы номинации – существительные, потом краткие фразы – слова-предложения – голофразы, потом простейшие языковые модели, и лишь в конце грамматические варианты и исключения) [Воейкова 2011; Залевская 2011; Павлова 2011].

Думается, что рассмотренный языковой материал является убедительным доказательством того, что речевое поведение русскоговорящих жителей Словении на словенском языке представляет собой своеобразный языковой феномен, концентрат отступлений от словенской языковой нормы, сформированный по определенным правилам, заслуживающим специального изучения. Данный феномен наблюдается в условиях коммуникативного кризиса, когда потребность объясниться существенно превышает уровень языковой компетенции, что активизирует различные компенсационные механизмы. Следующим важным наблюдением является то, что этот феномен носит динамичный, лабильный характер, ему свойственно функциональное и семантическое наложение контактных языковых систем, он возникает в серой межъязыковой зоне, отличается специфической межъязыковой грамматикой. Для перехода на следующий уровень языковой компетенции, для которого характерно строгое, стабильное и последовательное различие между контактирующими языковыми системами, автономное коммуникативное поведение, важны индивидуальные языковые способности конкретного человека, воз-

можность его участия в организованных формах обучения словенскому языку, последующее активное общение на словенском языке в языковой среде.

Изучение русифицированного словенского языка, наблюдаемого в речи русскоговорящих переселенцев на начальном этапе, может представлять особый интерес и для словенистов-дидактиков, поскольку учет фактора интерференции облегчает создание эффективных национально ориентированных учебных пособий. В случае сохранения современных миграционных тенденций потребность в таких пособиях будет только возрастать.

ЛИТЕРАТУРА

Воейкова 2011 – *Воейкова М.Д.* Усвоение первого и второго языка: сходства и различия // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие: Сб. ст. / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 11–33.

Залевская 2011 – *Залевская А.А.* Некоторые спорные вопросы теории двуязычия // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие: Сб. ст. / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 33–48.

Залевская 2009 – *Залевская А.А.* Вопросы теории двуязычия: Монография. Тверь, 2009. 145 с.

Макарова-Томинец 2016 – *Макарова-Томинец И.* Русский язык в Словении: младшие представители русскоязычной диаспоры о своем языке // Перевод как фактор межнациональной истории культуры: Россия – славяне – Европа: Тезисы и материалы международной научной конференции, 19–22 апреля 2017 г. М.: Центр книги Рудомино, 2016. С. 91–99.

Павлова 2011 – *Павлова А.* Речь русских эмигрантов и билингвов: ошибки или тренды? // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие: Сб. ст. / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 294–307.

Цейтлин, Абабкова 2011 – *Цейтлин С.Н., Абабкова М.И.* Освоение субстантивных синтаксисом русскоязычным ребенком и инофоном // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие: Сб. ст. / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 165–191.

Щерба 1957 – *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

Derganc 2008 – *Derganc A.* Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih // Slavistična revija. 2008. Letnik 56. Št. 2. S. 537–543.

Derganc 2009 – *Derganc A.* Nekaj misli ob izražanju glagolske svojilnosti v ruščini in slovenščini = Some Remarks on the Verbal Expression of Possessiveness in Slovene and Russian // Rusko-slovenski dnevi, v Ljubljani. 2009. Maj. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. S. 11–15.

Ferbežar 2012 – *Ferbežar I.* Izrekam zvestobo moji novi domovini Republiki Slovenija. Testiranje znanja slovenščine kot drugega / tujega jezika v Sloveniji // Jezik in slovstvo. 2012. Letnik 57. S. 29–45.

Makarova 2015 – *Makarova I.* Ruščina in slovenščina: jezikovna odstopanja v ruščini pod vplivom slovenščine kot jezika okolja // Jezikoslovni zapiski. Zbornik inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša. 2015. Letnik 21. Št. 2. S. 159–189.

Medvešek, Bešter 2012 – *Medvešek M., Bešter R.* Položaj priseljenskih jezikov v Sloveniji // Jezik in slovstvo. 2012. Letnik 57. Št. 3–4. S. 5–27.

Pirih Svetina 2003 – *Pirih Svetina N.* Napaka v ogledalu procesa učenja tujega jezika // Jezik in slovstvo. Letnik 48. Št. 2. S. 17–26.

Uhlik 2016 – *Uhlik M.* Nekatere značilnosti izražanja nujnosti v slovenščini in ruščini // Jezikoslovni zapiski. 2016. Letnik 22. Št. 2. S. 45–59.

Uhlik 2016 – *Uhlik M.* Beseda rad v slovenščini in ruščini z vidika opredelitve povedkovnika // Toporišičeva obdobja. Ljubljana: Znanstvena založba FF, 2016. S. 281–289.

REFERENCES

Makarova-Tominets 2016 – Makarova-Tominets I. Russian Language in Slovenia: Junior Representatives of the Russian-Speaking Diaspora about Their Language. In: Translation as a Factor in the Interethnic History of Culture: Russia – the Slavs – Europe: Abstracts and Materials of the International Scientific Conference, April 19–22, 2017. Moscow. Centr Knigi Rudomino Publ. 2016, pp. 91–99.

Pavlova 2011 – Pavlova A. Speech of Russian Immigrants and Bilinguals: Mistakes or Trends? In: Way into the Language. Multilingualism and Bilingualism: Collected of Articles / Eds.: S.N. Zeitlin, M.B. Eliseeva. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury. 2011, pp. 294–307.

Scherba 1957 – Scherba L.V. (1957) Selected Works about the Russian Language. Moscow. Uchpedgiz Publ. 188 c.

Voeikova 2011 – Voeikova M.D. Adoption the First and Second Language: Similarities and Differences. In: Way into the Language. Multilingualism and Bilingualism: Collected of Articles / Eds.: S.N. Zeitlin, M.B. Eliseeva. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury. 2011, pp. 11–33.

Zalevskaya 2011 – Zalevskaya A.A. Some Controversial Questions of the Theory of Bilingualism. Way into the Language. Multilingualism and Bilingualism: Collected of Articles / Eds.: S.N. Zeitlin, M.B. Eliseeva. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury. 2011, pp. 33–48.

Zalevskaya 2009 – Zalevskaya A.A. (2009) The Questions of the Theory of Bilingualism: Monography. Tver. 145 p.

Zeitlin, Ababkova 2011 – Zeitlin S.N., Ababkova M.I. An Assimilation of Substantive Syntax by a Russian-Speaking Child and an Inophone. In: Way into the Language. Multilingualism and Bilingualism: Collected of Articles / Eds.: S.N. Zeitlin, M.B. Eliseeva. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury. 2011, pp. 165–191.

Сведения об авторе:

Ирина Дмитриевна Макарова-Томинец,
канд. филол. наук
доцент
Приморский университет (Копер, Словения)

Irina Makarova-Tominec,
PhD
Docent
University of Primorska (Koper, Slovenia)
irina.mt@fhs.upr.si

Т.А. Мирвода (Москва, Россия)

Детский современный фольклор как объект психолингвистического эксперимента

Аннотация: В статье представлены основные цифры и результаты психолингвистического эксперимента, проведенного нами 30 ноября 2016 г. в рамках занятия по современному городскому фольклору у I курса бакалавриата филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Вместо картинок-иллюстраций, характерных для подобного рода исследований, в качестве опорного инструментария были задействованы тексты современного детского фольклора, специально выбранные из личного репертуара автора.

Прежде уже проводились психолингвистические эксперименты с использованием фольклорных материалов, однако наш опыт от них принципиально отличается тем, что, помимо собственно психолингвистических, преследовал также педагогические и фольклористические цели. Используемые в проведенном эксперименте фольклорные тексты оказались не только инструментами, но и одновременно объектами исследования.

Полученные результаты показали, что: 1) продемонстрированные тексты и жанровые формы не имеют жестких ареалов бытования; 2) одни из них более распространены, чем другие; 3) каждый жанр имеет определенную возрастную аудиторию; 4) произведения, аналогичные показанным по форме или содержанию, присутствуют и в репертуаре более молодого (по сравнению с исследователем-информантом) поколения.

Ключевые слова: фольклор, современный фольклор, детский фольклор, психолингвистика, психолингвистический эксперимент, эксперимент, психофольклористика, лингвофольклористика

T.A. Mirvoda (Moscow, Russia)

Children's Contemporary Folklore as the Object of a Psycholinguistic Experiment

Abstract: The article presents the results of a psycholinguistic experiment conducted with freshmen of Moscow State University's School of Philology on November 30, 2016, at a lecture on contemporary urban folklore. The toolkit was a selection of contemporary children's folklore texts, and not images that are commonly used in such experiments.

Folklore material-based psycholinguistic experiments are not a novelty. This experiment, however, is conceptually different from others as, besides psycholinguistic, it pursued pedagogical and folkloristic goals. The folklore texts used in this experiment were tools and objects of research at the same time.

The results showed that 1) texts and genre forms that have been demonstrated to the participants are geographically loose; 2) some texts are more common than others; 3) each genre has an audience of a certain age; 4) folklore products, which are similar in form or content to folklore products that had been shown, are part of the younger generation's repertoire rather than the researcher-informant's repertoire.

Key words: folklore, contemporary folklore, children's folklore, psycholinguistics, psycholinguistic experiment, experiment, psychofolkloristics, linguofolkloristics

Психолингвистика является сравнительно молодой (ее становление как самостоятельной дисциплины происходило на рубеже 1950–1960-х гг.) и при этом активно развивающейся, в том числе и в нашей стране, междисциплинарной областью научного знания. Согласно А.А. Леонтьеву (лингвисту и психологу, первопроходцу данной области в России), объектом психолингвистики, как и у других речеведческих наук, является совокупность речевых событий или речевых ситуаций, предметом же – соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой. Другими словами, психолингвистика имеет дело с процессами кодирования и декодирования информации, отражающимися в актах речевой коммуникации человека и соотносящимися состояниями языковых сообщений с состояниями участников коммуникации [2].

С вышеназванной научной областью автор статьи познакомился благодаря аспирантскому курсу «Языковые модели восприятия и синтаксические модели» профессора М.Ю. Сидоровой, в ходе посещения которого и возникла идея проведения собственного фольклорно-психолингвистического эксперимента.

Приступив к его разработке, первым делом мы попытались найти уже существующие практики использования фольклорного материала в психолингвистических исследованиях. Но, что было вполне ожидаемо, упоминаний о подобных экспериментах нашлось очень мало.

Первой нам попала статья Н.В. Стекольниковой «Фольклорный текст как объект лингвистического исследования», где описывался эксперимент психолингвиста Л.В. Сахарного: ученый предлагал испытуемым восстановить полное содержание сказки «Курочка Ряба», опираясь на 6–8 представленных слов. Данный эксперимент подтвердил его предположение, что текст хранится в памяти в наборе ключевых слов, которые эксплицируются при его воспроизведении; при этом важную роль играет порядок опорных слов – адекватный или неадекватный соположению элементов текста [3].

Далее мы вышли на «Практикум по психолингвистике» И.Л. Баскаковой и В.П. Глухова, где также приведены описания некоторых экспериментов, в которых используются знакомые детям сказки: «Репка», «Теремок», «Курочка Ряба» и другие. Например, для исследования связной монологической речи ребенка ему предлагают пересказать текст сказки, которая дважды для него зачитывается, причем установка на составление пересказа дается только перед повторным чтением. После этого пересказ оценивается по ряду критериев: полнота передачи содержа-

ния текста, наличие или отсутствие смысловых несоответствий – соблюдение логической последовательности изложения, наличие смысловой и синтаксической связи между предложениями и частями рассказа, пропуски или повторы микро-тем, фрагментов текста и т. п. [1]

Упомянутые работы оказали существенное влияние на формирование «тела» нашего эксперимента и формулировку задания по нему для испытуемых. Однако в ходе проработки его психолингвистической составляющей мы вскоре пришли к осознанию, что, при соответствующей постановке задания и благодаря отобранному специальным образом материалу, сможем также получить результаты и в интересах собственно фольклористики.

Но, кроме соответствия собственным научным интересам, нам также необходимо было разрешить вопрос с испытуемыми. К счастью, при прохождении практики появилась возможность подключить к эксперименту студентов I курса, для которых задействованные в нем материалы стали практической иллюстрацией к только что изложенной мной в рамках лекционного занятия теории. Тем более что работать с подобными текстами им предстояло еще на нескольких наших совместных семинарских занятиях по теме современного детского фольклора.

Таким образом родился эксперимент, включавший в себя, помимо психолингвистических, педагогические и фольклористические цели¹, а использованные в нем тексты не только послужили инструментом исследования, но одновременно стали его объектами.

Для решения всех поставленных целей были выбраны 5 текстов², относящихся к наиболее распространенным в детской устной традиции жанрам: страшилке, куплету, анекдоту и формам пародийной лирики (песня и стихотворение). Все тексты были взяты из собственного детского репертуара исследователя, поэтому мы с полной уверенностью можем сказать где³, когда⁴ и каким образом⁵ (рассказывались в детском саду, в школе, в кружках и т. д.) они функционировали. Именно это знание стало отправной и опорной точкой для нашего исследования в ракурсе соответствия фольклористическим целям.

Были взяты следующие тексты:

- 1) страшилка «Зеленые глаза», известна нам с 9-ти лет и транслировалась примерно до 11-летнего возраста (т. е. текст бытовал 15 лет назад, 2001–2003);
- 2) песня-куплет «Цыпленок жареный, цыпленок пареный», 4–8 лет (20 лет назад, 1996–2000);
- 3) анекдот о русском, немце и французе, которым царь приказывает принести их любимые цветы, 6–13 лет (18 лет назад, 1998–2005);
- 4) песенка-стилизация «В американском городке...», 5–12 лет (19 лет назад, 1997–2004);
- 5) стихотворная пародия «На кладбище ветер свищет», 12 лет, настоящее время (12 лет назад, 2004 – наши дни).

¹ См. Приложение 1. Цели эксперимента.

² См. Приложение 2. Использованные тексты.

³ Город Ижевск, Удмуртская Республика.

⁴ 1996–2004 гг., т. е. прошло от 20 до 12 лет (в зависимости от единицы).

⁵ Среди детей и подростков в возрасте – в среднем – от 4 до 14 лет (в зависимости от единицы)

Также предполагалось, что испытуемые заведомо будут находиться в неравных условиях: кто-то уже слышал представленные или подобные тексты, а кто-то нет, что в результате каким-либо образом отразится на выполнении задания.

Участники нашего эксперимента должны были за одну минуту прочесть демонстрируемый фольклорный текст, чтобы впоследствии (когда появится черный слайд) письменно воспроизвести его содержание, уложившись при этом в лимит слов (от 5 до 15) и времени (одна минута). После пересказа им также за одну минуту нужно было ответить на три вопроса, касающихся бытования прочитанного текста: был ли им ранее знаком данный текст или его вариант, знают ли они другие тексты этого жанра, в каком возрасте (если ответ «да» на любой из предыдущих вопросов) они сталкивались с подобными текстами.

Рис. 1. Число и процент представителей, участвующих в эксперименте, по регионам (анекдот, песенка, стишок)

Текст задания¹ был заранее подготовлен, напечатан и зачитан с листа без импровизаций. При этом был сделан акцент на лимите слов (не более 15) и на связности «пересказа». Хотя само слово «пересказ» не фигурировало, чтобы предоставить испытуемым полную свободу в интерпретации поставленной перед ними задачи; сравнение понимания задания и последовательности в его выполнении испытуемыми в соответствии с этим пониманием является одной из основообразующих психолингвистических целей нашего эксперимента.

Перед началом эксперимента был выставлен таймер на 15 минут, после его запуска началась демонстрация слайдов, смена которых озвучивалась.

Всего в эксперименте приняли участие 40 человек (5 человек из тестовой группы – средний возраст 24 года и 35 студентов из основной группы – средний возраст 18 лет)² из 24 населенных пунктов³ и 17 областей⁴ РФ. Число представителей регионов среди участников эксперимента немного варьировалось по жанрам в связи с переменной места жительства некоторыми из них^{5,6}.

Расчеты показали:

– задействованные тексты и жанровые формы не имеют жестких ареалов распространения, могут присутствовать в репертуаре детей из совсем не близких на-

¹ См. Приложение 3. Как задание было показано и озвучено испытуемым.

² Тестовая группа: 23 года, 24, 24, 24, 25; студенты: 7 человек – 17 лет, 26 – 18, 1 – 19, 1 – 20.

³ Ижевск, Питер, Москва, Одинцово, Раменское, Химки, Подольск, Красногорск, Долгопрудный, Артемьевск, Ялта, Сарапул, Шаранга, Унеча, Хабаровск, Муром, Самара, Ярославль, Малоярославец, Саранск, Кореновск, Курск, Челябинск, Климово.

⁴ Удмуртская Республика, Санкт-Петербург, Москва, Московская область, Республика Татарстан, Республика Крым, Нижегородская область, Брянская область, Хабаровский край, Владимирская область, Самарская область, Ярославская область, Калужская область, Республика Мордовия, Краснодарский край, Курская, Челябинская область.

⁵ К сожалению, разместить в диаграмме все 24 населенных пункта невозможно, поэтому пришлось ограничиться обобщающими именованиями: Москва, Московская область, Административные центры (куда попали Санкт-Петербург, Ижевск, Хабаровск, Ярославль, Саранск, Курск и Челябинск) и Периферия (т. е. прочие населенные пункты).

⁶ См. Приложение 4. Остальные диаграммы.

селенных пунктов, но при этом отсутствуют в репертуарах других детей, выросших в тех же городах – вне зависимости от статуса места (периферия или центр)¹;

Рис. 2. Количество респондентов по географическим областям в отношении их знакомства со страшилкой (% от общего числа испытуемых)

Рис. 3. Шкала степени знакомства респондентов (%) с предложенными текстами и жанровыми формами

– некоторые жанры и тексты более распространены. Например, самым популярным жанром оказался анекдот – с ним уже были знакомы 40 из 40 опрошенных, а с представленным в данном жанре текстом – 65% из всех. Следующим по популярности жанром стала страшилка – 82,5% (33) и 42,5% (17). С песней-куплетом уже были знакомы 80% (32), и из них 65% (26) были знакомы с конкрет-

¹ См. Приложение 4.

ным текстом. На формы пародийной лирики (песенка и стишок) пришлось по 35% (14) и 10% (4) и 12,5% (5)¹;

Рис. 4. Куплет (средний возраст воспроизводящей среды)

Рис. 5. Соотношение возрастов воспроизводящей среды по жанрам

— воспроизводящая среда каждого жанра различается по возрасту. Так, самым «молодым» (преимущественно функционирует у детей от 3 до 7 лет), но в то же время охватывающим наибольшее число возрастов вхождения в репертуар оказалась песня-куплет. Немного позднее в репертуаре детей появлялись анекдоты, затем страшилки и наконец формы пародийной лирики — практически в том же

¹ См. Приложение 4.

порядке, в каком они представлены в эксперименте (который, к слову, отражает порядок вхождения данных текстов и жанров в репертуар исследователя)¹;

– все демонстрируемые тексты, бытовавшие в окружении автора эксперимента от 20 до 12 лет назад (в зависимости от единицы), оказались живы и в репертуаре более молодого поколения (разница с автором в 5–7 лет). Исходя из полученных результатов можно обозначить временные рамки бытования каждого жанра в поколении опрошенных: страшилка – 2003–2007; куплет и анекдот – 2001 – настоящее время; песенка и стишок – 2004 – настоящее время.

Не удалось замерить только роль пола в распространении определенного текста или жанра: соотношение парней и девушек среди участников эксперимента было 1 к 10.

Кроме того мы получили наглядное подтверждение тому, что после внимательного прочтения и попытки самостоятельно воспроизвести предложенный текст испытуемый действительно его вспоминает, а также вспоминает обстоятельства его бытования и другие тексты из сферы жизнедеятельности, о которой ему напомнили. В дополнение к пересказам демонстрируемых текстов нами были получены несколько самозаписей произведений детского фольклора и рассказы о личном «знакомстве» с некоторыми аналогичными жанрами и текстами.

Что же касается психолингвистических результатов, то они получились гораздо более непредсказуемыми и разноплановыми, чем предполагалось. В ходе систематизации и обработки полученных пересказов были выявлены 20 параметров (есть подозрение, что и это не предел), по которым их можно сравнивать между собой².

Выявленная масса критериев для сопоставления лишь убеждает в огромном потенциале использования фольклорных текстов в качестве инструментария психолингвистики. В свою очередь научные методы и наработки психолингвистики, полученные в результате подобных экспериментов, в будущем вполне могли бы быть использованы фольклористами для исследования механизмов запоминания, передачи и интерпретации фольклорных текстов, а также, как следствие, и обращения к фольклору в той или иной ситуации. Это позволило бы по-новому взглянуть на само существование фольклора – как в определенных половозрастных группах, так и в целом, как феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскакова И.Л., Глухов В.П. Практикум по психолингвистике / Учеб. пособие для студентов педагогических и гуманитарных вузов. М.: АСТ, Астрель, 2008. 170 с.
2. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: НПФ «Смысл», 1997. 287 с.
3. Стекольников Н.В. Фольклорный текст как объект лингвистического исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2014. № 3. С. 31–32.

REFERENCES

1. Baskakova I.L., Glukhov V.P. (2008) A Practical Work on Psycholinguistics: A Tutorial for Students of Teacher Training Colleges and Universities of Arts and Humanities. Moscow. AST, Astrel Publ. 170 p.
2. Leontiev A.A. (1997) Basics of Psycholinguistics. Moscow: NPF Smysl Publ. 287 p.

¹ См. Приложение 4.

² См. Приложение 5. Список параметров психолингвистического анализа, выявленных на основе полученных ответов.

3. Stekolnikova N.V. The Folk Text as an Object of Linguistic Research. *The Bulletin of the Voronezh State University. Series of Linguistics and Intercultural Communication*. Voronezh. 2014. No 3, pp. 31–32.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ЦЕЛИ ЭКСПЕРИМЕНТА

I. Психолингвистические цели: посмотреть,

- как испытуемые поймут задание: сделают пересказ или дадут интерпретацию текста,
- какую при этом используют лексику: из текстов или свою, обходную,
- каким образом испытуемым удастся соблюсти лимит слов,
- что из содержания текста испытуемые посчитают обязательным для передачи,
- в случае пересказа формулировки будут совпадать или не совпадать,
- какие формулировки будут преобладать в случае пересказа,
- в случае смысловой интерпретации текстов будет преобладать идентичное или разное их понимание,
- какое понимание текстов будет преобладать в случае их смысловой интерпретации,
- будут ли различаться и в чем пересказы и смысловые интерпретации тех, кто уже был знаком с подобными текстами, и тех, кто с ними столкнулся впервые,
- как понимается / усваивается фольклорный текст в определенной возрастной группе.

II. Педагогические цели:

- обеспечить знакомство учащихся с конкретными примерами по пройденной теории;
- мотивировать студентов припомнить свой опыт как рассказчика и слушателя (детского) фольклора;
- заинтересовать студентов исследованиями (современного) фольклора.

III. Фольклористические цели: посмотреть,

- сохранилось ли что-то из предложенных текстов / жанров в репертуаре следующих поколений (разница в возрасте между автором и основным составом испытуемых 5–7 лет),
- какие тексты и жанры из представленных наиболее / наименее распространены,
- какова география распространения подобных текстов / жанров,
- каков средний возраст знакомства с подобными текстами / жанрами,
- влияет ли пол на распространенность подобных текстов / жанров.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ

1. Страшилка «Зеленые глаза»

Мама уходила на работу и сказала девочке не слушать зеленую пластинку. Мама ушла. Девочка достала эту пластинку и поставила ее. Вдруг слышит голос с этой пластинки говорит: «Бегут, бегут по стенке зеленые глаза, девочку задушат, да-да-да!» Девочка испугалась и выключила пластинку. Когда мама вернулась с работы, то оказалось, что у нее нет руки.

На следующий день девочка снова поставила пластинку. Пластинка снова заиграла: «Бегут, бегут по стенке зеленые глаза, девочку задушат, да-да-да!» Вечером мама вернулась с работы без второй руки.

На следующий день девочка снова слушала пластинку, а голос опять пропел: «Бегут, бегут по стенке зеленые глаза, девочку задушат, да-да-да!». Мама вернулась с работы уже без ноги.

На следующий день все повторилось, и она пришла без второй ноги. А на следующий день не вернулась вообще. Девочка снова поставила пластинку и услышала: «Бегут, бегут по стенке зеленые глаза, девочку задушат, да-да-да!» Вдруг в дверь раздался звонок. Девочка открыла, а на пороге оказались зеленые глаза и задушили девочку.

2. Песня-куплет «Цыпленок жареный»

Цыпленок жареный
Цыпленок пареный,
Пошел по городу гулять.
Его поймали,
Арестовали,
Велели паспорт показать.
Паспорта нету –
Гони монету.
Монеты нету – садись в тюрьму.
Тюрьма закрыта – садись в корыто,
Корыто полное воды.
А он заплакал,
В штаны накакал,
Пошел на речку полоскать;
Штаны уплыли,
А он за ними
И стал тонуть,
На помощь звать.
Его достали,
Арестовали,
Велели паспорт показать.
Потом скрутили
И долго били
И отпустили погулять.

3. Анекдот

Позвал к себе царь русского, француза и немца и приказал принести свое любимое растение.

Русский принес ромашку, француз розу, а немца нет.

Царь приказал съесть свое растение.

Русский пожал плечами, съел.

Француз ест и то плачет, то смеется, то плачет, то смеется.

Царь его спрашивает: Ты чего плачешь? – Больно, ваше величество. А чего смеешься тогда? – Да вон немец кактус тащит.

4. Песенка-стилизация

В американском городке,
Чики-бобики
Я не выучил урок,
Чики-бобики,
А учитель был дурак,
Чики-бобики,
И поэтому поставил пять
Чики-бобики.
А Сережка всё на дереве сидел,
Чики-бобики,

И на девочку глядел,
Чики-бобики.
Вдруг начался ураган,
Чики-бобики,
Сережка с дерева упал,
Чики-бобики.

И покатались они в кусты,
Чики-бобики,
Она сняла ему трусы,
Чики-бобики,
А потом смотрела на небеса,
Чики-бобики,
Он ей показывал чудеса,
Чики-бобики, чик-чики-бобики...

5. Стихотворная пародия

На кладбище ветер свищет,
40 градусов мороз.
ну а бомж всё <...>, <...> –
вдруг его пробрал понос.

Тут из гроба вылезает
весь <...> скелет:
«Ты чего в такую пору
<...> мою контору?»

Нищий долго извинялся,
но вдруг снова <...>...

С той поры на это место
Вся деревня ходит <...>,
Так <...>, так <...>
Что церквушки не видать!¹

Приложение 3. Как задание было показано и озвучено испытуемым

Я продемонстрирую вам 5 коротких текстов, взятых из современного детского городского фольклора. Каждый будет показываться ровно 1 минуту. После текста на экране появится чёрный слайд, который также через 1 минуту сменится слайдом-напоминанием с вопросами тоже на 1 минуту.

Ваша задача – не торопясь прочитать предложенный текст и, когда появится чёрный слайд, за 1 минуту письменно передать его содержание.

ВАЖНО

Это должно быть связное предложение / предложения, но емкостью не менее 5 и не более 15 слов. Не забываем, что служебные части речи: предлоги, союзы, частицы и междометия – такие же полноценные слова.

После того как вы передадите содержание, вам нужно будет односложно (да / нет) ответить на два вопроса:

- был ли вам ранее знаком конкретно этот текст либо его вариант;
- знаете ли вы другие тексты этого жанра?

Есть и третий вопрос, если вы ответили «да» на один или оба предыдущих вопроса (в противном случае ставите прочерк):

¹ См. полнотекстовую версию: <http://falcia.diary.ru/p129226586.htm>

3. В каком возрасте вам попадались подобные тексты? (если ответ «да» на оба вопроса, но возраст не совпадает, то перечисляете его, используя «;». Например: с 7 лет; в возрасте 12–14 лет).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ОСТАЛЬНЫЕ ДИАГРАММЫ

Рис. 6. Число и процент представителей, участвующих в эксперименте, по регионам (страшилка)

Рис. 7. Число и процент представителей, участвующих в эксперименте, по регионам (куплет)

Рис. 8. Количество респондентов по географическим областям в отношении их знакомства с куплетом (% от общего числа испытуемых)

Рис. 9. Количество респондентов по географическим областям в отношении их знакомства с пародийной лирикой(% от общего числа испытуемых)

Рис. 10. Количество респондентов по географическим областям в отношении их знакомства с пародийной поэзией (% от общего числа испытуемых)

Рис. 11. Страшилка
Средний возраст воспроизводящей среды

Рис. 12. Песенка.
Средний возраст воспроизводящей среды

Рис. 13. Стишок.
Средний возраст воспроизводящей среды

Приложение 5. Список параметров психолингвистического анализа, выявленных на основе полученных ответов

ПОНИМАНИЕ И ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЯ

Пересказ, интерпретация, комментирование, смешано.

Пересказ: содержания (событий / действий) или сути.

Интерпретация: свое объяснение прочитанного и/или додумывание за пределы текста.

Интерпретация: серьезная / буквальная или ироническая.

Анализирование текста: объяснение причин описываемого / оценка ситуации / оценка персонажа(ей) акцентирование на логике текста / установка параллелей с другими текстами / произведениями.

СТЕПЕНЬ И СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛА ИЛИ СОДЕРЖАНИЙ

Передали: всё содержание / какую-то часть текста / только прокомментировали.

Передали через: ключевые слова / мотивы / обобщение по смыслу.

ДОПУЩЕННЫЕ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ФАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Фактические ошибки: присутствуют / нет.

Фактические ошибки: другие герои / события / имена / события приписаны не тем героям.

ЛЕКСИКА

Лексика: как в тексте / своя, в обход скатологической.

Замены: скатологической лексики обходной / ключевых слов текста близкими / посторонними по значению / кусков текста обобщающими словами;

Лексика: немаркированная / маркированная (оценочная / ироническая / жаргон).

КОМПОЗИЦИЯ ПЕРЕСКАЗА

Текстовый зачин: история о... / текст про то, как... / жанр (страшилка и т. п.): есть / сразу пересказ.

Соответствие структуре представленного текста: да / нет.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ ИСПЫТУЕМЫМИ

Одна установка для всех текстов / своя для каждого.

РАЗНИЦА В ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАНИЯ МЕЖДУ ТЕМИ, КТО БЫЛ ЗНАКОМ С ТЕКСТАМИ, И ТЕМИ, КТО ВИДЕЛ ИХ ВПЕРВЫЕ

Есть / нет.

В чем проявляется.

АКЦЕНТИРОВАНИЕ НА «МАРКЕРАХ» ТЕКСТОВ

Словесные маркеры текстов.

Самые улавливаемые мотивы и смыслы.

Основные объекты иронии.

Сведения об авторе:

Татьяна Александровна Мирвода,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatyana A. Mirvoda,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
tatanamirvoda@yandex.ru

С.А. Асеева (Москва, Россия)

**Иллюстрация М.В. Нестерова к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина»:
интермедиаальный и философско-антропологический аспекты**

Аннотация: Портрет героини романа Л.Н. Толстого работы М.В. Нестерова рассматривается в статье не только как явление интермедиаальности (в сфере взаимодействия литературы и изобразительного искусства), но и как способ выражения философско-антропологических смыслов, связанных в романе с образом Анны, с помощью иллюстраций. Особое внимание автор уделяет отношению Нестерова к философским взглядам Толстого.

Ключевые слова: философско-антропологические аспекты, интермедиаальность, изобразительное искусство, иллюстрирование, портрет Анны Карениной, Л.Н. Толстой, М.В. Нестеров

S.A. Aseeva (Moscow, Russia)

**M.V. Nesterov's Illustration of LN. Tolstoy's Novel "Anna Karenina":
Intermedial and Philosophical-Anthropological Aspects**

Abstract: The article considers the portrait of Tolstoy's novel's heroine, made by Mikhail Nesterov, not only as a phenomenon of intermediality (in the domain of literature and fine arts interrelationship) but also as the way to express philosophical and anthropological senses of the novel connected with the image of Anna by means of illustration. The author pays special attention to Nesterov's relationship to Tolstoy's philosophical views.

Keywords: philosophical and anthropological aspects, intermediality, fine arts, illustration, Anna Karenina's portrait, Leo Tolstoy, Mikhail Nesterov

Явление сосуществования слова и живописного образа известно с незапамятных времен. Однако проблема их синтетического взаимодействия и перекодировки словесного текста в текст визуальный, особенно в сферах книжной графики и иллюстрирования, где с течением времени усилиями выдающихся мастеров в этой области также выработались и установились свои каноны и правила¹, представляется актуальной и в наши дни. Для уяснения закономерностей иллюстри-

¹ См.: Добкин С.Ф. Роль и задачи иллюстраций // Оформление книги. Редактору и автору. М.: Книга, 1985. 208 с.

рования литературных произведений уместно сказать несколько слов о том, в чем зарубежные и российские мастера в этой области видели свою задачу при работе с художественным текстом, при оформлении книги в целом.

Так, всемирно известный французский художник и книжный график Гюстав Доре (1832–1883)¹, автор иллюстраций к «Гаргантюа и Пантагрюэлю» Ф. Рабле, «Божественной комедии» Данте, сказкам Ш. Перро, видел задачу иллюстратора в целостном художественном оформлении книги (его предшественники лишь снабжали произведения вкладными листами с рисунками), в раскрытии авторского замысла писателя средствами черно-белого графического портрета, пейзажа или массовой сцены².

Выдающийся советский книжный график Владимир Андреевич Фаворский (1886–1964), которому довелось оформлять «Рассказы о животных» Л.Н. Толстого³, видел в оформлении книги две основные задачи: «В книге очень ярко выражены две задачи искусства: первая, я бы сказал, внутренняя, – это интерпретация литературного произведения, создание образа; вторая, внешняя, – создать вещь из книги при помощи форзаца, обложки, шмуцтитлов – словом, кирпичик, который жил бы вместе с другими вещами в комнате. Эти две задачи пронизывают друг друга, их соединение в книге необходимо, и это задача любого вида искусства»⁴. При иллюстрировании художник считал наиболее важным «ответить на сюжет и на стиль литературного произведения»⁵.

Во многом благодаря усилиям Фаворского и его последователей сложилась традиция единого стилевого оформления книги: переплет, форзац, фронтиспис, шмуцтитлы (тематические заставки), концовки, черно-белый графический рисунок, органически связанный с тем или иным типом шрифта, стремление отразить не только сюжет, но и стиль художественного произведения.

Эти каноны книжной иллюстрации во многом актуальны и в наши дни, хотя иллюстрации теперь могут быть не только цветными, но и выполненными, например, с помощью компьютерной графики и других современных технологий.

Вопрос о продуктивности книжной иллюстрации как инструменте взаимодействия словесного и изобразительного искусства, а также о возможности и плодотворности применения иллюстративного и графического материала в книгоиздательском деле и в педагогических целях не утратил своей актуальности и по-прежнему обсуждается в областях книговедения и преподавания литературы в школе.

Применение иллюстрирования как интермедиального явления для выражения философских интенций автора художественного произведения остается проблемой, до сих пор практически не исследованной. Дополнительный интерес она приобретает в связи с творчеством Л.Н. Толстого, мыслителя, художника слова, поскольку в этом случае создание рисунков к его романам и повестям уместно интерпретировать как фрагментарное воспроизведение их философского потенциала в визуальном пространстве изобразительного искусства, как перевод их образов и идей на язык живописи и графики.

¹ Gustave Doré, l'illustration en héritage. lectura.fr/expositions/gustavedore/plan-du-site/ (дата обращения: 25.03.2016).

² Дьяков Л.А. Гюстав Доре. М.: Искусство, 1983. 136 с.

³ Толстой Л.Н. Рассказы о животных. М.; Л.: Academia, 1932. 32 с. (ил. В.А. Фаворского; Фаворский В.А. Как я оформлял «Рассказы о животных» Л. Толстого // Фаворский В.А. Рассказы художника-гравера. М.: Детская литература, 1976. С. 52–62.

⁴ Фаворский В.А. Об искусстве, о книге, о гравюре. М.: Книга, 1966. С. 116.

⁵ Там же. С. 117.

Принимая во внимание все выше сказанное, целесообразно рассматривать иллюстрации к тексту как продукт интермедиального взаимодействия литературы и изобразительного искусства – вербального и визуального медиа. Определить феномен интермедиальности можно как пересоздание произведения, выполненного в рамках одного медиа средствами другого медиа. Здесь уместно отметить, что это определение интермедиальности можно использовать как для произведения, взятого в целом, так и для его частей.

При описании взаимоотношений литературы и изобразительного искусства продуктивно применение интермедиального анализа.

Когда вербальной составляющей этого анализа становятся тексты художественных произведений Л.Н. Толстого, в которых наиболее ярко выражена система философско-антропологических взглядов писателя-мыслителя, исследование представляется оригинальным и новым.

В таком аспекте целесообразно рассматривать иллюстрацию М.В. Нестерова к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (см. рис. 1), созданную художником в 1887 г., при этом анализируя рисунок как художественную интерпретацию такой грани философско-антропологического потенциала романа, как психологический портрет персонажа. Данная трактовка литературного первоисточника и иллюстративного материала к нему определяет научную новизну настоящей статьи.

История создания исследуемого рисунка такова. В 1884–1887 гг. М.В. Нестеров, будучи молодым малоизвестным художником, иллюстрировал романы П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Его работы печатались в таких журналах, как «Всемирная иллюстрация», «Нива», «Радуга», «Север».

Примечательно, что сам художник, желая быть самобытным автором, был невысокого мнения о своих рисунках и об иллюстрировании литературных произведений вообще. Так, в письме к своему другу А.А. Турыгину от 7 февраля 1887 г. Нестеров сетовал, что «опять надел на себя хомут и строчит разный хлам, именуемый иллюстрациями»¹, в то время как ему «хочется творить, творить и творить»². Однако время показало, что его ранние иллюстративные работы обладают не только историко-литературной, но и художественной ценностью. Из его рисунков к роману «Анна Каренина», о которых было упомянуто в научной литературе как о факте биографии Толстого и Нестерова (в качестве примера можно привести исследования Н.В. Зайцевой³, С.Н. Дурылина⁴, И.И. Никоновой⁵), наиболее известен портрет Анны, выполненный карандашом и белилами. Он хранится в фондах Государственного литературного музея Л.Н. Толстого в Москве. Это монохромный портрет-медальон. Отказываясь от цветового решения рисунка, добиваясь

Рис. 1. М.В. Нестеров.
Портрет Анны Карениной

¹ Нестеров М.В. Из писем. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1968. С. 13.

² Там же. С. 13.

³ Зайцева Н.В. Нестеров М.В. // Л.Н. Толстой. Энциклопедия / Сост. Н. И. Бурнашова. М.: Просвещение, 2009. С. 765.

⁴ Дурылин С.Н. Нестеров. М.: Молодая гвардия, 1976. 560 с.

⁵ Никонова И.И. Нестеров. М.: Искусство, 1989. 231 с.

сходства иллюстрации с дагерротипом, художник фокусирует внимание зрителей на лице Анны Карениной, которое дано крупным планом.

Следует отметить, что в тексте романа упоминается о трех портретах главной героини, а также дано описание внешности Анны – женщины, при первой встрече привлечшей внимание Вронского «не потому, что она была очень красива, не потому изяществу и скромной грации, которые видны были во всей ее фигуре, но потому, что в выражении миловидного лица, когда она прошла мимо его, было что-то особенно ласковое и нежное»¹. Его поразили ее «блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза», «сдержанная оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшею ее румяные губы», и «свет в глазах», который «светился против ее воли в чуть заметной улыбке», словно «избыток чего-то... переполнял ее существо»².

Портрет Анны, висевший в кабинете Каренина, «прекрасно сделанный знаменитым художником», раздражал мужа Анны, потому что ему казалось, что «непроницаемые глаза насмешливо и нагло смотрели на него», «невыносимо нагло и вызывающе подействовал на Алексея Александровича вид отлично сделанного художником черного кружева на голове, черных волос и белой прекрасной руки с безымянным пальцем, покрытым перстнями»³.

Во время поездки с Анной в Италию Вронский, увлекавшийся живописью, задумал написать ее портрет во «французской, грациозной и эффектной» манере, «и в таком роде он начал писать портрет Анны в итальянском костюме, и портрет этот казался ему и всем, кто его видел, очень удачным»⁴.

Образ Анны на картине, написанной в Италии художником Михайловым, «поразил всех, в особенности Вронского, не только сходством, но и особенною красотою». Глядя на него, Вронский изумлялся тому, «как мог Михайлов найти ту ее особенную красоту», полагавший, что «надо было знать и любить ее», как он «любил, чтобы найти это самое милое ее душевное выражение», «хотя по этому портрету только узнал это самое милое ее душевное выражение»⁵.

Нестеров, по-видимому не опиравшийся ни на одно из описаний этих портретов и не избравший для иллюстрирования какого-либо определенного эпизода романа, создает свой рисунок на контрасте строгого костюма и особой выразительности открытого взгляда больших глаз Анны, в глубине которых будто виден огонь страстной любви. В ее взгляде словно читается трагическое предчувствие смерти. Таким образом, в портрете Анны Карениной работы Нестерова нашли символическое отражение такие антропологические категории, как любовь и смерть, которые в исходном тексте книги Толстого неразрывно связаны с образом главной героини.

Однако следует отметить, что иллюстратор, высоко ценивший художественное творчество Толстого (в своих воспоминаниях он писал, что «знает и восхищается с давних пор “Войной и миром”, “Анной Карениной”»⁶), скептически относился к философским и в особенности к религиозным взглядам писателя. В письме к

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 18. М.; Л.: Художественная литература, 1934. С. 66.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 300.

⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 19. М.; Л.: Художественная литература, 1935. С. 33.

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Нестеров М.В. Воспоминания. М.: Советский художник, 1985. С. 351.

своему другу от 31 августа 1906 г., впервые побывав в Ясной Поляне и пообщавшись с Львом Толстым, Нестеров, впоследствии написавший знаменитый портрет классика на фоне яснополянского пруда (работа хранится в фондах Государственного литературного музея Толстого в Москве) и создавший ряд карандашных набросков к нему, высказывал нелестное мнение о воззрениях писателя-мыслителя: «“Толстой-старец – это поэма...” и это истинная правда, как правда и то, что “Толстой – великий художник”... В том, что он художник, – его оправдание за великое его легкомыслие, за его “озорную” философию и мораль... И Толстой как художник смакует свою беспринципность, свое озорство, смакует его и в религии, и в философии, и в политике. Удивляет мир злодейством, так сказать. Лукавый барин, вечно увлекаемый сам и чарующий других гибкостью своего великого таланта»¹. Несмотря на подобное отношение к философским воззрениям Толстого, М.В. Нестеров, будучи прозорливым художником, в своей иллюстрации, как представляется, смог раскрыть философскую глубину образа Анны Карениной.

Портрет главной героини романа является, на наш взгляд, удачным примером взаимодействия вербального медиа литературы и визуального медиа изобразительного искусства, поскольку в этой иллюстрации раскрывается философско-антропологическая составляющая характера Анны Карениной. Интермедиаальный феномен иллюстрирования при совмещении рисунка Нестерова с исходным текстом книги Толстого будет обогащать восприятие читателями произведения, делая их перцепцию аудио-визуальной.

ЛИТЕРАТУРА

- Дурылин С.Н.* Нестеров. М.: Молодая гвардия, 1976. 560 с.
- Дьяков Л.А.* Гюстав Доре М.: Искусство, 1983. 136 с.
- Зайцева Н.В.* Нестеров М.В. // Л.Н. Толстой. Энциклопедия / Сост. Н.И. Бурнашёва. М.: Просвещение, 2009. 848 с.
- Нестеров М.В.* Воспоминания. М.: Советский художник, 1985. 432 с.
- Нестеров М.В.* Из писем. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1968. 451 с.
- Никонова И.И.* Нестеров. М.: Искусство, 1989. 231 с.
- Оформление книги. Редактору и автору. М.: Книга, 1985. 208 с.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 18. М.; Л.: Художественная литература, 1934. 558 с.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. Т. 19. М.; Л.: Художественная литература, 1935. 520 с.
- Толстой Л.Н.* Рассказы о животных. М.; Л.: Academia, 1932. 32 с. (ил. В.А. Фаворского).
- Фаворский В.А.* Как я оформлял «Рассказы о животных» Л. Толстого // Рассказы художника-гравера. М.: Детская литература, 1976. С. 52–62.
- Фаворский В.А.* Об искусстве, о книге, о гравюре. М.: Книга, 1966. 236 с.
- Gustave Doré, l'illustration en héritage. lectura.fr/expositions/gustavedore/plan-du-site/ (дата обращения: 25.03.2016).

¹ *Нестеров М.В.* Воспоминания. М.: Советский художник, 1985. С. 264.

REFERENCES

- The Book Designe. To the Editor and to the Author. Moscow. Kniga Publ. 1985. 208 p.
- Durylin S.N. (1976) Nesterov. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 260 p.
- Diakov L.A. (1983) Gustave Doré. Moscow. Iskusstvo Publ. 136 p.
- Favorsky V.A. How I Designed “Short Stories about Animals” by L. Tolstoy. In: Favorsky V.A. The Short Stories of Painter-Engraver. Moscow. Detskaya Literatura Publ. 1976, pp. 52–62.
- Favorsky V.A. (1966) On Art, on Engraving and about the Book. Moscow. Kniga Publ. 236 p.
- Gustave Doré, l’illustration en héritage. lectura.fr/expositions/gustavedore/plan-du-site/
- Zaitseva N.V. Nesterov N.V. In: L.N. Tolstoy. Encyclopedia / Ed. by N.I. Burnasheva. Moscow. Prosvetshenie Publ. 2009. 848 p.
- Nesterov M.V. (1985) Memoirs. Moscow. Soviety Khudozhnik Publ. 432 p.
- Nesterov M.V. (1968) From the Letters. Leningrad. IskusstvoPubl. 451 p.
- Nikonova I.I. (1989) Nesterov. Moscow. Iskusstvo Publ. 231 p.
- Tolstoy L.N. The Complete Works: In 90 vols. Jub. ed. Vol. 18. Moscow; Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1934. 558 p.
- Tolstoy L.N. The Complete Works: In 90 vols. Jub. ed. Vol. 19. Moscow; Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1935. 520 p.
- Tolstoy L.N. (1932) Short Stories about Animals. Moscow; Leningrad. Academia Publ. 32 p. (Illustrated by V.A. Favorsky)

Сведения об авторе:

Светлана Александровна Асеева,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Svetlana A. Aseeva,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
fleur1988@mail.ru

С. Србиновска (Скопје, Македонија)

**За значењето на раскажувањето и меморијата
во последниот роман на Славко Јаневски /
Художественное и историческое в романе Славко Яневского «Свалка»**

Анотация: Анализируя последний опубликованный роман македонского писателя Славко Яневского «Свалка», автор статьи исследует проблему взаимодействия исторического и художественного в постмодернистском романе, предлагая рассматривать ее не только в контексте соотношения романа и реальности, но и историографии и реальности, причем в обеих этих «парах» очевидна обоюдная зависимость, основанная на феномене «рассказывания» о событиях. Опираясь на основные положения работ Петра Слотердайка, Хейдена Уайта, Луиса Минка и Мишеля де Серто, так или иначе связанных с проблемой «исторического нарратива», автор показывает, каким образом в самой структуре повествования в романе «Свалка» воссоздана обстановка хаоса на Балканах в начале нынешнего тысячелетия. Жизнь, в понимании Славко Яневского, – постоянное стремление к преодолению хаоса современной действительности. Вопреки соприкосновению с травматичным опытом начала XXI в., Славко Яневский остался верен традиции повествования, свидетельствующего о способности писателя воплотить смысл и гармоническое равновесие жизни, порядок и свет, в отличие от бессильного рассказчика. На основании проведенного анализа автор статьи приходит к выводу, что постмодернистский македонский роман развивает и обогащает изобразительные возможности этого жанра.

Ключевые слова: исторический нарратив, постмодернистский роман, Славко Яневский, реальность и вымысел

S. Srbinovska (Skopje, Macedonia)

Fiction and Fact in Slavko Janevski's "Landfill"

Abstract: The article discusses how the Macedonian writer Slavko Janevski depicts reality in his last novel "Landfill". An attempt is made to highlight the ways in which narration works as an order-making force in the novel. Drawing on the generative theories of relation in the works of Peter Sloterdijk, Hayden White, Louis Mink and Michel de Certeau, the article shows how the enterprise of narrative order in Janevski's novel works to pinpoint the historical-political chaos in the Balkans at the turn of the 21st cen-

tury, and it offers a distinctly anti-utopian poetics as a method for studying the macrosocial transformations of Macedonia as a culture-in-transit. The article also ruminates over the language of postmodern Macedonian novel.

Key words: historical narrative, postmodern novel, Slavko Janevski, reality and fiction

Не прашувајме колку е часот, **часовник немам**. И не прашувај ме кој ден е денес, а ако прашаш, ќе ти одговорам... Овој ден е со исто име како оној од пред седум денови... Денови како денови. Ниеден четврток не ќе истрча пред петок... Деновите не се некаква
разбуричкана толпа. Имаат свој ред.

Не те прашувам за деновите. Ги знам, **имам календар**.

Прашувам друго...

Смртта, тивка како и срцето, засекогаш смирено, ќе ги однесе неповратно сите
секавања, надежи, очекувања, заедно со доживеаната пролет сред јануари...

Депонија, од Славко Јаневски

Проблематизирањето на односот историографија / фикција секогаш започнувало со повторувањето на прашањата и одговорите од областа на филозофијата или теоријата во кои акцентот е ставан врз категориите стварност, вистина, време, приказна и дискурс. Тоа се истовремено истите категории низ кои се движат настојувањата да се дефинира книжевниот вид роман, а тој пак, кога станува збор за творештвото низ кое ќе настојуваме да го проблематизираме, имено творештвото на Славко Јаневски, има клучно место.

Овие категории не се ниту цврсто, ниту трајно дефинирани за да претставуваат сигурна основа за споредување на книжевноста со вистината на историографијата, ниту пак за споредување на историографијата со фикционализирањето во книжевноста. Со овие прашања се проблематизира традиционалната спротивставеност на историјата и книжевноста, но и традиционалната врзаност на историјата и романот. Контровверзна мисла во рамките на овие размислувања е тезата за *фиктивната димензија на историската репрезентација*. Пред да се концентрираме на размислувањата на современите американски историчари и филозофи, заговорници на уметничко-раскажувачката концепција на историографскиот дискурс, во кои се укажува на таквото одредување на историографијата, ние ќе се обидеме да ги синтетизираме традиционално воспоставуваните соодноси помеѓу историјата и книжевноста и нивните модалитети на презентација на стварноста.

Тезата дека книжевното дело претставува свет кој треба да е споредлив со нашата слика за стварниот свет отсекогаш била преиспитувана кога поимањето на стварноста се претворало во централна преокупација, а релацијата меѓу науката и книжевноста била преиспитувана како централен проблем. Споредувањето се движи во правецот на преиспитување на начелата на организација на сликата на светот претставена со книжевното дело, во овој случај со романот и сликата на светот изведена во сферата на историографијата. Обично, преиспитувањата во духот на позитивистичките насоки во претходните епохи ѝ давале право на сликата на светот изведена во историографијата пред сликата на светот претставена во романот. Проверката се движела секогаш според правилото кое предвидувало мерење на сликата на стварноста претставена со романот врз основа на историографските документи.

Во основата на проблемот кој го развиваме по една двонасочна патека лежи нужноста да говориме за релацијата роман / стварност и историографија / стварност, а дури потоа за односот помеѓу историографијата и фикцијата. Од тука произлегува сознанието дека без да ги дефинираме параметрите според кои ќе ја ме-

риме и дефинираме стварноста, ние не можеме да говориме ниту за фикцијата, ниту пак за историографијата. Клучен во двете сфери станува проблемот врзан за начините на организација на една смислена слика за светот која би била споредлива, а поради тоа и прифатлива врз основа на нашите претстави за стварноста, во спротивност сè би било одредено како еден огромен хаос од бесмислици.

Така доаѓаме до точката која е прилично значајна кога расправаме за творештвото на писателот Славко Јаневски, бидејќи кај него постојано се имплицира проблемот на смислата на книжевното остварување и смислата на стварноста која низ него се транспонира. На тоа се надоврзува и прашањето за смислата на постоењето одредена со книжевноста како есенцијално решение на егзистенцијата. Смислата изразена со изведба на организирана слика за светот е услов при создавањето на романот, а таа со тоа станува една од централните теми во последниот роман *Депонија* издаден во 2000-та година и завршен во текот на неговиот живот¹.

Претпоставената релација помеѓу историјата и фикцијата во творештвото на Славко Јаневски, како што укажавме, ја имплицира претензијата за фокусирање на проблемот на стварноста. Според теоретичарот Миливој Солар, секогаш кога се расправало за феноменот на книжевноста, и посебно на романот, за филозофијата и историографијата, а преку нив и за стварноста, често размислувањата се движеле во правец на нивно одделување, при што произлегувало дека стварноста влегува не само во историографијата, туку и во книжевноста. «Книжевноста е секогаш на некој начин стварна, како што стварноста е секогаш на некој начин книжевна. (...) Ако гледаме ‘одвнатре’ стварноста е ‘надвор’, ако гледаме ‘однадвор’, стварноста е ‘внатре’», заклучува М. Солар [Solar 1980: 43].

Во рамките на современите постмодернистички и деконструктивистички тежненија се отвара простор за промислување на меѓусебното приближување, па дури и хибридизирање на жанровите во сферите на историографијата, филозофијата или книжевноста. Хибридизацијата се остварува не само во правецот на преиспитување на фактите во книжевноста, туку и во правецот на можноста за преиспитување на димензијата на «фикционализирање» во историјата, односно за преиспитување на моќта на фантазијата и во подрачјето на науката.

Од еднаш, историографијата низ окуларот на деконструктивистите, како и на постмодернистите станува проблематична со својот исказ за стварноста, исто како што и самиот поим на стварноста претставен низ нејзините механизми на проверка не се чини конечно изведен. Значи, прво се релативизира самиот поим стварност изведен со посредство на историографијата, науката и второ, се детронизира митот за историографијата како «чиста наука», па во духот на «дијалогизмот» се говори за «историографијата како научна фикција» [White 1978: 83]. Со тоа засекогаш се разбива господарството на илузијата на фактите и објективноста согледани низ фиксираната претстава за стварноста изведена според логиката на науката.

Во тој дух, целокупниот проблем може да се посматра низ примарните обиди за диференцирање на сферите, односно може да се расправа за самостојноста и одделеноста на книжевноста од другите сфери. Тоа се размислување чии корени датираат од епохата на ренесансата кога во рамки на поетиките е спротивставувана «книжевната вистина» наспроти «вистината на историографијата», или пак е актуализирана Аристотеловата градација на сферите на книжевноста, историографијата и филозофијата. Според него, диференцијацијата на книжевноста од

¹ Во студијата се интерпретира последниот роман на Славко Јаневски издаден во 2000 година под наслов *Депонија* публикуван преку издавачката куќа «ЗУМПРЕС» од Скопје.

историографијата треба да се разбере како разлика во моќта да се претставува *посебно* од моќта за репрезентација на *поединечното* [Аристотел 1979: 30–31].

Ако претпоставките на постмодернистите упатуваат на хибридизација на сферите, тогаш неодложно може да се расправа и за модалитетите на соопштување на вистината кои повеќе не се разликуваат кога станува збор за книжевноста од оние кога станува збор за историографијата, напротив тие се доближуваат паралелно со ставот за улогата на постапката раскажување во историографијата и во романот. Строгото разграничување на сферите, на историографијата од романот, првата како застапник на «апсолутната вистина», а втората на «радикалниот фикционализам» сосема се елиминира. Од друга страна, релативизирањето води кон отфрлање на можноста да се прифаќа само *апсолутната стварност* за сметка на фактот дека *секоја стварност е фикција* или обратно.

Во контекстот на гореспоменатите анализи прифаќаме дека можноста за разгледување на сферите на книжевноста и историографијата преку нивното доближување, наспроти на стратегиите кои сосема ја исклучуваат релацијата меѓу нив, бидејќи го фаворизираат спротивставувањето на вистината наспроти фикцијата, на објективното наспроти субјективното, станува оправдана, особено кога расправаме за творештвото на Славко Јаневски.

Во сферата на историографијата и во сферата на книжевноста, без исклучок, функционира дискурсот како механизам преку кој се артикулира одредена репрезентација, исто како што се применуваат различни стратегии на текстуализација. Во двете подрачја се артикулира постапката *раскажување* која ги прави подеднакво способни за фикционализирање. Познатиот американски филозоф Луис Минг во прилог на тој став вели: «Поделеноста околу тоа дали се работи за еден настан или за повеќе настани не зависи од дефиницијата на самиот настан, туку од раскажувачката конструкција која го произведува неговиот соодветен опис» [Mink 1987: 201].

Ваквите ставови се врзуваат за антипозитивистичките становишта на преиспитување на онтолошкиот статус на стварноста. Таа, според овие убедувања, не постои како «*realitet sui generis*», туку може единствено да биде конструирана, произведена. Прифаќањето на историографијата како дискурзивна практика (како и книжевноста, во нашиов случај романот) насочува кон согледување на моќта на јазикот да премостува и обединува «далечни» нешта, да актуализира свет, стварност со која се сугерира моќта на субјектот да господари со јазично изведената претстава за тој свет. Во објаснувањата на П. Слотердајк се реактивира ставот на лингвистот Емил Бенвенист дека емпириските настани имаат значење на автентичност во дискурсот, затоа што тој им обезбедува стварност на искуствата [Sloterdijk 1992: 20–38].

Во прилог на ова може да се потсетиме на уште едно размислување, имено, според Кант, *историографијата нужно раскажува*, во спротивност сме принудени да говориме за нејзино слепило. Следствено на тоа, Хејден Вајт се запрашува: «Каков вид слепило се отстранува со раскажувањето со оглед на стварноста?» [White 1978: 83].

Дејството на раскажувањето може да се регистрира тогаш кога низ него се рализираат операции на создавање на заплет, кога едноставно се енкодираат «фактите» содржани во хрониките со кои историографијата се занимава како со свои извори, односно кога се «осветлува» логичната врска помеѓу настаните. Со пишувањето на раскажувачки карактер на историјата се проблематизира начинот на кој се остварува вредноста, поточно се расправа за начинот на кој се легитими-

ра оствареното раскажување: тоа единствено може да се реализира преку остварување на смислена слика за стварноста, така што резултатот на таквото напрегање е целокупноста и завршеноста на една «приказна за стварноста». Доброто раскажување секогаш ја подразбирало способноста за осмислување на распоредот на настаните во една кохерентна целина од слики за животот. Според овие претпоставки, расказноста станува форма настаната во процес кој ѝ овозможува на стварноста да се прикажува или подобро да се открива.

Целта на усвоената раскажувачка постапка станува потребата да се докаже дека настаните имале хронолошки след, дека се причинско – последично врзани за логиката на времето, односно дека историјата не може да биде ништо друго, туку само еден вид «дискурс на стварноста». А тоа значи дека, «стварноста на раскажаните настани» престанува да се врзува за фактот дека «настаните се случиле», туку за фактот дека историчарот покажал способност со дискурсот да ги хронологира, да ги раскаже и да ги впише во историското време. Дали со ова не доаѓаме до сознанието дека напрегањата на историчарот треба да се сведат на изведба на една реконструкција на минатото со цел да се конституира сегашноста на раскажувањето кое резултира со приказна? Дали тоа не значи испревртување на традиционалниот однос кон стварноста како вистина и нејзино потиснување за сметка на расказноста на историскиот дискурс, односно за сметка на изведената приказна. Ако приказните се третираат како неразделен елемент на раскажувањето и индикатор за постоење на одредена смисла, тогаш секако дека тие низ чинот на реализација ќе упатуваат на можноста за осмислување на животот [Carr 1986: 61].

Проблематизирајќи го феноменот на приказната, ние доаѓаме до точката во која изложените претпоставки за историографијата и романот се допираат, имено со проблематизирањето на јазикот како медиум на сознание, потоа на јазично-комуникацискиот аспект на историското сознание, ние настојваме да го отвориме истиот наративен простор за двете сфери и при тоа да ја искристализираме идејата која нѝ се чини клучна во последниот роман на Славко Јаневски. Во тој контекст ја искушуваме можноста за преиспитување на историското раскажување како дискурзивна фикција. Експликативно, сето тоа е условено од операциите на создавањето на заплетот. Конструирањето на мостот помеѓу историјата и фикцијата, без оглед дали станува збор за раскажување на историски факти, за секојдневно раскажување или за книжевно-уметничко раскажување воспоставувањето се реализира и фокусирањето се актуализира во однос на раскажувачките структури на хрониките, преданијата, летописите. Од друга страна, според естаблишментот во доменот на историографијата, овие структури се сметаат за *несовршени истории*. Тие се сметаат за *отворени* (без приказна, ниту заплет), а светот е претставен низ редослед во кој нема почеток и крај. Но, токму тој естаблишмент работи на расказноста како основно обележје на историографијата која ги опфаќа и овие факти, а со тоа и на историографијата како објективна дисциплина. А тоа значи дека ако расказноста формално ѝ обезбедува на стварноста да се прикажува себе си пред реалистичката свест, тогаш таа влијае на постојано искажување со приказна со почеток, средина и крај. Истиот извор (хрониките и преданијата) ја воспоставува оската на раскажувачкиот свет на Славко Јаневски.

Сакам да понудам една различна, друга перспектива во интерпретацијата на овој роман. Имено, промислувањето за постапките на историчарот како раскажувач и на романиерот како раскажувач, промислувањето на улогата на приказната во двете сфери како оска на смисла и продукција на стварност ми се чинат основа

на сè што Јаневски направил во овој роман. Издигнувањето на Депонија го гледам токму во преферирањето на една идеја која се провлекувала и во другите романи на Јаневски, а која сметам дека овде станува одредувачка.

Признавањето на фикционалната димензија на историографијата, според го-реизложеното, дејствува во правец на прифаќање на истата како *активност на раскажување* и со тоа како *активност на измислување* на човековиот живот и времето во него во една целина наречено историја или приказна. Таа може да се третира како *едно убаво патување во јазикот* со цел да се конституира времето низ чинот на јазично спознавање и репрезентирање.

«Зашто, најпосле, селската усна библиичка особено во долгите зимски вечери, ги оживуваше за забава и поука старите времиња. А тие времиња се тетеравеа помеѓу непотврдена историја и преданија, гола вистина за оние што веруваа во нив, дури и во она што ќе го сонее» (37).

Наведениот фрагмент укажува дека тоа, впрочем, го прави и Јаневски како романсиер, што значи дека тој и дава предноста на наративната механизам за осмислување на целината, а со тоа и на животот. Според авторот, наративната структура станува инхерентна на човековото искуство и дејствување:

«Луѓето на Кукулино, дури и пред крајот на овој век, последен во милениумот, сакаа приказни со необични настани. Тие приказни се провлекуваа низ животот, се повторуваа или се менуваа во прераскажувањата, на повојница и на помени, на седенки по жетви, вршидби и гроздобери, во куќи или под ведро небо... Необичниот свет во кукулинските преданија беше (за некои и сега е) повистинит од самиот живот, сеедно дали тој свет го озарувала магиска светлина на надежи или изнурнувала од бескрајната темнина на страв. Во повеќето раскажани и прераскажани чудоредија грозомората пушта лепливи пипала; лази како многуглава змија, се вовлекува во човечките умови и срца, ја усвитува и ја змрзнува крвта. Ако не секој од овој крај, тогаш можеби секој осми или деветти живее со свои или туѓи преданија. Нивниот таен и таинствен свет е морничав.

Но меѓу луѓето имаше и богоугодни сонувачи...» (21–22).

Сметаме дека Јаневски не е толку значен затоа што со овој роман остварува асимилација на историскиот, стварниот простор и време и затоа што понудува слики на животот и стварноста какви што историчарот и романсиерот можат да изградат со јазикот, па во нив веруваме како што им веруваме на соништата, туку затоа што инсистира на смислата претставена преку приказната, записот, а тоа значи верува во моќта на раскажувањето сфатено како суштина и оправдување на егзистенцијата. Раскажувањето станува начин за конституција на смислата во стварноста и во животот [Carr 1986: 97]. Раскажувачката форма станува фактор на организација на искуството.

Совладувањето на секојдневието во неговата распрснатост и симултаност, Јаневски го тематизира експлицитно, тој имено вели:

«Понекогаш повеќе им се верува на записите што никој не ги прочитал, отколку на очите и она што е пред нив» (20).

Записот и приказната, раскажувањата, според Јаневски добиваат значење на инструмент со кој единствено се одредува онтолошкиот статус на стварноста во која живеат неговите ликови и ги продуцираат настаните со нивното дејствување. Оправдувањето на изведените секојдневни активности, а со тоа и објаснувањето на сите настани, тие го досегнуваат единствено преку усното или писмено раскажување, она кое го слушаат или она на кое се сеќаваат.

Јазикот е средство, кое според авторот, функционира во правецот на премостување на јазот помеѓу минатото и сегашноста, помеѓу светот и хаосот или помеѓу секојдневјето и историјата. Дали може приказната, раскажувањето да претставува еден вид надополнување на животот? Колку тие две стварности се стопуваат една во друга? Она што го осмислува постоењето во сегашноста и во секојдневјето во романот *Депонија* се концентрира врз раскажувањето како форма за комуникација. Таа низ една *утописка* конструкција на нова и квалитатна стварност, таква која *може да се претстави како свет* му се спротивставува на безнадежното подрачје на хаосот. Во толкувањето кое го развиваме не го разглобуваме сложениот проблем на разликувања на билошкото, историското, лингвистичкото поимање на времето или пак кога станува збор за текстот, времето на текстот наспроти времето на историјата / приказната, времето на животот на поединецот наспроти времето на светот.

Раководен од принципот на кохеренција, Славко Јаневски во својот последен роман (што добива своја симболика со оглед на фактот дека авторот е починат пред објавување на романот) го насочува размислувањето кон историјата на стварноста што го опкружува за да низ тоа осветлување на неговата последна современост, а со користење на леќите на минатото се осврне и на секојдневјето во кое дефинитивно станува невозможно воспоставувањето на поредок, бидејќи е тоа, самото секојдневно живеење. Тоа, според авторот, останува распрсната граѓа од симултани случувања кои се најчесто противречни, а низ кои, тој имплицира ставови дека не може да се оствари интеграција и идентификација.

Сметам дека не е веќе значајна индикацијата дека Кукулино е Македонија, а со тоа и Балкан:

«Сеедно што преку Босна мина барутен виор во кој куршуми и шрапнели се-еја трупови на сите страни, Кукулино живееше мирновременски. Меѓутоа, веднаш зад планината на кукулинските покриви се натрупуваше оружје. Многумина предвидуваа крвав чин. А на кукулинците сето тоа им изгледаше како нешто што се одигрува и ќе се одигрува далеку од нивниот атар... А и Босна до грло крвава, беше далеку, зад неколку граници, некогашната утопистичка идеја за братството на народите и нивното единство, и едното и другото лабави, ја покажа опачината – дел од овој Балкански Полуостров се распаѓаше» (159)

Паралелно со ова становиште вклопено низ имплицитни, но и експлицитни коментари на нараторот сметаме дека станува позначајна импликацијата која упатува на потребата за барање на механизмите за осмислување на стварноста. Специфичноста во тој поглед Јаневски ја одразува преку ликовите кои се способни да го «ослушнуваат» минатото или да му веруваат кога е тоа претставено во «манастирска книга» или во запис, тоа минато во нив можат да «го видат», при што тие се оние истите кои низ спознавање на тоа минато се способни да ја спознаат иднината и да претскажуваат. Интерпретацијата, така ја насочуваме во една поинаква насока. Наспроти фреквентниот интерес за романите на Јаневски како за романи во кои постојано се расправа за Македонија или за Балканскиот полуостров, што е експлицитно актуализирано и во неговата последната книга, ние се трудиме да укажеме на една имплицитна димензија која авторот ја вовлекува во сржта на својот текст. Инаку фактот, дека секоја одделна егзистенција е историска ситуација, дека е вплетена во просторно-временската општествена ситуација, е неодминлив за секој поединец [Schütz, Luckmann 1973: 19, 63].

Она што е непосредно врзано со таквата балканска ситуација или пак за спознанието дека «Балканот бил отсекогаш дом на смртта» овде се трансформира во

преиспитување на релацијата помеѓу *суштината на животот* и *суштината изградена преку раскажувањето за него*. На тоа рамниште, авторот постојано го имплицира феноменот на *сеќавањето*, а преку него и на времето исполнето со настаните кои преданието ги впишува во приказна. Со тоа што се преиспитува моќта и понатаму да се остварува кохезија во воспоставувањето на сликата за минатото, бидејќи се дотогаш додека за него може да се говори со приказна или предание, тоа ја одржува заднината врз основа на која може да се говори за сегашноста, или да се претскажува иднината. Затоа формализираните почетоци на приказните добиваат една поинаква димензија во духот на споменатите оправдувања на минатото:

Бил еднаш еден Балкан. Го нема. Се закопал во смет. Тоа не чека... Смрт на животот, слобода на смртта» (106).

Раскажувањето за Балканот не е само чин на креација, ниту само естетски чин, тоа, според Јаневски не претставува само една алтернатива за животот, раскажувањето за него станува акт низ кој се открива начинот на кој се «движиме» во стварноста. Животот, според него, е постојан напор, дури борба за одржување на кохеренцијата со намера да се одбие и да се совлада хаосот на сегашноста кој му се заканува на животот на сите рамништа. Затоа, тој вели:

«Навидум бавни, настаните сепак имаа свој тек, ги разделуваа луѓето или ги соединуваа... Зад големиот сид на времето помеѓу она што е денес, време кога историјата се претопувала во преданијата и преданијата станувале историја, милиони стаорци го напаѓале животот на овој крај, сметајќи го тој чин за почетна точка при освојувањето на планетата. И тогаш, во тој далечен век, во времето кога е граден манастирот Свети Никита, луѓето се бореле со црните, грблести, опашести, острозаби легиони на некој човек – стаорец, познат како Адофонис.

По цена на многу мртви, луѓето на Кукулино се спасиле себеси, својот тогашен и својот иден пород, а и дел од светот» (150).

Затоа кај Јаневски станува значајна, речиси *света* улогата на «оној кој може да чита со внатрешно око стара книга», бидејќи тој истовремено има дарба да го «оживува минатото», или да го «гледа» и за него да раскажува пред «сведоци, главно негови проверени пријатели». Замирањето на таквата моќ тематизирана во романот *Депонија* се поврзува со елиминација на оние кои «се посебни», а тие не се никој друг, туку «посебните» раскажувачи и читатели на записот и на историјата / приказната во него.

«...Русковиот дедо, човек со нос сличен на птичји клун, бил обраснат околу папокот со меки пердуви. Не јадел живи птичји срца. Се хранел со сончогледово семе... Со удари на нос ги казнувал палавостите на синот, подоцна Русков татко. Тој син на тврдоносниот Калчиновец немал никави посебности. Посебен бил уште само Руско Калчински» (17).

Раскажувањето, според авторот е утеша, можност за префрлање на еден друг план, начин за заборавување на неисполнетоста на животот во секојдневието кое се протега пред нашите очи. Дали тоа е истовремено начин да се замени или надополни стварноста со приказната, а на безредието да му се даде логички ред. Настаните кои, «како да» се случиле се оживуваат преку сопствените и преку туѓите приказни. Нарацијата станува еквивалент на смислата на живеењето.

Со тоа доаѓаме до точката која темелно го одредува последниот роман на Јаневски. Тука се активира проблемот на времето. Сè е во времето и настанува како последица на дејствувањето на времето.

«И реката додека живее во времето, и времето додека го мери животот со шумолењето на брановите, и животот додека 'рти и се губи, повторно да пушта корен-сè има свој тек. Секој тек има свој вртеж. Секој вртеж чека своја жртва, се едно што смртта само ќе ја допре жртвата и ќе остави на неа и во неа белег на телесна и, потрајна од тоа, лузна на душевна болка» (130).

Секавањето, записите и преданијата низ кои се реконструира минатото постојано се во функција на осмислување на сегашноста, исто како што сегашноста на претставувањето на еден нов свет, на раскажувањето на романот постепено се трансформира во дел од минатото.

«Некои библиски настани не се само минато, туку се и сегашност и иднина, зборува, Руско Калчински» (23).

Низ материјалната размена на искуствата (преку записи и преданија), сегашноста може да се осмислува како континуитет на минатото и да произлегува од него со никулци како најава на иднината. Сартровото сознание дека «ние (секогаш) сме последица на нашето минато», или дека автентичното живеење секогаш зависи од моќта да се биде во однос со минатото, станува неприкосновен услов за одржување на себството, според Славко Јаневски или за интегрирање на сопственото јас и на сопствената стварност како хармонична целина.

Кога раскажувачот и подлегнува на неумоливата моќ на времето, кога заборавот ја поништува неговата потреба да хармонизира низ актот на раскажувањето, тогаш згаснува и вербата во иднината.

«Кукулинци немаа моќ да ја видат иднината, се едно што нечии предци можеле да се далековидни. *А не беа ни надарени да се доближат со сетилата до минатото што можеше да го доживее само Руско Калчински...*» (151).

Јаневски, наспроти фактот дека «ние сме пред се историски суштества, а потоа сме посматрачи на историјата, па затоа што сме ова првото, стануваме и она другото» (В. Дилтај), ја преферира улогата на посматрач и раскажувач. Книгата, според него, единствено го совладува моќното дејство на времето и заборавот. Во подрачјето на «опростореното време», во текстот на романот, Јаневски често го тематизира феноменот на заборавот како индикација за разбиената логика во живеењето. Секавањето на она што било, моќта да се биде во однос со минатото им дава право на силите на кохезија, на оние кое од артикулираната приказна произведуваат време на еден организиран и уреден свет и можат да влијаат на одредувањето на идентитетот, во спротивност, како што раскажува Јаневски, иднината е уништена, идентитетот е разбиен и непознатлив.

Нашата историчност (Geschlichkeit) е заднина на нашето секојдневие. Таа се воспоставува во моментот кога можеме да ја раскажеме, да ја *репрезентираме* во една целина. Поништената способност да се има однос кон минатото значи поништување на сегашноста и иднината. Паралелно со тоа Јаневски го следи исчезнувањето на оние кои можеле тоа да го направат:

«Проклети какви што биле, тогаш и денес, луѓето не го почитувале своето. (...) Никој тогаш не верувал во живи светци, најмалку овдешни. Штом било така во тоа време, не може да е поинаку ни сега, а не ќе е ни утре ни по сто години. Овој крај бил со векови без светец од свој род. Светците се раѓале некаде далеку» (26).

Според тоа, човекот не може да ја осознае логиката на своето време, ако моќта за секавање ослабнува:

«Руско Калчински матно се секаваше на воените години од почетокот на петтата деценија на векот, но сепак, ни самиот не знаејќи зошто, тој претчувствуваше војна, мала и овдешна» (159).

Судбината, според Јаневски «не може да се насочи според желбите», а тоа значи дека не може да се господари со стварноста во историскиот тек на време со непредвидлива динамика, не може да се господари со себе си, ако секавањето молчи, а иднината се распрснува во случајноста на секојдневјето. Еден од ликовите во дијалогот наведен во почетокот одговара на следниов начин:

«Не те прашувам за деновите. Ги знам, имам календар. Прашувам друго...» (152).

Календарот ја создава илузијата дека времето на светот има форма, дека секојдневниот живот тече според сигурен ритам. Токму затоа што симулира поредок, календарот отсекогаш бил инструмент на хронологизација, а со тоа и на обликување на минатото и на историјата на времето (Certeau 1980: 3–43).

Сепак, наспроти историските текови и нивното запишување во преданијата, романот на Јаневски афирмира и една друга димензија. Таа алудира на цикличниот поредок и правилност на случувањата, а со тоа на изворноста на митската слика на светот која е повторно обликувана и со тоа хармонична. Луѓето во Кукулино имаат потреба од таквата правилност во распоредувањето на нештата во сликата за светот и во нивниот начин на живеење. Врз основа на цикличното поимање на времето се развива идејата за линеарниот и историски поредок со почеток, средина и крај според мерилата на еден конкретен човечки живот кој секогаш претставува една конечна историја на себеостварување во времето.

Паралелизмот на календарското ритмување на времето и писмото одредено со својот линеарен тек упатуваат на митските и религиските праизвори. Линеарната претстава за времето се поврзува со откритието на писмото, пред сè со грчкиот алфавет, кој од 5 в.п.н.е, значи пред Исус, ја испишува митската структура на свеста на старите Грци. Во моментот кога осмислувањето на секојдневието кое трага по смисла сè поизразито се разликува од минатото, доминацијата на линеарната претстава за времето сè повеќе се зајакнува [Biti 1994: 100]. Онака како што христијанството настојува да оствари надополнување на недостатоците на секојдневието и да го претстави како посредник меѓу преданијата за минатото и исполнувањето на иднината, така и Јаневски го фаворизира истиот однос:

«Се бореле и оставале пород, името да не им се сотре. По секој гроб во војувањето се делкала нова колекција, како и во многуте краишта на овој крвав Балкан, на чиј камен народите можеле да испишат нови поглавја за некоја своја библија или свој Куран, сеедно што верите, повеќе денес отколку вчера, ги делеле народите. Ако има небесна сила и правда во која верува чесниот човек, некој еднаш ќе ги напише новите страници на светите книги» (31).

Преданијата во кои се вплетувала историјата можат да послужат како единствен правец кон иднината. Тие во сопственото несовершенство даваат доволно простор за осмислување на животот. Вербата во преданијата претставува последното исходно место за оние кои «се преправаат дека веруваат во она што се раскажува и се прераскажува, а во Кукулино, како и секогаш, сешто се раскажува. Просто се бега од едноличната катадневност, уште повеќе од утрешната неизвесност...» (114), раскажува Јаневски и додава:

«Од семето на надежта 'ртеа слатки приказни. Човечкото око копнееше по светлоста на иднината» (143).

Во ситуацијата во која „младите не им веруваат ниту на постарите, ниту на приказните”, ја отвара бесконечната потрага по смисла и целина. Таа се чини засекогаш изгубена кога животот во неговата разновидност се отргнува на подредувањето на законите на смислата, на раскажувањето кое го кохезионира животот во целината на една приказна, на едно предание или запис, Библија или Коран. Човековото искуство кое се отргнало од овие правила му се предава на хаосот на секојдневието и се претставува како «асоцијативно», вели Јаневски.

«...Султана повторувала низ сон еден збор-асоцијативно, иако тој збор, порано изговорен од Благоја Сандевски, никогаш не го беше слушнала. Според него, Султана, гледачка во талог од испиено кафе и поинаква од другите жени, претскажувала дека иднината на Кукулино бездруго ќе е асоцијативна...

‘Асоцијативно! Тоа нешто значи...’

‘Ќе ти обаснам. Во земјава кој ќе втаса краде, без око да му трепне, како и да свртиш, се е *асоцијативно*. (...) Сеедно дали шестосложникот асоцијативно се однесуваше на минатото или на иднината или можеби претставуваше космичка врска, а на библиските страници космосот, еден негов дел, веќе беше објаснет при создавањето на светот, Пенчо Перуника се разочара во птицата...» (116).

Раскршувањето на синцирот на приказната секогаш го подразбира кристализирањето на фрагментот. Онака како што Јаневски носталгично копнее по раскажувањето кое секогаш ја задржува својата приказна, така тој верува и во историјата како фактор на одржувањето на животот. Во својот последен роман, тој сепак не може да ја скрие носталгијата по кохеренција додека стои исправен и соочен со ироничната субверзија на фрагментите или исечоците кои ја изложуваат и откриваат немоќта на човекот да се «носи» со стварноста во нејзината хаотичност и отвореност. Неговата верба во затвореното единство на системите кои незапирливо се апсорбирани од потенцијалното и ризично изобилство од хаотични турбуленции, неговото соочување со нивната бесконечност сосема ги релативизира целините. Останува дејството на асоцијациите кои се интересни, кои не се убави, кои се можеби привлечни, како што тоа го забележувал уште Фридрих Шлегел и убедувањето дека уметноста која останува им е препуштена на читателите. Според Јаневски, тие се единствениот и последен чинител на кого му е препуштена иднината на прераскажувањето и иднината на интерпретирањето. Стварноста и уметноста во таа последна точка остануваат да живеат за читателите и постојат за да упатат на напорите за отворање на простори на смисла во опкружувањето од бесмисла, насилство и апсурд.

Наспроти соочувањето со трауматичните искуства на неговата и наша современост од почетокот на дваесет и првиот век, Славко Јаневски останува доследен на една практика на раскажување која секогаш ја респектирала моќта, а не немоќта на раскажувачите да обликуваат смисла, поредок и свет.

Во фрагмент од неговиот последен роман, овие становишта се тематизираат најнепосредно со упатување кон митската прасостојба на доживување на единството одржувано во епохите кои следат преку функцијата на преданијата како наративи кои соопштуваат и воспоставуваат смисла:

«Да се вратиме за миг кон преданието или кон стварноста во некое минато од почетокот на раскажувањето, време кога се славело пролетното будење на змиите. Од појавата на првата библиска змија до некое друго време, многу поблиску до нас, отровниците се спровирале низ фантазијата и имале моќ да влијаат на човечкиот живот и на неговата судбина. Може да се претпостави дека она што го

измислувал некој моќен ум било прифаќано од лековерните како вистина, како напореден живот со нивниот живот. Помеѓу преданијата и катадневноста се губела границата, каква и да била; за некои Кукулинци се мешале и станувале едно. Сонот и јавето создавале легура на човечкото духовно опстојување. Дококу ова бегло објаснување не звучи убедливо, треба да се има предвид едно: ако не денес, тогаш во минатото, и троа понатаму, преданијата биле дел од животот. Поучувале, тешеле и предупредувале. Овде и насекаде. Срцата на континентите ги отчукувале своите тајни. Срцето на овој Балкански полуостров исто така. Матниот порој на стравот се ширел и ги ронел бреговите на спокојството, сеедно што на тие брегови про’ртувало понекогаш семето на проодните надежи. Грч, тоа било второто име на животот» (103–104).

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотел (1979). За поетиката. Скопје: Македонска книга, с. 30–31.
- Biti Vladimir (1994). Upletanje nerečenog. Zagreb: Matica hrvatska, с. 100.
- Carr David (1986). Time, Narrative, History. Bloomington: Indiana University Press, с. 97.
- Certau Michel de. On the Oppositional Practice of Everyday Life. *Social Text*. 1980. No 3, pp. 3–43.
- Mink Louis (1987). Historical Understanding. Ithaca: Cornell University Press, p. 201.
- Schütz Alfred, Luckmann Thomas (1973). The Structures of the Life-World. Northwestern Univ. Press. P. 19, 63.
- Sloterdijk Peter (1992). Doći na svijet dospjeti u jezik. Zagreb: Neklada MD, pp. 20–38.
- Solar Milivoj (1980). Ideja i priča, Zagreb: Znanje, с. 43.
- White Hayden (1978) Tropics of Discourse. Baltimore: Johns Hopkins University Press, p. 83.

Информации за авторот:

Славица Србиновска,
професор
PhD, MA
филологическиот факултет «Блаже Конески»
Универзитет Св. Кирила и Методиј
(Скопје, Македонија)

Slavica Srbinovska,
Professor
PhD, MA
Faculty of Philology «Blaze Koneski»
University Ss. Cyril and Methodius
(Скопје, Македонија)

srbinovskas@gmail.com

Программы

Programs

**Программа учебной дисциплины
«Введение в славянскую филологию»
для направления подготовки 45.03.01 – «Филология»
Интегрированная магистратура МГУ, квалификация «бакалавр»**

**The Program of the Academic Discipline
«Introduction to Slavonic Philology»
for the Direction of Preparation 45.03.01 – «Philology»
Integrated MSU Master's Program, Qualification «Bachelor»**

1. Цели освоения дисциплины

- сформировать у студентов комплекс знаний о славянских языках и культуре;
- сформировать у студентов комплекс умений и навыков в области анализа культурно-лингвистической ситуации в славянских странах;
- сформировать представление об устройстве грамматической системы славянских языков;
- сформировать понимание основных этапов развития славянских языков.

Задачи освоения дисциплины:

Ознакомить студентов с классификацией славянских языков, общим устройством их грамматической системы, основными этапами развития, а также культурой славянских стран и славянской мифологией.

2. Место дисциплины в структуре ООП:

Базовая часть. Общепрофессиональный блок

Данная дисциплина предназначена для студентов профиля «Русский язык и литература» и является связующей частью циклов «Историческая русистика и палеославистика» и «Современный русский язык». Ее изучение необходимо для освоения таких последующих дисциплин, как историческая грамматика русского языка, история русского литературного языка, современный славянский язык (по выбору), дисциплин цикла «Современный русский язык» (словообразование, морфология, синтаксис). Дисциплина преподается в II семестре 1 курса. Ей предшествует I семестр изучения курса «Старославянский язык», во II семестре данные курсы читаются параллельно. Достаточными являются знания, умения и навыки, приобретенные в средней (полной) общеобразовательной школе и полученные в курсах «Старославянский язык», «Основы языкознания».

3. ТРЕБОВАНИЯ К РЕЗУЛЬТАТАМ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ:

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

- знание основных понятий и терминов современной филологической науки, представление о структуре и перспективах развития филологии как области знаний, о важнейших филологических (лингвистических) отечественных и зарубежных научных школах (ОПК-1 формируется частично)

- владение терминологическим аппаратом современной науки о языке и приемами научного исследования языка; понимание тенденций и перспектив развития языка; знание современных подходов к анализу текста и дискурса (ОПК-2);
- знание уровневой системы славянских языков и принципов ее функционирования; представление об истории и современном состоянии славянских языков (профильная компетенция формируется частично).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

Знать:

- общую классификацию славянских языков;
- общие признаки западно-, восточно- и южнославянской групп языков;
- общее устройство грамматической системы славянских языков каждой группы;
- основные этапы развития славянских языков;
- государственное устройство славянского мира;
- особенности культурно-лингвистической ситуации в славянских странах;
- классификацию славянских археологических культур;
- славянскую мифологию.

Уметь:

- корректно определять славянский язык текста;
- с помощью лингвистического инструментария анализировать и описывать тексты на славянских языках;
- использовать в научных и практических целях лингвистические словари и справочники;
- использовать приобретенные знания для самостоятельной научной деятельности.

Владеть:

- навыками самостоятельной работы с научным и фактическим материалом по проблематике дисциплины;
- навыками работы с разными видами лингвистической и исторической литературы по проблематике дисциплины;
- навыками первичной работы со славянскими текстами.

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетных единицы, 64 часа, в том числе 32 часа аудиторной нагрузки.

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, <u>включая самостоятельную</u> <u>работу студентов</u> (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)				Формы текущего контроля успеваемости (<i>по неделям семестра</i>) Форма промежуточной аттестации (<i>по семестрам</i>)
				лекция	с.р.с.	семинар	с.р.с.	
1.	Предмет славянской филологии. Славянские языки и славянские государства. Общая классификация славянских языков и ее основания.	2	1	2				
2.	Этногенез славян. Славянские археологические культуры.	2	2	2				
3.	Славянская мифология.	2	3	2				
4.	Славянская этнография.	2	4	2				
5.	Языковая ситуация в славянских странах.	2	5	2				
6.	Западнославянские языки. Лехитская подгруппа.	2	6	2				
7.	Польский и кашубский языки.	2	7	2				
8.	Полабский язык.	2	8	2				
9.	Западнославянские языки. Чешско-словацкая подгруппа. Чешский язык.	2	9	2				
10.	Словацкий язык.	2	10	2				
11.	Западнославянские языки. Лужицкая подгруппа.	2	11	2				
12.	Южнославянские языки. Западная подгруппа. Словенский язык.	2	11	2				
12.	Сербско-хорватский языковой континуум.	2	13	2				
13.	Балканский языковой союз. Южнославянские языки. Восточная подгруппа. Болгарский и македонский языки.	2	14	2				
14.	Восточнославянские языки.	2	15	2				
15.	Славянские микроязыки.	2	16	2				зачёт
	Итого:			32		0		

Содержание курса

1. Предмет славянской филологии. Славянская филология как научная дисциплина и основные этапы ее становления. Славянская филология в России. Современное государственное членение славянского мира. Конфессиональное деление славянского мира. Понятие славянского Возрождения. Его периодизация, региональные особенности.

2. Древнейшие сведения о славянах. Источники и проблема их интерпретации. Археологические культуры славян II тыс. до н. э. – 1-ой половины I тыс. н. э. Этногенез славян по данным археологии. Раннефеодальные государства у славян.
3. Понятие родства языков. Праязык. Применение сравнительно-исторического метода к славянскому языковому материалу. Понятие внешней и внутренней реконструкции. Балто-славянская проблема. Проблема поиска славянской прародины в свете лингвистических, археологических и исторических данных. Основные гипотезы славянской прародины.
4. Славянская мифология. Уровни славянской мифологии. Балто-славянский компонент. Восточнославянский пантеон. Западнославянский пантеон. Реконструкция мифологических представлений южных славян. Проблема фальсификации материальных источников (Збручский идол, сочинения В. Ганки).
5. Западнославянские языки, их группировка. Общие особенности фонетической системы западнославянских языков. Особенности грамматической системы западнославянских языков: система глагола.
6. Западнославянские языки. Лехитская подгруппа. Фонетические особенности. Польский и кашубский языки. Диалектное членение. Полабский язык. Основные этапы развития языковой системы. Алфавит. Система глагола: прошедшее и будущее время, сослагательное наклонение. История польского литературного языка в свете формирования и развития польской государственности.
7. Западнославянские языки. Чешско-словацкая подгруппа. Алфавит. Фонетические особенности. Чешский язык. Диалектное членение. Словацкий язык. Диалектное членение. Основные этапы развития языковой системы. Система глагола: прошедшее и будущее время, сослагательное наклонение. Основные этапы истории чешского и словацкого литературных языков в свете формирования и развития государственности.
8. Западнославянские языки. Лужицкая подгруппа. Фонетические особенности. Верхнелужицкий язык. Нижнелужицкий язык. Алфавит. Основные этапы развития языковой системы. Система глагола: прошедшее и будущее время, сослагательное наклонение. Функциональный статус лужицких языков в связи с особенностями исторического развития лужицких земель.
9. Южнославянские языки. Общее деление. Западная подгруппа. Словенский язык. Диалектное членение. Алфавит. Основные этапы развития языковой системы. Система глагола: прошедшее и будущее время, сослагательное наклонение. Основные этапы истории словенского литературного языка в свете формирования и развития государственности.
10. Сербско-хорватский языковой континуум. Диалектное членение. Алфавиты. Вопрос о функциональном статусе идиомов в связи с особенностями государственно-исторического развития Западных Балкан. Основные этапы развития языковой системы. Система глагола: прошедшее и будущее время, сослагательное наклонение. Основные этапы истории сербского и хорватского литературного языка.
11. Балканский языковой союз (БЯС). Понятие языкового союза. Славянские и неславянские языки, образующие БЯС. Гипотеза происхождения БЯС. Основные балканизмы.

12. Восточная подгруппа южнославянских языков. Болгарский язык как представитель БЯС. Алфавит. Диалектное членение. Система имени. Система глагола. Старославянский (древнеболгарский) язык как ранний этап развития литературного языка восточнобалканских славян. Основные этапы развития болгарского языка. История болгарской государственности. Болгарское Возрождение.
13. Македонский язык как представитель БЯС, его формирование. Алфавит. Диалектное членение. Система имени. Система глагола. «Македонский вопрос».
14. Восточнославянские языки, общие особенности их системы. Русский язык и его диалекты.
15. Украинский язык. Алфавит. Диалектное членение. История развития литературного языка. Белорусский язык. Алфавит. Диалектное членение. История развития литературного языка.
16. Славянские микроязыки. Понятие микроязыка. Принципы классификации славянских микроязыков. Русины и понятие русинского языка. Кашубский язык как микроязык.

Аннотация

Курс «Введение в славянскую филологию» имеет лингвострановедческую направленность и призван сформировать у студентов системные представления о славянских языках, а также об истории и культуре славянских стран. В рамках дисциплины рассматриваются следующие вопросы. Славянские языки и славянские государства. Общая классификация славянских языков и ее основания. Этногенез славян. Славянские археологические культуры. Славянская мифология. Славянская этнография. Языковая ситуация в славянских странах. Западнославянские языки. Лехитская подгруппа. Чешско-словацкая подгруппа. Лужицкая подгруппа. Балканский языковой союз. Южнославянские языки. Западная подгруппа. Восточная подгруппа. Восточнославянские языки. Славянские микроязыки.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Курс предполагает использование студентами в рамках самостоятельной работы сети интернет и иных информационных технологий для поиска и анализа информации.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

Форма текущего контроля – промежуточные контрольные работы и тесты.

Образец контрольной работы:

STEPY AKERMAŃSKIE

Adam Mickiewicz

Wpłynąłem na suchego przestwór oceanu,
Wóz nurza się w zieloność i jak łódka brodzi,
Śród fali łąk szumiących, śród kwiatów powodzi,
Omijam koralowe ostrowy burzanu.

Już mrok zapada, nigdzie drogi ni kurhanu;
Patrzę w niebo, gwiazd szukam, przewodniczek łodzi;
Tam z dala błyszczą obłoki – tam jutrzienka wschodzi;
To błyszczą Dniestr, to weszła lampa Akermanu.

Stójmy! – jak cicho! – słyszę ciągnące żurawie,
Których by nie dościgły źrenice sokoła;
Słyszę, kędy się motyl kołysa na trawie,

Kędy wąż śliską piersią dotyka się ziola.
W takiej ciszy – tak ucho natężam ciekawie,
Że słyszałbym głos z Litwy. – Jedźmy, nikt nie woła.

1. Выполните письменный перевод текста.
2. Выпишите слова, содержащие рефлекс типа *tōrt, и выполните реконструкцию их корней.
3. Выпишите слова, содержащие рефлекс типа *ōlt, и выполните реконструкцию корня.
4. Выпишите словоформы, отражающие неосуществление 2-ой палатализации при наличии *v.
5. Выпишите словоформы, содержащие рефлекс *tj, укажите их грамматическую характеристику.
6. Объясните происхождение выделенных согласных: zieloność, cicho.
7. Объясните происхождение выделенных гласных: wóz, śród.
8. Выпишите формы прошедшего времени, укажите их грамматическую характеристику.
9. Выпишите формы сослагательного наклонения, укажите их грамматическую характеристику.

Наименование тем и примерный перечень заданий.

Выполните следующие тестовые задания.

1. Западнолехитскую подгруппу западославянских языков образует – чешский и словацкий;
– польский и чешский;
– польский и кашубский;
– кашубский и полабский.
2. В каком языке/языках представлены неметатезированные формы рефлекса *tort (varna, korvo)?

- в кашубском и полабском;
 - в польском;
 - в чешском и словацком;
 - в словенском и хорватском.
3. В этногенез каких славян включена суковско-дзедзицкая культура?
- поляки;
 - словаки;
 - словенцы;
 - украинцы.
4. В каких литературных славянских языках имеется грамматическая категория дв.ч.?
- в лужицких и словенском;
 - в чешском и словацком;
 - в болгарском и македонском;
 - в сербском и хорватском.
5. В каких литературных славянских языках из нижеперечисленных ударение фиксировано на первом слоге?
- в польском и чешском;
 - в чешском и словацком;
 - в болгарском и македонском;
 - в украинском и белорусском.
6. В каком литературном славянском языке из нижеперечисленных ударение фиксировано на предпоследнем слоге?
- в польском;
 - в чешском;
 - в словацком;
 - в болгарском
7. Графема *ǐ* в чешском обозначает:
- долгое *и*, возникшее из долгого *о* через стадию дифтонга *ио*;
 - краткое *и*, возникшее из *ъ*;
 - долгое *о*, возникшее из *ъ*;
 - долгое *и*, возникшее из *у*.
8. Носовые в чешском изменились следующим образом:
- *ǝ* в *и*, *ɛ* в *е*;
 - *ǝ* в *о*, *ɛ* в *е*;
 - *ǝ* в *и*, *ɛ* в *ä*;
 - рефлексy носовых совпали в *ä*.
9. Редуцированные в сильной позиции в чешском изменились следующим образом:
- оба редуцированных вокализовались в *е*;
 - *ъ* в *о*, *ь* в *е*;
 - оба редуцированных вокализовались в *о*;
 - оба редуцированных вокализовались в *а*.
10. Для какого языка характерно изменение гласного *'u* в *i* (*l'ud* > *lid*; *kl'uč* > *klič*)?
- для польского;
 - для верхнелужицкого;
 - для чешского;

– для хорватского.

11. В каком языке в алфавите есть графема *ä*?

– в словацком;

– в чешском;

– в польском;

– в хорватском.

12. Восточнословацкие диалекты имеют формы типа *zarno, verba, verch, polni, vilk*; характеризуются изменением *t', d'* в *c, dz* (*dzeći, dzevec, robic*), а также ударением на предпоследнем слоге. С каким языком сближают их эти особенности?

– с чешским;

– с польским;

– со словенским;

– с украинским.

13. Словацкая форма *môst'* является

– супином;

– причастием;

– инфинитивом;

– деепричастием.

14. Какие славянские языки входят в состав Балканского языкового союза?

– болгарский, македонский, сербскохорватский (частично);

– словенский (частично), болгарский, македонский;

– болгарский, сербский, хорватский;

– словенский, сербский, хорватский.

15. Языки, входящие в Балканский языковой союз, характеризуются, в частности, следующими особенностями:

– полной или частичной утратой склонения, развитием препозитивного артикля, утратой инфинитива, выражением сложного будущего времени со вспомогательной формой на базе глагола *быть*;

– полной или частичной утратой склонения, развитием употребления местоименных энклитик, выражением сложного будущего времени со вспомогательной формой на базе глагола *быть*;

– полной или частичной утратой склонения, развитием постпозитивного артикля, развитием употребления местоименных энклитик, утратой инфинитива, выражением сложного будущего времени со вспомогательной формой на базе глагола *хотеть*;

– развитием препозитивного артикля, развитием употребления местоименных энклитик, сохранением форм инфинитива, выражением сложного будущего времени со вспомогательной формой на базе глагола *хотеть*.

16. В каком литературном языке представлена трехчленная категория постпозитивного артикля?

– нижнелужицкий;

– македонский;

– болгарский;

– словенский.

17. Конструкция *тој би дошол* в македонском является формой:

– 3 л. ед.ч. сосл. накл.;

– 3 л. ед.ч. перфекта;

– 3 л. ед.ч. имперфекта;

– 3 л. ед.ч. плюсквамперфекта.

18. Традиционная группировка диалектов сербскохорватского языкового континуума осуществляется на основании:

- рефлексов *ять* и форм местоимения *что*;
- рефлексов носовых и форм личного мест. 1 л. ед.ч.;
- рефлексов редуцированных и форм указательных местоимений;
- рефлексов сочетаний согласных с **j* и форм личного мест. 3 л. ед.ч.

19. Конструкция *ja ću čitati* в сербском является формой:

- имперфекта 1 л. ед.ч.;
- будущего I 1 л. ед.ч.;
- перфекта 1 л. ед.ч.;
- сослагательного наклонения 3 л. мн.ч.

20. Редуцированные в сильной позиции в сербском изменились следующим образом:

- оба редуцированных вокализовались в *e*;
- *ь* в *o*, *ъ* в *e*;
- оба редуцированных вокализовались в *o*;
- оба редуцированных вокализовались в *a*.

Форма промежуточной аттестации – зачет.

Вопросы к зачету:

1. Предмет славянской филологии. История становления славянской филологии как научной дисциплины.

2. Древнейшие сведения о славянах. Источники и проблема их интерпретации.

3. Археологические культуры славян II тыс. до н. э. – 1-ой половины I тыс. н. э.

4. Проблема славянской прародины.

5. Раннефеодальные государства у славян.

6. Славянская мифология.

7. Славянские государства в современном мире. Конфессиональное деление славянского мира.

8. Славянское Возрождение: периодизация, региональные особенности.

9. Мертвые славянские языки.

10. Понятие родства языков. Праязык. Применение сравнительно-исторического метода к славянскому языковому материалу. Понятие внешней и внутренней реконструкции.

11. Балто-славянская проблема.

12. Западнославянские языки, их группировка.

13. Южнославянские языки, их группировка.

14. Балканский языковой союз.

15. Восточнославянские языки.

16. Польский язык. Кашубский язык.

17. Чешский язык.

18. Словацкий язык.

19. Лужицкие языки.

20. Словенский язык.

21. Сербский и хорватский языки.

22. Болгарский язык.

23. Македонский язык.
24. Украинский язык.
25. Белорусский язык.
26. Русский язык.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

А) ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дуличенко А.Д. Введение в славянскую филологию. Учебное пособие. 2-е изд, стереотип. М.: ФЛИНТА, 2014.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 1992.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Славянские языки / Под ред. А.Г. Широковой и В.П. Гудкова. М., 1977.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (Статьи: славянские языки, славистика, кириллица, русский алфавит, русский язык, белорусский язык, украинский язык, старославянский язык, церковнославянский язык).

Языки мира. Славянские языки. М., 2005.

Б) ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961 (Введение. С. 24–118).

Бернштейн С.Б. Константин-Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984. С. 37–144.

Булахов М.Г., Жовтобрюх М.А., Кодухов В.И. Восточнославянские языки. М., 1987. С. 7–50.

Гиляревский Р.С., Гривнин В.С. Определитель языков мира по письменностям. М., 1961.

Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Очерки истории культуры славян / Ред. кол. В.К. Волков, В.Я. Петрухин и др. М., 1996 (Ч. I; Ч. II, очерки 1, 2).

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1965 (Разделы: религия древних славян, христианство, ислам).

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991. С. 10–29.

Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры (истоки древнерусской книжности). М., 1994.

Чекмонас В.Н. Введение в славянскую филологию. Вильнюс, 1988 (Ч. II. Происхождение славянских языков; Ч. IV. У истоков славянских народов: расселение славян и начало славянских народов. С. 237–254).

В) ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Ссылки на внешние источники находятся по адресу <http://moodle.philol.msu.ru/course/view.php?id=2> (курс «Введение в славянскую филологию», автор-разработчик Т.В. Пентковская).

Библиотека института славяноведения РАН: [http://www.inslav.ru/resursy? start =900](http://www.inslav.ru/resursy?start=900)

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает доступ к Интернету во внеаудиторное время; наличие в библиотеке комплектов учебно-методической, научной и справочной литературы.

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ по направлению подготовки «Филология».

Разработчик программы:

Татьяна Викторовна Пентковская,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana V. Pentkovskaya,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
pentkovskaya@gmail.com

**Программа спецкурса
«Интернет-технологии для гуманитариев
(от HTML до MYSQL)»
для магистрантов гуманитарной направленности**

**Special Course Program
«Internet Technologies for the Humanities
(from html to mysql) »
for Undergraduates of Humanitarian Orientation**

1. Цель реализации программы

Цель курса – программа призвана служить ориентиром для тех лиц гуманитарных специальностей, кто желает разобраться как устроен Интернет; дает необходимые практические навыки для решения проблем, возникающих в процессе создания собственного интерактивного интернет-ресурса; помогает рационально использовать уже имеющиеся знания, совершенствовать их и приобретать новые;

1) приобретение необходимой теоретической и практической подготовки для создания интернет-ресурсов и работы с ними, что включает в себя:

- понятие об устройстве Интернета и гипертекста,
- знания и навыки разметки гипертекстового документа и его стилевого оформления,
- приемы и методы создания интерактивного документа,
- навыки динамического создания гипертекстовых документов,
- методы структурированного хранения и использования информации в гипертекстовых документах;

2) формирование способности актуализировать уже имеющиеся знания, активно осваивать новые, чтобы в полном объеме применять их в процессе работы над собственным интернет-ресурсом, что является определяющим условием для будущей успешной научной и учебной деятельности с использованием интернет-технологий;

3) актуализация знаний, полученных в процессе освоения интернет-технологий, умение применять их на практике, корректировать свои знания в контексте меняющихся реалий, работать со справочными изданиями в интернете, рационально использовать базы данных, как собственные, так и размещенные в Интернете; развитие способности к восприятию, анализу, обобщению информации, постановке цели и выбору путей ее достижения;

4) формирование навыков, позволяющих успешно реализовывать поставленные задачи;

5) освоение классических и новых методик работы при создании интернет-ресурсов.

2. Формализованные результаты обучения

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих общекультурных и профессиональных компетенций:

- владеть культурой мышления преподавателя и исследователя, воспринимать, обобщать, анализировать информацию, ставить цель и выбирать пути ее достижения (ОК-1);
- использовать в своей деятельности нормативные правовые документы, определяющие нормы охраны авторства в сети интернет и обязанности пользователя по защите авторских прав (ОК-5);
- стремиться к саморазвитию, повышению квалификации и мастерства (ОК-6);
- осознавать социальную значимость своей профессии, обладать высокой мотивацией к профессиональной деятельности (ОК-8);
- понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны (ОК-12);
- владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, иметь навыки работы с компьютером как средством управления информацией (ОК13);
- работать с информацией в электронных библиотеках и реферативных базах данных в глобальных компьютерных сетях (ОК-14).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

Знать:

- принципы создания гипертекстового интерактивного динамического интернет-пространства с использованием структурированно хранимых данных;
- ориентироваться в инновациях, касающихся сферы интернет-сервисов и интернет-ресурсов;
- ориентироваться в учебной и справочной литературе по интернет-технологиям;

Уметь:

- на основе полученных знаний создавать авторские гипертекстовые ресурсы в научных и учебных целях;
- самостоятельно строить интерактивные динамические интернет-ресурсы;
- создавать структурированные хранилища данных и использовать их в интернет-ресурсах;

Владеть:

- навыками работы с современной справочной и нормативной литературой по изучаемым вопросам;
- принципами подхода к работе с текстовым и иллюстративным материалом в процессе подготовки его к размещению на сервере.

3. Содержание программы

Учебный план

Категория слушателей (требования к слушателям) – специалисты с высшим и средним специальным (техникум, колледж) гуманитарным и гуманитарно–педагогическим образованием

Срок обучения – 32 часа

Форма обучения – очно-заочная

№ п/п	Наименование разделов	Всего часов	В том числе	
			Лекции	Практич. и лаборат. занятия
1.	Цикл 1. Введение.	4	4	
2.	Цикл 2. HTML (Hyper Text Markup Language).	12	6	6
3.	Цикл 3. «Оживление» HTML. Язык программирования JavaScript. Библиотека JQuery	8	4	4
4.	Цикл 4. «Взаимодействие HTML с сервером. Язык программирования PHP.	4	2	2
5.	Цикл 5. Хранение данных на сервере. База данных MySQL.	4	2	2
	Итого	32	18	14
Итоговая аттестация: зачет				

Учебно-тематический план

№ п/п	Наименование разделов	Всего часов	В том числе	
			Лекции	Практич. и лаборат. занятия
1.	Введение. 4 часа.	4	4	
1.1.	Краткая история возникновения и развития Интернета.	2	2	
1.2.	Устройство Интернета – Понятия: «хост», «клиент», «сервер» – Протокол – язык общения электронных устройств. Протоколы «низкого» уровня. TCP/IP (Transmission Control Protocol / Internet Protocol) – Адреса в интернете. Цифровой адрес, символьный адрес. Специальные адреса. DNS (Domain Name System) – связь цифровых адресов с символьными.			

	Типы интернет-сетей. DHCP (Dynamic Host Configuration Protocol). Настройка интернет-соединения в компьютере. – Устройства для связи в компьютерных сетях: маршрутизатор, WiFi, модем, switch и др.			
1.3.	Протоколы Интернета «высокого» уровня. – FTP (File Transfer Protocol), BitTorrent, POP3 (англ. Post Office Protocol Version 3), SMTP (Simple Mail Transfer Protocol) и другие протоколы. – HTTP (Hyper Text Transfer Protocol) – базовый протокол для реализации технологии «клиент – сервер». URI (Uniform Resource Identifier) – унифицированный (единообразный) идентификатор ресурса.	2	2	
1.4.	Понятие гипертекста. Вебсервер, браузер и их взаимодействие. WorldWideWeb – первый веб-браузер (1990. Тимоти Джон Бернерс-Ли).			
2.	HTML (Hyper Text Markup Language).	12	6	6
2.1.	Язык разметки гипертекста – HTML. от SGML (Standard Generalized Markup Language) к HTML. Версии HTML. Рекомендации W3C. Основы синтаксиса. Структура html документа. DOM (Document Object Model) – объектная модель документа. Теги. Наиболее употребительные теги (Интернет-справочники). Атрибуты тегов. Понятие обычного потока (normal flow) html документа. Разметка текста. Таблицы. Списки. Вставка мультимедийного контента. Формы.	6	4	2
2.2.	Стилевая разметка гипертекста. Cascading Style Sheets. Синтаксис CSS. Селекторы. Идентификаторы, классы, контекстные селекторы. Атрибуты CSS. Цвет, фон, шрифт, границы, размеры, позиционирование элементов... Понятия о «жестких» и «резиновых» макетах. Интерактивные CSS элементы.	6	2	4
3	«Оживление» HTML. Язык программирования JavaScript.	8	4	4
3.1.	«Чистый» JavaScript. Понятие «алгоритм». Синтаксис. Функции, безымянные функции. Структура данных. Понятие объекта.	4	2	2

3.2.	Библиотека jQuery. Селекторы. Манипуляции в DOM. Библиотеки на основе jQuery (plugin). Библиотека UI (user interface).	4	2	2
4	Взаимодействие HTML с сервером. Язык программирования PHP.	4	2	2
4.1.	Синтаксис. Функции. Структура данных. Библиотеки функций. Классы. Обработка запросов форм с помощью PHP.	4	2	2
5	Хранение данных на сервере. База данных MySQL.	4	2	2
5.1.	Понятие SQL (Structured Query Language). Таблицы. Структура и типы данных. Построение запросов.	4	2	2
	Всего по курсу	32	18	14

Учебная программа

Цикл 1. Введение. 4 часа

Тема 1.1. Краткая история возникновения и развития Интернета. *0,5 часа.*

Тема 1.2. Устройство Интернета: Понятия: «хост», «клиент», «сервер»; Протокол – язык общения электронных устройств. Протоколы «низкого» уровня. TCP/IP (Transmission Control Protocol / Internet Protocol); Адреса в Интернете. Цифровой адрес, символьный адрес. Специальные адреса. DNS (Domain Name System) – связь цифровых адресов с символьными. Типы интернет-сетей. DHCP (Dynamic Host Configuration Protocol). Настройка интернет-соединения в компьютере. Устройства для связи в интернете: маршрутизатор, WiFi, модем, switch и др. *1,5 часа.*

Тема 1.3. Протоколы Интернета «высокого» уровня. FTP (File Transfer Protocol), BitTorrent, POP3 (англ. Post Office Protocol Version 3), SMTP (Simple Mail Transfer Protocol) и другие протоколы. HTTP (Hyper Text Transfer Protocol) – базовый протокол для реализации технологии «клиент – сервер». URI (Uniform Resource Identifier) – унифицированный (единообразный) идентификатор ресурса. Понятие гипертекста. Вебсервер, браузер и их взаимодействие. WorldWideWeb – первый веб-браузер (1990. Тимоти Джон Бернерс-Ли). *2 часа.*

Цикл 2. HTML (Hyper Text Markup Language). 12 часов

Тема 2.1. Язык разметки гипертекста – HTML. от SGML (Standard Generalized Markup Language) к HTML. Версии HTML. Рекомендации W3C. Основы синтаксиса. Структура html документа. DOM (Document Object Model) – объектная модель документа. Теги. Наиболее употребительные теги (интернет-справочники).

Атрибуты тегов. Понятие обычного потока (normal flow) html документа. Разметка текста. Таблицы. Вставка мультимедийного контента. *6 часов.*

Тема 2.2. Стиливая разметка гипертекста. Cascading Style Sheets. Синтаксис CSS. Селекторы. Идентификаторы, классы, контекстные селекторы. Атрибуты CSS. Цвет, фон, шрифт, границы, размеры, произвольное позиционирование элементов. *6 часов.*

Цикл 3. «Оживление» HTML. Язык программирования JavaScript. 8 часов.

Цикл 3.1. «Чистый» JavaScript. Синтаксис. Функции, безымянные функции. Структура данных. Понятие объекта. *4 часа.*

Тема 3.2. Библиотека jQuery. Селекторы. Манипуляции в DOM. Библиотеки на основе jQuery (plugin). Библиотека UI (user interface). *4 часа.*

Цикл 4. Взаимодействие HTML с сервером. Язык программирования PHP. 4 часа.

Цикл 4.1. Синтаксис. Функции. Структура данных. Библиотеки функций. Классы. 4 часа.

Цикл 5. Хранение данных на сервере. База данных MySQL. 4 часа.

Цикл 5.1. Понятие SQL (structured query language). Таблицы. Структура и типы данных. Построение запросов. 4 часа.

Перечень практических занятий

Номер темы	Наименование практического занятия
Цикл 2.	HTML (Hyper Text Markup Language) (6 ч.). (1 ч.). 1. Создание HTML документов. Разметка текста тегами. Модификация и настройка тегов. Связывание документов и веб-сайтов ссылками. Создание таблиц. Вставка в документ мультимедийного контента. Создание форм для отправки информации на сервер. (4 ч.). 2. Стиливая разметка созданных HTML документов. Создание макетов документов. Позиционирование HTML объектов на странице документа. Создание интерактивных CSS элементов (2 ч.).
Цикл 3.	«Оживление» HTML. Язык программирования JavaScript (4 ч.). 1. Написание программы взаимодействия с HTML документом (2 ч.). 2. Подключение библиотеки jQuery. Сопособы использования селекторов и манипуляция объектами DOM. Использование библиотеки UI (user interface) (2 ч.).
Цикл 4.	Взаимодействие HTML с сервером. Язык программирования PHP (2 ч.). 1. Написание программы взаимодействия сервера с браузером. Отсылка данных формы на сервер и получение ответа от сервера. (2 ч.) 2. Написание программы загрузки файла на сервер.

Цикл 5.	Хранение данных на сервере. База данных MySQL (2 ч.). 1. Проектирование базы данных для задач пользователя. Подключение базы данных к программе на языке PHP. Запись в базу данных пользователя чтение данных и отсылка их пользователю. (2 ч.). 2. Построение системы авторизации пользователя с использованием MySQL и языка программирования PHP.
---------	---

4. Материально-технические условия реализации программы

Технологической площадкой для реализации программы повышения квалификации является компьютерный центр и лаборатория ОКО ЦНИТ филологического факультета (<http://www.philol.msu.ru/>).

В компьютерном центре имеются три компьютерных класса по 12 рабочих мест в каждом плюс рабочее место преподавателя с интерактивной доской Smart Board. Тип компьютеров: Intel Core i3, мониторы – 21 дюйм. Операционная система: Windows 8.1. Программное обеспечение: пакет Adobe CS. Обучающимся предоставляется дисковое пространство на сервере HP Proliant DL9 под управлением CentOS 6 с Apache web-сервером, PHP и MySQL.

5. Учебно-методическое обеспечение программы

Слушателям программы предлагаются контрольные задания; методические задания; задания по дополнительной литературе.

Литература

1. Э. Фримен, Э. Фримен. Изучаем HTML, XHTML и CSS // Head First HTML with CSS & XHTML. М.: Питер, 2010. 656 с. ISBN 978-5-49807-113-8.
2. Питер Лабберс, Брайан Олберс, Фрэнк Салим. HTML5 для профессионалов: мощные инструменты для разработки современных веб-приложений // Pro HTML5 Programming: Powerful APIs for Richer Internet Application Development. М.: Вильямс, 2011. 272 с. ISBN 978-5-8459-1715-7 EBSCO. host: <https://www.ebscohost.com/>
3. Интернет-справочник WebReference <https://webref.ru>
4. HTML справочник: <http://html.manual.ru/>
5. The Document Object Model // Professional JavaScript for Web Developers. 2nd ed. USA, Canada: Wiley Publishing, Inc., 2009. P. 261–317. ISBN 978-0-470-22780-0.
6. JavaScript. Библия пользователя // JavaScript. Bible / Денни Гудман (Danny Goodman), Майкл Моррисон (Michael Morrison); пер. с англ. И. В. Василенко. 5-е изд. М.; СПб.; Киев: Дилектика, 2006. 1184 с. ISBN 5-8459-1027-7.
7. Центральный Javascript-ресурс. Учебник с примерами скриптов: <http://javascript.ru/>
8. Джейсон Ленгсторф. PHP и jQuery для профессионалов // Pro PHP and jQuery. М.: Вильямс, 2010. С. 352. ISBN 978-5-8459-1693-8.
9. jQAPI – Alternative jQuery Documentation Browser. <http://jqapi.com/>
10. <http://www.w3schools.com/>

11. *Костарев А. Ф.* PHP 5. СПб.: БХВ-Петербург, 2008. 1104 с. ISBN 978-5-9775-0315-0.
12. *Стив Суэринг, Тим Конверс, Джойс Парк.* PHP и MySQL. Библия программиста. 2-е изд. // PHP 6 and MySQL 6 Bible. М.: Диалектика, 2010. 912 с. ISBN 978-5-8459-1640-2.
13. PHP: Hypertext Preprocessor. <http://php.net/>
14. *Васвани В.* MySQL: использование и администрирование // MySQL Database Usage & Administration. М.: Питер, 2011. 368 с. ISBN 978-5-459-00264-5.
15. Справочное руководство по MySQL. <http://www.mysql.ru/docs/man/>
16. *Винер Н.* Кибернетика. или управление и связь вживотном и машине. М.: Наука, 1983. 340 с.

6. Требования к результатам обучения

Промежуточная аттестация слушателей проводится по результатам создания проектов: разработка HTML документа, применения в них стилевой разметки, написание программ на языках JavaScript и PHP и разработка базы данных в среде MySQL. Итоговая аттестация проводится во время очной сессии по результатам сдачи зачета, состоящего из ответа на два вопроса (по разным разделам усвоенной программы) и разбор созданного проекта в промежуточной аттестации.

Вопросы

1. Различия и взаимосвязь понятий «хост», «клиент». «сервер».
2. Что такое «протокол» и какие типы протоколов существуют в компьютерных сетях?
3. Какие принципы адресации в компьютерных сетях?
4. Назовите наиболее распространенные устройства связи в компьютерных сетях.
6. Назовите наиболее распространенные протоколы высокого уровня используемых в Интернете и для чего они предназначены.
7. Объясните понятие «гипертекст» в контексте применения его в Интернете.
8. Какие принципы лежат в основе языков разметки?
9. Какие языки разметки вы знаете и в чем их особенности?
10. Какова структура HTML документа и что представляет из себя объектная модель документа?
11. Что такое «тег» и его атрибуты.
12. Перечислите наиболее употребительные теги форматирования текста.
13. Перечислите наиболее употребительные теги для создания тестовых блоков.
14. Какие теги участвуют в создании и форматировании таблиц?
15. Какие теги употребляются только в заголовке HTML документа и для чего они нужны?
16. Назовите атрибуты гипертекстовой ссылки.
17. Какими тегами создаются списки.
18. Для чего нужна стилевая разметка документа?
19. Какие селекторы используются в CSS и их каскадирование?
20. Атрибуты CSS и единицы измерения в значениях атрибутов.
21. Какие атрибуты используются для позиционирования элементов DOM?

22. Какими атрибутами задается цвет содержимого и фона элементов DOM?
23. Какие атрибуты связаны с границами элементов DOM?
24. Какие теги используются для внедрения в HTML документ стилевой разметки?
25. Дайте определение алгоритма.
26. Опишите принципы построения программ на языке JavaScript.
27. Принципы именования функций и данных в языке JavaScript.
28. Как создать объект, как обратиться к свойствам и методам объекта на языке JavaScript?
29. Как получить доступ к элементам DOM на языке JavaScript?
30. Какие теги используются для внедрения в HTML документ программ на языке JavaScript?
31. Что представляет из себя библиотека jQuery и для чего она нужна?
32. Что такое селектор и метод в jQuery?
33. Какие события происходят в элементах DOM и как их обрабатывать в jQuery?
34. Какие особенности написания программ на языке PHP и как они выполняются на сервере?
35. Каковы принципы именования функций и переменных на языке PHP?
36. Какие суперглобальные переменные участвуют в обработке запросов браузера?
37. Опишите механизм загрузки файла на сервер с помощью языка PHP.
38. Что такое SQL и как строятся запросы к базе данных?
39. Опишите механизм подключения MySQL и создание запросов к базе данных на языке PHP.
40. Как построить систему авторизации пользователей с помощью MySQL на языке PHP?

Разработчик программы:

Анатолий Михайлович Егоров,
старший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносов

Anatoly Yegorov,
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
yegorov_a_m@mail.ru

**Программа учебной дисциплины
«Введение в изучение русской литературы (часть II)»
для направления «Филология».
Квалификация (степень) «бакалавр»**

**The Program of the Academic Discipline
«Introduction to Russian literature Study (Part II)»
for the Direction «Philology».
Qualification (Degree) «Bachelor»**

I. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «Введение в изучение русской литературы (часть II)» являются:

- получение общего представления о характере литературного процесса XX – начала XXI в.;
- ознакомление с основными тенденциями и ключевыми явлениями литературного развития данного периода;
- осознание проблематики русской литературы XX – начала XXI в.;
- знакомство с методологией анализа литературы XX в. и современной русской литературы.

II. Место дисциплины в структуре ООП

Тип образовательного стандарта и вид учебного плана – ОС МГУ, интегрированный магистр, учебный план по направлению «Филология»;

- направление подготовки (в соответствии с образовательным стандартом) «Филология»;
- наименование учебного плана «Филология»;
- вариативная часть, общепрофессиональный блок, обязательная дисциплина.

Курс «Введение в изучение русской литературы (часть II)» рассчитан на 16 лекционных часов; является обязательным в программе подготовки бакалавров-литературоведов первого года обучения. Курс дает общие представления о литературном процессе XX – начала XXI в. и принципах его изучения.

Общая трудоемкость 1 зачетная единица (32 часа). Форма отчетности – зачет.

III. Формы проведения

Лекции – 16 часов.

Самостоятельная работа – 16 часов.

В качестве основного средства текущего контроля – проверка результатов самостоятельной работы в письменной форме (рефераты).

IV. Распределение трудоемкости по разделам и темам, а также формам проведения занятий с указанием форм текущего контроля и промежуточной аттестации

№ п.п.	Раздел дисциплины	семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)			Форма контроля
				лекции	С.р.с.	семинары	
1	XX в. в истории русской литературы.	1	1	2			
2	Понятие о художественной революции рубежа XIX–XX вв. Модернизм как эстетическая система.	1	2	2	2		
3	Стилевые тенденции эпохи XX в. (в прозе).	1	3	2	2		
4	Стилевые тенденции эпохи XX в. (в поэзии).	1	4	2	2		
5	Центральная проблематика литературы XX в. Осмысление проблемы революции (часть 1).	1	5	2	2		
6	Центральная проблематика литературы XX в. Осмысление проблемы революции (часть 2).	1	6	2	2		
7	Формы литературного быта XX в.	1	7	2	2		
8	Современный литературный процесс. Рубеж XX–XXI вв. в контексте литературной эпохи XX в.	1	8	2	2		
					2		зачет

Аннотация. Курс «Введение в изучение русской литературы» читается студентам-бакалаврам первого года обучения в течение одного семестра. Курс состоит из двух частей, первая из которых посвящена введению в изучение русской литературы IX–XIX вв., вторая – введению в изучение русской литературы XX – начала XXI в. Предлагаемая программа охватывает вторую часть курса. Программа построена не по хронологическому, а по проблемно-тематическому принципу. XX в. рассматривается как единая эпоха, не в диахронии, а в синхронии.

V. Содержание дисциплины

Тема 1. Общая характеристика XX в. как периода историко-литературного развития. XX в. как эпоха кардинального обновления художественного мышления.

Периодизация русской литературной истории XX в. Принципы подразделения на периоды, хронологические границы каждого из периодов. Социокультурная ситуация и характерные черты литературного развития каждого из периодов.

1) Период рубежа XIX–XX вв. Кризисные явления исторического и общественного развития. Оценка эпохи как «мирового переворота» (А. Блок), важнейшего исторического, социального, культурного рубежа (Л. Толстой).

Соотношение понятий «рубеж веков» и Серебряный век. Разнообразие трактовок понятия Серебряный век. Различные представления о границах этого периода.

2) Первая половина XX в. (1920–1950-е гг.). Условия существования литературы в русле трех подсистем: метрополия, диаспора и потаенная литература. Внеш-

ние и внутренние факторы, определяющие существование литературы в рамках каждой из подсистем.

3) Вторая половина XX в. (середина 1950-х – конец 1980-х гг.). Основные идейно-тематические центры в прозе этого периода (военная проза, деревенская, лагерная, городская) – характеристика и важнейшие представители. Тенденции развития поэзии и драматургии этого периода.

4) Современный период историко-литературного развития (с конца 1980-х до сего дня). Изменение условий бытования литературы по сравнению с предшествующим периодом. Утрата литературоцентризма русской культуры. Объединение трех подсистем: возвращение «задержанной» литературы и литературы эмиграции. Литературная и общественная ситуация рубежа 1980–1990-х гг. как плодотворная почва для формирования постмодернистского мироощущения.

Тема 2. «Художественная революция» рубежа XIX–XX вв. Ее предпосылки. Проявления «художественной революции» в литературе: кризис реализма и утверждение модернизма в качестве ведущей художественной системы. Понятие о модернизме. Представления о соотношении реализма и модернизма. Взаимодействие реализма и модернизма как фактор литературного развития XX в.

Характерные свойства модернистского мышления:

- переход с уровня социально-исторической конкретики на уровень универсализации;
- отказ от социального детерминизма;
- неомифологизм: понятие, определение. Источники неомифологической интерпретации (античная, ветхозаветная, евангельская мифология в творчестве М. Булгакова, Е. Замятина, Ю. Олеши, Б. Пастернака, А. Платонова и др.; славянские мифы в творчестве новокрестьянских писателей и поэтов; создание и продолжение разработки существующих «литературных» мифов: миф о Петербурге, миф о Москве и пр).
- введение образности фантастического и гротескового типа. Творчество А. Грина (сопоставление реального и фантастического планов на примере рассказа «Фанданго»), М. Булгакова («Собачье сердце», «Роковые яйца») и др.
- выработка новых принципов организации повествования. Явление орнаментальной прозы.

Тема 3. Стилиевое разнообразие эпохи. Общие стилевые «контуры» XX–XXI вв.: модернистская проза рубежа XIX–XX вв. – «неклассическое» слово 1920–1930-х гг. – нейтральный стиль соцреалистических текстов – постмодернистская стилистика.

Представление о «классическом» и «неклассическом» слове (Н. Драгомирецкая). Сказ и орнаментализм как разновидности «неклассического» слова.

Сказ. Определение, история сказа в русской литературе (сказовые тенденции у Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Н. Лескова), специфика сказа в литературе XX в., причины экспансии сказа в литературе этого периода. Сказ в творчестве М. Зощенко, И. Бабеля и др. История изучения сказа в XX в.

Орнаментализм. Специфика орнаментального стиля: деформация или разрушение причинно-следственных связей фабулы, сюжетная фрагментарность, монтажность композиции («кусовая композиция», по Ю. Тынянову). Понятие лейтмотива и лейтмотивной техники. «Петербург» А. Белого, «Голый год» Б. Пильняка, элементы орнаментальной техники в «Белой гвардии» М. Булгакова.

Судьба сказовой и орнаментальной тенденций в литературе XX в. Прекращение развития «неклассического» слова в 1930-е гг., причины этого.

Тема 4. «Художественная революция» в области поэзии, экспансия модернизма в поэтической культуре XX в.

Символизм как первое и центральное модернистское направление в поэзии рубежа веков. Представление о старшем и младшем поколении символистов. Философские ориентиры и творческие приоритеты старших и младших символистов. Интерпретация идей В. Соловьева в творчестве А. Блока и А. Белого.

Общая характеристика символистской поэтики: суггестивный принцип; слово как самоценный феномен (К. Бальмонт); явления взаимодействия со смежными видами искусства – импрессионистическое начало в поэзии символистов, музыкальность слова, роль звукописи (К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Белый); обновление языка поэзии: лексика, синтаксис, строфика.

Символизм как «родовое лоно» (О. Мандельштам) последующих направлений – *акмеизм*, *футуризм*: их отталкивание от символистской парадигмы, декларативное отмежевание от нее, при этом сохранение теснейшей связи с символистскими художественными принципами. Краткая характеристика акмеизма и футуризма как важнейших поэтических направлений XX века: представители, ключевые эстетические установки и их творческая реализация. Проблема соотношения декларации и реальной художественной практики.

Значимость символистского опыта для поэзии всего последующего литературного развития в XX в: зрелое и позднее творчество А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой, О. Мандельштама, творчество В. Шаламова. «Символистский импульс» в творчестве И. Бродского, Е. Рейна, а также А. Вознесенского и Б. Ахмадулиной.

Поэтический андеграунд. СМОГ, поэты-лианозовцы. Авангардистские тенденции в творчестве Вс. Некрасова.

Тема 5. Центральная проблема литературы XX в. – осмысление революционных событий как масштабного перелома в жизни страны и послереволюционной исторической, социальной, культурной реальности. Проблема поиска человеком своего места в новом мире.

А. Блок и его концепция революции: миф об «очистительном варварстве», представление о кризисе гуманистической культуры и сменяющем ее новом этапе, восприятие революции как преобразующей стихии. Осмысление «нового варварства» как важнейшей социально-исторической силы современности.

М. Булгаков: осмысление революции как трагического перелома в жизни страны. Стремление противопоставить разрушительному ходу социального и исторического движения традиционные нравственные и семейные ценности, многовековую культурную традицию («Белая гвардия»). Размышление о «человеке массы» (Х. Ортега-и-Гассет) как новом субъекте исторического процесса («Собачье сердце»). «Полемика» В. Маяковского и М. Булгакова: драма «Клоп», повесть «Собачье сердце».

А. Платонов: осмысление революции и новой послереволюционной ситуации в онтологическом ключе – утопическое представление платоновских персонажей о революции и «коммунизме» как будущем всеобщем счастье, поиск социализма как взыскание града Божьего на земле («Котлован», «Чевенгур»). Сложность определения авторской позиции. Представление о новой жизни как грядущем счастье в романе «Счастливая Москва».

М. Шолохов: осмысление революции и ее последствий в романе «Тихий Дон». Неоднозначность интерпретации революционного процесса. Восприятие револю-

ции и войны как нарушения естественной логики жизни. Отсутствие односторонних оценок революции и ее деятелей.

Тема 6. Представления о революции в творчестве *М. Горького*, художественной системе *соцреализма*. Личность и общество в литературе соцреализма. Мифология советской эпохи. Соцреализм как мифогенная система (по К. Кларк, Г. Гюнтеру). Мифы о «великой семье», «сталинских соколах», «едином пространстве Страны Советов».

Осмысление темы революции в поэзии XX в. А. Блок, А. Ахматова, В. Маяковский, М. Цветаева, О. Мандельштам, Б. Пастернак. Подробный анализ проблемы революции в творчестве *новокрестьянских поэтов*: от восторженного приятия революционного переворота до глубочайшего разочарования в революции и ее итогах. С. Есенин: от «маленьких поэм» к лирике 1920-х гг. А. Ганин: от лирики середины 1910-х гг. к поэме «Сарай». Неоднозначность ганинской трактовки революционных событий. Проблема взаимодействия в творчестве новокрестьянских поэтов революционной и религиозной идей. «Русская Атлантида» – творчество новокрестьянских поэтов и писателей 1910–1930-х гг. (Н. Клюев, А. Ганин, С. Есенин, С. Клычков и др.) и деревенская проза второй половины XX в. (В. Распутин, В. Астафьев, В. Белов и др.). Типологическая общность этих литературных явлений, идейные и эстетические параллели. Проблема революции и судьбы русской деревни в интерпретации поэтов и писателей новокрестьянского направления и представителей деревенской прозы.

Тема 7. Литературный быт и его специфика в XX в. Литературный быт Серебряного века. Поэтические объединения, кружки, литературные кафе. Группировки 1920-х гг., их противоречивое взаимодействие, литературные дискуссии. Проблема взаимоотношений литературы и власти в 1930-е гг. Встречи писателей с представителями власти на квартире у М. Горького. Характер изменений во взаимоотношениях литературы и власти на протяжении XX – начала XXI в. (от взаимно заинтересованных и напряженных в 1930–1950-е до декларации независимости от власти в 1970-е (напр., Вен. Ерофеев) и полного отсутствия интереса к литературе у власти на рубеже XX–XXI вв.; специфика отношения литературы к власти сегодня). Особенности литературной жизни эпохи Оттепели: Ленинградский и Московский самиздат, явление тамиздата. Литературный альманах «Метрополь». Журнальная полемика 1960-х («Новый мир» и «Октябрь») и 1970-х гг. («Новый мир» и «Наш современник»). Феномен литературных премий 1990-х гг. Новые формы бытования литературы на рубеже XX–XXI вв. (Интернет как среда, исключая издателя, цензуру, любые требования к художественному уровню текста и т. д.).

Система «писатель – издатель – читатель – критик» и динамика взаимоотношений внутри этой системы в XX в.

Тема 8. Характеристика литературной и культурной ситуации рубежа XX–XXI вв. в общем контексте литературного развития XX в. Постмодернизм как одно из ведущих направлений конца XX – начала XXI в. Характеристика постмодернистского мироощущения. Представление об истории развития постмодернизма в нашей стране. Предпосылки его формирования. Основные понятия постмодернистской эстетики: смерть Автора и рождение читателя; интертекстуальность; пастиш; скриптор; деконструкция; симулякр и пр. Явления XX в., типологически связанные с постмодернизмом и в определенной степени его подготовившие: «заумь» В. Хлебникова, абсурдизм и ОБЭРИУ, творчество Н. Аржака (повесть «Гово-

рит Москва»). «Москва-Петушки» В. Ерофеева, «Прогулки с Пушкиным» А. Терца и «Пушкинский дом» А. Битова как первые образцы русского постмодернизма. В. Сорокин и В. Пелевин как центральные фигуры русского постмодернизма. Роман Т. Толстой «Кысь» и его роль в истории русского постмодернизма.

Обновление параметров реалистической парадигмы на рубеже XX–XXI вв. Общая характеристика развития реализма как художественной системы в литературе XX в. От «старших» реалистов (И. Бунин, А. Куприн и др.) и неореализма (Б. Зайцев, И. Шмелев и др.) рубежа XIX–XX вв., реалистических литературных явлений середины века, социалистического реализма – к обновлению принципов реалистического художественного мышления в творчестве писателей рубежа XX–XXI вв. (З. Прилепин, Ю. Поляков и др.).

Представление о неомодернизме. Понятие, художественные принципы, основные представители (Е. Водолазкин, М. Голубков, А. Варламов и др.). Соотношение понятий «модернизм» и «неомодернизм». Причины актуальности и характер преломления модернистской эстетики на современном этапе литературного развития.

VI. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на частичное формирование следующих компетенций: знание основных этапов истории и закономерностей развития отечественной и зарубежной литературы; умение исследовать художественные тексты на основе теоретико-литературного и историко-литературного категориального анализа; проводить сопоставительный анализ литератур в контексте мировой литературы и общего развития литературного процесса; владение приемами филологической критики текста (текстологии), филологической герменевтики и филологического источниковедения, историко-литературных и биографических исследований (ПК-3).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен

Знать

общие принципы литературного развития XX – начала XXI в.;
ключевые имена и явления новейшей русской литературы;
особенности проблематики русской литературы различных периодов XX и начала XXI в.;
основные стилевые направления в русской литературе изучаемого периода.

Уметь

ориентироваться в течениях и направлениях современной русской литературы;
выявлять, анализировать и сопоставлять принципы художественного развития различных эпох русской литературной истории XX в.;
использовать полученные знания и навыки в процессе дальнейшего изучения новейшей русской литературы.

Владеть

методологическими основами исследования новейшей русской литературы;
навыками анализа литературных текстов XX – начала XXI в., в том числе произведений современной русской литературы;
основными терминами и понятиями, необходимыми при рассмотрении литературного процесса изучаемого периода.

VII. Используемые образовательные, научно-исследовательские и научно-производственные технологии

В процессе изучения курса предполагается обращение к интерактивным образовательным методам, а также использование интернет-ресурсов.

VIII. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

А) ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ¹

Ахматова А. Лирика. Поэма без героя. Реквием.

Бальмонт К. Лирика.

Белый А. Петербург.

Битов А. Пушкинский дом.

Блок А. Лирика. Поэма «Двенадцать». Статьи «Крушение гуманизма», «Интеллигенция и революция».

Богомолов В. Иван. Зося. В августе сорок четвертого.

Бродский И. Лирика.

Брюсов В. Огненный ангел.

Булгаков М. Белая гвардия. Собачье сердце. Роковые яйца.

Бунин И. Рассказы (по выбору). Митина любовь.

Варламов А. Рождение. Лох. Мысленный волк.

Водолазкин Е. Лавр. Авиатор.

Ганин А. Лирика. Поэма «Сарай».

Голубков М. Миусская площадь.

Горький М. Рассказы 1922–1924 гг.

Гумилев Н. Лирика.

Ерофеев В. Москва-Петушки.

Есенин С. Лирика. Маленькие поэмы.

Замятин Е. Мы.

Зощенко М. Рассказы. Голубая книга.

Крусанов П. Ночь внутри. Укус ангела.

Мандельштам О. Лирика.

Маяковский В. Лирика. Клоп. Баня.

Набоков В. Защита Лужина. Камера обскура. Лолита.

Некрасов В. В окопах Сталинграда.

Олеша Ю. Зависть.

Пастернак Б. Доктор Живаго.

Пелевин В. Омон Ра. Жизнь насекомых. Чапаев и Пустота.

¹ Студент выбирает ряд текстов из предложенного списка для подробного изучения и написания реферата по теме, согласованной с преподавателем.

Пильняк Б. Голый год.
Платонов А. Чевенгур. Котлован. Счастливая Москва.
Поляков Ю. Козленок в молоке.
Прилепин З. Санька. Обитель.
Распутин В. Дочь Ивана, мать Ивана. Рассказы 1990-х гг.
Соколов С. Школа для дураков.
Солженицын А. Двучастные рассказы 1990-х гг.
Сологуб Ф. Мелкий бес.
Сорокин В. Роман. День опричника. Сахарный Кремль. Метель.
Толстой А. Петр Первый. День Петра.
Толстая Т. Кысь. Рассказы. Легкие миры.
Фадеев А. Разгром.
Цветаева М. Лирика.
Шаламов В. Лирика. Колымские рассказы.
Шолохов М. Тихий Дон.

Б) УЧЕБНИКИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ И МОНОГРАФИИ¹

Голубков М.М. История русской литературной критики XX века. М., 2016.
Голубков М.М. Русская литература XX века: После раскола. М., 2001 (или др. изд.: 2002, 2016).
Зубарева Е.Ю. Проза русского зарубежья (1970–1980-е годы). М., 2000.
 История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.): Учебник для вузов / Под ред. А.П. Авраменко. М., 2011.
 История русской литературы конца XIX – начала XX века: учеб. пособие: В 2 т. / Под ред. В.А. Келдыша. М., 2007.
 История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс. М., 2006.
 История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена. Учебное пособие для филологических факультетов университетов / Отв. редактор С.И. Кормилов. М., 2008.
 История русской литературы. XX век: В 2 ч.: Учебник для студентов вузов / Под ред. В.В. Агеносова. М., 2007.
 История русской литературы Серебряного века (1890-е – начало 1920-х годов): В 3 ч.: Учебник для бакалавриата и магистратуры / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М., 2017.
Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000.
 Лексикон нонклассики: Художественно-эстетическая культура XX века / Под общ. ред. В.В. Бычкова. М., 2003.
Муценко Е., Скобелев В., Кройчик Л. Поэтика сказа. Воронеж, 1978.
Ничипоров И.Б. Поэзия темна, в словах не вырази́ма... : Творчество И.А. Бунина и модернизм. М., 2003.

¹ Список учебных пособий, монографий и статей, который приводится ниже, носит рекомендательный характер. К указанным источникам студенты могут обращаться по мере необходимости при изучении курса, подготовке к зачету и написании рефератов.

- Михайлова М.В.* Женская драматургия Серебряного века (Антология). М., 2009.
- Руднев В.* Словарь культуры XX века. М., 1997.
- Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М.: ИМЛИ РАН. Кн. 1. 2000; Кн. 2. 2001.
- Скорospelова Е.Б.* Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003.
- Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. М., 2002.
- Солнцева Н.М.* Крестьянский космос в русской литературе 1900–1930-х годов. М., 2013.

В) СТАТЬИ

- Архангельская А.В.* Время древнерусское и современное в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2013 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013». Севастополь, 2013.
- Бердяев Н.А.* Астральный роман (Размышления по поводу романа А. Белого «Петербург») // Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993.
- Гаспаров Б.М.* Временной контрапункт как формообразующий принцип в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. М., 1994.
- Голубков М.М.* Русский постмодернизм: начала и концы // Литературная учеба. 2003. № 6.
- Голубков М.М.* Мистический писатель. Москва и «московский текст» в модернистской эстетике М.А. Булгакова // Филологическая регионалистика. Научный и информационно-аналитический журнал. 2011. № 1.
- Голубков М.М.* Рубеж веков глазами современника. Опыт историко-литературного описания. Электронный ресурс. URL: <http://transformations.russian-literature.com/rubezh-vekov-glazami-sovremennika>
- Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб., 2000.
- Гюнтер Х.* Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
- Долгополов Л.К.* В поисках самого себя (к 100-летию со дня рождения Андрея Белого) // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1980. Т. 39. № 6.
- Драгомирецкая Н.В.* Стилиевые искания в ранней советской прозе // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Стил. Произведение. Литературное развитие. М., 1965.
- Есаулов И.* Литература как учебник жизни // Соцреалистический канон. СПб., 2000.
- Жирмунский В.М.* Поэзия Александра Блока // Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии. М., 2001.
- Жирмунский В.М.* Преодолевшие символизм // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
- Зорин А.* Пригородный поезд дальнего следования // Новый мир. 1989. № 5.
- Зыкова Г.В.* О некоторых эстетических основах русской авангардной поэзии: футуризм – формализм – концептуализм // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 5.
- Иванова Н.* Варлам Шаламов и Борис Пастернак: к истории одного стихотворения // Знамя. 2007. № 9.

Кихней Л.Г. Мотив святочного гадания на зеркале как семантический ключ к «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1996. № 2.

Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Соцреалистический канон. СПб., 2000.

Клинг О.А. Серебряный век – через сто лет («Диффузное» состояние в русской литературе начала XX в.) // Вопросы литературы. 2000. № 6.

Кожевникова Н.А. О типах повествования в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.

Колобаева Л.А. И. Бродский: работа с античным мифом // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. №2.

Кольцова Н.З. Роман Евгения Замятина «Мы» и «Петербургский текст» русской литературы // Вопросы литературы. 1999. № 4.

Корецкая И.В. Андрей Белый: «корни» и «крылья» // Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX – начала XX в. М., 1992.

Кормилов С.И. Москва в поэзии Владислава Ходасевича // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 6.

Кротова Д.В. Модели интерпретации проблемы времени в современном романе: «Лавр» Е. Водолазкина, «Миусская площадь» М. Голубкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2017. № 4.

Кротова Д.В. Тема памяти в лирике В. Шаламова // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2017. № 3.

Кротова Д.В. Принципы моделирования автобиографического мифа в творчестве П. Крусанова // Филология: научные исследования. 2017. № 3.

Крупчанов А.Л. Отражение цивилизационно-культурного противостояния и проблема гуманизма в романах «Каменные сны» А. Айлисли, «Эпоха мертворожденных» Г. Боброва и «Путешествие Ханумана на Лолланд» А. Иванова // Stephanos. 2016. № 3(17).

Левин Ю. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Левин Ю. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998.

Леденев А.В. «Мускулы музыки»: спортивные мотивы в творчестве Владимира Набокова // Литература. 2014. № 1(751).

Леденев А.В. Сенсорная реактивность как свойство поэтики Михаила Шишкина // Знаковые имена современной русской литературы. Михаил Шишкин: Коллективная монография / Под ред. Анны Скотницкой и Януша Свежего. Краков, 2017.

Лотман Ю. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин, 1990.

Максимов Д.Е. О мифопоэтическом начале в лирике Блока (Предварительные замечания): Блоковский сб. III // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 459. Тарту, 1979.

Максимов Д.Е. О романе-поэме Андрея Белого «Петербург». К вопросу о катарсисе // Максимов Д.Е. Русские поэты начала века. Л., 1986.

Михайлова М.В. «Бесы» Ф.М. Достоевского в художественном освоении и теоретическом осмыслении Г.И. Чулкова // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М., 2013.

Михайлова М.В. Неореализм без берегов? (К вопросу о времени возникновения течения) // Неореализм в русской литературе конца XIX — первой трети XX века / Сост. и отв. ред. А.В. Громова. М., 2011.

Монисова И.В., Кольцова Н.З. Театральность и язык тоталитарной культуры // Stephanos. 2015. № 5(13).

Нерезенко Н.А. Творчество С. Есенина в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1996. № 2.

Ничипоров И.Б. «Проза, выстраданная как документ»: колымский эпос В. Шаламова // Национальный «Космо-Психо-Логос» в художественном мире писателей XX века: материалы Международной заочной научн. конференции. Елец, 2013.

Ничипоров И.Б. Своеобразие художественного документализма в романе Б. Пильняка «Голый год» // Диалог культур: национальное и инациональное в литературе. Всероссийская с междунар. участием очно-заочн. науч.-практ. конф. (2013; Элиста): материалы / отв. ред. Р.М. Ханинова. Элиста, 2013.

Ничипоров И.Б. Языковые рефлексии в романе А. Платонова «Чевенгур» // Андрей Платонов в идеологических и художественных контекстах своего времени: межвуз. сборник науч. трудов. Воронеж, 2010.

Октябрьская О.С. Основные тенденции развития русской исторической прозы конца XX – начала XXI в. для детей, подростков и юношества // Детская литература и воспитание. Т. 9. Тверь, 2013.

Руденко М.С. Образ Великой Отечественной войны в публицистике 1941–1945 гг. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3.

Силард Л. Андрей Белый и Джеймс Джойс (К постановке вопроса) // Studia Slavica Hung. Budapest. 1979. Vol. XXV.

Силард Л. Орнаментальность / орнаментализм // Russian Literature. Amsterdam. 1986. Vol. XIX.

Солнцева Н.М. Мотивы и образы поэзии А. Ганина в контексте есенинского творчества // Сергей Есенин и его современники. М., 2015.

Солнцева Н.М. Теория и практика русского авангарда // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 5.

Спиваковский П.Е. Постмодернистский миф о Пушкине: версия Синявского // Новый мир. 2010. № 5.

Султанов К.К. Идентичность по Айтматову // Вопросы литературы. 2014. № 3.

Топоров В.Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

Умеров Ш.Г. К спорам о закате постмодернизма // Русский язык и литература в научной парадигме XXI века. Материалы международной научной конференции. 19–21 октября 2011 г. Ереван, 2011.

Умеров Ш.Г. Владимир Сорокин и новейшая социальная мифология («День опричника», «Сахарный Кремль») // Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме: IV Международная научно-практическая конференция. М., 2010.

Чагин А.И. Комочки на подошвах. Литература как духовная Родина в творчестве писателей-эмигрантов // Литературная классика в диалоге культур. Вып. 3. М., 2014.

Чандлер Р. Поэзия Варлама Шаламова (1907–1982). <http://shalamov.ru/research/250>

Чудакова М.О. Пастернак и Булгаков. Рождение двух литературных циклов // Литературное обозрение. 1991. № 5.

Г) ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

philol.msu.ru/~xxcentury
<http://evgenyvodolazkin.ru/>
<http://iosif-brodskiy.ru/>
<http://odnovremenno.com/>
<http://pelevin.nov.ru/>
<http://transformations.russian-literature.com/>
<http://www.b-pasternak.ru/>
<http://www.portal-slovo.ru/>
<http://www.solzhenitsyn.ru/>
<http://www.srkn.ru/>
<http://www.tsvetayeva.com/>
<http://www.velchel.ru/>
<http://yuripolyakov.ru/news/>
<http://zaharprilepin.ru/>
<https://gumilev.ru/>
<https://shalamov.ru/>

VIII. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины:

форма отчетности – зачет;

оценочными средствами текущего контроля являются проведение коллоквиумов и рефераты.

Общая трудоемкость 1 зачетная единица.

Примерные темы рефератов

1. Модернизм в художественной культуре первой половины XX в.
2. Неомифологические тенденции в творчестве М. Булгакова, Е. Замятина, Б. Пастернака.
3. Роман А. Белого «Петербург» как явление орнаментальной прозы.
4. Орнаментализм в прозе 1920-х гг.
5. Сказ в творчестве М. Зощенко.
6. Реальность и фантастика в прозе А. Грина.
7. Пейзажные образы и их функции в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго».
8. «Московский текст» в творчестве М. Булгакова.
9. Структурно-композиционные особенности романа Б. Пильняка «Голый год».
10. Тема счастья в творчестве А. Платонова.
11. Символизм: основные художественные принципы.
12. Особенности звукописи в поэзии К. Бальмонта.
13. Творческая эволюция А. Блока.
14. Специфика поэтики А. Ахматовой.
15. Тема города в ранней лирике В. Маяковского.

16. Взаимодействие элементов акмеистической и символистской поэтики в творчестве Н. Гумилева.

17. Размышления о революции в лирике С. Есенина и А. Ганина 1910–20-х гг.

18. Поэма А. Ганина «Сарай»: версии трактовки.

19. Проблемы времени и памяти в лирике В. Шаламова.

20. Журнальная полемика 1960-х и 1970-х гг.

21. Прием деконструкции стиля в «Романе» В. Сорокина.

22. Диалог с модернистской традицией в романах В. Пелевина 1990-х гг.

23. «Миусская площадь» М. Голубкова как неомодернистский роман.

24. Нравственная проблематика в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор».

25. Тема революции в романе А. Варламова «Мысленный волк».

Примерные вопросы к зачету

1. XX в. в истории русской литературы. Хронологические рамки эпохи, периодизация, особенности литературного развития.

2. Модернизм как литературное явление: основные принципы и представители.

3. Неомифологизм как принцип модернистского мышления.

4. Новые формы художественной образности в модернистской прозе.

5. Сказ как вид художественного повествования.

6. Сказ в творчестве М. Зощенко.

7. Орнаментализм как явление модернистской прозы.

8. Орнаментальные тенденции в творчестве Б. Пильняка и Б. Пастернака.

9. Символизм: хронологические рамки, художественные принципы, основные представители.

10. Постсимволистские литературные явления. Особенности их взаимодействия с символистской поэтикой.

11. Акмеизм и его ключевые художественные установки.

12. Основные положения творческой программы футуристов.

13. Осмысление революции в творчестве А. Блока и М. Булгакова.

14. Литературные группировки 1920-х гг.

15. Коммунистическая утопия в романах А. Платонова.

16. Социалистический реализм как феномен литературного развития XX в.

17. Концепция личности в соцреалистическом романе.

18. Осмысление идеи революции в творчестве С. Есенина и А. Ганина 1910–1920-х гг.

19. Специфика литературной жизни 1960–1970-х гг.

20. Самиздат и тамиздат: предпосылки формирования, этапы бытования.

21. Постмодернизм как литературное явление. Этапы развития русского постмодернизма.

22. Формирование принципов постмодернистского мышления в творчестве В. Ерофеева, А. Битова, А. Синявского.

23. Творчество В. Сорокина и В. Пелевина как вершинные явления русского постмодернизма.

24. Постмодернистская деконструкция: понятие, аспекты реализации в художественных текстах, примеры.

25. Неомодернизм: понятие, основные художественные принципы, представители.

26. Неомодернистские тенденции в прозе Е. Водолазкина, М. Голубкова, А. Варламова.

27. Реалистическая традиция в русской литературе конца XX – начала XXI в.
(З. Прилепин, Ю. Поляков).

XII. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает:

- доступность указанной литературы;
- доступ к интернет-ресурсам.

Разработчик программы:

Дарья Владимировна Кротова,
канд. филол. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Daria V. Krotova,
PhD
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
da-kro@yandex.ru

**Программа учебной дисциплины
«Современная русская литература:
основные тенденции и закономерности развития»
для направления «Филология».
Квалификация (степень) «магистр»**

**The Program of the Academic Discipline
«Modern Russian Literature:
The Main Trends and Patterns of Development»
for the Direction «Philology».
Qualification (degree) «master»**

I. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «Современная русская литература: основные тенденции и закономерности развития» являются:

изучение ключевых закономерностей литературного процесса на современном этапе;

знакомство с важнейшими именами и явлениями современной литературы;

осознание общего характера литературного развития на рубеже XX–XXI вв. и перспектив литературного процесса XXI в.

освоение важнейших концепций, касающихся интерпретации современного литературного процесса в целом и творчества тех или иных авторов, в частности.

II. Место дисциплины в структуре ООП

Тип образовательного стандарта и вид учебного плана – ММ;
направление подготовки (в соответствии с образовательным стандартом) «Филология»;

наименование учебного плана «Русская филология»;

профиль подготовки «Русская филология»;

вариативная часть, общепрофессиональный блок, актуальные проблемы специализированной области филологии.

Курс «Современная русская литература: основные тенденции и закономерности развития» рассчитан на один семестр. Курс является обязательным в программе подготовки магистров-литературоведов первого года обучения. Курс построен с учетом знаний, умений и навыков, приобретенных студентами в рамках обучения в бакалавриате. Успешное усвоение курса должно быть основано на опыте изучения студентами историко-литературных курсов программы бакалавриата, охватывающих историю русской литературы XX в/, а также период современного литературного развития. Программа магистерского курса предполагает также обязательное знакомство с курсами по истории зарубежной литературы, а также теоретико-литературными курсами бакалавриата.

Общая трудоемкость 2 зачетных единицы (72 часа). Формы отчетности – экзамен.

III. Формы проведения

Лекции – 36 часов.

Самостоятельная работа – 36 часов.

В качестве основного средства текущего контроля – проверка результатов самостоятельной работы как в письменной, так и в устной форме.

IV. Распределение трудоемкости по разделам и темам, а также формам проведения занятий с указанием форм текущего контроля и промежуточной аттестации

№ п.п.	Раздел дисциплины	семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)			Форма контроля
				лекции	С.р.с.	семинары	
1.	Современная русская литература: понятие, хронологические рамки, внутренние направления и аспекты изучения.	1	1	2			
2.	Постмодернизм как эстетическая система.	1	2	2	2		
3.	Первый этап русского постмодернизма (В. Ерофеев, А. Синявский, А. Терц).	1	3	2	2		
4.	Творчество В. Сорокина как воплощение принципов постмодернистской эстетики.	1	4	2	2		
5.	Проза В. Пелевина в контексте эстетической системы постмодернизма.	1	5	2	2		
6.	Формирование и разрушение постмодернистского канона в творчестве Т. Толстой.	1	6	2	2		
7.	П. Крусанов: от модернизма к постмодернизму.	1	7	2	2		
8.	Поэзия в современном литературном процессе. От концептуализма (Д. Пригов, Л. Рубинштейн, Т. Кибиров) к поэтической версии неомодернизма (О. Седакова).	1	8	2	2		
9.	Продолжение и развитие реалистической традиции в новейшей русской литературе (поздний этап творчества А. Солженицына, В. Астафьева, В. Распутина, В. Маканина и др.)	1	9	2	2		
10.	Социальные аспекты проблематики в творчестве современных писателей-реалистов (З. Прилепин, Р. Сенчин).		10	2	2		
11.	Литературные типы рубежа XX–XXI веков в творчестве М. Кучерской, В. Левентала, А. Иванова, П. Санаева.		11	2	2		
12.	«Типичный герой в типичных обстоятельствах» (важнейшие аспекты социально-исторической проблематики) в прозе Ю. Полякова, Е. Гришковца, Б. Евсеева.		12	2	2		
13.	Понятие о неомодернизме. «Миусская площадь» М. Голубкова как неомодернистский роман.	1	13	2	2		
14.	Воплощение принципов неомодернистского мышления в творчестве Е. Водолазкина.	1	14	2	2		
15.	Реалистическая и модернистская парадигмы в творчестве А. Варламова.	1	15	2	2		

16.	Версия взаимодействия модернизма и реализма в творчестве Л. Улицкой («Казус Кукоцкого», «Искренне ваш Шурик»).	1	16	2	2		
17.	Сюрреалистические тенденции в творчестве Ю. Мамлеева, А. Кима, Л. Петрушевской, Д. Липскерова.	1	17	2	2		
18.	Основные тенденции развития современной драматургии (В. Сорокин, братья Пресняковы, Л. Петрушевская, Д. Быков, Е. Гришковец, Н. Садур и др.).	1	18	2	2		
		1			2		экзамен

Аннотация. В рамках курса раскрываются основные закономерности современного литературного процесса, рассматриваются ключевые явления новейшей русской литературы. Курс предполагает подробное изучение таких направлений современной литературы, как постмодернистское, неомодернистское и связанное с продолжением и обновлением реалистических традиций. Изучается творчество наиболее значимых авторов, репрезентирующих каждое из названных направлений. Особое внимание уделяется тенденциям развития современной поэзии и драматургии.

V. Содержание дисциплины

Тема 1. Понятие современной русской литературы. Представление о хронологических рамках данного этапа. Рубеж 1980–1990-х как начало современного литературного периода. «Нелинейность» литературного процесса: наличие литературных тенденций прошлых периодов на современном этапе; новейшие тенденции, маргинальные в прошлые десятилетия и ставшие магистральными в современной литературе. Основные закономерности и отличительные особенности литературного развития (утрата литературоцентризма, новое понимание функций литературы и роли писателя, изменения в системе «писатель–читатель–издатель–критик», новые формы литературной жизни). Направления и тенденции в современной литературе.

Тема 2. Представление о постмодернизме как эстетической системе. Философские истоки постмодернизма. Основные понятия постмодернистской эстетики. Причины и предпосылки появления постмодернизма в отечественной культуре. Судьбы постмодернистской тенденции в отечественной литературе.

Тема 3. Первые постмодернистские тексты в отечественной культуре. Соотношение литературной традиции и постмодернистских элементов в поэме «Москва-Петушки» В. Ерофеева, романе «Пушкинский дом» А. Битова, «Прогулках с Пушкиным» А. Терца. Реализация принципов постмодернистской деконструкции, интертекстуальности, пастиша и пр. в указанных текстах. Формирование принципов постмодернистской эстетики в творчестве И. Бродского, С. Соколова.

Тема 4. Творчество В. Сорокина как наиболее полное и целостное воплощение принципов постмодернистской эстетики. Последовательная реализация принципа постмодернистской деконструкции в творчестве Сорокина 1980–1990-х («Норма», «Тридцатая любовь Марины», «Очередь» и др.), 2000-х («Ледяная трилогия», «День опричника», «Сахарный Кремль»), 2010-х гг. («Теллурия», «Манарага»). Уровни деконструкции на разных этапах творчества Сорокина. Модернистские элементы в прозе Сорокина 2000-х гг. («Метель»).

Тема 5. Реализация постмодернистских эстетических установок в прозе В. Пелевина. Деконструкция советских штампов в раннем творчестве В. Пелевина («Омон Ра»), выражение постмодернистского принципа тотального релятивизма («Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота»), постмодернистская ирония в отражении современной действительности («Generation П», «Числа», «Священная книга оборотня», романы 2000-х и 2010-х гг.). Категория пустоты как центральная для Пелевина. Специфика преломления восточных религиозных (буддизм) и философских традиций в мышлении Пелевина. Связь с модернистскими традициями и переосмысление модернистской эстетики.

Тема 6. Совмещение в творчестве Т. Толстой элементов различных эстетических систем: постмодернистской, модернистской, реалистической. Анализ взаимодействия указанных элементов в рассказах сборников «Двое», «Изюм», «День», «Ночь» и др. Роман «Кысь» как этап в развитии отечественного постмодернизма. Эволюция творчества Т. Толстой в 2010-е гг. («Легкие миры»).

Тема 7. Эволюция творчества П. Крусанова от модернистских принципов к постмодернистским. Первый этап творчества Крусанова – 1980–1990-е гг.: переосмысление идейных и стилевых установок модернизма («Ночь внутри», в редакции 1990 г. «Где венку не лечь», рассказы). Связь с принципами прозы Б. Пильняка, М. Горького 1920-х гг., Б. Пастернака. Второй этап творчества – с 2000-х гг.: воплощение принципов постмодернистской эстетики («Укус ангела», «Бом-бом, или Искусство бросать жребий» и др.).

Тема 8. Истоки формирования концептуализма. Соотношение понятий «концептуализм», «соц-арт» и «постмодернизм». Автор и лирический герой в поэзии Д. Пригова. Творчество Пригова как продолжение сатирической традиции русской литературы. Место Т. Кибирова и Л. Рубинштейна в современном литературном процессе. Творчество О. Седаковой как явление поэтического неоавангарда.

Тема 9. Продолжение и обновление традиций реализма в русской прозе рубежа XX–XXI вв. Поздняя проза А. Солженицына. Проблема совести и этического выбора в «двучастных рассказах». Обновление идейно-стилевого облика деревенской прозы в творчестве В. Астафьева, В. Распутина, Б. Екимова, Р. Сенчина. Новые элементы в противопоставлении мира деревни и города. Продолжение традиций «городской прозы» в позднем творчестве В. Маканина («Андеграунд, или Герой нашего времени»). Проблематика романа «Асан». Элементы постмодернистского мышления в позднем творчестве Маканина.

Тема 10. Продолжение реалистических традиций в прозе З. Прилепина. Изучение феномена революционного сознания и исследование социальных проблем 1990–2000-х гг. в романе «Санька». Тема истории и современности в романе «Обитель». Творческий диалог с В. Распутиным в прозе Р. Сенчина.

Тема 11. Новые литературные типы современности в творчестве М. Кучерской, В. Левенталю, А. Иванова, П. Санаева. Вариативность литературных типов и ситуаций в реалистической прозе второго десятилетия XXI в. Варианты женской судьбы в романах М. Кучерской «Тетя Мотя» и В. Левенталю «Маша Регина». Трагическое и комическое в прозе А. Иванова и П. Санаева.

Тема 12. Реалистическая парадигма в творчестве Ю. Полякова. Современные социальные типажи в романах «Гипсовый трубач», «Любовь в эпоху перемен». Сатирическое изображение писательского и журналистского миров в романах «Козленок в молоке» и «Любовь в эпоху перемен». Продолжение сатирических

традиций русской классической литературы. Критика постмодернистских эстетических принципов в романе «Козленок в молоке». Редукция аксиологических принципов современного человека («Асфальт» Е. Гришкова, «Отреченные гимны», «Власть собачья» Б. Евсеева).

Тема 13. Представление о неомодернизме как течении в современной литературе. Основные представители (Е. Водолазкин, М. Голубков, А. Варламов, М. Шишкин, П. Крусанов на раннем этапе творчества и др.). Преемственность по отношению к модернистской эстетике. Воплощение основных принципов модернистского мышления. Проблематика, круг основных тем и принципы их интерпретации. Причины значимости неомодернистского направления в современном литературном процессе. Реализация принципов неомодернистского мышления в творчестве М. Голубкова («Миусская площадь»).

Тема 14. Е. Водолазкин как представитель неомодернизма. Отражение неомодернистской эстетики в романах «Соловьев и Ларионов», «Лавр», «Авиатор», повести «Близкие друзья», рассказе «Совсем другое время». Нравственная проблематика как центральная в художественном сознании Водолазкина. Осмысление проблемы времени. Преломление элементов модернистской писательской техники в прозе Водолазкина.

Тема 15. Сочетание реалистических и модернистских элементов в творчестве А. Варламова. Повесть «Рождение» как репрезентация в творчестве Варламова подобного синтеза. Взаимодействие названных элементов в романе «Лох», повести «Затонувший ковчег». «Мысленный волк» как неомодернистский текст. Символика заглавия романа. Трактовка революционного процесса. Роман как «личная попытка высказаться о Серебряном веке» (А. Варламов).

Тема 16. Рецепция художественных принципов модернистской эстетики в реалистической прозе Л. Улицкой. Конкретно-исторический и онтологический аспекты проблематики в романах «Казус Кукоцкого» и «Искренне ваш Шурик». Гендерные аспекты творчества Улицкой.

Тема 17. Сюрреалистические тенденции в творчестве Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, А. Кима, В. Маканина («Сюр в пролетарском районе»), Д. Липскерова («Последний сон разума»). Эволюция творчества Ю. Мамлеева от образа Руси окаянной (роман «Шатуны») к образу России вечной. Мотивы преодоления пространства и времени в сюрреалистической прозе А. Кима. Моральная проблематика сюрреалистической прозы Д. Липскерова («Последний сон разума»).

Тема 18. Взаимодействие реалистических (Ю. Поляков) и нереалистических (В. Сорокин, Д. Быков, братья Пресняковы, Н. Садур) тенденций в современной драматургии. Явление монодрамы (Е. Гришковец). Классические и новые формы театральной жизни на рубеже XX–XXI вв. Взаимодействие театра и кино в современной культуре.

VI. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

– профессиональное знание истории русской литературы конца XX – начала XXI в., понимание взаимосвязей между литературным процессом и общественно-политической ситуацией;

- способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения (СК-2).

Курс также частично формирует компетенции:

- способность к самостоятельному обучению и разработке новых методов исследования, к изменению научного и научно-производственного профиля деятельности; к инновационной научно-образовательной деятельности (СК-3);

- владение методологией научных исследований в профессиональной области (ОНК-5);

- знание основных этапов истории и закономерностей развития отечественной литературы; умение исследовать художественные тексты на основе теоретико-литературного и историко-литературного категориального анализа; владение приемами филологической критики текста (текстологии), филологической герменевтики и филологического источниковедения, историко-литературных и биографических исследований (ОПК-3);

- умение применять в профессиональной деятельности методы комментирования, интерпретации и анализа художественных текстов (СПК).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен

Знать

- основные направления развития современной русской литературы;
- ключевые явления современного литературного процесса;
- творчество авторов, наиболее ярко репрезентирующих период новейшей русской литературы;
- наиболее авторитетные научные концепции, интерпретирующие литературный процесс рубежа XX–XXI вв.

Уметь

- анализировать закономерности современного литературного процесса;
- использовать соответствующий методологический аппарат при рассмотрении тенденций современной литературы и творчества отдельных авторов;
- оперировать полученными знаниями и навыками в процессе дальнейшей самостоятельной работы по изучению современного литературного процесса.

Владеть

- аналитическим и терминологическим аппаратом, соответствующим поставленным задачам в изучении современной литературы;
- навыками самостоятельного анализа текстов современных писателей и методологией, освоенной в процессе изучения курса.

VII. Используемые образовательные, научно-исследовательские и научно-производственные технологии

В рамках курса предполагается обращение к интерактивным образовательным технологиям. Материалы отдельных лекций представлены в качестве электронных презентаций.

VIII. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины:

форма отчетности – экзамен;

оценочными средствами текущего контроля являются проведение коллоквиумов и рефераты.

Общая трудоемкость 2 зачетных единицы.

Примерные темы рефератов

1. Основные принципы постмодернистской эстетики.
2. Этапы развития отечественного постмодернизма.
3. Переосмысление архетипа «лишнего человека» в поэме В. Ерофеева «Москва-Петушки».
4. «Петербургский текст» в романе А. Битова «Пушкинский дом».
5. Отражение постмодернистских принципов в творчестве В. Сорокина 1990–2000-х гг.
6. В. Сорокин и В. Пелевин: «версии» постмодернизма.
7. Принцип постмодернистской деконструкции в раннем творчестве В. Пелевина.
8. Диалог с традициями Серебряного века в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота».
9. Взаимодействие постмодернистской, модернистской и реалистической парадигм в творчестве Т. Толстой.
10. Разрушение постмодернистского канона в романе Т. Толстой «Кысь».
11. Концептуализм и соц-арт в отечественной культуре.
12. Неомодернизм как тенденция современного литературного процесса.
13. Осмысление отечественной истории XX в. в романе М. Голубкова «Миусская площадь».
14. Трактровка революции в романе А. Варламова «Мысленный волк».
15. Концепции времени в современной прозе («Миусская площадь» М. Голубкова, «Лавр» и «Авиатор» Е. Водолазкина, «Ночь внутри» П. Крусанова).
16. Проблема социального зла в современной русской литературе.
17. Модернистские традиции в творчестве П. Крусанова.
18. Нравственная проблематика двучастных рассказов А. Солженицына 1990-х гг.
19. Социальные проблемы современности в романе З. Прилепина «Санька».
20. Критика постмодернистского канона в романе Ю. Полякова «Козленок в молоке».
21. Социальная сатира в творчестве Ю. Полякова.
22. Тема деревни в современной русской прозе.

Примерные вопросы к экзамену

1. Современная русская литература: понятие, хронологические рамки, социокультурные обстоятельства, основные направления и их представители.
2. Постмодернизм как эстетическая система. Философские основания, истоки, основные художественные принципы.
3. Начало отечественного постмодернизма. Роль В. Ерофеева, А. Синявского, А. Битова в становлении постмодернизма в России.
4. Деконструкция мифа о Пушкине в отечественной постмодернистской литературе.

5. Принцип постмодернистской деконструкции в творчестве В. Сорокина 1980–1990-х гг.
6. Симулякр как категория постмодернистской эстетики. Симулякр в произведениях В. Сорокина, Т. Толстой, П. Крусанова.
7. Эволюция творчества В. Сорокина.
8. Роман В. Пелевина «Омон Ра»: постмодернистская деконструкция и онтологический план содержания.
9. Традиции модернизма в художественной системе В. Пелевина.
10. Основные категории постмодернистского мышления и их реализация в русской литературе конца XX – начала XXI в.
11. Концептуализм: хронологические рамки, творческие установки, основные представители.
12. Реализация постмодернистских принципов в творчестве В. Пелевина
13. Рассказы Т. Толстой: проблематика, основные темы и мотивы, стилистические особенности.
14. Роман Т. Толстой «Кысь» и его роль в истории отечественного постмодернизма.
15. Художественная система Д. Пригова.
16. Категория пустоты в философско-эстетической системе В. Пелевина.
17. Проблематика творчества Т. Толстой. Роль постмодернистских принципов в ее художественной системе.
18. Эволюция творчества П. Крусанова: от модернизма к постмодернизму.
19. Образ Незримой Империи в романе П. Крусанова «Укус ангела».
20. Реалистическая традиция в русской литературе рубежа XX–XXI вв.
21. Творчество В. Маканина 1990–2010-х гг. Проблематика романа «Асан».
22. Новые литературные типы современности в творчестве М. Кучерской, В. Левенталя, А. Иванова, П. Санаева.
23. Проблематика позднего творчества А. Солженицына. Двучастные рассказы.
24. Неомодернизм: понятие, художественные принципы, представители.
25. Неомодернистские эстетические принципы в романе М. Голубкова «Миусская площадь».
26. Проблема времени в современной русской литературе. Нелинейные формы времени в романах «Миусская площадь» М. Голубкова, «Лавр» Е. Водолазкина, «Ночь внутри» и «Укус ангела» П. Крусанова.
27. Социальная проблематика в творчестве З. Прилепина («Санька», «Обитель»).
28. Роман Е. Водолазкина «Лавр»: проблематика и особенности стиля.
29. Тема деревни в русской литературе рубежа XX–XXI вв. (творчество В. Распутина, В. Астафьева 1990–2000-х гг., «Зона затопления» Р. Сенчина, «Дом в деревне» А. Варламова).
30. А. Варламов как неомодернист.
31. «Авиатор» Е. Водолазкина: аксиологические доминанты, стилистика, структурно-композиционные особенности.

32. Роман А. Варламова «Мысленный волк» и его образно-символическая система.
33. Проблема национальной судьбы в романах З. Прилепина.
34. «Миусская площадь» М. Голубкова как роман о русской истории XX в.
35. «Петербургский фундаментализм». Роман П. Крусанова «Укус ангела».
36. Продолжение реалистической традиции в современной литературе. Позднее творчество В. Маканина, Б. Екимова, Р. Сенчина и др.
37. Проблематика творчества А. Солженицына и В. Распутина рубежа веков.
38. Преломление модернистской литературной традиции в творчестве П. Крусанова 1980–1990-х гг.
39. Сюрреалистические тенденции в творчестве Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, А. Кима, Д. Липскерова.
40. Творчество Л. Улицкой 1990–2000-х гг. «Казус Кукоцкого», «Искренне ваш Шурик» (по выбору).
41. Социальная проблематика в прозе Ю. Полякова 1990–2000-х гг. («Любовь в эпоху перемен», «Гипсовый трубач»).
42. Неомифологические тенденции в творчестве А. Кима 1990–2000-х гг.
43. Критика постмодернистского канона в романе Ю. Полякова «Козленок в молоке».
44. Обновление реалистической парадигмы в творчестве Е. Гришковца («Асфальт»), Б. Евсеева («Отреченные гимны», «Власть собачья»).
45. Реалистические и нереалистические тенденции в современной драматургии.
46. Неоавангард как тенденция в современной поэзии (творчество О. Седаковой).

IX. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

А) ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века. М.: Юрайт, 2016.
2. Давыдова Т.Т., Сушилина И.К. Современный литературный процесс в России: Учеб. пособие. М., 2007.
3. История русской литературы XX – начала XXI века: В 3 ч. Ч. 3: 1991–2010-е годы: Учебник для вузов. М.: ВЛАДОС, 2014.
4. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта, Наука, 2007.
5. Агеносов В.В., Колядич Т.М., Трубина Л.А. Русская проза конца XX века. М.: Академия, 2005.
6. Тимина С.И., Васильев В.Е., Воронина О.Ю. и др. Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.): Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филол. факультет СПбГУ; М.: издательский центр «Академия», 2005.
7. Черняк М.А. Отечественная проза XXI века: Предварительные итоги первого десятилетия: Учеб. пособие. СПб.; М.: САГА, Форум, 2009.

Б) ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Агеносов В., Анкудинов К. Современные русские поэты: Справочник. М.: Мегатрон, 1997.
2. Борода Е. Петербургский фундаментализм. Незримая империя Павла Крусанова // Вопросы литературы. 2009. № 4.
3. Васильев И.Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
4. Голубков М.М. Александр Солженицын М.: Издательство МГУ, 1999. (Серия «Перечитывая классику»)
5. Голубков М.М. К вопросу об онтологической пустоте: роман Юрия Полякова «Грибной царь» как роман о современности // Испытание реализмом: Материалы научно-теоретической конференции «Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство» (К 60-летию писателя). М.: У Никитских ворот, 2015.
6. Голубков М.М. Преодоление иллюзий, или Как нас обманывает история (размышление о романе Ю. Полякова «Любовь в эпоху перемен») // Филологическая регионалистика. Научный и информационно-аналитический журнал. 2016. № 3.
7. Голубков М.М. Русский постмодернизм: начала и концы // Литературная учеба. 2003. № 6.
8. Голубков М.М. Сатира Юрия Полякова // Север. 2016. № 1–2.
9. Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: Интрада, 2001.
10. Мескин В.А. История русской литературы XX–XXI веков. М.: Юрайт, 2016.
11. Коваленко А.Г. Литература и постмодернизм: Учеб. пособие. М.: Издательство РУДН, 2004.
12. Кольцова Н.З., Логачева Т.Е. Виктор Пелевин: между метафорой и аллегорией, или Маска Булгакова и ее последующее полное разоблачение // Проблемы неклассической прозы. М., 2016. № 2.
13. Колядич Т.М. От Аксенова до Глуховского. Русский эксперимент. М.: Олимп, 2010.
14. Кротова Д.В. Взаимодействие региональных дискурсов в рассказе П.Крусанова «Одна танцую» // Филологическая регионалистика. 2016. № 3.
15. Кротова Д.В. Искусство и творчество как предмет художественного осмысления в романе Ю.М. Полякова «Гипсовый трубач» // Испытание реализмом: Материалы научно-теоретической конференции «Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство» (К 60-летию писателя). М.: У Никитских ворот, 2015.
16. Кротова Д.В. Мир провинции в художественном пространстве романов «Ночь внутри» П. Крусанова и «Голый год» Б. Пильняка // Жизнь провинции: история и современность: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции, 11–12 нояб. 2016 г. Н. Новгород Книги, 2017.
17. Кротова Д.В. Модели интерпретации проблемы времени в современном романе: «Лавр» Е.Водолазкина, «Миусская площадь» М. Голубкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2017. № 4.
18. Кротова Д.В. Принципы моделирования автобиографического мифа в творчестве П.Крусанова // Филология: научные исследования. 2017. № 3.
19. Кротова Д.В. Творчество В.Пелевина и традиции модернизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №3(69): В 3 ч. Ч. 3.

20. *Крупчанов А.Л.* Отражение цивилизационно-культурного противостояния и проблема гуманизма в романах «Каменные сны» А. Айлисли, «Эпоха мертворожденных» Г. Боброва и «Путешествие Ханумана на Лолланд» А. Иванова // *Stephanos*. № 3(17). 2016.
21. *Леденев А.В.* Сенсорная реактивность как свойство поэтики Михаила Шишкина // *Знаковые имена современной русской литературы*. Михаил Шишкин: Коллективная монография / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Краков, 2017.
22. *Бычков В.* Лексикон неклассики: Худож.-эстетическая культура XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
23. *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя. 2000.
24. *Межиева М.В., Конрадова Н.А.* Окно в мир: современная русская литература. М.: Русский язык, 2006.
25. *Мескин В.А.* «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. № 1.
26. *Нефагина Г.Л.* Русская проза конца XX века: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2005.
27. *Ничипоров И.Б.* Художественное время в романе Павла Крусанова «Ночь внутри» // *Традиции русской классики XX века и современность: Материалы международной научн. конф.* М.: Издательство МГУ, 2002.
28. *Ничипоров И.Б.* Эхо революционного взрыва в русской литературе начала XXI века: роман З. Прилепина «Санька» // *Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXII междунар. науч. конф.* / Отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб.: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017.
29. *Ничипоров И.Б.* Личность и история в романе Л.Улицкой «Лестница Якова» // *Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXI междунар. науч. конф.* / Под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб.: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016.
30. *Ничипоров И.Б.* Из истории русской поэзии конца XX века: поэты-иронисты // *Пушкинские чтения – 2011. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст: материалы XVI междунар. науч. конф.* / Под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб.: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011.
31. *Октябрьская О.С.* Основные тенденции развития русской исторической прозы конца XX – начала XXI в. для детей, подростков и юношества // *Детская литература и воспитание*. Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2013. № 9.
32. *Ролл С.* (сост.) Постмодернисты о посткультуре: Интервью с современными писателями и критиками. М.: ЛИА Р. Элинина, 1998.
33. *Руднев В.* Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2001.
34. *Спиваковский П.Е.* Постмодернистский миф о Пушкине: версия Синявского // *Новый мир*. 2010. № 5.
35. *Спиваковский П.Е.* Постмодернизм и современные идеалы // *Академические традиции*. 2006. № 10.
36. *Торосян А.С.* Мифопоэтическое пространство в романе П. Крусанова «Ночь внутри» // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2015. № 4.
37. *Умеров Ш.Г.* Фигура технократа в романах А. Солженицына, В. Гроссмана, А. Бека, В. Пелевина: интерпретация социально-психологического типа // *Научный Татарстан: Гуманитарные науки*. 2015. № 1.

38. Умеров Ш.Г. Пространство и время: жанр путешествия в современной русской литературе // История и современность: Научно-теоретический журнал Института социологии РАН. 2011. № 2.

39. Умеров Ш.Г. К спорам о закате постмодернизма // Русский язык и литература в научной парадигме XXI века: Материалы международной научной конференции, 19–21 октября 2011 г. Ереван: Издательство ЕГУ, 2011.

40. Умеров Ш.Г. Владимир Сорокин и новейшая социальная мифология («День опричника», «Сахарный Кремль») // Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме: IV Международная научно-практическая конференция. М., 2010.

41. Усовская Э.А. Постмодернизм: Учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2006.

В) ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

<http://www.srkn.ru/>

<http://pelevin.nov.ru/>

<http://kibirov.poet-premium.ru/>

<http://www.solzhenitsyn.ru/>

<http://www.solzhenicyn.ru/>

<http://yuripolyakov.ru/news/>

<http://olgasedakova.com/>

<http://zaharprilepin.ru/>

<http://evgenyvodolazkin.ru/>

<http://odnovremenno.com/>

<http://transformations.russian-literature.com/>

Х. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает:

- доступность указанной литературы;
- доступ к интернет-ресурсам.

Разработчик программы:

Дарья Владимировна Кротова,
канд. филол. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Daria V. Krotova,
Lecturer
PhD
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
da-kro@yandex.ru

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

А.Л. Крупчанов (Москва, Россия)

Владимир Маканин¹

A.L. Krupchanov (Moscow, Russia)

Vladimir Makanin

Умер Владимир Семенович Маканин. Один из наиболее значительных писателей современности, человек глубокого ума и обостренной совести, художник-исследователь позднесоветской и постсоветской действительности. Его книги становились событием в культурной и общественной жизни, вызывали серьезную полемику, но не оставляли читателя равнодушным. По меткому замечанию критика Л. Аннинского, произведения В. Маканина можно было смело помещать в рубрику «Два мнения», а сам писатель в шутку называл себя «чемпионом по отрицательным рецензиям». Меньше всего он стремился соответствовать идеологическим мнениям или вкусам – он хотел быть самим собой. Несколько раз в жизни ему пришлось принимать бесповоротные решения и начинать все с чистого листа. Так было, когда он, математик по образованию и сотрудник НИИ, принял решение поступить во ВГИК. Так было, когда он отказался от работы сценариста и перешел к литературе. Так было, когда ему фактически пришлось после страшной аварии сначала заново научиться ходить и лишь потом восстанавливать литературные навыки.

Не изменили его ни оценки критиков, ни публикации без его ведома в «тамиздате», ни разгромная статья «Реляция с поля боя» в газете «Правда», ни похвалы зарубежных изданий, авторы которых хотели видеть в В. Маканине «борца против системы».

¹ В материале использовано фото, размещенное на сайте <https://www.ural56.ru>

Он давно и бесповоротно принял решение никогда не смешивать два совершенно разных процесса – создание художественного произведения и его «потребление». Да, он так и говорил: потребление. Потребители никак не должны были влиять на писателя. Никак и никто. Даже читатели, хотя именно для них и пишется книга.

Для того чтобы объяснить разницу между писательским и читательским восприятием литературной работы, В. Маканин использовал сравнение творческого роста с ростом красивого цветущего дерева. Успехом у читателя прежде всего пользуются произведения отделанные, доведенные мастером до совершенства. Такие книги представляют собой красивые веточки с яркими цветами на стволе творческого древа. Они обычно завершают собой какой-либо творческий этап: в них всё на своих местах, всё пропорционально, всё доведено до наивысшей степени, как было, например, с повестью «Где сходилась небо с холмами». Впоследствии читатель ожидает от автора чего-то подобного, а для писателя становится очевидно, что продолжать в том же ключе, не повторяясь, невозможно – необходим поиск и выход на новый уровень. В творчестве, по мысли В. Маканина, важен прежде всего рост ствола, с его скелетными ветвями, ибо «стволовые» книги открывают собой новый этап, далеко не всегда понимаемый и принимаемый критикой и читателями. Стволовыми были «Прямая линия», «Голоса...», «Лаз», «Андеграунд, или Герой нашего времени», «Асан». Каждая книга стала событием в литературе, а большинство – предметом полемики. Критики причислили В. Маканина к представителям направления, получившего название «жестокая проза», на том основании, что автор не сочувствовал своим героям. Действительно, у писателя не было «любимых» героев. Он выступал как художник-исследователь, не стремясь оправдать и не осуждая. Герой В. Маканина в критике был назван «серединным». Но что такое «серединный» человек в России? Вряд ли писателя действительно интересовал персонаж, представлявший «средние» слои общества или обладавший усредненным набором личностных качеств. Такие герои были чаще всего второстепенными или эпизодическими. В. Маканина куда больше интересовали типажи. Это мог быть неплательщик алиментов («Человек убегающий»), приближенный начальства («Человек свиты»), не признающий ничьих авторитетов, кроме собственного («Антилидер»), писатель-бомж («Андеграунд, или Герой нашего времени»), композитор («Где сходилась небо с холмами»), офицер («Асан»). Это были представители почти всех слоев позднесоветского и постсоветского общества, номенклатурные работники и люди истеблишмента, рабочие и новые русские, представители силовых структур и национальных диаспор. Но наиболее часто встречающийся в прозе писателя типаж – интеллигент, человек культуры. Это писатель, музыкант, художник, архитектор. Самое печальное заключается в том, что, по наблюдениям В. Маканина, человек культуры, какими бы талантами и личными качествами он ни обладал, либо оказывался невостребованным в современном обществе, либо, приспособившись к нему, утрачивал творческие качества. «Зачем в России столько гениев, если они никому не нужны?» – задается вопросом главный герой «Андеграунда...».

Жесткая, бескомпромиссная постановка проблемы, если даже персонаж рассчитывает найти именно какой-нибудь компромисс и пытается уклониться от столкновения, – отличительная черта произведений В. Маканина. Кроме того, он не дает надежды на изменения к лучшему в будущем. Саму работу над текстом писатель уподоблял шахматной партии, в которой противником являлась тема.

«Я люблю играть черными», – говорил Маканин на встрече с читателями в МГУ. Играющий белыми имеет преимущество – инициативу. Это своего рода концерт-ирование. Играющий черными должен заставить своего противника ошибиться и перехватить инициативу. В поединке против темы нужно сделать не так, чтобы писатель выиграл, а так, «чтобы тема проиграла».

Считая себя последовательным реалистом, писатель на рубеже 1980–1990-х прибегал к подчеркнуто модернистским, ударным приемам, использовал сдвиг реальности, гротеск. «Порталом» в иной мир становился лаз, который приходилось регулярно преодолевать герою одноименной повести. Гротескно выглядела огромная рука, гонявшаяся за «слесарьком» из «Сюра в пролетарском районе». Но и в этих произведениях В. Маканин не играл с читателем, не опрокидывал любые попытки осмысления текста. Напротив, эти приемы, как было у Н. Гоголя, и Н. Щедрина, только усиливали эффект реальности происходящего. Где то теперь многомиллионный рабочий класс Страны Советов? Какая рука его настигла? Куда делась «трудовая интеллигенция»? В какой лаз она ушла?

Что случилось с армией и офицерством и почему современная война – это не дело чести, не защита Родины, а бизнес на крови?

Как произошло, что писатели и их книги стали ненужными в некогда «самой читающей» стране мира? И почему современный человек культуры бездомен и принципиально не может встроиться в современное общество? Не потому ли, что смыслом жизни в новое время вновь стало исключительно стяжание материальных благ и что человек культуры в наше время – это юродивый. «Юродивый не может стать батюшкой ни при каких обстоятельствах» – так сформулировал писатель. Если социальный андеграунд – явление тяжелое, но все-таки преодолимое, то экзистенциальный андеграунд непреодолим. Экзистенциально сам писатель жил в андеграунде.

И еще: очень многие – если не большинство – произведения В. Маканина заканчиваются трагически. Образы смерти в изображении писателя и страшны, и десакрализированы. Большинство персонажей покидают этот мир не старыми. «На небо прибирают не тех, кто старше... а тех, кто спелее».

На встрече с читателями МГУ писатель с грустной улыбкой рассказал одну историю, ярко и красноречиво характеризующую «потребителей» от литературы. Это произошло во время поездки В. Маканина в США. В одном из американских вузов была организована встреча с читателями. Председательствовавший на встрече декан факультета обратился к слушателям с речью, в которой, стремясь заинтересовать студентов, стал рассказывать о В. Маканине и его творчестве. Через некоторое время в аудиторию вошел опоздавший студент. Он сел почти напротив писателя, дослушал вступительное слово до конца и спросил: «Скажите, когда Владимир Маканин умер?»

Теперь этот вопрос вряд ли может вызвать улыбку. Это произошло 1 ноября 2017 года.

Сведения об авторе:

Андрей Леонидович Крупчанов,
канд. филол. наук
доцент
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey L. Krupchanov,
PhD
Assistant Professor
Lomonosov Moscow State University
krupchanov@rambler.ru

Иво Поспишил (Брно, Чешская Республика)

**Валентин Распутин глазами чехов
(Портрет и вокруг: несколько штрихов)**

Посвящается Камилу Хробаку (1947–1993),
переводчику с русского, редактировавшему в издательстве Одеон
в 70-е и 80-е годы XX века русских поэтов рубежа XIX–XX веков
и советскую многонациональную литературу

Аннотация: Автор настоящей статьи анализирует особенности восприятия творчества Валентина Распутина в чешской среде в контексте рецепции русской литературы в целом и русской советской в особенности. В статье рассматриваются переводы прозы Распутина и критические отзывы о нем, подчеркиваются коренные различия поэтологических истоков обеих литератур и обусловенность восприятия творчества русского прозаика спецификой чешской художественной традиции, которая в некоторых аспектах соотносима с русской деревенской прозой, и это могло бы способствовать более глубокому и адекватному восприятию творчества Распутина.

Ключевые слова: чешская рецепция В. Распутина, контекст рецепции русской и русской советской литературы, образование рецепционной основы, переводческая теория и практика

Ivo Pospíšil (Brno, Czech Republic)

**Valentin Rasputin through the Eyes of the Czechs
(Portrait and Around: A Few Thoughts)**

Abstract: Despite the fact that the reception by the Czech of Russian literature in general and Soviet literature in particular have been quite uneasy, the Czech literary reception tradition is largely in accord with the spirit of Russian village prose, notwithstanding some deep-rooted differences in the poetological origins of the literatures in question. The article discusses theoretical and practical issues of translating V. Rasputin's prose into Czech and critical responses to the translations, it displays Valentin Rasputin's views and their reception by the Czech and argues that with their rich reception traditions in terms of village prose the Czech have every chance to better grasp the essence of Rasputin's prose.

Key words: the Czech reception of Valentin Rasputin, context of the reception of Russian and Russian Soviet literature, formation of the reception basis, theory and practice of translation

Настоящее краткое размышление не претендует на полноту изложения; это скорее совокупность рефлексий, связанных с опытом очевидца, который с 1970-х гг. следил за распутинскими произведениями, находя в них суть того, что за рубежом и в чешской среде в особенности считалось и до определенной степени до сих пор считается ядром русских литературных шедевров, т. е. описательность, характеристология, внутренняя, открытая или полускрытая этическая тенденция, злободневность, постоянное беспокойство, вечное недовольство, сомнения, недостаток юмора, преобладание сатиры и сарказма. Уже с самого начала было понятно, что Валентин Распутин (1937–2015) относится к числу консервативно настроенных русских советских авторов, хотя причислить его к «деревенщикам» можно лишь условно.

Для рецепции любого литературного феномена необходима подготовленная воспринимаящая среда, т. е. определенные социально-эстетические качества отечественной литературы. В случае чешской культурной среды следует отметить глубокую традицию восприятия русской классики, советского авангарда и литературы 1930–1970-х гг. – странной смеси реалистической поэтики и элементов модернизма. С этой точки зрения чехи воспринимали прозу Валентина Распутина скорее как экзот, а котором воплотилась специфика русской традиции: слабая сюжетность (хотя и в русской литературе были волны или структурные пласты, основанные на остросюжетности, в том числе программно обозначенные в русской советской литературе 1920-х гг.), подспудная напряженность, скрытый драматизм, острые этические конфликты. Аналогично складывалась рецепционная ситуация и в других странах, где критические рефлексии так же малочисленны. Среди них видное место занимает книга британского русиста Роберта Портера, содержащая также литературный портрет В. Распутина, и сравнительно новая книга польской исследовательницы о деревенской прозе¹.

В переводе на чешский произведения Валентина Распутина публиковались в ныне не существующем издательстве «Lidové nakladatelství» (бывшем издательском доме «Svět sovětů»), которое сосредоточивалось главным образом на издании советской литературы – не только русской, но и других национальных литератур СССР. Произведения советской литературы печатали и другие издательства, самое престижное тогда среди них – «Одеон», в котором с определенного момента, где с начала 1980-х гг. издавалась советская многонациональная литература, как она тогда называлась (в СССР трибуной ее был «толстый» журнал «Дружба народов»): грузинская, армянская, эстонская (переводчики Надежда Слабигудова и Владимир Мацура), а также стран Балтии, бывшей советской Центральной Азии, Сибири и т. д. Ключевым лицом в этом процессе стал редактор издательства «Одеон» Камил Хробак, выпускник Университета им. Палацкого в г. Оломоуц, безвременно скончавшийся в трудное время начала 1990-х гг., а ныне почти забытый, мой друг, памяти которого я и посвятил настоящее размышление².

В Чехии монополию на переводы Распутина держала Дагмар Шлампова, переводчица и других русских авторов, в том числе некоторых по-русски написанных прозаических сочинений Чингиза Айтматова, а также книг для детей. Она с самого начала

¹ Porter R. Four Contemporary Russian Writers. Oxford; New York; Munich: Berg Publishers, 1989. См. нашу рецензию: Čtyři podobizny // Čs. rusistika. 1990. № 5. S. 288–291. Книга Портера содержит портреты Валентина Распутина, Чингиза Айтматова, Владимира Войновича и Георгия Владимова; Kramarska D. Русская деревенская проза второй половины XX века // Litteraria Sedlcensia / Redaktor naukowy Danuta Szymonik. Volumen IX. Colloquia, Studia Minora. Siedlce: Wydawnictwo IKR[i]BL, 2015. См. нашу рецензию: Ruská sovětská vesnická próza: jeden úhel pohledu // Novaja rusistika. 2016. № 1. S. 71–74.

² Чешские издания Валентина Распутина: *Rasputin V. Peníze pro Marii (Poslední lhůta. Peníze pro Marii) / Přel.*

искала оригинальные подходы к автору, его языку и стилю. Однако иногда меньше меньше не значит лучше. Это и случай с переводом когда-то нашумевшей повести «Прощание с Матерой» (1976), название которой переведено как «Loučení», т. е. только «Прощание» (нередко используемый прием деконкретизации). Иногда утрата или ослабление семантической конкретики не особенно важны, но бывает и наоборот. В нашем случае могла бы помочь близость обоих языков (корень «мать»), но для достижения желаемого эффекта не стоило сокращать название в переводе. Менее удачным был перевод речей персонажей повести – старух, говорящих на особом диалекте. Переводчица избрала какую-то странную смесь моравских говоров и общечешского языка (в чешском языке три варианта: литературный, общечешский и диалекты; последние перманентно ослабевают под давлением общечешского; в этом отличие чешского языка от словацкого, например, в котором нет общего варианта, который по-немецки называется «Umgangssprache»). Однако соединение с моравскими говорами или включение отдельных словечек в общечешский, основанный на центрально-чешских говорах, которые с половины XIX в. интенсивно проникали в Прагу, становясь ведущими и вытесняя чешскую городскую речь, формировавшуюся под сильным влиянием немецких и еврейских говоров, – выглядит неорганично, нереалистично, неправдоподобно. Этот прием, надо признать, может положительно восприниматься жителями чешской столицы, но только из-за незнания ими диалектов. Однако как вообще перевести сибирский диалект с русского на чешский, чтобы передать его архаичность, изолированность, историчность, соответствующие признакам уходящего мира? Здесь возможны два пути: или прибегнуть к диалекту тотально, что предполагает его совершенное знание, или оставить в нейтральной полосе чешскую «Umgangssprache», которая в большинстве случаев не ослабляет характер доминантного сообщения.

Барьером для чешского читателя, обращавшегося к произведениям русских писателей консервативного лагеря, оказывались длинноты, растянутые описания, чрезвычайно подробные характеристики персонажей, отсутствие внешних конфликтов, ослабленный сюжет, превалирование этической проблематики, наличие моральных дилемм. Вследствие этого пражским редакторам и переводчикам приходилось иногда сокращать текст без учета того, что все эти длинноты и растянутости выполняют особую эстетическую функцию, имеют художественную ценность. В советской многонациональной литературе этого времени искали скорее одностороннюю критику советского режима, его несоответствие новым историческим реалиям. И Распутин воспринимали как критика советской системы, хотя его претензии к режиму имели более сложные основания, иные идейные предпосылки, отличные от тех, на которые ориентировались в чешской среде.

Распутин пришел к чешскому читателю в то странное время, когда советская литература рассматривалась только как орудие критики советской системы, а значит, и тогдашней чехословацкой, что, наверное, диктовало слишком упрощенный подход к восприятию этого феномена советской литературы. В потоке советской литературы предпочтение отдавалось произведениям критической направленности, т. е. тем, которые могли быть использованы в качестве скрытой критики чехословацкой ситуации. Хорошо помню, как однажды зимним воскресным утром приехал ко мне на квартиру один знакомый редактор, который вместе с коллегами

Dagmar Šlampová. Praha: Lidové nakladatelství 1974; *Rasputin V. Žij a nezapomínej* / Přel. Dagmar Šlampová; *Doslov V. Novotný: Život do posledního dechu*. Praha: Odeon, 1978. *Doslov V. Loučení* / Přel. Dagmar Šlampová. Praha: Lidové nakladatelství, 1980. *Doslov V. Poslední lhůta. Loučení* / Přel. Dagmar Šlampová. Praha: Lidové nakladatelství, 1981. *Doslov V. Poslední lhůta. Žij a nezapomínej. Loučení*. Praha: Odeon, 1984. *Doslov V. Požár* / Přel. Dagmar Šlampová. Praha: Lidové nakladatelství 1987; 2. vyd. Praha: LN, 1989.

вел переговоры с партийными органами о возобновлении литературного журнала. В 1985 г. вышел только его нулевой – экспериментальный – номер, а возобновить издание журнала удалось лишь после ноябрьских событий 1989 г. Мой знакомый настаивал на том, чтобы я написал нечто вроде хвалебной оды советской литературной критике в противовес «кроткому» чешскому варианту; с другой стороны, и сам советский материал как таковой служил своего рода идейной защитой издания. Статейка в журнале наконец-то появилась. (Любая отрицательная или не вполне положительная рецензия на произведения ряда советских писателей, которые считались критиками советского режима, хотя в СССР они были удостоены Ордена Ленина, воспринималась с недовольством.) Когда я, например, дал негативную оценку роману Чингиза Айтматова «Плаха», редакция журнала «Světová literatura» решила дополнить ее пеаном видного советского критика. Критическое отношение к писателям, которые считались в чешской среде противниками советской системы, воспринималось как выражение полного согласия с этой системой.

Когда Валентин Распутин посетил в первой половине 1980-х гг. бывшую Чехословакию, в том числе и Брно, была организована встреча с ним в здании Генерального консульства СССР. Приглашены были только близкие к официозу лица: функционеры, члены писательского союза и т. д. Оказались там и двое моих знакомых, которые на ломаном русском вели с Распутиным разговор, между прочим, о категории защищенности, уверенности с точки зрения существования человека (по-чешски «jistota»), однако он понимал это чешское слово как «истина». Они записали весь разговор на магнитофонную пленку; потом беседу расшифровывал я, а позже текст передали для корректуры коллеге, советской гражданке. Никакого откровения не получилось.

Иначе говоря, нельзя воспринимать чешскую рецепцию Валентина Распутина вне контекста чешских реалий того времени: восприятие творчества этого писателя определялось в том числе отношением к советской (главным образом, русской) литературе вообще. Все это отразилось и в моем ретроспективном томе, имеющем характерное название «Spálená křídla» – в русском переводе «Сожженные крылья»; о нем, впрочем, в чешской печати не писали¹.

На восприятие советской литературы в предперестроечное время влияла деятельность русской эмиграции рубежа 1970–1980-х гг., связанная в том числе с аферой альманаха «Метрополь» (1979). Так, например, серьезная книга Владимира Новотного «Ответственность творчества», в которой речь шла, кстати говоря, о романе Василия Аксенова «Поиски жанра» (написан в 1972, опубликован в жур-

¹ *Pospíšil I. Spálená křídla. Malý průvodce po české recepci ruské prózy 70. a 80. let 20. století. Brno: Masarykova univerzita, 1998.* Примерно до начала 1990-х гг. я систематически следил за русской советской литературой, появившейся на страницах советских толстых журналов в чешских газетах и других периодических изданиях в форме рецензий, обзорных статей и послесловий к чешским изданиям, главным образом «Световая литература», «Творба» и «Кмен»; см., например, Trnitá cesta k zralému lidství (Ч. Айтматов. И дольше века длится день, 1980) // Světová literatura. 1981. № 5; Touha po románu: Ajtmatovovo Popraviště (Č. Ajtmatov. Placha, 1986). Kmen 1986, № 50; Problémovost a problematičnost psychologické prózy (В. Тендряков: Шестьдесят свечей, 1980) // Světová literatura. 1981. № 4. S. 232–233; Odpovědnost za člověka a svět. Poznámky o sovětské próze posledních let // Světová literatura. 1982. № 4. S. 209–223; Zákruty života (Ю. Трифонов: Время и место. Опрокинутый дом, 1981) // Světová literatura. 1982. № 2. S. 115–116; Idyla jako výzva a varování (В. Белов: Лад. Очерки о народной эстетике, 1981) // Světová literatura. 1982. № 2. S. 228–230; Bolestivé otvírání očí (В. Солоухин: Продолжение времени, 1982) // Světová literatura. 1982. Č. 6; Povídka: nová poetika, staré problémy // Světová literatura. 1983. Č. 1. S. 235–237; Poetika kontrastu aneb moldavský Walter Scott (Ion Druță: Белая церковь). Recenze // Světová literatura. 1983.

нале «Новый мир» в 1978 г.), была отправлена в макулатуру, а в новом издании появилась уже без упоминания В. Аксенова¹.

Валентину Распутину, хотя в чешской среде его часто читали и еще чаще говорили о нем, не очень везло: обзоры его творчества, статьи или рецензии, – пожалуй, кроме обзорных дипломных работ, обычно о деревенской прозе или о русской повести, – ограничивались, за редким исключением, отдельными фразами и поверхностными наблюдениями, пересказом сюжета и указанием на критические моменты в содержании его произведений. Таким образом, отклики на его творчество представляли собой неглубокую характеристику ключевых для него тем и мотивов. Деревенская проза, в контексте которой его творчество часто рассматривалось, воспринималась поверхностно, без попытки понять ее суть, в то время как она, наряду с другими феноменами, стала одним из многих парадоксальных явлений брежневского периода советской истории, названного М. Горбачевым в 1980-е гг. «периодом застоя»: проза Распутина представляла собой попытку вернуться к истокам национального сознания и с этих позиций критиковать современность и «западничество» советской системы в отдельных ее аспектах, что было продолжено писателем в перестроечные и постперестроечные годы.

Проза Валентина Распутина зачастую противоречит чешской эстетической традиции; поэтика его произведений, своеобразные композиционные приемы не способствовали созданию переводов, которые воспринимались бы чешским читателем адекватно. Оставляя всё это в стороне, переводчики сосредотачивались на особенностях живого диалога персонажей, стараясь передать диалектные особенности их речи, особенно в случае с «Прощанием с Матерой». Или же подчеркивали экзотические для чешского читателя советские или специфически русские реалии. Так, читателя «Денег для Марии» поражала бедность деревенских жителей, социальное неравенство, что противоречило официальной пропаганде; конфликт поколений, аморализм, несмотря на продекларированные высокие духовные качества советского человека. Происходящие в советской действительности процессы, обусловленные всеобщим нравственным упадком, распадом системы и девальвацией нравственных ценностей, нашли отражение в его повести «Пожар».

№ 2. S. 244–245; Nový Valentin Rasputin: rozcestí únavy a oživení // Světová literatura. 1983. № 11. S. 165–168; Diletanti doby (Б. Окуджава: Путешествие дилетантов, 1983) // Kmen. 1983. № 29; Tvar a funkce metarománu // Světová literatura. 1984. № 3. S. 251–253; Rozkoš z vyprávění a úskalí fabulace (Б. Каверин: Наука расставания, 1983) // Světová literatura. 1984. № 4. S. 238–239; Labyrint světa a ráj srdce v atomovém věku (А. Приставкин: Городок, 1983) // Světová literatura. 1984. № 1. S. 236–238; Nedat zhořknout bylině lidského žití (Ю. Бондарев. Игра, 1985) // Světová literatura. 1985. № 5. S. 236–238; Na nové cestě (В. Распутин: Пожар, 1985) // Kmen. 1985. № 41. S. VIII; Na průsečíku civilizací (Ю. Рытхэу: Магические числа, 1985) // Světová literatura. 1986. № 5. S. 234–236; Duše a svět hrdiny naší doby (А. Битов: Пушкинский дом, 1987) // Světová literatura. 1988. № 5. S. 226–229; Román o vzdoru duše (Ю. Домбровский: Факультет ненужных вещей, 1988) // Světová literatura. 1989. № 5. S. 240–241. Ďábelský kruh života (Г. Семенов: Чертово колесо, 1988) // Světová literatura. 1989. № 2. S. 236–237; Naděje obnovy. Послесловие к: *Kašafutdinov Ilja*. Favoritův den. Praha, 1985. S. 109–114; Čas a místo v labyrintu paměti. Послесловие к: *Trifonov J.* Zmizení. Praha, 1989. S. 375–380; Odpůrce nehybnosti. Послесловие к: *Těndrjakov V.* Čisté vody Kitěže. Praha, 1988. S. 135–142; Dráha života. Послесловие к: *Šukšin V.* Červená kalina a jiné povídky. Praha, 1987. S. 216–222; Úspěch a lítost osamělého běžce. Послесловие к: *Molčanov A.* Superman. Praha, 1987. S. 305–309.

¹ *Novotný V.* Odpovědnost tvorby. Mozaika sovětské literární současnosti / Послесл.: Мирослав Заградка. Praha: Mladá fronta, 1979; *Novotný V.* Odpovědnost tvorby. Mozaika sovětské literární současnosti / Послесл.: Мирослав Заградка. Praha: Mladá fronta, 1983. После 1989 г. автор вернулся к русистике в книге «Eseje o ruských spisovatelích» (Praha: Cherm, 2006).

Но такая тематика и идейная направленность творчества Распутина не способствовала укреплению интереса к его творчеству в иноязычной среде, угасание которого у чешского читателя началось уже в 1990-е гг.

После «бархатной революции» 1989 г. в Чехии восторжествовал прагматизм, на фоне интеграции в Евросоюз усилились космополитические тенденции, нередко происходил радикальный пересмотр исторических событий прошлого, – и Распутин, с его идеей возврата к национальным истокам, враждебной постулатам русских западников (здесь приходит на память конфликт между славянофилами и западниками в России в XIX в.), остался не у дел.

Оживлению интереса к распутинскому наследию в чешской среде может способствовать исследование жанровых особенностей его произведений, стиливого и лексического их своеобразия, затрагиваемой писателем идеологической проблематики и того, что всегда привлекает внимание зарубежного читателя: связь его текстов с русской традицией «идеологической беседы»; диалоги, изобилующие намеками и аллюзиями; сказовые элементы, вклинивающиеся в ткань повествования, которое ведется от третьего лица; структура описаний; особенности конструирования литературного персонажа по принципу «объективации авторского субъекта», – иными словами, все то, что позволит представить во всей полноте предлагаемую писателем сложную иерархию ценностей.

Чтобы по-настоящему понять Валентина Распутина, чтобы пробудить интерес к его творчеству, которое прежде привлекало внимание чешских читателей, необходимо новое издание его сочинений, качественные переводы, продуманный отбор интересных чешскому читателю произведений, содержательные и серьезные комментарии. Без выполнения этих условий не удастся достигнуть того уровня интереса к русской литературе, который был у нас в XIX и в первой половине XX в., когда русское искусство, русская литература воспринимались как явление самобытное, к которому, для того чтобы проникнуть в его суть, необходимо подойти вплотную и увидеть в этом неординарном феномене как связь с собственной культурной традицией, так и расхождения с ней. Это, однако, предполагает и напряженные поиски в современной чешской литературе и в литературе прежних эпох похожих произведений. Стоило бы, например, обратиться к чешской деревенской литературе XIX в., более современному рурализму, связанному, как правило, с католичеством, к тем литературным текстам, в которых доминантными становятся этические, религиозные мотивы, где в центре внимания проблема духовности, пусть и представлены они иначе, чем в русской литературе, – все это поможет чешскому читателю лучше понять прозу Распутина. Но до этого пока еще далеко.

Сведения об авторе:

Поспишил Иво,
докт. филол. наук
профессор
Институт славяноведения
Университет им. Т.Г. Масарика

Ivo Pospíšil,
PhD
Professor
Institute of Slavic Studies
University of TG Masaryk

**Памяти Галины Яковлевны Ильиной
(1930–2018)**

**In Memory of Galina Ilyina
(1930–2018)**

Российская наука понесла невосполнимую утрату. 3 января 2018 г. не стало одного из самых авторитетных в нашей стране и уважаемых за рубежом специалистов по югославянским литературам, доктора филологических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН Галины Яковлевны Ильиной. Галина Яковлевна внесла выдающийся вклад в изучение и популяризацию литературы и культуры южных славян, в первую очередь литератур народов, проживавших в 1918–1991 гг. в едином государстве Югославия (сербов, хорватов, черногорцев, боснийцев, герцеговинцев, словенцев, македонцев). Благодаря подвижническому труду ученого исследование литератур югославян приобрело в отечественной науке глубокий и систематический характер, а неустанная забота по воспитанию новых научных кадров позволяет говорить о сформировавшейся академической научной школе литературоведческой югославистики.

Галина Яковлевна родилась 24 января 1930 г. в Москве. Ее отец, Яков Ильин, был писателем, работал журналистом в газетах «Комсомольская правда» и «Правда». Он умер, когда дочери было два года. От него Галина Яковлевна унаследовала интерес и вкус к художественному слову. Мать, по воспоминаниям Галины Яковлевны, тоже была прекрасной рассказчицей, хотя ее профессия и была далека от литературы. Это легендарная директор «Трехгорки» Анна Алексеевна Северьянова, имя которой носит московская улица. На улице, названной в честь матери, в скромной квартире, главным богатством которой были книги, Галина Яковлевна прожила большую часть жизни.

После окончания школы она поступила на филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, в 1952 г. она защитила дипломную работу на кафедре славянской филологии (училась в группе сербскохорватского языка), затем там же обучалась в аспирантуре (1952–1955) и в 1956 г. защитила кандидатскую диссертацию о творчестве классика болгарской литературы «Сатира Алеко Константинова».

Это были сложные для отечественной славистики годы. Она постепенно восстанавливала силы после разгрома в середине 1930-х гг.¹, но именно в югославистике этот процесс происходил медленно, с серьезными препятствиями, причины которых в остром межгосударственном и межпартийном конфликте СССР и СФРЮ (в 1948–1953 были разорваны дипломатические отношения). Существенные разногласия сохранялись еще долго и после восстановления отношений – вплоть до распада СССР, особенно остро проявляясь в области гуманитарных наук. В литературе и культуре это касалось трактовки природы социалистического искусства. Литературы Югославии в 1952 г. отказались от социалистического реализма как эстетической основы и художественной практики (главенствующих в СССР) и обратились к опыту западноевропейских нереалистических течений, что вызвало резкую критику официального советского литературоведения. Изучение литературного процесса Югославии XX в. было весьма сложным и даже небезопасным делом. Исследователь находился под пристальным взглядом блюстителей чистоты марксистско-ленинского учения. Кроме того в самих литературах Югославии с середины 1950-х гг. шли острые дискуссии о развитии художественного слова. Ортодоксам в отечественной югославистике не было места, люди подобного склада в ней не задерживались. Изучение литератур югославян требовало от молодого ученого не только знаний и кругозора, но и твердости, самостоятельности мышления и умения ориентироваться в противоречивых явлениях, так как готовых концепций и оценок конкретных авторов и произведений не существовало. Именно эти качества у Галины Яковлевны были. Под внешней мягкостью и добротой скрывался сильный характер, готовность отстаивать свою точку зрения, исследовательская смелость и принципиальность. Она была наделена работоспособностью и тонким художественным чутьем, которое помогало ей ориентироваться в сложной мозаике бурно развивающихся литератур югославянских народов. Галина Яковлевна не жалела сил на их популяризацию в нашей стране. Одним из первых произведений, изданных на русском языке после восстановления дипломатических отношений с Югославией, была повесть сербского писателя Р. Домановича «Страдия» (1957) в переводе Г.Я. Ильиной. В дальнейшем она являлась составителем, автором предисловий и примечаний к целому ряду переводов многих выдающихся славянских писателей, среди которых М. Крлежа, Й. Йовков, А. Константинов, А. Цесарец, В. Калев и многие другие.

С 1956 г. Галина Яковлевна начала работать в Институте славяноведения РАН, но на протяжении всей своей жизни она поддерживала тесные связи с alma mater: читала спецкурсы, руководила дипломными работами, консультировала студентов и аспирантов, оппонировала диссертации, рецензировала научные труды, была членом диссертационного совета по зарубежной литературе филологического факультета. Можно сказать, что большинство литературоведов-югославистов факультета со второй половины 1950-х гг. до последнего времени в той или иной степени являются ее учениками.

У Галины Яковлевны был широкий круг научных интересов: это история южнославянских литератур в XX в., сравнительное изучение литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, теория и методология литературоведческих исследований, русско-югославянские литературные и культурные связи. Перу Г.Я. Ильиной принадлежат свыше двухсот работ, целый ряд которых сегодня можно назвать клас-

¹ По известному «Делу славистов» (1934) было арестовано около 130 ученых, многие из которых были расстреляны или погибли в лагерях.

сическими. Это, в первую очередь, фундаментальное исследование истории романа в югославянских литературах – монография «Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX в.» (1985). Отличительной чертой этого труда является то, что обширный материал сербской, хорватской и словенской литератур проанализирован в широком контексте художественных поисков межвоенной эпохи не только в литературе, но и в живописи, театре, культуре в целом. Основное внимание уделено романному творчеству классика хорватской литературы Мирослава Крлежи, который был ключевой фигурой литературного процесса тех лет.

Галина Яковлевна – автор ряда обобщающих работ по литературам народов Югославии. Ее труды отражают современный взгляд отечественной науки на историю и особенности развития славянских литератур, что по-прежнему остается весьма сложной, дискуссионной областью гуманитарных исследований. Ее перу принадлежат главы в академических изданиях историй литератур: «Истории литератур западных и южных славян в трех томах» (3-й том, 2001), «Истории литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» (в двух томах, 1995, 2001), главы «Хорватская культура» и «Сербская, боснийская и черногорская культуры» в коллективной монографии «История культур славянских народов (в томах; 3-й том: «Культура XX века: от модерна до постмодернизма. Народная культура славянского региона», 2008).

Итогом многолетнего изучения литературы Хорватии стала первая в отечественной славистике монография Г.Я. Ильиной «Хорватская литература XX века» (серия: «Литература XX века», 2015). Это было первое в нашей стране концептуальное научное исследование сложного и богатого феномена хорватской литературы. История национальной литературы как жанр исследования – явление нечастое. Тем более редко за подобные задачи берется один исследователь. Труд Г.Я. Ильиной базируется на достижениях отечественной славистики и литературоведения в целом и одновременно представляет собой фундамент для дальнейших исследований.

Теоретической основой книги Г.Я. Ильиной стал конкретно-исторический литературный подход в сочетании с принципами сравнительного литературоведения. В книге неизменно подчеркивается значение контекста европейских литератур, особенно немецкой и австрийской, для становления и развития, например, таких явлений, как хорватский экспрессионизм и авангардизм, в то же время раскрываются национальные особенности этих и других явлений, авторов и произведений. Г.Я. Ильина подчеркивает, что именно литература стала важнейшим проявлением национального самосознания хорватского народа, сохранившего свою идентичность в сложнейших исторических условиях многовекового отсутствия государственности. Богатство народных традиций, тесная связь с фольклором, значимость художественного опыта прошлых эпох придали хорватской литературе неповторимый национальный облик, что в сочетании с широкой опорой на художественные поиски европейской (и русской) литературы стало основой ее бурного роста и обогащения в XX в. В монографии впервые отечественному читателю стал доступен поистине уникальный материал, собранный и заново осмысленный ученым.

Важным дополнением к этой книге является опубликованная Галиной Яковлевной «Библиография переводов хорватской литературы на русский язык» (2016), которая охватывает более 400 единиц переведенных на русский язык произведений поэзии, прозы и драмы, написанных хорватскими авторами с эпохи

Возрождения до начала XXI в. Библиография дает представление об устойчивом интересе русских переводчиков к хорватской литературе. Многие из них были признанными специалистами по культуре славянских народов.

Широта кругозора и энциклопедичность знаний Г.Я. Ильиной проявились при подготовке «Лексикона южнославянских литератур» (2012), инициатором создания и ответственным редактором которого она выступила. Эта книга стала первым в России и зарубежных славянских странах справочно-энциклопедическим изданием по семи южнославянским литературам: болгарской, боснийской, македонской, сербской, словенской, хорватской и черногорской – начиная с зарождения в них художественного слова до рубежа XX–XXI вв. Одна из самых сложных проблем, с которой пришлось столкнуться ученому, – формирование национальных литератур в многонациональном регионе, народы которого говорят на близкородственных языках, а в ряде случаев – на одном языке, лишь в последние годы приобретающем специфические черты (черногорский, боснийский). В настоящее время «Лексикон» – одно из самых востребованных русскоязычных славистических изданий.

Галина Яковлевна воспитала многочисленных учеников, которые трудятся в российской высшей школе, в том числе на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Институте славяноведения РАН, за пределами страны (Минск, Киев, Баку), а также в Сербии и Хорватии. Каждый из них хранит в своем сердце частицу ее щедрой души и продолжает благородное служение науке. Светлая память Учителю, Ученому и замечательному человеку!

А.Г. Шешкен

Это последний научный труд Г.Я. Ильиной – доклад, прочитанный в Институте славяноведения РАН на международной научной конференции «П Хоревские чтения: Память vs история. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы» (24–25 октября 2017 г.)

Г.Я. Ильина

Формы исторической прозы в современной хорватской литературе

G. Ya. Ilyina

Forms of Historical Prose in Contemporary Croatian Literature

В 2015 г. в еженедельной газете «Литературная Россия» появилась статья с характерным названием «Пустая полка исторического романа»¹. Она открывала дискуссию о состоянии исторической прозы, основным выводом которой стала констатация деструкции жанра исторического романа, размывания его границ, четко выраженных признаков, выход за их пределы, гибридизация различных жанровых форм. Не принимая категоричность суждения, нельзя не согласиться с тем, что подобная тенденция проявилась как в русской, так и в других европейских литературах.

В Хорватии, однако, была своя особенность. В ней вопрос о национальной государственности и национальной идентичности сохранял свою актуальность на протяжении всех 1990-х гг., т. е. во время войны за независимость и после нее, и жанр исторического романа продолжал играть важнейшую роль и в XXI в. не только в литературе, но и в общественной жизни. По мнению хорватского ученого Б. Бошняка, в таких условиях «хорватская литература часто заменяла историю, а история бдительно следила за литературой как основной формой ее выражения»². Однако дискуссии об исторической прозе здесь развернулись не столько вокруг тематических аспектов появившихся произведений, сколько вокруг попыток осмыслить эволюцию эстетических воззрений на литературный процесс, на соотношение традиции и постмодернистских новшеств, распространяющихся в стране, сохраняющей первостепенность национального компонента, и определить особенности происхождения от исторического романа к роману об истории, получившего в хорватском литературоведении название «новый исторический роман»³. В нем в первую очередь корректируется понимание смысла

¹ Сафонова Е. Пустая полка исторического романа // Литературная Россия. М., 2015. № 34–36

² Bošnjak B. Naseljavanje povijesti // Republika. Zagreb, 1995. № 7–8. S. 11.

³ Matanović Ju. Hrvatski novopovijesni roman. Predlog definiciji // Republika. 1995. № 9–10. S. 100.

истории, утверждается релятивизм принимаемых решений в вопросах прогресса, разума и свободы, подвергается сомнению подлинность источников, пересматриваются исторические стереотипы: апология героических страниц истории и роль исторических личностей, как это было, скажем, у А. Шеноа или М. Нехаева (хотя у последнего уже появились некоторые моменты демифологизации и использование новой техники). Им на смену приходят альтернативные взгляды на исторический процесс, чаще всего пессимистический, разрушающий существующие иллюзии и утверждающий историю как всеобщее зло, против которого человек бессилен. Включаемый часто в произведение образ «неуверенного повествователя», выражает одну из версий происходящего, хотя достоверность ее тоже достаточно относительна. Однако особенность хорватского романа, по мнению хорватского ученого Ц. Милани, заключалась в том, что в нем сохранялись «известные родовые коды», содержащие «определенные элементы поучения и в большей или меньшей степени просветительские импульсы»¹. История, вне зависимости от ее оценки, пока остается той основой, которая вызывает многие последствия происходящего.

Подтверждением подобного переплетения разных стилевых потоков стала своего рода знаковая для этого времени историческая «Адриатическая трилогия» Фабрио, которую составили романы «Уроки жизни» (1985), «Волосы Вероники» (1988) и «Тримерон» (2002). И хотя стержень повествования в них составляет цепь семейных событий: родов, свадеб, болезней, смертей, они теснейшим образом связываются с войнами, сменой властей, насилием завоевателей и отечественных правителей, религиозной и национальной нетерпимостью.

Но кроме того в романах Фабрио дала о себе знать тенденция, которая получит распространение в литературе в следующем веке. В них намечается переход от «большой истории» в сферу человеческого опыта людей иной повседневности, с иными ощущениями пространства и времени, другими эмоциональными восприятиями. Это, как уже говорилось, не лишает прошлое исторического измерения, но вносит в него иной аспект рассмотрения, а он влияет на смещение жанровой ориентации, превращая исторический роман в роман об истории. Сам писатель дает свое понимание романа об истории. «Это, – пишет он, – рассказ о слабых людях, имя и фамилия которых, даже когда они есть, не выходят из абсолютной безвестности. Маленькие, растерянные при появлении истории и в истории, они остаются в ней невысказавшимися, не проявившими себя, в основном почти никакими. Эта книга о них. Роман об истории лишь тогда становится человеческим актом, когда между исторической действительностью и исторической возможностью он выбирает второе. Только тогда даже малейшая гранула истории растворится в нем, как в жизни, жизни величайшей и устрашающей, однако не лишенной решающего значения брачной постели и новогоднего обеда» (Фабрио Н. «Уроки жизни» / «Vežbanje života»).

Главные изменения касаются отношения к самой личности и ее опыту. Правда, часто она и у самого Фабрио хотя исторически и неизвестная, но совсем не маленькая и растерянная. Она разная, ее личный опыт, по мнению писателя, важен и нужен для понимания прошлого, его атмосферы и образа жизни людей.

В обстановке общественной и политической активности второй половины 1990–2000-х гг. в литературе расширяется сфера критического начала. Ее движение к реализму, естественно, вело к возвращению фабульности, вниманию к

¹ Milanja C. Hrvatski roman 1945–1990. Zagreb, 1996. S. 112, 117.

обыкновенному человеку на войне и в мирные дни, как в настоящем, так и в прошлом. Роман самых разных жанровых разновидностей занимает ведущие позиции и переживает новый этап гибридизации жанровых структур, включая в них в том числе и исторические формы. В этой связи вновь вспоминается опыт Крлежи и его роман «Знамена», вобравший в себя черты семейного, автобиографического, общественно-политического, исторического и интеллектуального повествования.

Считая коммунистические взгляды Мирослава Крлежи заблуждением большого писателя, Фабрио, однако, выделяет у Крлежи одно важное суждение, высказанное им в романе «Банкет в Блитве» и повторенное в «Знаменах». Оно касается роли печатного слова в условиях несвободы и подавления массового национального движения в 1970-е гг. «Ящик со свинцовыми типографическими буквами, – пишет Крлежа, – это единственное, что изобрело человечество как орудие для защиты своего человеческого достоинства»¹. Устами повествователя Фабрио иронически комментирует эту мысль Крлежи: «Шкатулка свинцовых букв! Да, не так уж много. Однако это единственное, что дает нам право на собственный рассказ. Но, видишь ли, сейчас этой шкатулки больше нет, буквы из нее рассыпались, кто куда». И все же этим правом Фабрио воспользовался: «Победить смерть, – замечает он, – а значит, и историю, может только человеческий рассказ о них».

В 2000-е гг. вера в рассказ как закрепление человеческой памяти перейдет как традиция в литературу XXI в. В частности, в романе М. Ерговича «Род» (2013) мы встретимся с утверждением автора: «Против забвения существует только рассказ, который должен стать рассказом хотя бы за мгновение до того, как все будет забыто. Тогда, перед окончательным забвением, он полностью созреет... Мир спасет только рассказ»².

Ящик со свинцовыми буквами М. Крлежи вспоминает и С. Шнайдер в своем романе «Медный век» (2013). Будучи крлежианцем еще с 1970-х гг., он видит связь истории и настоящего. «Невозможно отбросить последствия событий былых лет, – говорит он, – но можно ясно сказать о том, кто есть кто в эти страшные времена».

«Изучение произведений Крлежи, – делает вывод хорватский ученый Г. Матович, – стимулирует возвращение к художественному многоголосию и новой переоценке разных поэтик»³.

Хотя исторический и новоисторический романы как самостоятельные жанры в 2000-е практически сходят с литературной сцены, это, однако, не исключает присутствия исторического материала в разном объеме и в разных формах в новых жанровых образованиях. Происходит, я бы сказала, своеобразное «точечное» целенаправленное его введение в общий контекст, определяющее и характер его использования. Это могут быть воспоминания о том или ином событии его участников, их личные биографии или биографии известных людей. Это могут быть упоминания о том или ином годе, дне, о городе, об улице, даже об истории одного здания, но не абстрактное, а так или иначе связанное с общим содержанием произведения. Даже когда исторические сведения занимают значительное место в повествовании, как, например, в романе Даши Дрндич «Zonntnschein», они выполняют вспомогательную, но очень важную функцию. В ее романе коллажи из мно-

¹ Krleža M. Banket u Blitvi // Krleža M. Sabrana djela. Sv. 1. Knj. 3. Zagreb, 1964. S. 414.

² Ergović M. Rod. Zagreb, 2013. S. 264.

³ Цит. по: Hrgović M. Sjećanje na Krležu: uvjerliv i neugodan kritičar kapitalizma // Novi list. 2014. 30. prosinca (www.novolist.hr/kultura/knjizevnost/sjecanje-na-krlezu-uvjerliv-i-neugodan-kriticar-kapitalizma).

гочисленных микроисторий военных преступников, их биографий, стенограмм судебных процессов над ними, раскрытия их деятельности в концентрационных лагерях или история созданных по проекту Г. Гимmlера детских домов для детей, рожденных от немецких офицеров с неарийскими матерями, и судьбы попавших туда, часто украденных, детей, даже обширные списки погибших на территории Италии евреев – все это соотносится в романе с жизнью разных людей: и тех, кто участвовал в сопротивлении фашизму, и тех, кто жил в незнании происходящего вокруг них, как героиня произведения Хайя Тедеша. Ее история шестидесятилетних поисков своего украденного сына, помещенного в гимmlеровский детский дом, а затем отданного на воспитание в немецкую семью, составляя сюжетную канву романа, в соединении с историческим и документальным материалом приобретает масштаб и общественное звучание.

Роман С. Шнайдера «Медный век» (2013) насыщен историческим материалом, начиная с переселения немцев в Словению в XVIII в. (тогда провинция Австрии), судеб фольксдойче в Королевской Югославии в 1930-е гг. и после Второй мировой войны в социалистической. Военные перипетии главного героя романа Георга-Джюки Кемпфа в войсках «Ваффен-СС» в Польше, бегство из них и переход в советско-польский партизанский отряд, с которым он провоевал до конца войны и со справкой от командира отряда вернулся на родину. Эта «справка» спасла его в 1945 г. от депортации из социалистической Югославии, где он, став поэтом, занял нейтральную по отношению к господствующему строю позицию. У его будущей жены Веры история совершенно иная. Преданная социалистическим идеям, она прошла подполье, концентрационный лагерь, партизанскую войну и в новой Югославии стала ее активной сторонницей. Положив в основу произведения биографию своей семьи: деда, отца и матери, – писатель подкрепляет ее историческими сведениями и своими комментариями, соединяя вымышленную и реальную линии сюжета.

Роман Ерговича «Род» (2013) охватывает жизнь нескольких поколений его многонациональной семьи на протяжении более века – весь XX и начало XXI в. Большая история в самых общих чертах врывается в их частную жизнь: в 1920 г. его прадед немец Карл Штублер, будучи начальником железнодорожной станции, поддерживает забастовку рабочих и теряет работу; во время Второй мировой войны один его внук, как фольксдойче призванный в немецкую армию, погибает, сражаясь на вражеской стороне, другой внук, двоюродный дядя автора, – домобран, начав войну в усташской авиации, перелетает к англичанам и сражается в народной армии. Мать и сестра отца автора – как активные сторонницы усташского движения – были осуждены в социалистической Югославии. Второй дед писателя, отец его матери, помогает итальянским и словенским подпольщикам. А ведь это члены одной семьи. Но сами события XX в. автором лишь упоминаются, раскрывается их отношение к личной судьбе того или иного героя, города, отдельного дома и его жильцов.

Стремление Милко Влента в романе «Искусственные слезы» (2013) передать хаос жизни XXI в. и положение в нем современного человека – где вольно, а где невольно – приводит к хаосу изложения. Свой метод писатель характеризует как «цепь бессмысленных фрагментов, иногда скрепленных ассоциативными связями с обломками собственной жизни или обломками других жизней. Это не пустая игра слов, ни в коем случае. То беспокойное состояние моего сознания». Восприятие жизни как вселенского хаоса в тексте выливается в сознательное сме-

щение важного и неважного: практически в каждой главе исторические отрывки, табу-темы соседствуют с изображением секса, разводы – с разговорами об искусстве и философских теориях и т. п. И это находит отражение в названиях некоторых глав, представляя своеобразный их план: «Бомбардировки, Загреб, New York, порнография, аборт».

При существующем плюрализме политических взглядов и эстетических позиций очень различно и отношение авторов к истории не только как прошлому, но и как к процессу. Д. Дрндич, более всех приверженная постмодернистским художественным моделям, испытывает их влияние и на свои исторические позиции. Не случаен приведенный ею к роману эпиграф из Л.Х. Борхеса: «Довольно одного мгновения, чтобы раскрыть тайну жизни, а ключ всех тайн лежит только в Истории, в том вечном, прекрасном повторении того, что называется ужас»¹. А затем писатель так разъясняет позицию своей героини: «...ее история всего лишь небольшой рассказ, маленькая частица бесчисленного числа рассказов о встречах, о сохранившихся следах человеческих отношений; она знает это, как знает она и то, что пока все подобные рассказы мира не сложатся в огромный космический пэчворк, который опояшет Землю, чтобы Земля могла уснуть. А история, этот призрак действительности, и дальше будет распарывать стежки, кромсать вселенную на кусочки, красть их и вшивать в собственный саван. Она знает, что без ее рассказа история не будет завершена...»². Таким подходом обусловлено и построение книги: постоянное смешение вымышленного и реального материала, сюжета, связанного с судьбой Хайи Тедеш, и истории Холокоста в Италии, его непосредственных участников.

Шнайдер, как и Крлежа, верит в прогресс истории и, конечно, в ее связь с настоящим. Поэтому он считает, что хотя его произведение и «вымысел, но хорошо организованный вымысел» и что, хотя «Медный век» является художественным произведением, это, однако, не освобождает его «от обязательств перед действительностью»³. «Невозможно отбросить, – поясняет Шнайдер, – последствия событий былых лет, но можно ясно сказать о том, кто был кто в эти страшные времена»⁴. Не желая быть судьей своим родителям, писатель в то же время четко обозначает свою гражданскую позицию – «защищать линию фронта между теми, кто без вины стал объектом истории, и теми, кто в ней сознательно активно участвовал. А я – и то, и другое»⁵.

Валент не скрывает своего отрицательного отношения к глобализации, уравниловке, причем примитивной, стирающей не только географические, но и культурные границы. Он открыто выступает против всех мифов: религиозных, эстетических, культурологических, – предрекает распад Европы и гибель европейской культуры, в том числе хорватской, как ее части. «Хорватия, – пишет он, – содрогается в паралитических судорогах... Загреб – центр этого паралича. На радио метастазы неолибертального капиталистического циклона мы называем цунами. Вопрос национальной принадлежности волнует всех членов редакции».

У Ерговича иной метод использования исторического материала. Он, привлекая свидетельства многих людей, в том числе своей матери, оказавшейся не менее

¹ Drndić D. Sonnenschein. Zagreb, 2007. S. 5.

² Drndić D. Sonnenschein. S. 117

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Šnajder S. Zavičaj je bolno mjesto // Политика. Onlin. 2015. 13 (listopada www.politika/rs/sr/clanak/3406886/specijalni-dodaci/zavicaj-je-bolno-mjesto).

прекрасным рассказчиком, чем ее сын, больше внимания уделяет деталям быта, взаимоотношениям в семье, семейным датам и их включенности в общий исторический контекст.

Не избегая больных вопросов прошлого и современности, названные авторы пытаются отыскать свои корни и используют хорошо им знакомый автобиографический материал своих семей. Историческая проза оказалась не чужда общей тенденции усиления внимания к судьбам индивида и изображения жизни, сохраняя особенности представлений людей того времени и сами условия их существования.

Библиографии

Bibliography

В.А. Воронаев (Москва, Россия)

**Библиография произведений Н.В. Гоголя
и литературы о нем на русском языке. 1966–1980**

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

**The Bibliography of N.V. Gogol's Works
and Literature about Him in Russian. 1966–2008**

1966

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки / Послесл. Н. Степанова. М.: Детская литература, 1966. 239 с.: ил.

Загл. послесл.: «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. С. 213–227.

О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии / Публ. и послесл. Б. Бессонова; коммент. К.К. Платонова // Наука и жизнь. М., 1966. № 3. С. 88–92.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья Ю.В. Манна; ил. Д. Кардовского. М.: Художественная литература, 1966. 115 с.: ил. – (Народная библиотека). 200000 экз. Загл. вступ. статьи: Сила «Ревизора». С. 5–18.

Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1966–1967.

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / Послесл. и примеч. Н.Л. Степанова; ил. А. Лаптева. М., 1966. 383 с.: ил.

Загл. послесл. Вечера на хуторе близ Диканьки: С. 350–368.

Т. 2: Миргород / Послесл. и примеч. С.И. Машинского; ил. П. Боклевского, Е. Кибрика, Н. Кузьмина. М., 1966. 379 с.: ил.

Загл. послесл.: Миргород. С. 343–365.

Т. 3: Повести / Послесл. и примеч. Г.М. Фридляндера; ил. А. Кравченко. М., 1966. 351 с.: ил.

Загл. послесл.: Повести Гоголя. С. 307–328.

ЛИТЕРАТУРА

Альтман М.С. Гоголевские реминисценции и наименования в трилогии Сухово-Кобылина // Ученые записки / Горьковский ун-т. Горький, 1966. Т. 78. С. 97–110.

Ардов В. «Ревизор» вернулся в Малый // Литературная Россия. М., 1966. 30 сентября. С. 14.

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд., испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. 824 с.

[Указ. имен.]

Баткин Л. Исправленный Гоголь // *Театр*. 1966. № 6. С. 147–148.

[О постановке трагедии И. Барабаша «Тарас Бульба» (по мотивам повести Гоголя) в Харьковском украинском драматическом театре им. Т. Шевченко.]

Белый А. Мастерство Гоголя = Die Kunst Gogol's / Mit einer Enif. von D. Tschizewskij. Nachdr. der. Ausg. Moskau 1934. München: Fink, 1966. XV, 322 с.

Боровой С.О. О реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ» // *Вопросы литературы*. М., 1966. № 4. С. 251–252.

[Откл.: *Мани Ю.В.* Знал ли Гоголь Россию? // *Литературная Россия*. М., 1967. 23 июня.]

Виньярски Мариса. Проблемы семантического анализа перевода (На материале глаголов в испанских переводах повести Н.В. Гоголя «Шинель») // *Студенческие научные работы Ун-та дружбы народов*. М., 1966. Вып. 5. С. 3–42.

Владимирова З. «Ревизор», прочитанный по-новому // *Московская правда*. М., 1966. 29 апр.

Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. Комиссия по истории филологических наук; отв. ред. Г.М. Фридендер. М.; Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1966. 348 с.

Из содерж.:

Творческий путь Гоголя. С. 46–200.

[Рец.: *Григорьян К.* Ценный вклад в литературоведение // *Нева*. Л., 1966. № 8. С. 200–201.]

Грамзина Т.А. О принципе и приемах построения фантастических образов в ранних повестях Гоголя // *Материалы VII зональной конференции литературоведов Поволжья*. Волгоград, 1966. С. 7–9.

Грамзина Т.А. Повесть Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» // *Материалы 21-й научной конференции Волгоградского пед. ин-та*. Волгоград, 1966. С. 237–239.

Гриц Т.С. М.С. Щепкин. Летопись жизни и творчества / Отв. ред. и сост. первой части (1788–1822) А.П. Клинин; «Летопись» дополнили и снабдили справочным аппаратом Т.М. Ельницкая, А.П. Клинин, Н.Г. Литвиненко, А.Я. Альтшуллер, Л.С. Данилова, И.А. Клецкая, Н.В. Королева, В.В. Сомина, М.Б. Рабинович; иконографию М.С. Щепкина собрал и описал Н.П. Пахомов; вступ. статья В.Б. Шкловского / АН СССР; Институт истории искусств Министерства культуры СССР; Институт театра, музыки и кинематографии Министерства культуры СССР. М.: Наука, 1966. 881 с.

[Указ. имен.]

Гуковский Г.А. Изучение литературного произведения в школе (Методологические очерки о методике). М.; Л.: Просвещение, 1966. 267 с.

[О повести «Тарас Бульба».]

[Рец.: *Юдин Ю.* // *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. М., 1968. № 3. С. 109–111.]

Докусов А.М. За изучение России «душ живых» в поэме Н.В. Гоголя // *Ученые записки / Ленинградский гос. пед. ин-т*. Л., 1966. Т. 337. С. 277–337.

Докусов А.М. «Мертвые души» Н.В. Гоголя (т. 1) // *Ученые записки / Ленинградский гос. пед. ин-т*. Л., 1966. Т. 275. С. 185–277.

Докусов А.М. Об одном эпизоде поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» («Повесть о капитане Копейкине») // *Ученые записки / Ленинградский гос. пед. ин-т*. Л., 1966. Т. 309. С. 131–159.

Долгих А.И. К проблеме речевой характеристики персонажей // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Воронеж, 1966. Т. 66. С. 23–31.

Долгих А.И. Структура диалога в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (Средства связи реплик и их характерологические функции // Известия Воронежского пед. ин-та. Воронеж, 1966. Т. 66. С. 5–22.

Ермакова М.Я. Исторические основы «Тараса Бульбы» Гоголя // Ученые записки / Горьковский гос. пед. ин-т им. М. Горького. Горький, 1966. Вып. 63. Серия литературная. С. 28–66.

Зилов М. Гоголь – актер // Театральная жизнь. М., 1966. № 24. С. 30.

Иваск Ю. О Гоголе: Выход из одиночества // Мосты. Париж, 1966. № 12. С. 178.

Ильина Л. Поприщин борется // Театральная жизнь. М., 1966. № 24. С. 30.

Илюшин А.А. Языковые приемы создания комического у Гоголя // Русский язык в школе. М., 1966. № 3. С. 22–26.

Касьянов А.В. О некоторых особенностях использования фразеологии в произведениях Н.В. Гоголя // Ученые записки / Московский обл. пед. ин-т. М., 1966. Т. 160. Вып. 11: Вопросы русской фразеологии. С. 286–294.

Катарский И.М. Диккенс в России (Середина XIX века). М.: Наука, 1966. 428 с. Гл. 2: Гоголь и Диккенс: С. 67–78.

Климкова Л.Н. Гоголь в русской критике и литературоведении конца XIX – начала XX вв. // Вопросы русской литературы. Львов, 1966. Вып. 1. С. 123–129.

Кугультинов Д. Об очерке Н.В. Гоголя «Калмыки» // Дружба народов. М., 1966. № 5. С. 229–233.

Личко А. Как умер Гоголь // Наука и религия. М., 1966. № 12. С. 80–87; 1967. № 1. С. 137–141.

То же: // Мир человека. М., 1976. С. 123–134.

Лотман Ю.М. Историко-литературные заметки // Ученые записки / Тартуский ун-т. Тарту, 1966. Вып. 184. С. 137–141.

Любимов Н. Городничий Игоря Ильинского // Театр. М., 1966. № 7. С. 13–16.

Манн Ю.В. Комедия Гоголя «Ревизор». М.: Художественная литература, 1966. 111 с. – (Массовая историко-литературная библиотека).

[Рец.: *Акимов А.* // Театр. 1968. № 4. С. 106–107; *Волкова Л.П.* Новый взгляд на «Ревизора» Гоголя // Вопросы русской литературы. Львов, 1968. Вып. 3. С. 64–67.]

Манн Ю. О гротеске в литературе. М.: Советский писатель, 1966. 184 с.

[Рец.: *Николаев Н.* «Шутка сказать – гротеск!» // Вопросы литературы. М., 1966. № 8. С. 209–213; *Старков А.* Знамя. М., 1967. № 3. С. 253–254; *Соколянский М.* // Новый мир. М., 1966. № 10. С. 285; *Bereza A.* // Zaganienia rodzajow lit. 1968. T. 5. Zesz 2. S. 285; *Borowiecka E.* // Studia estetyczne. Warszawa, 1968. № 5. S. 414–417.]

Машинский С.И. «Мертвые души» Н.В. Гоголя. М.: Художественная литература, 1966. 142 с. – (Массовая историко-литературная библиотека).

[Рец.: *Левин В.* Знал ли Гоголь? // Литературная Россия. М., 1967. 23 июня. № 26. С. 20.]

Переписка Н. Гоголя с В. Белинским // Полярная звезда на 1855. Факсимильное изд. М.: Наука, 1966. Кн. I. С. 62–77.

Пименов Ю. Новые иллюстрации к русской классике // Новый мир. М., 1966. № 2. С. 261–265.

Пушкин. Итоги и проблемы изучения / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); под ред. Б.П. Городецкого, Н.В. Измайлова, Б.С. Мейлаха. М.; Л.: Наука, 1966. 663 с.

[Пушкин и Гоголь в «Современнике». С. 232–233.]

Седова В.Г. Устное рисование при изучении рассказа Тургенева «Муму» и повести Гоголя «Тарас Бульба» // Известия / Воронежский пед. ин-т. Воронеж, 1966. Т. 49. С. 47–56.

Сладкова Д.А. Знакомство с литературным процессом через изучение своеобразия художественного метода писателей в старших классах средней школы. На материале изучения в IX классе романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Материалы VII зональной научной конференции литературоведческих кафедр университетов и педагогических институтов Поволжья. Волгоград, 1966. С. 185–186.

Слонимский Ю. Гоголь о русском балете // Нева. Л., 1966. № 4. С. 196–200.

[О статье Гоголя «Петербургские заметки 1836 года».]

Смирнова-Чикина Е.С. К летописи жизни Н.В. Гоголя // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1966. Т. XXV. Вып. 2. Март-апрель. С. 134–141.

Соллертинский Е.Е. Лермонтов и Гоголь // Вопросы русской и зарубежной литературы. Т. 2 / Куйбышевский пед. ин-т. Зональное объединение литературоведческих кафедр пединститутов Поволжья. Куйбышев, 1966. С. 24–45.

Степанов А.Н. Николай Васильевич Гоголь. Биография писателя (Пособие для учащихся). М.; Л.: Просвещение, 1966. 136 с.: 5 л. ил.

Степанов Н.Л. Поэты и прозаики: сб. статей. М.: Художественная литература, 1966. 360 с.

Из содерж.:

Гоголь-драматург. С. 218–233.

«Повесть о капитане Копейкине» и ее источники. С. 234–241.

Как должны были заканчиваться «Мертвые души». С. 242–252.

Турбин В.Н. Гоголь здесь угадан // Советский экран. 1967. № 11. С. 12.

Тюменева Г.А. Гоголь и музыка. М.: Музыка, 1966. 215 с.

Тюрин В.В. Заметки о гоголевских традициях в раннем творчестве Г. Успенского (1862–1866) // Ученые записки / Новгородский пед. ин-т. Новгород, 1966. Т. 8. С. 71–81.

Уманская М.М. Повествовательная манера Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Вопросы русской и зарубежной литературы. Куйбышев, 1966. Т. 2. С. 5–23.

Фридлендер Г. Гоголь и русская литература XVIII века // Роль и значение русской литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л.: Наука, 1966. С. 359–365.

Фридлендер Г.М. Гоголь и русская литература XVIII века // XVIII век: сб. статей и материалов. М.; Л.: Наука, 1966. Сб. 7. С. 359–385.

Чистов В.П. Белинский и школа Гоголя (К вопросу об оценке Белинским пафоса творчества писателей натуральной школы) // Материалы научной конференции по итогам работы за 1965 г. / Тираспольский пед. ин-т. Кишинев, 1966. С. 75–77.

Шкловский В.Б. Повести о прозе: Размышления и разборы: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1966. 463 с.

Н.В. Гоголь. С. 66–151.

Шоцкая Л.И. Лексические синонимы в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ, 1966. Т. 4. С. 126–134.

Яковлева Н. Через эстетику к этике // Народное образование. М., 1966. № 11.

[О работе со школьниками по картине И.Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».]

Якушина Л.С., Медведев В.П. Изучение драматического произведения в школе / Вологодский гос. пед. ин-т. Череповец: Северо-Западное книжное изд-во, 1966. 99 с.

Из содерж.:

Якушина Л.С. Работа над текстом комедии Гоголя «Ревизор» с применением технических средств. С. 3–59.

1967

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма / Послесл. С. Машинского; ил. А. Лаптева. М.: Детская литература, 1967. 560 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: О великой поэме Гоголя. С. 517–559.

Миргород / Вступ. статья Н. Филипповой; ил. А.П. Бубнова и др. М.: Художественная литература, 1967. 239 с.: ил. – (Народная библиотека). 300000 экз.

Загл. вступ. статьи: Миргород. С. 5–15.

Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1966–1967.

Т. 4: Драматические произведения / Послесл. и примеч. Ю. Манна. М., 1967. 494 с.: ил.

Загл. послесл.: Драматургия Гоголя. С. 453–477.

Примеч. С. 453–492.

Т. 5: Мертвые души: поэма / Послесл. и примеч. С.И. Машинского; ил. А. Агина. М., 1967. 622 с.: ил.

Загл. послесл.: Мертвые души. С. 575–606.

Т. 6. Статьи / Послесл. и примеч. А.Н. Степанова. М., 1967. 599 с.: 6 л. ил.

Загл. послесл.: Гоголь – критик и публицист. С. 513–531.

Т. 7. Избранные письма / Сост. и вступ. статья Г.М. Фридлендера; примеч. Г.М. Фридлендера, Е.В. Фрейдель; Указ. Д.М. Шарыпкина. М., 1967. 470 с.: 8 л. ил.

Загл. вступ. статьи: Письма Гоголя: С. 5–30.

Хронологическая канва жизни и творчества Гоголя. С. 409–429.

Аннотированный указатель имен и названий. С. 430–460.

Тарас Бульба: повесть / Послесл. С. Машинского; примеч. А. Слонимского. М.: Детская литература, 1967. 176 с. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: Гениальная повесть Гоголя. С. 141–162.

Примеч. С. 163–175.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов В.И. Ранний А.Н. Толстой и споры о классике (Художественное истолкование повести Н.В. Гоголя «Портрет») // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1967. № 4. С. 109–117.

Белышева А. Тайна смерти Гоголя // Нева. Л., 1967. № 3. С. 170–181.

Богащ Г. Источник пушкинского сюжета для «Мертвых душ» Гоголя // Молдавско-руско-украинские литературные и фольклорные связи / Академия наук Молдавской ССР. Институт языка и литературы. Т. 2. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967. С. 117–145.

Бурсов Б.И. Национальное своеобразие русской литературы. М.; Л.: Советский писатель, 1967. 395 с.

[О Гоголе: С. 168–174, 355–359.]

Бурсов Б.И. Реализм всегда и сегодня. Л.: Лениздат, 1967. 312 с.

Волкова Л.П. Значение Нежинского театра в становлении драматургических принципов Гоголя // Сборник работ аспирантов ВГУ. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1967. Вып. 3. Ч. 2. Гуманитарные науки. С. 117–121.

Глухов В.И. Гоголь-сатирик и народная сказка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1967. № 3. С. 66–75.

Грамзина Т.А. Пейзаж «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Ученые записки / Волгоградский гос. пед. ин-т. Волгоград, 1967. Вып. 21. С. 151–167.

Григорьев А.А. Литературная критика / Сост., вступ. статья и примеч. Б.Ф. Егорова. М.: Художественная литература, 1967. 631 с.

Из содерж.:

Гоголь и его последняя книга.

[Указ. имен.]

Докусов А.М., Маранцман В.Г. Изучение комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в школе: Пособие для учителя. М.; Л.: Просвещение. Ленинградское отделение, 1967. 192 с.

Зелов Н. Был ли Гоголь в Весъегонске? // Литературная Россия. М., 1967. 7 апреля. С. 18–19.

Зильберштейн И.С. «Ревизор» оформляет М.В. Добужинский // Огонек. М., 1967. № 8. С. 24–26 (ил. на вкладках).

Личко А. Последние дни жизни Гоголя // Неделя. М., 1967. 21 янв. № 15. С. 20.

Манн Ю.В. Заметки о поэтике «Мертвых душ» // Литература в школе. М., 1967. № 1. С. 8–16.

Манн Ю.В. Знал ли Гоголь Россию? // Литературная Россия. М., 1967. 23 июня.

Митрохина В.И. Стилистические функции изобразительно-выразительных средств (К изучению стиля поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»). М.: Изд-во полиграфического ин-та, 1967. 14 с.

Молохов А.Н. О паранойе у Н.В. Гоголя // Труды / Кишиневский медицинский ин-т. Клиника психиатрии; Республиканская психиатрическая больница № 1 МССР. Кишинев, 1967. Вып. 2. Клиника шизофрении. С. 233–246.

Нейман Б.В. Фантастическая повесть Лермонтова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1967. № 2. С. 14–24.

[Связь повести М.Ю. Лермонтова «Штосс» с прозой Гоголя.]

Никольский Ф.Е. Гоголь в Одессе / Публ. и вступ. статья и Н.Ф. Бельчикова // Прометей: историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 115–119.

Вступ. статья. С. 114–115.

Саннинский Б.Я. Две реплики автору статьи «О реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ» // Русская литература. Л., 1967. № 1. С. 200–202.

[По поводу статьи С.О. Борового (Вопросы литературы. М., 1966. № 4. С. 251–252).]

Саннинский Б.Я. Из наблюдений над сюжетом и жанром повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (Опыт исторического комментария) // Вопросы русской и зарубежной литературы. Ростов-на-Дону, 1967. С. 300–317.

Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь // Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, 1967. С. 412–456 / Репринт издания: Л., 1929.

Ульянов Н. Арабеск или Апокалипсис? // Ульянов Н.И. Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 41–60. [О повести Гоголя Нос.]

[Впервые: Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. № 57. С. 116–131; то же (в сокращении): // Литературная Россия / Публ., предисл. и послеслов. А. Дунаева. М., 1989. 15 декабря. № 50. С. 18–19; см. также Юность. М., 2000. № 7–8. С. 76–81.]

Федоров А.В. Лермонтов и литература его времени. Л.: Художественная литература, 1967. 364 с.

[Гоголевская традиция в прозе М.Ю. Лермонтова. С. 222–229].

Фейнберг И. История одной рукописи: рассказы литературоведа. Изд. 2-е, доп. М.: Советская Россия, 1967. 173 с.: ил.

«Повесть о капитане Копейкине». С. 10–19.

Штильман Л. Всевидящее око у Гоголя // Воздушные пути. Нью-Йорк, 1967. № 3. С. 279–282.

1968

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки / Вступ. статья Г.М. Фридлендера; ил. А. Лаптева. М.: Художественная литература, 1968. 240 с.: ил. – (Народная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Книга вечной молодости. С. 5–14.

Избранные произведения / Послесл. и примеч. А.Н. Степанова; сост. Л.А. Плотникова; худож. А. Ковалев. Л.: Лениздат, 1968. 735 с. – (Юношеская библиотека).

Загл. послесл.: Поэт жизни действительной. С. 697–712.

Примеч. С. 713–730.

Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Тарас Бульба; Шинель; Ревизор; Мертвые души.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья С. Машинского; ил. А. Лаптева. М.: Детская литература, 1968. 416 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: О великой поэме Гоголя. С. 3–24.

Мертвые души: поэма / Послесл. С. Машинского; ил. Г.Г. Леви. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1968. 374 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Мертвые души: поэма / Вступ. статья П.Г. Антокольского; гравюры Е.Е. Бернардовского по рис. А.А. Агина. М.: Художественная литература, 1968. 430 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Мертвые души. С. 3–31.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья С. Машинского. Иркутск, 1968. 416 с.

Загл. вступ. статьи: О великой поэме Гоголя. С. 5–24.

Петербургские повести. М.: Советская Россия, 1968. 205 с. – (Школьная библиотека).

Ревизор; Мертвые души / Сост. статьи и коммент. Н.Л. Степанова. М.: Просвещение, 1968. 563 с. – (Библиотека школьника).

Загл. статей: «Ревизор» Н.В. Гоголя. С. 5–27; «Мертвые души» Н.В. Гоголя. С. 116–141.

Собр. соч.: В 4 т. / Вступ. статья Н.Л. Степанова; примеч. Н.Л. Степанова, при участии А. Дубовикова. М.: Правда, 1968. – (Библиотека «Огонек»; Библиотека отечественной классики).

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь. С. 3–56.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. 511 с.: 4 л. ил.

Т. 2. Повести; Драматические произведения. 543 с.: 4 л. ил.

Т. 3. Мертвые души. 526 с.: 4 л. ил.

Т. 4. Избранные статьи. Избранные письма. 495 с.: 4 л. ил.

Тарас Бульба: повесть / Примеч. А. Слонимского; ил. Е. Кибрика. Ижевск: Удмуртия, 1968. 120 с.: ил. – (Школьная библиотека).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Г.Л. Идиллия Гоголя «Ганц Кюхельгартен» (к проблеме жанра) // Ученые записки Московского областного пед. ин-та. М., 1968. Т. 212. Вып. 12. С. 3–11.

Андреев И.М. Религиозное лицо Гоголя // Андреев И.М., проф. Очерки по истории русской литературы XIX века. (Краткое конспективное изложение некоторых лекций, читанных в Свято-Троицкой Духовной семинарии). Сборник 1. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., 1968. С. 118–143.

[Переиздано: *Андреев И.М.*, проф. Русские писатели XIX века. Очерки по истории русской литературы XIX века. М.: Издательский Дом Русский Паломник. Валаамское Общество Америки, 2009. С. 209–250.]

Арго А. Из истории литературных мистификаций. Как «правили» Гоголя // Наука и жизнь. М., 1968. № 1. С. 128–130.

Асаркян А. Слово и вещи // Театр. М., 1968. № 8. С. 114–118.

Боровой С. Еще о реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ» // Вопросы литературы. М., 1968. № 9. С. 187–188.

Бочаров С., Манн Ю. «Все мы вышли из гоголевской «Шинели» // Вопросы литературы. М., 1968. № 6. С. 183–185.

Грамзина Т.А. Н.В. Гоголь и В.А. Жуковский (Из истории творческих взаимоотношений художников) // Материалы XXII научной конференции / Волгоградский пед. ин-т им. А.С. Серафимовича. Волгоград, 1968. С. 292–295.

Губарев И.М. Петербургские повести Гоголя: монография / Таганрогский гос. пед. ин-т. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1968. 160 с.

Губарев И.М. Проблема трагической судьбы личности в петербургской повести Гоголя «Записки сумасшедшего» // Проблемы изучения художественного произведения (Методология, поэтика, методика): Тезисы докладов XI научно-теоретической и методологической конференции / МГПИ им. В.И. Ленина; под общ. ред. А.И. Ревякина. М., 1968.

Докусов А.М., Маранцман В.Г. Изучение комедии Гоголя «Ревизор» в школе. Л.: Просвещение, 1968. 396 с.

Касьянов А.В. О принципах работы Н.В. Гоголя над языком // Научные труды / Краснодарский гос. пед. ин-т. Краснодар, 1968. Вып. 81. С. 261–276.

Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / Сост. Р.А. Кирева и А.А. Зимин; отв. ред. акад. М.В. Нечкина; М.: Наука, 1968. 524 с.: ил.

Кожин В.В. К методологии истории русской литературы (О реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. М., 1968. № 5. С. 60–82.

[См. возражения оппонентов (там же, № 12).]

[См. также *Кожин В.* Чаадаев и Гоголь: о литературе 1830-х годов // *Кожин В.В.* Размышления об искусстве, литературе и истории. М.: Согласие, 2001. С. 187–215.]

Литературное наследство. Т. 79: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; редкол.: С.А. Макашин, А.Д. Соймонов и К.П. Богаевская; науч. рук. подгот. публ. А.Д. Соймонова. М.: Наука, 1968. 679 с.: ил. – (Литературное наследство). Н.В. Гоголь / Вступ. статья И.Я. Айзенштока; публ. И.Я. Айзенштока и П.Д. Ухова; коммент. И.Я. Айзенштока и В.В. Митрофановой. С. 231–280.

Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] XI: Литературоведение. Тарту, 1968 (Ученые записки Тартусского гос. ун-та. Вып. 209). С. 5–50.

Манн Ю. Еще о реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ» // Вопросы литературы. М., 1968. № 9. С. 187–188.

Манн Ю.В. Человек и среда (Заметки о «натуральной школе») // Вопросы литературы. М., 1968. № 9. С. 115–134.

[Гоголь и «натуральная школа».]

Марченко Т. Когда встрепенулось вдохновение // Советская культура. М., 1968. 12 марта.

Машинский С.И. Чемодан Адеркаса. М.: Детская литература, 1968. 136 с.

[Гоголь и «дело о вольнодумстве» в Нежинской гимназии.]

[Рец.: *Файнберг Р.* Драма в Нежинской гимназии // Нева. М.; Л., 1969. № 11. С. 197.]

Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы / Сост., ред. текстов и коммент. А.В. Февральского; общ. ред. и вступ. статья Б.И. Ростокского. Ч. 2: 1917–1939. М.: Искусство, 1968. 643 с.: [28] л. фот.

[О постановке «Ревизора» Гоголя: С. 108–147; 538–542.]

[Указ. имен.]

Мотолянец Г. [Рецензия] // Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 90. С. 303–304.

[Рец. на кн.: *Debrezeny Paul.* Nikolay Gogol and Contemporary Critics. Philadelphia, 1966.]

Нечаева В.С. В.Г. Белинский: Жизнь и творчества. 1842–1848 / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1968. 526 с.

Прометей: историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 5. М.: Молодая гвардия, 1968. 480 с.: ил.

Из содерж.:

Андреев Н.Ф. Нечто о Н.В. Гоголе / Публ. Е. Смирновой-Чикиной. С. 333–338.

[Воспоминания помещика Тульской губернии, писателя-краеоведа Н.Ф. Андреева о встрече с Гоголем в Туле 4 июля 1851 г. Впервые опубликовано: *Андреев Н.* Нечто о Н.В. Гоголе (Выдержки из заметок) // Тульские Губернские Ведомости. Тула, 1855. 8–15 янв. № 2–3. Часть неофициальная. С. 6–8, 11–14.]

Смирнова-Чикина Е.С. Гоголь и студенты. С. 454–455.

Прошин Г.Г. Н.В. Гоголь и отец Матвей (К истории последних лет жизни писателя) // Научно-атеистические исследования в музеях: сб. научных трудов / Гос. музей истории религии и атеизма. Л.: ГМИРИА, 1968. С. 76–89.

Рейсер С.А. «Все мы вышли из гоголевской «Шинели» (История одной легенды) // Вопросы литературы. М., 1968. № 2. С. 184–187.

Смирнова-Чикина Е.С. Источник сюжета «Тараса Бульбы» // Вопросы истории. М., 1968. № 7. С. 206–210.

Солоухин В. Камешки на ладони // Новый мир. М., 1968. № 8.

Усков Г.Н. Защита диссертации индийским ученым // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Филология. М., 1968. № 4. С. 90–91.

[О кандидатской диссертации М.П. Панде «Проблемы романтизма в раннем творчестве Н.В. Гоголя», защищенной в Московском гос. ун-те им. М.В. Ломоносова (1967).]

Черепнин Л.В. Исторические взгляды Н.В. Гоголя // Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968. С. 79–110.

[Впервые: Вопросы истории. М., 1964. № 1. С. 75–97.]

Шагинян Р.П. Пафос «Мертвых душ» и его художественное воплощение // Проблемы поэтики. Ташкент, 1968. С. 40–61.

1969

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки / Ил. П. Джур. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1969. 216 с.: ил.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья С. Машинского; ил. А. Лаптева. М.: Детская литература, 1969. 416 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: О великой поэме Гоголя. С. 3–24.

Мертвые души: поэма / Ил. А. Лаптева. М.: Детская литература, 1969. 415 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Мертвые души. поэма / Вступ. статья П.Г. Антокольского; гравюры Е.Е. Бернадского по рис. А.А. Агина. М.: Художественная литература, 1969. 431 с.: ил. 300000 экз.

Загл. вступ. статьи: «Мертвые души». С. 3–31.

Приложение:

Повесть о капитане Копейкине (Редакция, разрешенная цензурой). С. 425–429.

Мертвые души: поэма / Послесл. П. Антокольского. М.: Художественная литература, 1969. 318 с.

Загл. послесл.: «Мертвые души». С. 295–317.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья С. Машинского. Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1969. 430 с. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: О великой поэме Гоголя. С. 3–26.

Мертвые души: поэма / Послесл. С. Машинского. Иркутск: Восточно-сибирское книжное изд-во, 1969. 422 с. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: О великой поэме Гоголя. С. 395–421.

Мертвые души: поэма / Ил. А. Лаптева. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1969. 400 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Миргород / Вступ. статья Н. Филипповой; ил. А.П. Бубнова и др. М.: Художественная литература, 1969. 239 с.: ил. – (Народная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Миргород. С. 5–15.

Ночь перед Рождеством: повесть / Ил. М. Родионова. М.: Детская литература, 1969. 63 с.: ил. – (Школьная библиотека для нерусских школ).

Петербургские повести / Вступ. статья С.Г. Бочарова; ил. В. Горяева. М.: Художественная литература, 1969. 208 с.: ил. – (Народная библиотека). 150000 экз.

Загл. вступ. статьи: Петербургские повести Гоголя. С. 5–22.

Повести / Послесл. Т. Морозовой; ил. А. Каневского. М.: Детская литература, 1969. 159 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: Н.В. Гоголь и его повести. С. 143–158.

Ревизор: Комедия в пяти действиях // Русская драматургия. Избранные пьесы / Вступ. статья и примеч. Н.В. Зайцева; сост. И.И. Трофимкина. Л.: Лениздат, 1969. – (Юношеская библиотека).

Сочинения: В 2 т. / Ил. С. Бочарова. М.: Художественная литература, 1969.

Т. 1. Повести. 638 с.

Т. 2. Драматические произведения; Мертвые души. 623 с.

ЛИТЕРАТУРА

Андрусенко В.И. Элементы звуковой организации языка повестей Н.В. Гоголя // Вопросы теории и методики русского языка. Ульяновск, 1969. С. 337–346.

Берковский Н.Я. Литература и театр: Статьи разных лет. М.: Искусство, 1969. 638 с.

Из содерж.:

Комедия империи (О «Ревизоре» Гоголя. К выступлениям Игоря Ильинского в роли Хлестакова). С. 517–534.

Грамзина Т.А. Исторические и социальные корни фантастики раннего Гоголя // Материалы 23 научной конференции / Волгоградский пед. ин-т им. А.С. Серафимовича. Волгоград, 1969. С. 248–251.

Громов В.А. Гоголь и Тургенев // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Т. 5. Л., 1969. С. 354–363.

Докусов А.М. Повесть Н.В. Гоголя «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Ученые записки / Ленинградский гос. пед. ин-т. Т. 320. Л., 1969. С. 103–110.

Долгополов Л.К. Гоголь в начале 1840-х годов («Портрет» и «Тарас Бульба»: вторые редакции в связи с началом духовного кризиса) // Русская литература. Л., 1969. № 2. С. 82–104.

Дрыжакова Е.Н. А.И. Герцен о Н.В. Гоголе // Герценовские чтения (XXII). Филологические науки. 1969. С. 104–105.

Ермилова Л.Я. «Страшная месть и «Хозяйка» (Этюд из области психологии и творчества Гоголя и Достоевского) // Ученые записки МГПИ. М., 1969. № 315. Вопросы русской литературы. С. 110–127.

Зверев Т.В. Изучение повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Л.: Просвещение, 1980. 104 с.

Зепалова Т.С. Гоголь. «Ревизор» // *Беленький Г.И.* Методическое руководство к учебнику-хрестоматии «Родная литература» для 7 класса. М., 1969. С. 69–107.

Зильберштейн И.С. Неизвестные автографы и портреты Гоголя // Огонек М., 1969. № 46. С. 26–29.

Крамчанин А.И. О принципах типизации в повестях Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Ученые записки / Московский гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. М., 1969. № 315. Вопросы русской литературы. С. 79–93.

Красильникова О.А. Литературные цитаты и крылатые выражения в языке поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Вопросы лексикологии. Днепропетровск, 1969. С. 114–118.

Кузнецова М.В. Юмор Гоголя и Чехова (некоторые аспекты) // Ученые записки / Нижнетагильский гос. пед. ин-т. Сб. 107. Нижний Тагил, 1969. С. 27–53.

Купреянова Е.Н. Идея социализма в русской литературе 30–40-х годов // Идея социализма в русской классической литературе. Л., 1969. С. 112–122.

Ланский Л. Исповедь Хлобуева (Неизвестное письмо П.В. Нащокина к Гоголю) // Вопросы литературы. М., 1969. № 2. С. 251–255.

Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1969. Вып. 209.

Манаенков В.Ф. Общественно-литературная борьба вокруг «Мертвых душ» // Вопросы русской и советской литературы: сб. научных трудов. Благовещенск, 1969. Вып. 2. С. 27–43.

Манаенков В.Ф. Поэтический стиль повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Стиль художественного произведения / Уссурийский пед. ин-т. Тезисы докладов. Уссурийск, 1969.

Манн Ю.В. О поэтике «Мертвых душ» // Русская классическая литература. М., 1969. С. 186–211.

Манн Ю.В. Фантастическое и реальное у Гоголя // Вопросы литературы. М., 1969. № 9. С. 106–125.

Мануйлов В.А. Гоголь и Русь // Нева. Л., 1969. № 4. С. 172–175.

Машинский С. И. Маленькие шедевры большого художника. К 160-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Литературная Россия. М., 1969. 4 апреля. С. 16–18.

Миндлин И. Трагедия Гоголя (о религиозных исканиях в последние годы жизни) // Наука и религия. М., 1969. № 5. С. 83–69.

Михайловский Б.В. Избранные статьи о литературе и искусстве / Под общ. ред. А.Г. Соколова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 676 с.

Из содерж.:

Горький и Гоголь. С. 132–174.

Назаревский А.А. Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля // Вопросы русской литературы. Львов, 1969. № 2. С. 39–46.

Петрунина Н.Н., Фридендер Г.М. Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 6: Реализм Пушкина и литература его времени. Л.: Наука, 1969. С. 197–228.

Прийма Ф.Я. Более чем спорная схема // Русская литература. Л., 1969. № 2. С. 105–118. [По поводу статьи Л.К. Долгополова «Гоголь в начале 1840-х годов («Портрет» и «Тарас Бульба»: вторые редакции в связи с началом духовного кризиса)» // Русская литература. Л., 1969. № 2.]

Проблемы типологии русского реализма: [сб. статей] / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; под ред. Н.Л. Степанова и У.Р. Фохта. М.: Наука, 1969. 474 с.

Из содерж.:

Бочаров С.Г. Пушкин и Гоголь («Станционный смотритель» и «Шинель»). С. 210–240.

Манн Ю.В. Философия и поэтика «натуральной школы». С. 241–305.

[Гоголь и «натуральная школа».]

Пугач С.А. Заметки о языке и стиле отрывка «Днепр» из повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» // Материалы научно-методической конференции / Белгородский пед. ин-т им. М.С. Олминского. Вып. 2. Белгород, 1969. С. 74–80.

Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. М.: Наука, 1969. 527 с.
[«Ревизор» Гоголя в постановке В.Э. Мейерхольда.]
[Указ. имен.]

Ульянов Н. На гоголевские темы: Кто подлинный создатель «демонического» Петербурга? // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 94. С. 103–112.
[То же: Гоголь Н.В. Петербургские повести / Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова. М.: Издательский Дом Синергия, 2001. С. 329–337.]

Ульянов Н. Ответ профессору З. Фолеевскому // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 97. С. 282–285.

Фолеевский Збигнев. На полях статьи профессора Н. Ульянова «На гоголевские темы» (НЖ. 94) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 96. С. 271–273.

Фридлендер Г.М. О повести Н.В. Гоголя «Рим» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: сб. статей к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л., 1969. С. 334–342.

Чокану А. Популярность произведений Гоголя в Молдавии // Нистру (Днестр). Кишинев, 1969. № 4. С. 155–156.

Эйхенбаум Б. О прозе: сб. статей / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского, вступ. статья Г. Бялого. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1969. 503 с.

Из содерж.:

Как сделана «Шинель» Гоголя. С. 306–326.

1970

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Хабаровск: Книжное изд-во, 1970. 206 с. – (Школьная библиотека).

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Повести / Примеч. Л.М. Крупчанова; ил. Е. Голяховского. М.: Московский рабочий, 1970. 623 с.: ил. – (Библиотечка школьника).

Мертвые души: поэма / Вступ. статья С. Машинского. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1970. 367 с. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: О великой поэме Гоголя. С. 5–24.

Петербургские повести. М.: Советская Россия, 1970. 160 с. – (Школьная библиотека).

Повести / Послесл. Т. Морозовой; ил. А. Каневского. М.: Детская литература, 1970. 111 с.: ил. – (Школьная библиотека для нерусских школ).

Загл. послесл.: Н.В. Гоголь и его повести. С. 104–110.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья Ю. Манна; ил. Д. Кардовского. М.: Художественная литература, 1970. 112 с.: ил. – (Народная библиотека). 200000 экз.

Загл. вступ. статьи: Сила «Ревизора». С. 3–16.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья, подбор материалов, историческая справка о постановках «Ревизора» и примеч. Вл. Филиппова. М.: Детская литература, 1970. 176 с.: 8 л. ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: «Ревизор» Н.В. Гоголя. С. 5–24.

Приложения:

Гоголь Н.В. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 111–116.

Гоголь Н.В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 117–124.

Из писем Н.В. Гоголя

К М.С. Щепкину. С. 125–127.

К М.П. Погодину. С. 127–128.

Филиппов Вл. «Ревизор» на сцене. Историческая справка. С. 129–135.

Ильинский И. Моя работа над ролью Хлестакова и городничего. С. 136–149.

Примеч. С. 150–158.

Фотоиллюстрации к «Ревизору». С. 159–157.

Тарас Бульба: повесть / Ил. Б.Н. Осенчакова. Л.: Лениздат, 1970. 123 с.: ил. – (Школьная библиотека). 200000 экз.

Тарас Бульба: повесть. М.: Советская Россия, 1970. 109 с. – (Школьная библиотека).

Тарас Бульба: повесть / Ил. А.П. Зырянова. Пермь: Книжное изд-во, 1970. 119 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Тарас Бульба: повесть / Вступ. статья С. Машинского; ил. Е. Кибрика. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1970. 148 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Народно-героическая эпопея Гоголя. С. 3–25.

Тарас Бульба: повесть / Коммент. А. Слонимского; ил. В. Кравцова. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1970. 128 с.: ил.

ЛИТЕРАТУРА

Агаева И.И. Лирическое начало повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Ученые записки Азербайджанского пед. ин-та языков. Баку, 1970.

Ахрамеев В.Д. Заметки о гоголевских традициях в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» // Ученые записки / Курский гос. пед. ин-т. Т. 73. Курск, 1970. С. 101–119.

Брайко Ю.С. Великосорочинский литературно-мемориальный музей Н.В. Гоголя: Путеводитель. Харьков: Прапор, 1970. 113 с.

Горбулина Е.В. В.Г. Белинский о комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Романтики и реалисты. Краснодар, 1970. С. 54–61.

Грамзина Т.А. «Вечер накануне Ивана Купала» Н.В. Гоголя // Ученые записки Волгоградского гос. пед. ин-та им. А.С. Серафимовича. Вып 30. Волгоград, 1970. С. 173–189.

Громов В.А. Михаил Чехов. М.: Искусство, 1970. 217 с. – (Жизнь в искусстве).

[Постановка «Ревизора» в Московском художественном театре (1921 г., режиссер К.С. Станиславский). Роль Хлестакова в исполнении М.А. Чехова: С. 87–99.]

Дубинская А. Гоголь в свете рампы // Московская правда. М., 1970. 29 дек.

Елистратова А.А. Гоголь и Просвещение: «Мертвые души» и английский просветительский роман // Проблемы Просвещения в мировой литературе. М.: Наука, 1970. С. 216–234.

Ефимова М.Т. Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники / Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та. Т. 434. Псков, 1970. С. 135–147.

Живые страницы. А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский в воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических произведениях и документах /

Сост., сопроводит. текст и коммент. Б.В. Лунина; науч. ред. и вступ. статья Д.Д. Благого. М.: Детская литература, 1970. 644 с. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Об этой книге. С. 3–4.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 185–314.

Коммент. в тексте.

Приложение:

Краткие сведения об основных вошедших в книгу воспоминаниях и об их авторах. С. 538–542. Н.В. Гоголь. С. 539–540.

Зеленукина Л.А. Употребление винительного и творительных предикативных имен существительных при полузнаменательных глаголах в языке Пушкина, Лермонтова и Гоголя // Ученые записки Московского областного пед. ин-та им. Крупской. М., 1970. Т. 278: Русский язык. Вып. 17. С. 268–276.

Лотман Ю.М. Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Н.В. Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. [Т.] XV. Литературоведение. Тарту, 1970. Ученые записки Тартусского гос. ун-та. Вып. 251. С. 17–45.

Манн Ю. Структура гоголевского гротеска // Вопросы литературы. М., 1970. № 3. С. 214–217.

[Рец. на кн.: *Günter H.* Das Grotesk bei N.V.Gogol. Formen und Funktionen. München, 1968.]

Небольсин А. [Рецензия] // Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 99. С. 274–276.

[Рец. на кн.: *Erlich Victor.* Gogol. Yale University Press, 1969.]

Поспелов Г.Н. Художественная система реалистических произведений Н.В. Гоголя // Поспелов Г.Н. Проблемы литературного стиля. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 244–282.

Прийма Ф.Я. Русская литература на Западе: статьи и разыскания / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1970. 256 с.

Из содерж.:

Ксавье Мармье и русская литература

[Указ. имен.]

Розанов В.В. Легенда о великом инквизиторе. Две статьи о Гоголе. = Rozanov V.V. Die Legende vom Grossinquisitor. Zwei Gogol'-Aufsätze / Einleitung in deutscher und Bemerkungen zum Stil in russischer Sprach von D. Tschizewskij. München: Fink, 1970. XI, 283 с.

Сечкарев В. [Рецензия] // Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 99. С. 279–281.

[Рец. на кн.: *Proffer Carl R.* The Simile and Gogol's «Dead Souls». Slavistic Printings and Reprintings. V. LXII. Mouton-Paris, 1967.]

Смирнов И. Жан Поль и Гоголь // Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 101. С. 109–120.

Смирнова Е.А. К вопросу о психологизме в творчестве Гоголя // Ученые записки / Ленинградский гос. пед. ин-т. Л., 1970. Т. 460. С. 65–81.

Солнцева Л. Два спектакля гостей из Словакии // Театр. 1970. № 5. С. 136–140.

Ульянов Н. Ответ профессору З. Фолеевскому // Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 98. С. 285.

[Полемика вокруг проблемы литературного родства Пушкина и Гоголя.]

Цыбенко Е.З. Русский роман в Польше в середине XIX века (40–70-е годы. Гоголь. Тургенев) // Польско-русские литературные связи: сб. статей / Ред. Н.И. Балашов. М.: Наука, 1970. С. 251–299.

Чинков И.В. «Акакий Акакиевич...» // Новый Журнал 1970. № 100. С. 37–38.

1971

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки / Послесл. Н.Л. Степанова; ил. А. Лаптева. М.: Детская литература, 1971. 263 с.: 8 л. ил.

Загл. послесл.: Вечера на хуторе близ Диканьки. С. 244–255.

Мертвые души: поэма. Л.: Лениздат, 1971. 254 с.: ил. – (Библиотека школьника).

Мертвые души: поэма / Вступ. статья С. Машинского; ил. А. Лаптева М.: Детская литература, 1971. 384 с.: ил. – (Школьная библиотека). 500000. экз.

Загл. вступ. статьи: О великой поэме Гоголя. С. 3–22.

Петербургские повести. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1971. 135 с. – (Для среднего школьного возраста).

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья, подбор материалов, историческая справка о постановках «Ревизора» и примеч. В. Филиппова. М.: Детская литература, 1971. 160 с.: 8 л. ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: «Ревизор» Н.В. Гоголя. С. 5–24.

Ревизор; Женитьба / Ил. Б.А. Комарова. Л.: Лениздат, 1971. 151 с.: ил. – (Библиотека школьника). 200000 экз.

Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1971.

Т. 1. Повести. 638 с.

Т. 2. Драматические произведения; Мертвые души. 623 с.

Тарас Бульба: повесть / Послесл. С. Машинского; примеч. А. Слонимского; ил. Е. Кибрика. М.: Детская литература, 1971. 175 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: Гениальная повесть Гоголя. С. 147–164.

Тарас Бульба: повесть. Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1971. 120 с. – (Школьная библиотека).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Г.Л. К вопросу об идее повести-сказки Н.В. Гоголя «Вий» // Проблемы теории и истории литературы: сб. статей, посвященных памяти проф. А.И. Соколова. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 289–296.

Агаева И.И. Эстетический идеал Н.В. Гоголя в «Вие» (Тезисы доклада) // Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах в свете решений XIV съезда КПСС. М., 1971. С. 78–79.

Альтман М.С. Из арсенала имен и прототипов Достоевского // Достоевский и его время / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом); под ред. В.Г. Базанова и Г.М. Фридендера. Л.: Наука, 1971. С. 204–209.

Альтман М.С. Пестрые заметки // Прометей: историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 1971. Т. 8. С. 362–363.

Андроников И.Л. Я хочу рассказать вам... Рассказы, портреты, очерки, статьи. 3-е изд. М.: Советский писатель, 1971. 576 с.: 27 л. ил.

[Гоголь и его современники.]

Бочарова А.К. К творческой истории второго тома «Мертвых душ» (заключительная глава) // Русская литература. Л., 1971. № 2. С. 116–123.

Виноградов В.В. Гоголь как культурно-психологическое и народно-языковое явление // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В.В. Виноградова: сб. статей. М.: Наука, 1971. С. 13–22.

См. также: *Костомаров В.Г.* «Гоголь как культурно-психологическое и народно-языковое явление» // Русский язык за рубежом. М., 2009. № 2. С. 8–9.

[В.В. Виноградов о наследии Гоголя. На материале набросков книги «Пушкин и Гоголь» (опубл. в сборнике «Памяти В.В. Виноградова», М., 1971).]

Войтоловская Э.Л. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». Комментарий: Пособие для учителей. Л.: Изд-во «Просвещение», Ленинградское отделение, 1971. 272 с.

Выборнова С.Г. Изучение поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (Тема народа) // Ученые записки / МГПИ. М., 1971. № 395. С. 51–56.

Выборнова С.Г. Изучение языка поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в VIII классе средней школы (На материале IX главы) // Ученые записки / МГПИ. М., 1971. № 407. С. 119–126.

Высокоцкий С.К. Демонологический элемент в творчестве Гоголя // Возрождение. Париж, 1971 Март. № 230. С. 44–59.

Гаврилова Е.И. Пушкин, Гоголь и Соболевский в рисунках К. Брюллова // Искусство. М., 1971. № 2. С. 54–59.

Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. 552 с. [Влияние «Божественной комедии» Данте на замысел «Мертвых душ»: С. 462–463.]

Губарев И.М. Трагедия личности в повести Гоголя «Записки сумасшедшего» // Актуальные проблемы литературы. Ростов-на-Дону, 1971. С. 138–148.

Дзюбинская О. Счастливая находка // Советская культура. М., 1971. 4 марта.

Докусов А.М. Мастерство сюжета Н.В. Гоголя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Проблемы теории и истории литературы: сб. статей, посвященный памяти проф. А.Н. Соколова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. С. 281–288.

Докусов А.М. «Миргород» Н.В. Гоголя: Лекции из спецкурса «Н.В. Гоголь». Л.: ЛГПИ, 1971. 176 с.

Дюришин Д. Я. Есенский-новеллист и Н.В. Гоголь в свете типологических отношений и контактных связей // Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении: [сб. статей] / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; Чехословацкая академия наук; Институт чешской и мировой литературы; Словацкая академия наук. Институт мировой литературы и языка; редкол. Н. Балашов [и др.]. М.: Наука, 1971.

Елеонская А.С. Изучение в школе исторической повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в VI классе (к вопросу о специфике анализа произведений исторической беллетристики) // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1971. № 395.

Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. Б. м. и г. [1971.] 448 с. [Указ. имен.]

Иванов В.В. Об одной параллели к гоголевскому «Вию» // Труды по знаковым системам. Вып. 5. Тарту, 1971. С. 133–142. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 284).

Иванов Г.В. О скрытой полемике с Гоголем в рассказе Ф.М. Достоевского «Господин Прохарчин» // Ученые записки ЛГУ. Л., 1971. № 355. С. 179–180.

Кирпотин В.Я. У истоков романа-трагедии. Достоевский – Пушкин – Гоголь // Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство: сб. статей / Сост. В.Я. Кирпотин. М.: Советский писатель, 1971. С. 9–86.

Купреянова Е.Н. «Мертвые души» Н.В. Гоголя (Замысел и его воплощение) // Русская литература. Л., 1971. № 3. С. 62–74.

Лихачев Д.С. Социальные корни типа Манилова // Проблемы теории и истории литературы: сб. статей, посвященных памяти проф. А.Н. Соколова. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 297–307.

Манн Ю.В. Формула онемения у Гоголя // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 30. Вып. 1. М., 1971. С. 28–36.

Машинский С. Художественный мир Гоголя. М.: Просвещение, 1971. 512 с.

Первушин Н.В. Встречался ли Достоевский с Гоголем? // Новый журнал. Нью-Йорк, 1971. № 105. С. 164–172.

[О статье Ю.Э. Маргулиеса «Встреча Достоевского и Гоголя: (начало осени 1848 г.)» (Воздушные пути. Нью-Йорк, 1963. Кн. 3. С. 272–294)].

Рейсер С.А. К истории формулы: «все мы вышли из гоголевской «Шинели» // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 187–189.

Сарычев Л. Принципы создания характера в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя // Ученые записки / Московский гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. М., 1971. Т. 455. С. 160–178.

Сербский Г.П. Авторские недосмотры и автоцензура в первом томе «Мертвых душ» // Страницы истории русской литературы. К 80-летию Н.Ф. Бельчикова: сб. статей / Отв. ред. Д.Ф. Марков. М.: Наука, 1971. С. 366–375.

Смирнова Е.А. Творчество Гоголя как явление русской демократической мысли первой половины XIX в. // Освободительное движение в России. Саратов, 1971. Вып. 2. С. 73–93.

Степанов Н.Л. Гоголь Н. В. // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. М.: Просвещение, 1971. С. 249–259.

Чарушникова М.В. Найдена утраченная рукопись Н.В. Гоголя // Литературная Россия. М., 1971. 5 ноября. С. 15.

[См. также *Чарушникова М.В.* Фрагмент незавершенного романа Н.В. Гоголя «Гетьман» // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1976. Вып. 37. С. 185–208.]

Шлаин М.И. Характер героя гротескной повести Н.В. Гоголя // Сборник научных трудов аспирантов / Ереванский армянский пед. ин-т. Ереван, 1971. № 5. Вып. 1. С. 89–98.

Шлаин М.И. Эволюция гротеска в петербургских повестях Н.В. Гоголя // Вестник Московского ун-та. Филология. М., 1971. № 4. С. 16–25.

Янушкевич А.С. Особенности прозаического цикла в русской литературе 30-х гг. XIX века // Сборник трудов молодых ученых. Томск: Издание ТГУ [Томский гос. ун-т], 1971. С. 1–22.

Янушкевич А.С. Эпическое начало в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Сборник трудов молодых ученых. Томск: Издание ТГУ [Томский гос. ун-т], 1971. С. 38–68.

1972

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1972. 207 с. – (Школьная библиотека).

Избранное / Примеч. Л.М. Крупчанова. М.: Московский рабочий, 1972. 624 с.

Содерж.:

Вечера на хуторе близ Диканьки

Ч. 1

Предисловие. С. 7–12.

Сорочинская ярмарка. С. 13–38.

Вечер накануне Ивана Купала. С. 39–52.

Майская ночь, или Утопленница. С. 53–78.

Пропавшая грамота. С. 79–88.

Ч. 2

Предисловие. С. 89–92.

Ночь перед Рождеством. С. 93–133.

Страшная месть. С. 134–169.

Иван Федорович Шпонька и его тетушка. С. 170–193.

Заколдованное место. С. 194–201.

Миргород

Ч. 1

Старосветские помещики. С. 205–226.

Тарас Бульба. С. 227–334

Ч. 2

Вий. С. 335–370.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. С. 371–414.

Повести. 1834–1842

Невский проспект. С. 417–448.

Нос. С. 449–472.

Портрет. С. 473–522.

Шинель. С. 523–550.

Коляска. С. 551–561.

Записки сумасшедшего. С. 562–581.

Примеч. С. 582–621.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья П.Г. Антокольского; гравюры Е.Е. Бернадского по рис. А.А. Агина. М.: Художественная литература, 1972. 416 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Мертвые души. С. 3–29.

[То же: *Антокольский П.Г.* Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1972.]

Мертвые души: поэма. Минск: Беларусь, 1972. 319 с.

Мертвые души: поэма / Ил. А. Агина. Ставрополь: Книжное изд-во, 1972. 389 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Повести / Предисл. С. Машинского. М.: Детская литература, 1972. 254 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. предисл.: Повести Гоголя. С. 3–23.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья, подбор материалов, историческая справка о постановках «Ревизора» и примеч. В. Филиппова. М.: Детская литература, 1972. 159 с.: 8 л. ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: «Ревизор» Н.В. Гоголя. С. 5–24.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья Ю. Манна; ил. Д. Кардовского. М.: Художественная литература, 1972. 112 с.: ил. – (Народная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Сила «Ревизора». С. 3–16.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья А.Л. Слонимского. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1972. 96 с. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Ревизор: С. 3–10.

Тарас Бульба: повесть / Послесл. С. Машинского; примеч. А. Слонимского; ил. Е. Кибрика. М.: Детская литература, 1972. 176 с.: ил. – (Школьная библиотека для нерусских школ).

Загл. послесл.: Гениальная повесть Гоголя. С. 147–164.

Тарас Бульба; Сорочинская ярмарка; Страшная месть: повести. Вологда: Северо-Западное книжное изд-во. Вологодское отделение, 1972. 191 с. – (Школьная библиотека).

ЛИТЕРАТУРА

Агаева И.И. К вопросу об изучении романтизма Н.В. Гоголя в досоветском литературоведении // Ученые записки Азербайджанского пед. ин-та языков. Сер. XII. № 1. Баку, 1972. С. 113–123.

Вишневская И. Бессмертие великой поэмы. Перечитывая второй том «Мертвых душ» Гоголя // Москва. М., 1972. № 2. С. 211–217.

Гаско М. По следам одного сотрудничества. Из шевченковедческих этюдов // Радуга. Киев, 1972. № 3. С. 161–171; ил.

[Высказывается предположение, что рисунок в альбоме Урусова изображает встречу Гоголя с Лермонтовым и выполнен Т.Г. Шевченко.]

Глухов А.И. Сатирическая поэма М.Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша» (К вопросу о традициях Пушкина и Гоголя) // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве / Башкирский ун-т. Вып. 2. Уфа, 1972. С. 94–108.

Долотова Л. Достоевский или Тургенев? // Вопросы литературы. М., 1972. № 11. С. 186–192.

Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М.: Наука, 1972. 303 с. [Рец.: *Левин Ю.Д.* Типологическое исследование «Мертвых душ» // Русская литература. Л., 1973. № 3. С. 221–224; *Манн Ю.* «Мертвые души» в контексте европейской литературы // Вопросы литературы. М., 1973. № 8. С. 263–268; *Ромм А.* // Новый мир. М., 1972. № 12. С. 277–278.]

Ермаков И.И. Литературные корни «Тихого Дона» (Шолохов и Гоголь) // Ученые записки / Горьковский пед. ин-т. Вып. 129. Горький, 1972. С. 3–16.

Заболоцкий Н. Поприщин // Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1972. С. 23.

Игнатова М. Гоголь в оперном театре // Советская культура. М., 1972. 12 дек.

Инютин В. О гротеске у Гоголя и Достоевского («Записки сумасшедшего» – «Двойник») // Сборник студенческих научных работ. Гуманитарные и общественные науки. Воронеж, 1972. С. 72–74.

Карташова И.В. Романтическое в творчестве Гоголя 30-х гг. («Петербургские повести») // Материалы XI межвузовской научной конференции литературоведов Поволжья. Куйбышев, 1972.

Кийко Е.И. В.Г. Белинский: очерк литературно-критической деятельности. М.: Просвещение, 1972. 176 с. – (Библиотека словесника).

Кирилина Е.Я. О гоголевских традициях в раннем творчестве Д.В. Григоровича // Литературоведческий сборник. Рязань, 1972. С. 89–101.

Кирпотин В.Я. У истоков романа-трагедии. Достоевский – Пушкин – Гоголь // Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство. М., 1971. С. 9–86. [То же: Кирпотин В.Я. Достоевский-художник. Этюды и исследования. М.: Советский писатель, 1972. С. 41–120.]

Ковалев Вл. А. Гоголевские традиции в прозе Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник. Тула, 1972. С. 152–163.

Кулешов В.И. История русской критики XVIII–XIX веков. М.: Просвещение, 1972. 383 с. На подступах к реалистической критике. 1820–1830-е годы
Гл. 2: Статьи и заметки Пушкина и Гоголя.

Лакишин В.Я. Гоголь и автор «Банкрута» // Театр. М., 1972. № 6. С. 81–91.

Маймин Е.А. Сюжетная композиция в драматическом произведении. Построение сюжета в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Опыты литературного анализа. М., 1972. С. 160–183.

Мальцев М.И. Об эзоповском подтексте петербургских повестей Гоголя // Русская литература. Л., 1972. № 3. С. 89–97.

Манн Ю.В. В поисках стиля (О постановке комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в Московском театре Сатиры // Театр. М., 1972. № 9. С. 3–12.

Манн Ю. О гротескном стиле «Мертвых душ» // Литература в школе. М., 1972. № 1. С. 2–7.

Манн Ю. О жанре «Мертвых душ» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 31. Вып. 1. М., 1972. С. 7–17.

Манн Ю.В. Путь к открытию характера // Достоевский – художник и мыслитель. М., 1972. С. 284–311.

Марченко А. Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель, 1972. 312 с. [О Гоголе: С. 63–65, 203–209.]

Мережковский Д.С. Гоголь // Мережковский Д.С. Избранные статьи. Мюнхен: Wilhelm Fink, 1972.

Минц З.Г. Блок и Гоголь // Блоковский сборник [Т.] II. Тарту, 1972. С. 122–205.

Муценко Е.Г. Сказовое повествование у Н.В. Гоголя: (Из наблюдений за поэтикой «Вечеров на хуторе близ Диканьки») // Вопросы поэтической литературы и фольклора. Воронеж, 1972. С. 62–72.

Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972. 572 с.

«Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести, изданные пасичником Рудым Паньком.

Пигарев К.В. Реальное и романтическое в русском пейзаже 30-40-х годов XIX в. (Из наблюдений над пейзажем Гоголя) // Пигарев К.В. Русская литература и изобразительное искусство. М., 1972. С. 52–67.

Поспелов Г.Н. История русской литературы XIX века. 1840–1860-е годы: Пособие для филологических факультетов вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1972. 470 с.

Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. Т. 1: Просветительский реализм. Утверждение критического реализма / АН СССР. Институт мировой литературы. М.: Наука, 1972. 349 с.

Из содерж.:

Фохт У.Р. Становление критического реализма (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь). С. 164–233.

Манн Ю.В. Утверждение критического реализма. Натуральная школа. С. 234–291.

[Гоголь и натуральная школа.]

Раньков Л.Н. Функции метафор в языке Н.В. Гоголя // Русский язык в школе. М., 1970. № 2. С. 44–48.

Семенов В.Ф. Гоголь – историк–медиевист // Из истории западноевропейского Средневековья. М., 1972.

Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках / Сост. Е. Покусаева; вступ. статья Е. Покусаева и А. Жук. М.: Художественная литература, 1972. 543 с.

Из содерж.:

В.Г. Белинский и драматургия А.Н. Островского. С. 457–526.

Специфика драматургического конфликта у Гоголя.

[Указ. имен.]

Слонимский А. Техника комического у Гоголя. Брюссель, 1972. 65 с.

Смирнова Е.А. Бессмертная как народ (К 130-летию со дня выхода поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Волга. 1972. № 9. С. 155–160.

Смирнова Е.А. Гоголь Н.В. // Большая Советская Энциклопедия. М., 1972. Т. 7. С. 1–6.

Старовойтова Г.Р. Изучение повести Гоголя «Тарас Бульба» в VI классе // Литература в школе. М., 1972. № 4.

Этов В.И. «Поэт жизни действительной» (Принципы повествования и речевая изобразительность в повести «Нос») // Русский язык в школе. М., 1972. № 1. С. 3–10.

Югов А.К. Думы о русском слове. М.: Современник, 1972. 214 с. – (Любителям российской словесности).

Из содерж.:

Откуда у Чичикова «сухно брусничных цветов с искрой»? С. 205–211.

<*Якобсон Р., Арутюнова Б.*> *Jakobson R., Aroutunova B.* An Unknown Album Page by Nikolay Gogol // Harvard Library Bulletin. 1972. Vol. 20. № 3. С. 236–254.

[Публикация текста, написанного Гоголем в альбом М.А. Власовой («Как ни глуп Индийский петух...»), и сопроводит. статья (на английском языке).]

[Перепечатано: *Roman Jakobson and Bajara Aroutunova.* An unknown album page by Nikolaj Gogol // *Roman Jakobson selected writings. Poetry of Grammar and Grammar of Poetry.* III. Edited, with a preface, by Stephen Rudy. Mouton publishers. The Hague, Paris, New York, 1981. P. 679–695; см. также: *Жовтис А.* Неизвестные строки Гоголя: Из архива Зинаиды Волконской // Простор. 1973. № 1; *Прохогин Н.* Альбомная страница, или Стихотворение в прозе // Советская культура. 1984. 24 марта; *Фридкин В.* Отчет о командировке // Наука и жизнь. 1985. № 2 (с фотокопией автографа); *Прохогин Н.П.* Альбомная страница, или Стихотворение в прозе // Прохогин Н. Под миртами Италии прекрасной. М., 1988; *Фридкин В.М.* Грот Гоголя // Фридкин В.М. Пропаший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах. 2-е изд., доп. М., 1991.]

1973

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки Л.: Лениздат, 1973. 215 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Вечера на хуторе близ Диканьки / Послесл. Н. Степанова. Калининград: Книжное изд-во, 1973. 239 с. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: Вечера на хуторе близ Диканьки. С. 220–233.

Мертвые души: поэма / Ил. С. Ковалева. Пермь: Книжное изд-во, 1973. 362 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Мертвые души: поэма / Ил. В.К. Пахрицына. Петрозаводск: Карелия, 1973. 416 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Повести / Предисл. С.И. Машинского. М.: Детская литература, 1973. 254 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. предисл.: Повести Гоголя. С. 3–23.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья, подбор материалов, ист. справка о постановках «Ревизора» и примеч. В. Филиппова. М.: Детская литература, 1973. 160 с.: 8 л. ил. – (Школьная библиотека для нерусских школ).

Загл. вступ. статьи: «Ревизор» Н.В. Гоголя. С. 5–24.

Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1973.

Т. 1. Повести. 599 с.

Т. 2. Драматические произведения; Мертвые души / Послесл. Н.Л. Степанова. 542 с.

Загл. послесл.: Чародей слова. С. 505–540.

Тарас Бульба: повесть / Послесл. и примеч. С.И. Машинского; ил. Б. Храбрых. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1973. 147 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: Гениальная повесть Гоголя. С. 135–146.

Тарас Бульба: повесть / Ил. Д. Шмаринова. М.: Художественная литература, 1973. 163 с.: ил. 30000 экз.

Тарас Бульба: повесть. Краснодар: Книжное изд-во, 1973. 118 с. – (Школьная библиотека).

ЛИТЕРАТУРА

Антонов С.П. Н. Гоголь. «Повесть о капитане Копейкине» // Антонов С.П. От первого лица. Рассказы о писателях, книгах и словах. М., 1973. С. 326–360.

Бахтин М.М. Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь) // Контекст – 1972. М.: Наука, 1973. С. 248–259.

Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней. Т. 2. М.: Художественная литература, 1973. 511 с.

Из содерж.:

Гоголь-критик. С. 407–442.

[Указ. имен.]

[Отз.: *Манн Ю.* // Новый мир. М., 1973. № 10. С. 275–278.]

Ботникова А.Б. К вопросу о взаимодействии поэтических систем (Проблема художника в творчестве Гоголя и Гофмана) // Проблемы взаимодействия литературных направлений. Материалы Всесоюзной конференции литературоведов. Днепропетровск, 1972. Октябрь. Вып. 1. Днепропетровск, 1973. С. 154–166.

Вацуро В.Э., Мейлах Б.С. От бытописания к «поэзии действительности» // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 228–230.

[Повести Гоголя.]

Вишневская И. О чем написана «Женитьба»? // Театр. 1973. № 1. С. 98–112.

Добин Е. Лепажевское ружье и чиновничья шинель (Н.Гоголь. «Шинель») // Добин Е. История девяти сюжетов. Рассказы литературоведа. Л.: Дет. литература, 1973. С. 18–35.

Достоевский об искусстве. М.: Искусство, 1973.

[Указ. имен.]

Дудников А.В. Лингвостилистический анализ поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русская речь. М., 1973. № 6. С. 64–68.

Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской литературной критики середины XIX века. Л., 1973.

[О Гоголе: С. 38 и др.]

Елкин В.Г. Перед «бездной пространства» (Заметки о «Портрете» Н.В. Гоголя) // Вопросы литературы. Метод. Стил. Поэтика. Владимир, 1973. Вып. 8. С. 102–125.

Жовтис А. Неизвестные строки Гоголя. Из архива Зинаиды Волконской // Простор. 1973. № 1. С. 95–97.

[Запись Гоголя в альбом М.А.Власовой «Как ни глуп Индейский петух...» То же: *Прокогон Н.* (Советская культура. М., 1984. 24 марта, также в его кн.: Под миртами Италии прекрасной. М., 1988); *Фридкин В.* (Наука и жизнь. М., 1985. № 2, также в его кн.: Пропавший дневник Пушкина. М., 1987).]

Иванов В.В. Категория «видимого» и «невидимого» в тексте. Еще раз о восточно-славянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию» // Structure of Texts and Semiotics of Culture. The Hague; Paris, 1973. С. 151–176.

Измайлов Н.В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 160–163.

К истории русского романтизма: [сб. статей] / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького / Редкол.: Ю.В. Манн, И.Г. Неупокоева, У.Р. Фохт. М.: Наука, 1973. 552 с.

Из содерж.:

Манн Ю.В. Эволюция гоголевской фантастики. С. 219–258.

Степанов Н.Л. Романтический мир Гоголя. С. 188–218.

Кулешов В.И. Славянофилы и романтизм.

[Рец.: *Чернец Л.В.* // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1975. Т. 34. № 1. С. 79–81.]

Канунова Ф.З. Эстетика русской романтической повести (А.А. Бестужев-Марлинский и романтики-беллетристы 20-30-х годов XIX в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 307 с. [В частности, о Гоголе.]

Карпенко А. О народности Н.В. Гоголя (Художественный историзм писателя и его народные истоки). Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1973. 278 с.

Карташова И.В. Гоголь Н.В. // Русская и советская литература: Пособие для подготовительных отделений и курсов. Казань, 1973. С. 174–190.

Козинцев Г. Петербургские повести: Сценарий // Искусство кино. 1973. № 10. С. 161–189.

Куприн А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9: Воспоминания, статьи, рецензии, заметки. М.: Художественная литература, 1973.

[О Гоголе: С. 114–115.]

Лакшин В.Я. Еще о записке Н.В. Гоголя // Русская литература. Л., 1973. № 4. С. 168.

Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти раамат, 1973. 139 с.

Манн Ю. «Мертвые души» в контексте европейской литературы // Вопросы литературы. М., 1973. № 8. С. 263–268.

[Рец. на кн.: Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М., 1972.]

Машинский С.И. С.Т. Аксаков: Жизнь и творчество. Изд. 2-е, доп. М.: Художественная литература, 1973. 575 с.

Гл. 6: С.Т. Аксаков и Гоголь. С. 272–303.

[Указ. имен.]

[Рец.: Манн Ю. // Новый мир. М., 1974. № 12. С. 275; Джанумов С.А. Многогранность исследования // Москва. М., 1975. № 11. С. 216–219.]

Николюкин А.Н. К типологии романтической повести // История русского романтизма. М., 1973. С. 259–282.

Снежневская М.А. Н.В. Гоголь. «Тарас Бульба» // Литература в VI классе. М.: Просвещение, 1973.

Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1973. 216 с. [Повесть Гоголя «Вий» и др. С. 188–190, 202–205 и др.]

Семибратова И. Эволюция фантастики в творчестве Н.В. Гоголя // Филологический сборник. Алма-Ата, 1973. Вып. 12. С. 54–62.

Смирнов В.А. Об эстетической близости Ф.М. Достоевского с Э.Т.А. Гофманом и Н.В. Гоголем // Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки. Казань, 1973. С. 177–185.

Соллертинский Е.Е. Русский реалистический роман первой половины XIX в. Проблемы жанра. Вологда: [Б. и.], 1973. 175 с.

Роман-поэма двойной перспективы («Мертвые души» Н.В. Гоголя). С. 112–167.

Фридман Н.В. Влияние «Медного всадника» Пушкина в «Шинели» Гоголя // Искусство слова. М.: Наука, 1973. С. 170–176.

Шлаин М.И. Противоречия в посылках и выводах (Ученые ФРГ о творчестве Гоголя) // Русская литература в оценке современной зарубежной критики. М., 1973. С. 57–84.

1974

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: [повести] / Вступ. статья Г.М. Фридендера; ил. Б. Семенова. 2-е изд. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1974. 288 с.: ил. – (Народная библиотека). 200000 экз.

Загл. вступ. статьи: Книга вечной молодости. С. 3–16.

Вечера на хуторе близ Диканьки / Послесл. Н. Степанова; ил. А. Лаптева. М.: Детская литература, 1974. 271 с.: ил. – (Школьная библиотека для нерусских школ).

Загл. послесл.: Вечера на хуторе близ Диканьки. С. 247–260.

Вечера на хуторе близ Диканьки / Послесл. А. Жакова; ил. В.И. Клименко. Минск: Народная асвета, 1974. 223 с.: 4 л. ил. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: Вечно живая, бессмертная книга. С. 214–222.

Избранные повести. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1974. 394 с. – (Школьная библиотека).

[Приложение:]

Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя. С. 360–391.

Избранные произведения / Ил. Н.Г. Богданца. Киев: Днепр, 1974. 502 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Мертвые души: поэма. М.: Правда, 1974. 368 с. – (Школьная библиотека).

Мертвые души: поэма / Ил. С. Алимова. М.: Современник, 1974. 392 с.: ил. – (Классическая библиотека «Современника»). 100000 экз.

Мертвые души. Петербургские повести. Фрунзе: Кыргызстан, 1974. 563 с.: ил.

Мертвые души. Ревизор. Вечера на хуторе близ Диканьки. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1974. 568 с. – (Школьная библиотека).

Петербургские повести. Л.: Лениздат, 1974. 168 с. – (Школьная библиотека).

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья, подбор материалов, историческая справка о постановках «Ревизора» и примеч. В. Филиппова. М.: Детская литература, 1974. 159 с.: 8 л. ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: «Ревизор» Н.В. Гоголя. С. 5–24.

Русская драматургия: избранные пьесы / [вступ. статья Н. Зайцева]. Л.: Лениздат, 1974. 696 с. – (Юношеская библиотека).

Загл. вступ. статьи: Живое человеческое слово. С. 3–24.

Из содерж.:

Гоголь Н.В. Ревизор. С. 395–482.

Тарас Бульба: повесть / Послесл. С. Машинского; примеч. А. Слонимского. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1974. 144 с. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: Гениальная повесть Гоголя. С. 118–136.

ЛИТЕРАТУРА

Агаева И.И. О романтизме «Страшной мести» Н.В. Гоголя // Ученые записки Азербайджанского пед. ин-та языков. Сер. XII. № 1. Баку, 1974. С. 105–110.

Бабович М. Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. С. 100–107.

Басина М.Я. Петербургская повесть. Л.: Детская литература, 1974. 238 с.: ил. – (Сер. «По дорогим местам»).

[Документальная повесть о жизни и творчестве Гоголя.]

Батин М.А. Еще об источниках сказов П.П. Бажова // Проблемы стиля и жанра в советской литературе. Свердловск, 1974. Вып. 1. С. 33–37.

Бочаров С.Г. Переход от Гоголя к Достоевскому // Смена литературных стилей. М., 1974. С. 17–57.

Вознесенский А. Похороны Гоголя Николая Васильича // Новый мир. М., 1974. № 1.

[Откл.: *Золотусский И.П.* Необходимые замечания // Золотусский И.П. Монолог с вариациями. М.: Советская Россия, 1980. С. 288–295; он же: Из дневника Зоила. III // Золотусский И.П. Очная ставка с памятью. М.: Современник, 1983. С. 268–275.]

Гуляев Н.А., Карташова И.В. Об эволюции творческого метода Гоголя (постановка вопроса) // Русская литература. Л., 1974. № 2. С. 98–108.

См.: Купреянова 1974.

Дмитриев В. Как дописывали Гоголя // Русская речь. М., 1974. № 2. С. 25–29.

Драгомирецкая Н.В. Стилевая иерархия как принцип формы. Н.В. Гоголь // Смена литературных стилей. На материале русской литературы XIX – XX вв. М.: Наука, 1974. С. 251–298. (АН СССР. Институт мировой литературы.).
[С. 251–266: сопоставление стиля Гоголя и М.Ю. Лермонтова.]

Жаворонков А.З. Лермонтов и Гоголь в восприятии Есенина // По страницам русской классики. Кишинев: Штиинца, 1974. С. 12–39. (Кишиневский ун-т).

Зарецкий В.А. О смысле финала в художественной системе «Ревизора» (Конфликт и авторский взгляд) // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1974. Вып. 1. С. 87–100.

Иоаннисян Д.В. Структура образа и пространство-время в пейзажах раннего Гоголя // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М. 1974. Т. 33 №4. С. 299–311.

Карташова И.В. Вопросы искусства в творчестве Гоголя первой половины 30-х годов // Вопросы романтизма. Калинин, 1974. С. 57–73.

Карташова И.В. Романтизм в творчестве Н.В. Гоголя // Русский романтизм / Под ред. проф. Н.А. Гуляева. М., 1974. С. 140–169.

Кулешов В.И. История русской критики XVIII–XIX веков. М: Просвещение, 1972.

Купреянова Е.Н. Что такое романтизм и что такое реализм // Русская литература. Л., 1974. № 2. С. 109–120.

[По поводу статьи Н.А. Гуляева, И.В. Карташовой «Об эволюции творческого метода Гоголя» (Русская литература. Л., 1974. № 2).]

Лакшин В.Я. Островский и Гоголь (К научной биографии Островского) // А.Н. Островский и литературно-театральное движение XIX – XX веков. Л.: Наука, 1974. С. 44–62.

Лотман Ю.М. Гоголь и соотнесение смеховой культуры с комическим и серьезным в русской национальной традиции // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Вып. 1(5). Тарту, 1974. С. 131–133.

Маранцман В.Г. Анализ; литературного произведения; и читательское восприятие школьников: Методическое пособие: Л.: Просвещение; 1974. 176 с.

Машинский С.И. Чемодан Адеркаса. М.: Детская литература, 1974. 143 с.

[Гоголь и «дело о вольнодумстве» в Нежинской гимназии.]

[Рец.: *Джанумов С.А.* Многогранность исследования // Москва. М., 1975. № 11. С. 216–219.]

Мейлах Б.С. «С Гомером долго ты беседовал один...» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. Л., 1974.

Пирожкова Т.Ф. А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь в журнале «Современник» // Вестник МГУ. Журналистика. М., 1974. № 3. С. 25–31.

Поляков М.Я. Цена пророчества и бунта. О поэзии XIX века. Проблемы поэтики и истории. М.: Советский писатель, 1974. 567 с.

[О Гоголе: С. 37–50 и др.]

Прохоров Е.И. Островский и Гоголь: О личных взаимоотношениях // Литературное наследство. Т. 88. Кн. 1. М., 1974 С. 439–448.

Седуро В.И. А все-таки встреча Достоевского с Гоголем была // Новый журнал. Нью-Йорк, 1974. № 117. С. 84–100.

Смирнова-Чикина Е.С. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души». Комментарий. 2-е изд., испр. Л.: Просвещение, 1974. 318 с.

Старикова Е. Реализм и символизм // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. М., 1974. Т. 3. С. 165–246.

Фортунов Н. Ритм художественной прозы // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. М., 1974.

Чижевский Дм. [Рецензия] // Новый журнал. Нью-Йорк, 1973. № 111. С. 288–290.
[Рец. на кн.: Мережковский Д.С. Избранные статьи: Символизм. Гоголь. «Мертвые души». Мюнхен, 1972; Шпенглер У. Мережковский как литературный критик. Люцерн; Франкфурт, 1972.]

Этов В. Идеологические пристрастия и логика фактов: (Традиции русского реализма в трактовке Э. Симмонса) // Русская литература и ее зарубежные критики: сб. статей. М., 1974. С. 273–301.

[Об эссе Набокова «Николай Гоголь»: С. 294, 295.]

1975

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма. М.: Недра, 1975. 368 с. 200000 экз.

Мертвые души: [поэма] / Вступ. статья и примеч. Ю.В. Манна; ил. В.Горяева и др. М.: Художественная литература, 1975. 655 с.: 16 л. ил. – (Библиотека всемирной литературы. Литература XIX в. Т. 75. Серия вторая). 303000 экз.

Содерж.: Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Записки сумасшедшего; Ревизор; Женитьба; Игроки; Мертвые души.

Мертвые души: поэма. М.: Художественная литература, 1975. 240 с.

Мертвые души: поэма. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1975. 398 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Миргород / Предисл. Н. Филипповой; ил. Б.А. Лаврова. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1975. 208 с.: ил. 200000 экз.

Загл. предисл.: Миргород. С. 6–12.

Миргород; Портрет; Шинель / Предисл. и примеч. А.Р. Мазуркевича; ил. А.Г. Тюрина. Харьков: Прапор, 1975. 366 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. предисл.: Н.В. Гоголь. С. 5–17.

Невский проспект // Повести о любви: В 2 т. / Сост., примеч. и послесл. Ф.И. Кулешова. Минск, 1975.

Повести / Вступ. статья С. Машинского; ил. В. Власова и др. М.: Детская литература, 1975. 287 с.: ил. – (Школьная библиотека). 100000 экз.

Загл. вступ. статьи: Повести Гоголя. С. 3–26.

Примеч. в тексте.

Содерж.:

Сорочинская ярмарка / Рис. В. Власова. С. 27–57.

Майская ночь, или Утопленница / Рис. И. Година. С. 58–89.

Старосветские помещики / Рис. Т. Шишмаревой. С. 90–115.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Рис. А. Каневского. С. 116–166.

Нос / Рис. Л. Подляской. С. 167–195.

Портрет / Рис. Л. Подляской. С. 196–252.

Шинель / Рис. А. Каневского. С. 253–286.

Повести. Пьесы. Мертвые души / Вступ. статья и примеч. Ю. Манна; ил. В. Горяева, Кукрыниксов, Н. Кузьмина, Ю. Коровина, А. Лаптева. М.: Художественная литература, 1975. 655 с.: 16 л. ил. – (Библиотека всемирной литературы. Т. 75. Серия вторая). 303000 экз.

Загл. вступ. статьи. Смех Гоголя. С. 5–20.

Примеч. С. 627–654.

Содерж.: Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Записки сумасшедшего; Ревизор; Женитьба; Игроки; Мертвые души.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья Ю. Манна; ил. Д. Кардовского. М.: Художественная литература, 1975. 141 с.: ил. – (Народная библиотека). 100000 экз.

Загл. вступ. статьи: Сила «Ревизора». С. 3–20.

Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1975.

Т. 1. Повести. 638 с.

Т. 2. Драматические произведения; Мертвые души. / Послесл. Н.Л. Степанова. 654 с.

Загл. послесл.: Чародей слова. С. 617–652.

Тарас Бульба: повесть / Ил. Е.А. Кибрика. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1975. 119 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Шинель: книга для чтения с комментарием и словарем на английском языке / Автор коммент. Бен Эклоф; сост. словаря Л. Синченко; переводчик словаря Н. Архарова. 2-е изд. М.: Русский язык, 1975. 95 с.

2-е изд. с изменен. 1989.

ЛИТЕРАТУРА

Андроников И.Л. Великая эстафета. Воспоминания. Беседы. М.: Детская литература, 1975. 304 с.: ил.

С. 255–267: «Гоголь и его современники».

Бахтин М.М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 484–495.

Вейдле В. Синявский о Гоголе // Русская мысль. Париж. 1975. 4 дек. № 3080. С. 9.

Виноградов В.В. Натуралистический гротеск. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» // Поэтика русской литературы. М., 1975. С. 24–55.

Вишневская И.Л. Гоголь и ранняя русская сатирическая комедия // Писатель и жизнь: сб. историко-литературных, теоретических и критических статей. М.: МГУ, 1975. С. 99–115 (Литературный ин-т Союза писателей СССР).

[Под назв. Догоголевский период в русской сатирической комедии // Вишневская И.Л. Гоголь и его комедии. М.: Наука, 1976. С. 9–41. (Институт истории искусств Министерства культуры СССР).]

[Отз.: Дмитриев Ю. // Театр. 1977. № 2. С. 98–99; Николаев Д. // Вопросы литературы. М., 1977. № 4. С. 274–278.]

Гоголевский вечер в школе: инсценировки: [сборник]. М.: Детская литература, 1975. 158 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Содерж.: Сорочинская ярмарка; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; Нос; Шинель; Мертвые души; Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть, как следует играть «Ревизора»

Гуляев Н.А., Карташова И.В. Вопреки фактам // Вопросы романтизма. Вып. 2. Калинин, 1975. С. 26–42.

Джанумов С.А. Многогранность исследования // Москва. М., 1975. № 11. С. 216–219.]
[Рец. на кн.: *Машинский С.И.* С.Т. Аксаков: Жизнь и творчество. 2-е изд., доп. М.: Художественная литература, 1973. 575 с.; *Машинский С.Т.* Чемодан Адеркаса. М.: Детская литература, 1974. 143 с.]

Добин Е. Деталь и обобщение // Нева. Л., 1975. № 8. С. 197–203.

Добин Е.С. Гоголь // Добин Е.С. Искусство детали. Л., 1975. С. 23–98.

Докусов А.М., Маранцман В.Г. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» в школьном изучении: Пособие для учителя. 2-е изд., [испр. и доп.] Л.: Просвещение, 1975. 190 с.

Доронина Р.Ф. Некоторые типологические схождения в реализме Сремаца и Гоголя // Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 1975. С. 90–114.

Журавица Л.В. В преддверии гоголевского смеха // Русская литература. Л., 1975. № 1.

Золотусский И. Игра и реальность («Гоголь» А.Труайя) // Москва. М., 1975. № 11–12.

Карташова И.В. Гоголь и романтизм. Спецкурс. Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1975. 125 с.

Курилов А.С. Теоретико-литературные взгляды русских писателей первой половины XIX в. // Возникновение русской науки о литературе / Отв. ред. П.А. Николаев. М.: Наука, 1975. М., 1975.
О Гоголе: С. 403–411.

Лакшин В.Я. «Познакомился» или «не знакомился» // Вопросы литературы. М., 1975. № 9. С. 211–213.

[О предполагаемом знакомстве Гоголя с Н.А. Островским.]

Лапкина Г.А. Театральная критика в 1830-е годы. А.С. Пушкин. Н.В. Гоголь. В.А. Ушаков, Н.И. Надеждин, С.П. Шевырев, С.Т. Аксаков // Очерки истории русской театральной критики. Конец XV – первая половина XIX века / Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Л.: Искусство, 1975.

Лотман Ю.М. О Хлестакове // Ученые записки Тартусского гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 369. № 26. С. 19–53.

Манн Ю. Смелость изобретения: Черты художественного мира Гоголя / Худож. В. Сергеев. М.: Детская литература, 1975. 127 с.: ил.

[Рец.: *Нольман М.Л.* // Литература в школе. М., 1978. № 6. С. 78–79; *Линков В.* Путешествие к смыслу // Литературная газета. М., 1976. 25 августа. С. 5; Три мнения об одной книге. *Нольман М.* Как делать «детское литературоведение»; *Соболев Л.* Научить читать – научить думать; *Масловский В.* Сумма знаний или «урок жизни»? // Детская литература. М., 1977. № 5. С. 23–28; *Кузичева А.* Путешествие к чуду // В мире книг. М., 1977. № 1. С. 72; *Пахнова Т.* Восемь вопросов к читателю // Книжки – детям. М., 1978. С. 76–80.]
2-е изд. доп.: М., 1979; 3-е изд. М., 1985.

Милидрагович М. Гоголь у сербов во второй половине XIX века // Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 1975. С. 82–89. – (АН СССР. Институт славяноведения и балканистики – Матица Сербска (Нови Сад)).

Никишаев Е.Ф. К вопросу о художественном времени и своеобразии историзма «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Писатель и время. Ульяновск, 1975. Вып. 1. С. 105–106.

Одинокое В.Г. Типология русского романа. (Гоголь, Гончаров, Чернышевский, Достоевский). Курс лекций для студентов-филологов. Ч. 2. Новосибирск, 1975. 121 с. (Новосибирский ун-т).

Первушин Н.В. Гоголь и Достоевский. По поводу одной полемики // Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. № 121. С. 279–281.

Плетнев Р. О злом суемудрии Абрама Терца // Новый журнал. 1975. № 121. С. 72–80. [О книге «В тени Гоголя».]

Плетнев Р. О споре Ю. Моргулиса, Н. Первушина и В. Седуро [о Достоевском и Гоголе] // Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. № 121. С. 300–301.

Померанцев К. «В тени Гоголя» // Русская мысль. Париж, 1975. 10 июля. № 3059. С. 8.

Попова Е.К. Пространственно–временные отношения в иллюстрациях А.И. Кравченко к «Портрету» Н.В. Гоголя // Проблемы развития советского искусства и искусства народов СССР. Л., 1975. Вып. 2. С. 62–65.

Раков Ю. Дом в столярном переулке. Литературные догадки // Вечерний Ленинград. Л., 1975. 20 сент.

Совпадения в повести М.Ю. Лермонтова «Штосс» и петербургских повестях Гоголя.

Смирнова Е.А. Общественная и эстетическая позиция Гоголя в последнее десятилетие его жизни // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып. 4. С. 44–61.

Терц А. [Синяевский А.] В тени Гоголя. London: Coling, 1975. 556 с.

Фридман Н.В. К истории борьбы Пушкина и Гоголя с реакционной литературой // Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975. С. 138–144.

Харджиев И.И. Новое о первом иллюстраторе «Мертвых душ» // Московский художник. М., 1975. 18 сент.

[Майков – автор статей об иллюстрациях Агина и Бернардского к «Мертвым душам» в «Отечественных Записках» 1847. Т. 51. № 3; Т. 52. № 5.]

Хентов С. Молодые годы Шостаковича: В 2 кн. Кн. 1. Л.; М.: Советский композитор, 1975. 333 с.

[О Гоголе: С. 211–231.]

Черняева Т.Г. «Журнализм» как эстетическая основа жанра «Арабесок» Гоголя // Проблемы литературных жанров. Материалы... Томск, 1975. С. 64–67.

Чичерин А.В. Проблемы стиля гоголевской прозы // Русская литература. Л., 1875. № 1. С. 47–61.

Шварцбанд С. География «Мертвых душ» // Литературная Россия. М., 1975. 24 янв. № 4. С. 16.

Югов А.К. Думы о русском слове. 2-е изд. М.: Современник, 1975. 214 с. – (Любителям российской словесности).

Из содерж.:

Откуда у Чичикова «сукно брусничных цветов с искрой»? С. 205–211.

Янушкевич А.С. Особенности композиции «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Ученые записки / Томский гос. ун-т. Томск, 1975. Т. 94. С. 100–109.

1976

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. Ростов-на-Дону: Книжное изд-во, 1976. 343 с. – (Школьная библиотека). 150000 экз.

Мертвые души: поэма. М.: Правда, 1976. 368 с. – (Школьная библиотека). 200000 экз.

Мертвые души: поэма. М.: Художественная литература, 1976. 381 с. 500000 экз.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья С. Машинского. Кишинев: Лумина, 1976. 407 с. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: О великой поэме Гоголя. С. 5–27.

Ночь перед Рождеством: повесть / Ил. М. Родионова. М.: Детская литература, 1976. 63 с.: ил. – (Школьная библиотека для нерусских школ).

Петербургские повести / Вступ. статья Л. Козловой; ил. Л. Подлясской. 3-е изд. Л.: Детская литература. Ленинградское отделение, 1976. 173 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Петербургские повести Н.В. Гоголя. С. 5–17.

Петербургские повести / Послесл. Е.Я. Ленсу; ил. В.И. Клименко. Минск: Народная асвета, 1976. 175 с.: ил., 4 л. цв. ил. – (Школьная библиотека). 250000 экз.

Загл. послесл.: О петербургских повестях. С. 169–174.

Петербургские повести. Петрозаводск: Карелия, 1976. 150 с. 75000 экз.

Ревизор: комедия в пяти действиях // А.С. Грибоедов. Горе от ума; Н.В. Гоголь. Ревизор; А.Н. Островский. Гроза. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1976. С. 107–192.

Ревизор: комедия в пяти действиях // Д. Фонвизин; А. Грибоедов; Н. Гоголь. Комедии. Воронеж, 1976. С. 175–262. – (Школьная библиотека).

Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. С.И. Машинского, М.Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1976–1979.

[То же: 1984–1986.]

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки / Послесл. А.В. Чичерина; Примеч. Н.Л. Степанова. М., 1976. 479 с. 333 с.

Загл. послесл.: Ранний Гоголь-романтик. С. 303–319.

Приложения:

Ганц Кюхельгартен. С. 317–363.

Две главы из малороссийской повести «Страшный кабан». С. 364–382.

Гетьман. С. 383–447.

Примеч. С. 448–478.

Чичерин А.В. Ранний Гоголь-романтик: С. 448–465.

Степанов Н.Л. [Примеч.] С. 465–478.

Т. 2. Миргород / Послесл. и примеч. С.И. Машинского. М., 1976. 333 с.

Загл. послесл.: Миргород. С. 301–321.

Приложение: Тарас Бульба (редакция «Миргорода» 1835 г.). С. 343–444.

Примеч. С. 445–478. [Статья]: Миргород: С. 445–466.

Т. 3. Повести / Примеч. Г.М. Фридендера. М., 1977. 447 с.

Приложения:

Портрет (Редакция «Арабесок»). С. 334–394.

Ночи на вилле. С. 395–398.

Мелкие отрывки

Страшная рука. С. 399.

- <Фонарь умирал.> С. 399–402.
 <Дождь был продолжительный.> С. 402–404.
 <Рудокопов.> С. 404.
 <Семен Семенович Батюшек.> С. 404–406.
 <Девушки Чабловы.> С. 406–407.
 Примеч.: С. 408–446. [Статья]: Повести Гоголя. С. 408–427.
 Т. 4. Драматические произведения / Примеч. Ю.В. Манна. М., 1977. 639 с.
 Приложения:
 Приложения к комедии «Ревизор»
 1. «Ревизор» (редакция первого издания, 1836 г.). С. 375–492.
 2. Две сцены, выключенные при первом издании как замедлявшие течение пьесы. С. 493–498.
 3. Сцена, не внесенная автором в печатные издания «Ревизора». С. 499–500.
 4. Орывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 501–508.
 5. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 509–520.
 6. Развязка «Ревизора». С. 521–538.
 7. Вторая редакция окончания «Развязки «Ревизора». С. 539–547
 Владимир 3-ей степени. С. 548–558.
 Альфред. С. 559–587.
 наброски драмы из украинской истории. С. 588–592.
 Примеч.: С. 593–637. [Статья:] Драматургия Гоголя. С. 593–619.
 Т. 5. Мертвые души: Поэма / Примеч. С.И. Машинского. М., 1978. 830 с.
 Приложения: Повесть о капитане Копейкине (Редакция, разрешенная цензурой): С. 747–754.
 <Заметки> к 1-й части: С. 754–757.
 Предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвых душ». С. 757–762.
 Примеч. С. 763–828. [Статья:] «Мертвые души». С. 765–805.
 Т. 6. Статьи / Примеч. Ю.В. Манна. М., 1978. 830 с.
 Приложение: Петербургская сцена в 1835–36 г. С. 697–714.
 Примеч. С. 715–827.
 Т. 7. Письма / Примеч. Г.М. Фридендера. М., 1979. 639 с.
 Фридендер Г. Письма Гоголя. С. 5–36.
 Приложение: Письмо к В.Г. Белинскому. Конец июля – начало августа 1847 г. С. 543–557.
 [Шарыпкин Д.М.] Хронологическая канва жизни и творчества Н.В. Гоголя: С. 558–587.
 [Шарыпкин Д.М.] Алфавитный указатель имен и названий к томам 6 и 7: С. 588–628. [Указатель имен аннотированный.]
 Тарас Бульба: повесть / Послесл. С. Машинского; примеч. А. Слонимского; ил. Е. Кибрика. 6-е изд. М.: Детская литература, 1976. 175 с.: ил. – (Школьная библиотека). 300000 экз.
 Загл. послесл.: Гениальная повесть Гоголя. С. 145–164.
 Шинель; Повести. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1976. 319 с. 500000 экз.
 С^од^ер^ж.: Тарас Бульба; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель.
 Шинель / Послесл. Т. Морозовой; ил. Л. Подляской. Ижевск: Удмуртия, 1976. 40 с.: ил. – (Школьная библиотека).
 Загл. послесл.: Н.В. Гоголь и его повесть «Шинель». С. 38–40.

ЛИТЕРАТУРА

- Альшеевская Г., Шагинян Р. Хлестаков и «фатическое общение» // Труды Самаркандского ун-та. Самарканд, 1976. Вып. 20. С. 4–12.
 Анненкова Е.И. Гоголь и К. Аксаков // Пути русской прозы XIX века: сб. статей / Отв. ред. Я.С. Билинkis. Л., 1976. С. 16–29.

Бекедин П.В. Эпопея: некоторые вопросы генезиса жанра // Русская литература. Л., 1976. № 4. С. 34–60.

Гоголь и генезис русской национальной эпопеи: С. 49–51.

Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. / Редкол.: Н.К. Гей и др. М., 1976–1982.

Беляева Л.А. Н.В. Гоголь о В.А. Жуковском: О личных и творческих связях в 30-е годы // Традиции и новаторство в русской литературе XVIII–XIX веков. М., 1976. Вып. 1. С. 45–71.

Боголепов П.К., Верховская Н.П. Тропа к Гоголю: Книга-справочник о жизни и творчестве Н.В. Гоголя / Под общ. ред. С.И. Машинского. М.: Детская литература, 1976. 352 с.: ил.+16 вкл. – (Школьная библиотека).

От составителей. С. 3–4.

Верховская Н.П. Даты жизни и творчества Гоголя. С. 5–74.

Верховская Н.П. Окружение писателя. С. 75–146.

Верховская Н.П. Места, где жил и бывал писатель. С. 147–174.

Боголепов П.К. Словарь к художественным произведениям Гоголя. С. 175–351.

Ботникова А.Б. Романтическая традиция и формы ее художественного переосмысления (Гофман и Гоголь) // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1976. С. 88–105.

Вацуро В.Э. Из наблюдений над поэтикой «Вия» Гоголя // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 307–311.

Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды / Редкол.: М.П. Алексеев, Ю.А. Бельчиков, В.Г. Костомаров, Д.С. Лихачев, Ю.В. Рождественский, Н.И. Толстой, Н.Ю. Шведова; отв. ред. тома М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1976. 511 с.

Из содерж.:

Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. С. 3–187.

Натуралистический гротеск. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос». С. 5–44.

[Впервые: Начала. Пг., 1921. № 1. С. 82–105 под названием Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос». Со значит. дополнениями напечатано: Виноградов В. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л.: Academia, 1929.]

О литературной циклизации. По поводу «Невского проспекта» Гоголя и «Исповеди опиофага» Де Квинси. С. 45–62.

[Впервые: Поэтика: сб. статей (Временник отдела словесных искусств, IV). Л.: Academia, Гос. институт истории искусств, 1928. С. 114–25. В значит. оасширенном вошло в кн: Виноградов В. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л.: Academia, 1929.]

Романтический натурализм. Жюль Жанен и Гоголь. С. 76–100.

[Впервые: Литературная Мысль. Кн. 3. Л., 1925. Отд. III. С. 342–365. Перепечатано: Виноградов В. Эволюция русского натурализма. Л., 1929.]

К морфологии натурального стиля. Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник». С. 101–140.

[Сравнение стилей Ф.М. Достоевского и Гоголя.]

[Впервые: Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. СПб.: Центр. кооп. изд. «Мысль», 1922. С. 211–254 под названием Стиль петербургской поэмы «Двойник» (Опыт лингвистического анализа). С небольшими дополнениями вошло в кн.: Виноградов В.В. Эволюция русского натурализма. Л., 1929.]

Школа сентиментального натурализма. Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов. С. 141–187.

[Ф.М. Достоевский и Гоголь.]

[Впервые: Творческий путь Достоевского: сб. статей / Под ред. Н.Л. Бродского. Л.: Книгоизд-во Сеятель, 1924. С. 49–103 под названием Сюжет и архитектура романа Достоевского «Бедные люди» в связи с вопросом о поэтике натуральной школы», с посвящением А.С. Долинину. С небольшими изменениями вошло в кн.: Виноградов В. Эволюция русского натурализма. Л., 1929. Гоголь и «натуральная школа». С. 189–227.]

[Впервые отд. изданием: Виноградов В.В. Гоголь и натуральная школа. Л.: Образование, 1925. 76 с.]
Этюды о стиле Гоголя. С. 228–366.

[Впервые отд. изданием: *Виноградов В.В.* Этюды о стиле Гоголя. Л.: Academia, 1926. 228 с. – (Гос. институт истории искусств. Вопросы поэтики. Вып. 7. Непериодическая серия, издаваемая, Отделом словесных искусств ГИИИ. Вып. IV).

Приложения:

Чудаков А.П. Ранние работы В.В. Виноградова о поэтике русской литературы. С. 465–481.

Чудаков А.П. Комментарий. С. 482–501.

Вишневская И.Л. Гоголь и его комедии / Академия наук СССР. Институт истории искусств Министерства культуры СССР. М.: Наука, 1976. 256 с.

[Отз.: *Дмитриев Ю.* // Театр. 1977. № 2. С. 98–99; *Николаев Д.* // Вопросы литературы. М., 1977. № 4. С. 274–278.]

Вогман Л. Загадка «Ревизора» // Литературная учеба. М., 1976. № 6. С. 149–153.

Волынская Н.И. И.А. Бунин и Н.В. Гоголь: (О некоторых реалистических традициях Гоголя в творчестве Бунина) // Проблемы реализма. Вологда, 1976. Вып. 3. С. 123–139.

Губарев И.М. Очерк Гоголя «Исторический живописец Иванов» (Тема художника и творческого процесса) // Вопросы русской литературы. Львов, 1976. Вып. 2(28). С. 10–17.

Гурвич И.А. Место Чичикова в системе образов «Мертвых душ» Гоголя // Жанр и композиция литературного произведения. Калининград, 1976. С. 13–22.

Добин Е.С. Лепажевское ружье и чиновничья шинель (Н. Гоголь. «Шинель») // *Добин Е.С.* Сюжет и действительность. Л., 1976. С. 338–354.

Еремина В.И. Н.В. Гоголь // Русская литература и фольклор (Первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 249–291.

Жаравина Л.В. Смех Гоголя как выражение идейно-нравственных исканий писателя // Русская литература. Л., 1976. № 2. С. 109–119.

Жук А.А. От Гоголя к Щедрину (эволюция поэтики русской сатиры) // Салтыков-Щедрин. 1826–1976. Статьи. Материалы. Библиография. Л.: Наука, 1976. С. 145–164.

Зарецкий В.А. Петербургские повести Н.В. Гоголя. Художественная система и приговор действительности / Под ред. Б.О. Кормана. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1976. 89 с. – (Методическое пособие для факультативных занятий по литературе в старших классах средней школы).

Золотусский И. «Записки сумасшедшего» и «Северная пчела» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1976. Т. 35. Вып. 2. С. 144–154.

Золотусский И. Час выбора: [очерки]. М.: Современник, 1976. 319 с.

Из содерж.:

«Записки сумасшедшего» и «Северная пчела». С. 205–230.

Ильинский О. [Рецензия] // Новый журнал. Нью-Йорк, 1976. № 123. С. 241–242.

[Рец. на кн.: *Through Gogol's Looking Glass: Reverse Vision, False Focus, and Precarious Logic*, by William Woodin Rowe. New York, 1976.]

Кошелев В.А. «Мертвые души» Н.В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. Л., 1976. № 3. С. 82–100.

Кривонос В.Ш. А.В. Луначарский о духовной драме Гоголя // Проблемы развития советской литературы. Саратов, 1976. Вып. 2. С. 87–91.

Кривонос В.Ш. О концепции «Очерков гоголевского периода русской литературы» // Н.Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1976. Вып. 6. С. 74–85.

Купреянова Е.Н. Авторская «идея» и художественная структура «общественной комедии» Н.В. Гоголя «Ревизор» // Русская литература. Л., 1976. № 4. С. 3–16.

Купреянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. 413, [2] с.

Из содерж.:

Принципы «монументального» и психологического реализма в творчестве Гоголя, Бальзака и Лермонтова. С. 273–320.

Личко А. Как умер Гоголь // Мир человека. М., 1976. С. 123–134.

Маркелов Н. Лермонтов и Гоголь // Ставропольская правда. 1976. 9 окт.

Мейерхольд В.Э. Переписка: 1896–1939 / Сост. В.П. Коршунова, М.М. Ситковецкая. М.: Искусство, 1976. 464 с.

[Указ. имен.]

Мережковский Д.С. Гоголь и чёрт = Gogol and the Devil. Letchworth: Prideauk Press, 1976. 232 с.

Михельсон В. Певцы русской степи // Кубань. 1976. № II. С. 105–109.

[Чехов и Гоголь].

Молева Н. Загадка «Невского проспекта» // Знание – сила. 1976. № 4. С. 41–44.

Молева Н. Второе рождение «гоголевских сред» // В мире книг. М., 1976. № 12. С. 74.

Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Париж: YMCA-PRESS, 1976. 146, [1] с.

Никишаев Е.Ф. Когда Чичиков скупал мертвые души? // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1976. № 1. С. 100–106.

Одинокое В.Г. Об одной литературной реминисценции в «Записках из подполья» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976. Вып. 2. С. 82–87.

Одинокое В.Г. Психологизм «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Одинокое В.Г. Художественная системность русского классического романа. Новосибирск, 1976. С. 107–127.

Осокин В. Все-таки Гоголь! // Советская культура. М., 1976. 2 июля.

Проблемы жанрового своеобразия русской литературы XIX века: сб. статей / Рязанский пед. ин-т. Рязань, 1976. 132 с.

Из содерж.:

Шахов В.В. Гоголевские темы и образы в художественных и публицистических жанрах демократов-шестидесятников (А.И. Левитов, М.А. Воронов). С. 51–66.

Шилягина З.А. Москва и Петербург в очерке 30-х годов XIX века (Пушкин и Гоголь).

Розин А.Г. Герцен и русская литература 30–40-х годов XIX века / Науч. ред. И.И. Гусарова. [Краснодар]: Краснодарское книжное изд-во, 1976. 176 с.

Смех сквозь слезы. С. 55–88.

[А.И. Герцен и Гоголь.]

Русские писатели об изобразительном искусстве / Сост. Л.А. Гессен, А.Г. Островский; вступ. статья и примеч. Г.С. Арбузова. Л.: Художник РСФСР, 1976. 330 с.: 28 л.: ил.

[Указ имен.]

Самышкина А.В. Философско-исторические истоки творческого метода Н.В. Гоголя (по материалам исторических статей «Арабесок») // Русская литература. Л., 1976. № 2. С. 38–58.

Типология стилевого развития нового времени: Классический стиль. Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; редкол.: Н.К. Гей, А.С. Мясников, П.В. Палиевский, И.Ю. Подгаецкая, Я.Е. Эльсберг (отв. ред.), Г.С. Левинская (ученый секретарь). М.: Наука, 1976. 504 с. – (Теория литературных стилей).

Из содерж.:

Эльсберг Я.Е. Стили Пушкина и Гоголя и русская культура. С. 386–408.

Бочаров С.Г. О стиле Гоголя. С. 409–445.

Урнов Д.М. Предметность в стиле (Диккенс). С. 473–493.

[Гоголь и Диккенс: С. 482–487.]

[Указ. имен.]

Храпченко М.Б. Незавершенные замыслы и их истолкование // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 245–251.

[К вопросу об истолковании второго тома «Мертвых душ» Гоголя.]

Чарушникова М.В. Фрагмент незавершенного романа Н.В. Гоголя «Гетьман» // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1976. Вып. 37. С. 185–208.

[См. также *Чарушникова М.В.* Найдена утраченная рукопись Н.В. Гоголя // Литературная Россия. М., 1971. 5 нояб. С. 15.]

Черняева Т.Г. О поисках творческого метода в «Арабесках» Гоголя // Художественное творчество и литературный процесс. Томск, 1976. Вып. 1. С. 64–78.

Шапошникова Е.В. Абзац в повести Н.В. Гоголя «Портрет» (редакция «Арабесок») // Актуальные вопросы грамматики и лексики современного русского языка: сб. трудов. М., 1976. С. 232–249.

Эльсберг Я.Е. Стили Пушкина и Гоголя и русская культура // Теория литературных стилей. Типология стилевого развития нового времени. М.: Наука, 1976. С. 386–408.

Юдин Ю.И. Народная бытовая сказка и литература (К вопросу о сказочном начале в повести Н.В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка») // Писатель и литературный процесс: Научные труды / Курский пед. ин-т. Т. 68(161). Курск, 1976. С. 27–43.

Эльсберг Я.Е. Стили Пушкина и Гоголя и русская культура // Типология стилевого развития нового времени. М.: Наука, 1976. С. 386–408.

1977

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком / [Худож. П.Е. Анидалов]. Краснодар: Книжное изд-во, 1977. 208 с.: ил.

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород: [повести.] Красноярск: Книжное изд-во, 1977. 432 с. – (Школьная библиотека). 100000 экз.

Избранные повести. Ярославль : Верхне-Волжское книжное изд-во, 1977. 320 с. 100000 экз.

Содерж.: Сорочинская ярмарка; Вечер накануне Ивана Купала; Майская ночь или Утопленница; Ночь перед Рождеством; Страшная месть; Иван Федорович Шпонька и его тетушка; Вий; Тарас Бульба.

Мертвые души; Шинель; Ревизор. М.: Правда, 1977. 359 с. – (Школьная библиотека).

Повести / Вступ. статья С. Машинского; рис. И. Астапова. 2-е изд. М. Детская литература, 1977. 286 с.: ил. – (Школьная библиотека). 200000 экз.

Загл. вступ. статьи: Повести Гоголя. С. 3–26.

Примеч. в тексте.

Содерж.:

Сорочинская ярмарка. С. 27–57.

Майская ночь, или Утопленница. С. 58–88.

Старосветские помещики. С. 89–113.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. С. 114–165.

Нос. С. 166–193.

Портрет. С. 194–251.

Шинель. С. 252–285.

Повести. М.: Художественная литература, 1977. 286 с. 300000 экз.

Содерж.: Вечер накануне Ивана Купала; Ночь перед Рождеством; Страшная месть; Старосветские помещики; Тарас Бульба; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

Проза. Статьи / Сост., предисл., коммент. И.П. Золотусского. М.: Советская Россия, 1977. 384 с.: ил. – (Российские повести и рассказы). 150000 экз.

Загл. предисл.: О прозе Гоголя. С. 5–23

Иван Федорович Шпонька и его тетушка. С. 25–48.

Несколько слов о Пушкине. С. 49–54.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. С. 55–99.

Старосветские помещики. С. 100–121.

Портрет. С. 122–173.

Невский проспект. С. 174–206.

Записки сумасшедшего. С. 207–225.

Коляска. С. 226–237.

Нос. С. 238–262.

Шинель. С. 263–291.

В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. С. 292–332.

<Авторская исповедь>. С. 333–367.

Коммент. С. 368–381.

Пьесы / Послесл. И.Л. Вишневской; худож. А. Костин.. М.: Молодая гвардия, 1977. 255 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Содерж.: Ревизор; Женитьба; Игроки; Утро делового человека; Тяжба; Отрывок; Театральный разезд после представления новой комедии.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья, подбор материалов, историческая справка о постановках «Ревизора» и примеч. В. Филиппова. 8-е изд. М.: Детская литература, 1977. 160 с.: ил. – (Школьная библиотека). 400000 экз.

Загл. вступ. статьи: «Ревизор» Н.В. Гоголя. С. 5–24.

Ревизор: Комедия в пяти действиях / Вступ. статья, справка о постановках «Ревизора». М.: Детская литература, 1977. 180 с.

Ревизор; Женитьба: пьесы; Невский проспект, Нос: повести / Вступ. статья В.Д. Войтушенко; худож. Н.Г. Богданец]. Киев: Дніпро, 1977. 215 с. : ил. – (Школьная библиотека). 200000 экз.

Ревизор; Мертвые души / Вступ. статья и примеч. М. Рукавицына; худож. Г. Новожилов. М.: Московский рабочий, 1977. 472 с.: ил. – (Школьная библиотека). 1000000 экз.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь. С. 5–24.

Примеч. 460–471.

Приложение:

Повесть о капитане Копейкине (редакция, разрешенная цензурой). С. 453–459.

Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. С.И. Машинского, М.Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1976–1979.

Т. 3. Повести / Примеч. Г.М. Фридендера. М., 1977. 447 с.

Примеч. С. 408–446.

Т. 4. Драматические произведения / Примеч. Ю.В. Манна. М., 1977. 639 с.
Примеч.: С. 593–637.

ЛИТЕРАТУРА

Алексян Е.А. Армянский реализм и опыт русской литературы (Традиции Гоголя) / АН Армянской ССР. Институт литературы. Ереван, 1977. 243 с.

[Отз.: *Акопян Э.А.* // Литературная Армения. Ереван, 1978. № 3. С. 99–103; *Арутюнов Л., Боцаров С.* // Вопросы литературы. М., 1979. № 3. С. 258–265.]

Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века). К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. 206 с.

Гофман и Гоголь (Диалектическое восприятие романтической традиции). С. 107–149.

Вацуро В.Э. «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург» // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 43–63.

Гаско М. Лермонтов рисует Гоголя. Писательский поиск // Правда Украины. Киев, 1977. 3 марта.

[К атрибуции портрета Гоголя (гуашь), находящегося в Государственном Историческом музее.]

Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении / Отв. ред. Ю.Д. Левин. М.: Наука, 1977. 302, [2] с.

[Об эссе В. Набокова «Николай Гоголь»: С. 155.]

Григорьев Л., Платек Я. Поэзия и сатира Гоголя в опере // *Щедрин Р.К.* Мертвые души. Оперные сцены по поэме Н.В. Гоголя. М., 1977. С. 4–10.

Гураль С.К. Ф. Дриссен о Гоголе-повествователе («Старосветские помещики») // Вопросы истории литературной критики. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 1977. С. 136–144.

Елкин В.Г. Перед «бездной» пространства («Портрет») // Опыты логико-диалектического анализа художественного произведения. Владимир, 1977. С. 67–83.

Инютин В.В. О поэтике гротеска в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя и «Двойнике» Ф.М. Достоевского // Известия Воронежского пед. ин-та. Воронеж, 1977. Т. 173. С. 53–59.

Казарин В.П. Некоторые актуальные проблемы изучения творчества Гоголя в советском литературоведении // Вестник Ленинградского ун-та. Л., 1977. № 20. С. 55–62.

Казарин В.П. Несколько замечаний к гоголевским автографам. К вопросу о времени работы над романом «Гетьман» // Русская литература. Л., 1977. № 2. С. 92–98.

Кривонос В.Ш. Сатира Гоголя и читатель // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. Донецк, 1977. С. 25–26.

Кривонос В.Ш. Художественное мышление Гоголя и проблема читателя // Анализ художественного произведения. Воронеж, 1977. С. 43–52.

Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). 2-е испр. и доп. изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. 349 с.

Левидов А.М. Автор – образ – читатель. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. 360 с. [Указ. имен.]

Маргулис Ю.Э. Встреча Достоевского и Гоголя (Начало осени 1848 г.) / Публ. и вступ. заметка С.В. Белова // Байкал. 1977. № 4. С. 136–144.

[Полный вариант работы.]

Осокин В.Н. Откуда появился Вий? // Литературная Россия. М., 1977. 19 августа. № 34. С. 15.

Проблемы метода и жанра. Вып. 4 / Ред. Н.Н. Киселев. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1977. 132 с.

Из содерж.:

Янушкевич А.С. Проблема прозаического цикла в творчестве Н.В. Гоголя. С. 26–32.

Самышкина А.В. Ранние эстетические опыты Н.В. Гоголя. С. 33–43.

Романова Г.А. «Ревизор» Н.В. Гоголя в спектакле Вс. Мейерхольда и в критическом освещении А. Белого // XXX Герценовские чтения. Литературоведение. Научные доклады. Л., 1977. С. 44–48.

Русская литература XVIII–XIX веков: Путеводитель / Гос. литературный музей; сост. Н. Марченко. М., 1977. 45 с.: ил.

Сечкарев В. [Рецензия] // Новый журнал. Нью-Йорк, 1977. № 127. С. 302–303.

[Рец. на кн.: *Karlinsky S. The Sexual Labirynth of Gogol. Cambridge, Massachusetts and London, 1976.*]

Строева М.Н. Режиссерские искания Станиславского. 1917–1938 / Академия наук СССР. Институт истории искусств. М.: Наука, 1977. 415, [2] с.: цв. ил., фот.

«Ревизор». С. 50–69.

[Роль Хлестакова в исполнении М.А. Чехова.]

[Указ. имен.]

Тараканов М. Поэма Гоголя на оперной сцене // Советская музыка. М., 1977. № 10. С. 85–97.

[О постановке оперы Р. Щедрина «Мертвые души» на сцене Большого театра СССР.]

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / АН СССР. Отделение литературы и языка. Комиссия по истории филологических наук; Научный совет по истории мировой культуры; отв. ред. В.А. Каверин и А.С. Мясников; изд. подгот. Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова. М.: Изд-во Наука, 1977. 574 с.

Из содерж.:

Достоевский и Гоголь (к теории пародии). С. 198–226.

Коммент. С. 483–489.

Черняева Т.Г. О жанровой природе «Арабесок» Н.В. Гоголя // Проблемы метода и жанра. Вып. 5 / Редкол.: Ф.З. Канунова, Н.Н. Киселев (отв. ред.), В.Г. Одинокоев. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. С. 37–50.

Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. М.: Художественная литература, 1977. 445 с.

Гл. 3: Гоголь. С. 117–140.

[Указ. имен.]

Эренбург И. Стихотворения / Вступ. статья С.С. Норовчатова, сост. Б.Н. Сарнова, подгот. текста и примеч. Н.Г. Захарченко. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1977. 478 с.: ил. – (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание).

Гоголь. С. 63.

1978

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасечником Рудым Паньком. Орджоникидзе, 1978. 200 с. – (Школьная библиотека).

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасечником Рудым Паньком. Ижевск: Удмуртия, 1978. 204 с. – (Школьная библиотека).

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. М.: Художественная литература, 1978. 336 с. – (Русская классическая литература).

Избранные соч.: В 2 т. М.: Художественная литература, 1978. – (Библиотека классики: Русская литература).

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки, Миргород; Невский проспект; Нос, Портрет; Шинель; Коляска; Записки сумасшедшего / Вступ. статья П.А. Николаева. 573, [3] с.: [16] л. ил.

Т. 2: Ревизор; Женитьба; Мертвые души. 478 с.: ил.

Примеч. Ю.В. Манна. С. 451–476.

Мертвые души: поэма. Минск: Мастацкая литература, 1978. 366 с.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья П.Г. Антокольского. М.: Художественная литература, 1978. 461 с.: ил. 500000 экз.

Загл. вступ. статьи: «Мертвые души». Поэма Н.В. Гоголя. С. 3–34.

Мертвые души: поэма. Л.: Лениздат, 1978. 240 с.: ил. – (Школьная библиотека). 200000 экз.

Петербургские повести / Послесл. С. Бочарова; ил. Н. Гольц. М.: Советская Россия, 1978. 208 с.: ил. – (Школьная библиотека). 400000 экз.

Загл. послеслов.: Петербургские повести Гоголя. С. 197–207.

Петербургские повести / Предисл. Л. Козловой; рис. Л. Подляской. 4-е изд. Л.: Детская литература, 1978. 176 с.: ил. – (Школьная библиотека). 200000 экз.

Петербургские повести. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1978. 160 с. – (Школьная библиотека). 100000 экз.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья Ю. Манна; ил. Д. Кардовского. М.: Художественная литература, 1978. 141 с.: ил. – (Народная библиотека). 200000 экз.

Загл. вступ. статьи: Сила «Ревизора»: С. 3–20.

Собр. соч.: В 7 т. / Под общей ред. С.И. Машинского, М.Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1976–1979.

Т. 5. Мертвые души: поэма / Примеч. С.И. Машинского. М., 1978. 830 с.

Примеч. С. 763–828.

Т. 6. Статьи / Примеч. Ю.В. Манна. М., 1978. 830 с.

Примеч.: С. 715–827.

Манн Ю.В. Гоголь – критик и публицист: С. 469–489.

Примеч. Ю.В. Манна: С. 469–556.

Тарас Бульба: повесть. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1978. 128 с.

Тарас Бульба: повесть / Предисл. С. Машинского, примеч. А. Слонимского. Кишинев: Лит. артистикэ, 1978. 139 с. – (Школьная библиотека). 50000 экз.

Тарас Бульба: повесть / Послесл. С. Машинского, примеч. А. Слонимского; ил. Е. Кибрика. 7-е изд. М.: Детская литература, 1978. 175 с.: ил. – (Школьная библиотека). 400000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаева З.К. «Скучно на этом свете, господа!» («Старосветские помещики» Гоголя и «Скука жизни» Чехова) // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и русская литература: сб. научных трудов. М., 1978. С. 39–42.

Агаева И.И. К вопросу о пространстве и времени в «Невском проспекте» Н.В. Гоголя // Ученые записки Азербайджанского пед. ин-та языков. Серия XII. № 1. Баку, 1978. С. 75–81.

Агаева И.И. Пространственно–временная характеристика художественного образа в «Невском проспекте» Н.В. Гоголя // Ученые записки Азербайджанского пед. ин-та языков. Серия XII. № 3. Баку, 1978. С. 109–113.

Алексеев М.П. Ч.Р. Метьюрин и русская литература // От романтизма к реализму. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1978. С. 30–31.

Библиотека имени Гоголя в Риме // Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. № 131. С. 279–283. Без подп.

[Перепечатка брошюры Русская читальня имени Н.В. Гоголя в Риме. 1902–1912 гг. СПб., 1913.]

Ботникова А.Б. О кн. Б. Зелински «Русский романтизм» // Зарубежное литературоведение и критика о русской классической литературе. М., 1978. С. 28–45.

[По поводу кн.: *Zelinsky B.* Russische Romantik. Köln, 1975. 522 s.]

[В частности, о Гоголе.]

Булгаков М., Пырьев И. Мертвые души. Киносценарий // Москва. М., 1978. №1. С. 125–164.

Вайскопф М. Поэтика петербургских повестей Гоголя (Приемы объективации и гипотазирования) // *Slavica Hierosolymitana*. Иерусалим, 1978. Vol. 3. С. 8–54.

[Перепечатано в кн: *Вайскопф М.* Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 47–105.]

Вершины: Книга о выдающихся произведениях русской литературы / Сост., общ. ред. и предисл. С.И. Машинского. М.: Детская литература, 1978. 432 с.

Загл. предисл.: Об этой книге. С. 3–8.

Из содерж:

Машинский С. Поэзия народного подвига (Повесть «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя). С. 348–373.

Вишневская И. Оружием смеха (Комедия «Ревизор» Н.В. Гоголя). С. 374–395.

Машинский С. Художественная эпопея Гоголя (Поэма «Мертвые души»). С. 396–431.

Волков О. Преемственность жизни // Наш современник. М., 1978. № 3. С. 159–162.

О гоголевском мемориале: С. 159–160.

Гольденберг А.Х. К вопросу о фольклоризме второго тома «Мертвых душ» // Проблемы языка и стиля в литературе: межвузовский сб. научных трудов / Волгоградский гос. пед. ин-т. Волгоград, 1978. С. 86–93.

Гольденберг А.Х. О некоторых особенностях поэтики второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя // Структура литературного произведения: межвузовский сб. научных трудов. Вып. 2. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 1978. С. 54–60.

Губарев И.М. Образ идеального художника в повести Н.В. Гоголя «Портрет» (вторая редакция) // Вопросы русской литературы. Львов, 1978. Вып. 2. С. 34–42.

Дилакторская О.Г. Идеино-композиционная роль шинели в одноименной повести Гоголя // Структура литературного произведения: межвузовский сб. научных трудов. Вып. 2. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 1978. С. 47–54.

Егоров И.В. «Мертвые души» и жанр плутовского романа // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 37. Вып. 1. М., 1978. С. 31–36.

Егоров И.В., Константиновская Е.Я. Символ в «Мертвых душах» и проблема творческого метода Н.В. Гоголя // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1978. Вып. 3. С. 71–88.

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1978. 296 с.

Из содерж.:

Егоров Б.Ф. М.А. Булгаков – «переводчик» Гоголя (инсценировка и киносценарий «Мертвых душ», киносценарий «Ревизора»). С. 57–84.

[Указ. имен.]

Зарецкий В.А. О лирическом сюжете «Миргорода» Н.В. Гоголя // Вопросы сюжетосложения: сб. научных статей. / Даугавпилсский гос. пед. ин-т. Вып. 5. Рига, 1978. С. 29–41.

История русского драматического театра: В 7 т. / Институт истории искусств; редкол.: Е.Г. Холодов (гл. ред.) и др. Т. 3: 1826–1845. М.: Искусство, 1978. 351 с.

Ельницкая Т.М. Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1826–1845. С. 218–338.

Клинчин А.П. Провинциальный театр <в 1826–1845 гг.>.

[Указ. имен.]

Карасик О. Перевод комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» на украинский язык (Способы передачи идиом) // Взаимосвязи литературы братских народов. Киев: Вища школа, 1978. С. 185–194.

Карпенко А.И. Л.Н. Толстой и Н.В. Гоголь: Изображение народа в «Войне и мире» и в «Мертвых душах» и его фольклорные истоки // Лев Толстой: проблемы творчества. Киев, 1978. С. 88–102.

Карташова И.В. Гоголь и романтизм // Русский романтизм / Отв. ред. К.Н. Григорьян. Л.: Наука, 1978. С. 58–78.

Карташова И.В. Некоторые особенности становления реализма в творчестве Гоголя // Вопросы романтического метода и стиля. Калинин, 1978. С. 49–57.

Коваль Л.М. Русские библиотеки в Италии в начале XX в. // Книга. Исследования и материалы. Сб. XXXVII. М., 1978. С. 185–194.

[В частности, библиотека А.А. Иванова в Риме.]

Кубарев Е.М. Сопоставительно-текстологический анализ художественного произведения (Постановка вопроса и попытки анализа различных редакций комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» на примере образов Бобчинского и Добчинского) // Научные труды Куйбышевского гос. педагогического института. Куйбышев, 1978. Т. 218: Традиции и новаторство в поэтическом языке. С. 135–173.

Кузичева А.П. Земная, подчас горькая и скучная дорога... // Чеховские чтения в Ялте. Чехов и русская литература: сб. научных трудов. М., 1978. С. 32–38.

[«Мертвые души» Гоголя и «Степь» Чехова.]

Куприяновский П.В. А. Волынский – критик (Литературно-эстетическая позиция в 90-е годы) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1978. С. 49–77.

Ланской Л. Сестра Гоголя // В едином строю. 1978. № 1.

[Ольга Васильевна Гоголь-Головня.]

Лебедева Е.Д. Текстология русской литературы XVIII–XX вв.: Указатель советских работ на русском языке. 1917–1975. М., 1978 / Академия наук СССР. Институт научной информации по общественным наукам. 500 экз.

[С. 82–85: Гоголь Н.В.]

Манн Ю.В. «Мертвые души» Гоголя и традиции западноевропейского романа // Славянские литературы: VIII международный съезд славистов (Загреб; Любляна, сентябрь 1978 г.): Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 235–255.

Манн Ю. Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1978. 398 с.

[Рец.: *Иенсен Т.* Гоголевский мир // В мире книг. М., 1979. № 11. С. 67; *Латынина А.* Художественный мир Гоголя // Литературная газета. М., 1979. 26 декабря. С. 5; *Сухова Н.П.* // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1979. Т. 38. № 6. С. 563–565; *Шапошникова О.В.* // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1980. № 1. С. 85–87; *Турков А.* Даль Гоголя // Литературная Россия. М., 1980. 7 марта. С. 11; *Анненкова Е.* Писатель нового времени // Нева. Л.,

1980. № 3. С. 206.; *Гольденберг А.* // Литературное обозрение. М., 1980. № 5. С. 101–102; *Маркович В.* Предмет потребления или стимул? // Звезда. Л., 1980. № 7. С. 211–214; *Koehler L.* // Slavonic and East European Journal. Tuscon, 1980. Vol. 24. № 3. P. 290–291; *Barku D.* // Studia Slavica. Acad. Scient. Hung., 1980. T 26. F. 3–4. С. 448–449; *Dudek G.* // Zeitschrift für Slawistic. Berlin, 1983. Bd. 28. Hf. 6. S. 922–923.]

Машинский С.И. «Мертвые души» Н.В. Гоголя. 2-е изд., доп. М.: Художественная литература, 1978. 117 с. – (Массовая историко-литературная библиотека).

Медриш Д.Н. Травестия в реалистическом искусстве («Повесть о том, как поссорились Иван Ивановичем с Иваном Никифоровичем») // Проблемы изучения русского народного поэтического творчества (фольклорно-литературные влияния). М., 1978. Вып. 5. С. 52–61.

Михельмон В.А. О гоголевской традиции в творчестве А. Фадеева // На страже века: сб. статей по материалам V Фадеевских чтений в г. Краснодаре. Краснодар, 1978. С. 117–125.

Молева Н. По Суворовскому бульвару // Вопросы истории. М., 1978. № 1. С. 211.

Муценко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. 287 с.

[Указ. имен.]

Никитина Н.С. К вопросу о гоголевских традициях в творчестве Салтыкова-Щедрина // Русская литература. Л., 1978. № 1. С. 155–163.

Новикова А.М., Александрова Е.А. Фольклор и литература. Семинарий: Учебное пособие для студентов пед. институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1978. 144 с.

Фольклор и литература первой половины XIX века:

Н.В. Гоголь – этнограф и фольклорист. С. 79.

Народность «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. С. 79–80.

Народнопоэтическая основа повести Н.В. Гоголя «Вий». С. 80–81.

«Тарас Бульба» Н.В. Гоголя – героическая народная эпопея. С. 81–82.

Тема родины и народа в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. С. 82–83.

Осовцов С. За строкой «Ревизора» // Литературная учеба. М., 1978. № 6. С. 205–208.

Паракин Ю.И. Пометы Л.Н. Толстого на «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Идеино-художественное своеобразие произведений русской литературы XVIII–XIX веков. М., 1978. С. 126–134.

Пенкин М.С. Парадокс Гоголя // Пенкин М.С. Искусство и наука. М., 1978. С. 171–205.

Помазнева В. Свет в окнах Гоголя. // Литературная газета. М., 1978. 15 марта. № 11. С. 3.

Практические занятия по теории и истории русской литературы: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Под ред. проф. В.В. Гуры. М.: Просвещение, 1978. 176 с.

Из содерж.:

Соллертинский Е.Е. Русская литература XIX века (первая половина)

Занятие 24-е. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». С. 97–98.

Занятие 25–26-е. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» (Жанр и композиция). С. 98–99.

Севакова А.О. Гоголь в современной зарубежной критике (обзор) // Зарубежное литературоведение и критика о русской классической литературе. М., 1978. С. 100–114.

Семенюк В.К. Алогизм как идейно-стилевой элемент гротеска («Повесть о том, как поссорился Иван Ивановичем с Иваном Никифоровичем») // Живые страницы. Из истории и теории литературы. Саратов, 1978. С. 66–77.

Трофимова Н.П. К вопросу о жанровой структуре «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Сюжет. Композиция. Жанр. Кишинев, 1978. С. 25–36.

Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М.: Просвещение, 1978. 239 с.

[Рец.: Кривонос В.Ш. О русских классиках // Литература в школе. М., 1979. № 2. С. 59–60.]

Фарыно Е. Структура поездки Чичикова // Russian Literature. 1978. Т. VI–VII.

Чеканова О.В. Об искусстве юмористического портрета в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде» Н.В. Гоголя // Живые традиции: Из истории и теории литературы. Саратов, 1978. С. 53–65.

Чудакова О.А. Н.В. Гоголь в современной зарубежной критике // Зарубежное литературоведение и критика о русской классической литературе. М., 1978. С. 100–114.

Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. 264 с.

[И.С. Аксаков о Гоголе.]

[Указ. имен.]

1979

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Избранное / Ил. П. Боклевского]. М.: Правда, 1979. 359 с.: 4 л. ил. 200000 экз.

Содерж.: Мертвые души; Шинель; Ревизор.

К нам едет ревизор: [сб: для старшего школьного возраста] / [сопроводит. текст В.И. Порудоминского; худож. М.Н. Ромадин]. М.: Молодая гвардия, 1979. 447 с.: ил. – (Тебе в дорогу, романтик). 200000 экз.

Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Коляска; Утро делового человека; Нос; Ревизор; О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году; Письма.

[Рец.: Кривонос В.Ш. Вечный наш спутник Гоголь // Литература в школе. М., 1980. № 3. С. 63–65.]

Мертвые души: поэма. М.: Художественная литература, 1979. 240 с. 200000 экз.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья П.Г. Антокольского; худож. С. Соколов. М.: Художественная литература, 1979. 398 с.: ил. 100000 экз.

Загл. вступ. статьи: Мертвые души. С. 3–31.

Мертвые души. Петербургские повести. 2-е изд. Фрунзе: Кыргызстан, 1979. 564 с.: ил.

Петербургские повести. Л.: Лениздат, 1979. 168 с. – (Школьная библиотека). 200000 экз.

[Примеч. в тексте.]

Петербургские повести / Предисл. Л. Козловой. Ростов-на-Дону: Книжное изд-во, 1979. 125 с. – (Школьная библиотека). 300000 экз.

Повести. М.: Правда, 1979. 431 с. 200000 экз.

Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород.

Повести. М.: Художественная литература, 1979. 368 с. – (Классики и современники. Русская классическая литература). 1500000 экз.

Содерж.: Вечер накануне Ивана Купала; Ночь перед Рождеством; Иван Федорович Шпонька и его тетушка; Старосветские помещики; Тарас Бульба; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; Невский проспект; Нос; Шинель; Записки сумасшедшего.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья, подбор материалов о постановках «Ревизора» и примеч. В. Филиппова. 9-е изд. М.: Детская литература, 1979. 160 с.: фотоил. – (Школьная библиотека). 400000 экз.

Загл. вступ. статьи: «Ревизор» Н.В. Гоголя. С. 5–24.

Собр. соч.: В 7 т. / Под общей ред. С.И. Машинского, М.Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1976–1979.

Т. 7. Письма / Вступ. статья и примеч. Г.М. Фридендера. 639 с.

Загл. вступ. статьи: Письма Гоголя. С. 5–36.

Примеч. в тексте.

Приложение:

<Письмо к> В.Г. Белинскому. Конец июля – начало августа 1847 г. С. 543–557.

[Шарыпкин Д.М.] Хронологическая канва жизни и творчества Н.В. Гоголя. С. 558–587.

[Шарыпкин Д.М.] Алфавитный указатель имен и названий к томам 6 и 7. С. 588–628.

Тарас Бульба: повесть / Худож. Д. Шмаринов. М.: Современник, 1978. 141 с.: ил. – (Классическая библиотека «Современника»). 100000 экз.

Тарас Бульба: повесть / [Послесл. С. Машинского, примеч. А. Слонимского], ил. Е. Кибрика. 8-е изд. М.: Детская литература, 1979. 175 с.: ил. – (Школьная библиотека). 150000 экз.

Шинель. М.: Советская Россия, 1979. 32 с. – (Школьная библиотека). 100000 экз.

Шинель / Послесл. Ю.В. Манна. М.: Детская литература, 1979. 47 с.: ил. – (Школьная библиотека. Для средней школы).

Загл. послесл.: «Одно из величайших созданий Гоголя».

ЛИТЕРАТУРА

Анненский И.Ф. Книги отражений / Изд. подгот. Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров; отв. ред. Б.Ф. Егоров, А.В. Федоров. М.: Наука, 1979. 679 с. (Литературные памятники).

Из содерж.:

Проблема гоголевского юмора. Нос. Портрет. С. 7–20.

[Впервые: Анненский И. Книга отражений. СПб., 1906.]

О формах фантастического у Гоголя. С. 207–216.

[Впервые: Русская школа. 1890 № 10.]

Художественный идеализм Гоголя. С. 216–225.

[Впервые: Русская школа. – 1902 № 2.]

Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье. С. 225–233.

[Впервые: Аполлон, 1911. № 8.]

<Асеев Н.> Последние статьи Николая Асеева / Вступ. заметка, публ. и коммент. А. Крюковой // Вопросы литературы. М., 1979. № 4. С. 142–159.

Хома Брут и панночка (к истокам гоголевского «Вия») <20–27 марта 1963 г.>. С. 154–159.

Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней. Т. 2. М.: Художественная литература, 1979. 511 с.

Из содерж.:

Гоголь-критик. С. 407–442.

[Указ. имен.]

Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века / Академия наук СССР; Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствоведения Министерства культуры СССР. М.: Наука, 1979. 318, [2] с.: ил.

[О Гоголе: С. 131–138.]

Вертлиб Е. От Гоголя до Гегеля, или «Мертвые души» в «Селе Степанчикове» Достоевского // Современник. Торонто (Канада), 1979. № 42. С. 12–18; № 43/44. С. 77–85.

[Перепечатано: Дон. Ростов-на-Дону, 1997. № 1. С. 215–238; Вертлиб Е. Разнобрывки рифмованных мыслей. Note. СПб.: Терция, 1994. С. 91–138. Примеч.: С. 176–185.]

Винорецкая Д. Вечер, посвященный памяти Н.В. Гоголя // Советская культура. М., 1979. 8 марта. С. 3.

Виротайнен М. Мир и стиль («Старосветские помещики» Гоголя) // Вопросы литературы. М., 1979. № 4. С. 125–141.

Волкова Л.П. Имя героя комедии (Н.В. Гоголь) // Вопросы русской литературы. Вып. 2(34). Львов, 1979. С. 78–84.

Гольденберг А.Х. К вопросу о фольклоризме второго тома «Мертвых душ» // Проблемы языка и стиля в литературе. Волгоград, 1979. С. 86–93.

Гольденберг А.Х. О некоторых особенностях поэтики второго тома «Мертвых душ» // Структура литературного произведения. Владивосток, 1979. Вып. 2. С. 54–60.

Десницкий В.А. Статьи и исследования / Вступ. статья А.С. Бушмина. Л.: Художественная литература, 1979. 544 с.

Из содерж.:

Задачи изучения жизни и творчества Гоголя. С. 58–164.

[Впервые: Н.В. Гоголь. Материалы и исследования / Под ред. В.В. Гиппиуса. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 1–105.]

Жаркевич Н.М. Юбилею Н.В. Гоголя посвящается // Русский язык и литература в школах УССР. Киев, 1979. № 4. С. 79–80.

Живые страницы: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский в воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических произведениях и документах / Сост., сопроводит. текст и коммент. Б.В. Лунина; науч. ред. Д.Д. Благого. 3-е изд. М.: Детская литература, 1979. 543 с.: 16 л. ил.

Загл. вступ. статьи: Об этой книге. С. 3–4.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 187–314.

Коммент. в тексте.

Приложение:

Краткие сведения об основных вошедших в книгу воспоминаниях и об их авторах. С. 538–542. Н.В. Гоголь. С. 539–540.

Жизнь и творчество Н.В. Гоголя: Материалы для выставки в школе и детской библиотеке / Авт.-сост. Н.А. Марченко. М.: Детская литература, 1979. 14 с.: [24] л. ил.; фотоил. – (Выставка в школе).

Зайцев В. «Необыкновенно странное происшествие» // Литературная учеба. М., 1979. № 5. С. 126–179.

[Фантастическое в сюжетах Гоголя и Ю. Тынянова.]

Залыгин С.П. Читая Гоголя (Размышления и заметки) // Залыгин С.П. Литературные заботы. М.: Художественная литература, 1979. С. 206–229.

Знаменский Г.А. Н.В. Гоголь. Отличительные особенности его литературного гения // Знаменский Г.А., проф. Крупницы познания Исторической России в свете православной веры / Под. ред. П.Р. Ваулина. Изд. Нивы. Ричмонд (США), 1979. С. 188–200.

История русского драматического театра: В 7 т. / ВНИИ искусствознания; редкол.: Е.Г. Холодов (гл. ред.) и др. Т. 4: 1846–1861. М.: Искусство, 1979.

Ельницкая Т.М. Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1846–1861.

[Указ. имен.]

Золотусский И. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 1979. 512 с.: ил. – (Серия Жизнь замечательных людей; вып. 595).

[Рец.: Полемика: *Горбачев Н.* Жизнь в слове // Советская Россия. М., 1979. 2 нояб.; *Басманов А.* Путь Гоголя // Огонек. М., 1979. 1 декаб. № 49.; *Турков А.* Даль Гоголя // Литературная Россия. М., 1980. 7 марта; *Клименко В.* Воскреснет ли душа Плюшкина // Литературное обозрение. М., 1980. № 2.; Книги о русских писателях в ЖЗЛ // Вопросы литературы. М., 1980. № 9; *Ланциков А.* Три Гоголя // Москва. М., 1981. № 3.]

[Отз.: *Иванов-Натов А.* Новое прочтение Выбранных мест из переписки с друзьями // Записки русской академической группы в США. Т. XVII. New-York, 1984. С. 171–191.]

Зубков С.Д. Русская проза Г.Ф. Квитки и Е.Ф. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей. Киев: Наукова думка, 1979. 273 с.

Иванов Г.В. Повесть Гоголя «Записки сумасшедшего» (Жанр. Сюжет. Помешательство и прозрение героя) // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. История. Язык. Литература. Л., 1979. № 8. Вып. 2. С. 47–54.

История романтизма в русской литературе. [Вып. 2]: Романтизм в русской литературе 20–30-х годов XIX в. (1825–1840) / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; редкол.: С.Е. Шаталов (отв. ред.), А.С. Курилов, К.В. Пигарев, С.В. Тураев, У.Р. Фохт. М.: Наука, 1979. 328 с.

Троицкий В.Ю. Гл. 2: Романтизм в русской литературе 30-х годов XIX в. Проза. «Сказочные», «ужасные» и «фантастические» рассказы, романы, повести. С. 141–164. [О Гоголе: С. 141–149 и др.]

Каверин В. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1979. [Гоголь и О.И. Сенковский. С. 251–252.]

Казарин В.П. Произведения Н.В. Гоголя и литература о нем на русском языке (1967–1976): Библиографический указатель. Ч. 1–2. Владивосток, 1979.

Ч. 1. 59 с.

Предисл. С. 3–5.

Ч. 2. 36 с.

Карташова И.В. Романтическая традиция в психологическом мастерстве Гоголя (Творчество первой половины 30-х годов) // Романтизм в русской и зарубежной литературе. Калинин, 1979. С. 64–76.

Клименко В. Земля Гоголя // Литературное обозрение М., 1979. № 12. С. 86–89.

Корман Б.О. Творческий метод и субъективная организация произведения // Литературное произведение как целое и проблемы его анализа. Кемерово, 1979. С. 16–24.

Куприянова Е.Н. Авторская «идея» и художественная структура «общественной комедии» Н.В. Гоголя «Ревизор» // Русская литература. Л., 1979. №4. С. 3–16.

Лотман Ю.М. Повесть о капитане Копейкине (реконструкция замысла и идейно-композиционная функция // Семиотика текста: Ученые записки / Тартуский ун-т. Вып. 467. – Труды по знаковым системам. XI. Тарту, 1979. С. 26–43.

Магазаник Э., Магазаник Л. Действие и композиция в «Мертвых душах» и поэтика открытого и закрытого сюжетов // Проблемы поэтики. Самарканд, 1979. С. 143–159.

[Рец.: *Анненкова Е.И.* Писатель нового времени // Нева. Л., 1980. № 3. С. 206.

Макогоненко Г. «Медный всадник» и «Записки сумасшедшего»: Из истории творческих отношений Гоголя и Пушкина // Вопросы литературы. М., 1979. № 6. С. 91–125.

Манн Ю.В. Грани комедийного мира. «Женитьба» Гоголя // Литературные произведения в движении эпох. М., 1979. С. 5–41.

Манн Ю.В. Комедийный мир Гоголя: О стереоскопии художественного текста // Литературная учеба. М., 1979. № 3. С. 181–186.

Манн Ю.В. Смелость изобретения: Черты художественного мира Гоголя / Худож. В. Сергеев. 2-е изд., доп. М.: Детская литература, 1979. 142 с.: ил.
[Рец.: Маркович В. Предмет потребления или стимул? // Звезда. Л., 1980. № 7. С. 211–214.]

Машинский С.И. Художественный мир Гоголя: Пособие для учителей. 2-е изд. М.: Просвещение, 1979. 432 с.

Молева Н.М. Гоголь в Москве // Русская речь. М., 1979. № 2. С. 49–55.

Мостовская Н.Н. Личность художника у Гоголя и Толстого («Портрет» и «Альберт») // Л.Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 99–111.

Немзер А.С. О названии повестей Гоголя // Русская речь. М., 1979. № 2. С. 33–37.

Немзер А.С. Трансформация волшебной сказки в «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя // Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. С. 30–37.

Никольская Л.Д., Шестоперов И.М. Движение анекдота в поэтике русского реализма // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1979. Вып. 4. С. 91–101.

Осокин В. Где рукопись Гоголя // Советская культура. М., 1979. 30 окт.

<Пушкин А.С.> А.С. Пушкин и его современники: портреты из собрания Гос. лит. музея. Каталог выставки, посвященной 180-летию со дня рождения А.С. Пушкина / Сост. Е.А. Алексеева и др.; отв. ред. Н.В. Шахова. М., 1979.

Рудницкий К.Л. «Мертвые души», МХАТ, 1932 // Театральные страницы. М.: Искусство, 1979. С. 145–185.

Русская литература в историко-функциональном освещении / Отв. ред. Н.В. Осьмаков; ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. М.: Наука, 1979. 304 с.

Самышкина А.В. К проблеме гоголевского фольклоризма (Два типа сказа и литературная полемика в «Вечерах на хуторе близ Диканьки») // Русская литература. Л., 1979. № 3. С. 61–80.

Саннинский Б.Я. Проблематика и главный герой комедии «Ревизор» // Русский язык и литература в школах УССР. Киев, 1979. № 3. С. 8–12.

Смирнова Е.А. Национальное прошлое и современность в «Мертвых душах» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1979. Т. 38. Вып. 2. С. 85–95.

Хохлачева В.Н. Из наблюдений над стилистикой «Мертвых душ» // Русская речь. М., 1979. № 2. С. 27–32.

Хохлачева В.Н. К проблемам стилистики «Мертвых душ» Н.В. Гоголя (На материале сопоставления редакций) // Очерки по стилистике художественной речи. М.: Наука, 1979. С. 114–136.

Чудакова М.О. Булгаков и Гоголь // Русская речь. М., 1979. № 2. С. 38–48; № 3. С. 55–59.
[К 170-летию Гоголя.]

Шарычев Ю. Н.В. Гоголь об Удмуртии // Удмуртская правда. 1979. 23 сент.

1980

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки / Худож. Ю.А. Лебедев. Л.: Лениздат, 1980. 208 с.: ил. – (Школьная библиотека). 200000 экз.

Избранные статьи / Предисл. И. Золотусского. М.: Современник, 1980. 332 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности». Из литературного наследия). 50000 экз.

Мертвые души: поэма / Худож. Б.Н. Чупрыгин. М.: Статистика, 1980. 382 с.: ил.

Мертвые души: поэма. М.: Советская Россия, 1980. 400 с.: ил.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья П. Антокольского; худож. В.В. Гарбузов. М.: Высшая школа, 1980. 392 с.: ил. 240000 экз.

Загл вступ. статьи: «Мертвые души». Поэма Н.В. Гоголя. С. 5–27.

Приложение:

Повесть о капитане Копейкине (редакция, разрешенная цензурой). С. 388–392.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья П.Г. Антокольского. М.: Художественная литература, 1980. 400 с. – (Классики и современники. Русская классическая литература). 550000 экз.

Загл вступ. статьи: «Мертвые души». Поэма Н.В. Гоголя. С. 5–34.

Мертвые души: [поэма]. М.: Физкультура и спорт, 1980. 381 с. 362000 экз.

Мертвые души: поэма / Послесл. и примеч. Ю.В. Манна. М.: Художественная литература, 1980. 400 с.: ил. – (Классики и современники: Русская классическая литература).

Загл. послесл.: В поисках живой души: С. 374–388.

Примеч. С. 389–397.

Мертвые души: поэма / Послесл. и примеч. Ю.В. Манна; ил. А. Агина. М.: Советская Россия, 1980. 400 с.: ил.

Загл. послесл.: В поисках живой души: С. 374–388.

Примеч. С. 389–397.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья П.Г. Антокольского; худож. С. Соколов. М.: Международные отношения, 1980. 398 с.: ил. 87000 экз.

Загл вступ. статьи: «Мертвые души». Поэма Н.В. Гоголя. С. 3–31.

Мертвые души: поэма. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1980. 256 с. 100000 экз.

Ревизор: [комедия]; Мертвые души: [поэма:] / [вступ. статьи В. Филиппова и С. Машинского]. Казань: Татарстанское книжное изд-во, 1980. 527 с. – (Школьная библиотека). 150000 экз.

Филиппов В. Загл. вступ. статьи: «Ревизор» Н.В. Гоголя. С. 3–22.

Машинский С. Вступ. статья. С. 118–140.

Тарас Бульба: повесть / Примеч. С.И. Машинского; автолитогр. Е.А. Киборика. М.: Советская Россия, 1980. 150с.: ил. 100000 экз.

Шинель / Послесл. Ю.В. Манна; рис. Ю. Игнатьева. 2-е изд. М.: Детская литература, 1980. 47 с. – (Школьная библиотека). 260000 экз.

Загл. послесл.: «Одно из величайших созданий Гоголя».

ЛИТЕРАТУРА

Алленов М.М. Александр Андреевич Иванов. М.: Изобразительное искусство, 1980. 208 с. [А.А. Иванов и Гоголь.]

[Откл.: Художник и писатель // Книжное обозрение. М., 1981. 18 сент.]

Баженова А.А. Русская эстетическая мысль и современность. М.: Знание, 1980. 144 с. – (Народный ун-т. Факультет литературы и искусства).

Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 73–81.

Барabanовская Л.А. В.Н. Майков о Гоголе: К вопросу об издании поэмы Гоголя «Мертвые души» // Методика преподавания русского языка и литературы. Киев, 1980. С. 79–88.

Будагов Р.А. Стилистическое новаторство «Мертвых душ» Н.В. Гоголя (От стиля к мировоззрению) // Будагов Р.А. Филология и культура. М., 1980. С. 158–180.

Волгин И. Уроки Гоголя // Новый мир. М., 1980. № 12.

Воропаев В.А. Конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1980. № 1. С. 92–93.

Гладков А.К. Театр. Воспоминания и размышления. М.: Искусство, 1970. 464 с.

Гольденберг А.Х. Петр Петрович Петух (О фольклорных традициях во 2 томе «Мертвых душ») // Фольклорная традиция и литература: межвузовский сб. научных трудов. Владимир, 1980. С. 35–43.

Гольденберг А.Х. [Рецензия] // Литературное обозрение. М., 1980. № 5. С. 101–102.

[Рец. на кн.: *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1978. 398 с.]

Губарев И.М. Образ идеального художника в очерке Н.В. Гоголя «Исторический живописец Иванов» // Поэтика жанра: межвузовский сб. статей. К 80-летию В.И. Абаева. Орджоникидзе, 1980. С. 135–144.

Гудзий Н.К. Комедия Гоголя «Ревизор» и трагедия Пушкина «Борис Годунов» (К проблеме жанрового взаимоотношения) // Жанр (эволюция и специфика). Вопросы русского языка и литературы: Кишинев: Штиинца, 1980. С. 32–40.

Гуляев Н.А., Карташова И.В. Роль романтизма в формировании критического реализма // Русская литература. Л., 1980. № 3. С. 115–132.

Данилевский Р.Ю. Новые работы славистов ФРГ // Русская литература. Л., 1980. № 1. С. 210–215.

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1980. 287 с.

Из содерж.:

Лавров А.В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме. С. 23–63.

[Черновые наброски А. Белого по поводу постановки В.Э. Мейерхольдом гоголевского «Ревизора» (премьера 9 декабря 1926 г.) и др. С. 61–63.]

[Указ. имен.]

Жаравина Л.В. Комедия Гоголя «Ревизор» и трагедия Пушкина «Борис Годунов»: (К проблеме жанрового взаимодействия) // Жанр: эволюция и специфика. Вопросы русского языка и литературы: межвузовский сб. / Бельцкий гос. пед. ин-т им. А. Руссо; [редкол.: В.Н. Мигирин (отв. ред.) и др.] Кишинев: Штиинца, 1980. С. 32–40.

Зверс Т.В. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в школьном изучении: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 104 с.

Зленко Г.Д. Одесские тетради: Литературоведческие очерки и разыскания. Одесса, 1980. 103 с.

[Пушкин, Гоголь и др. в Одессе. Воспоминания князя Н.В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе, опубликованные в «Записках Одесского общества истории и древностей».]

Золотусский И.П. Монолог с вариациями. М.: Советская Россия, 1980. 414 с.

Из содерж.:

Час выбора. С. 96–147.

[В частности, Гоголь и В.Г. Белинский.]

«Записки сумасшедшего» и «Северная пчела». С. 261–278.

Необходимые замечания. С. 288–295.

[О стихотворении А. Вознесенского «Похороны Гоголя Николая Васильича» (Новый мир. М., 1974. № 1).]

О прозе Гоголя. С. 296–314.

Прыжок Подколесина С. 348–354.

[«Женитьба» Гоголя.]

Обманутый Хлестаков. С. 355–362.

Ильин В.Н. Н.В. Гоголь // Ильин В.Н. Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы. Т. 1. Проза. Сан-Франциско, 1980. С. 71–103.

Казарин В.П. Типология исторической прозы 1829–1832 гг. // Проблемы реализма. Вологда, 1980. Вып. 7. С. 31–42.

Карпенко А.И. Фольклорный мотив дороги в творчестве Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1980. № 1. С. 17–23.

Карташова И.В. Становление реализма Гоголя и философское «примирение» с действительностью (К постановке вопроса) // Проблемы реализма. Вологда, 1980. Вып. 7. С. 43–52.

Кирпотин В.Я. Мир Достоевского: Этюды и исследования. М.: Сов. писатель, 1980. 375 с.

Кирпотин В.Я. У истоков романа-трагедии. Достоевский – Пушкин – Гоголь // Достоевский и русские писатели. М.: Сов. писатель, 1971. 319 с.

Клименко В. Воскреснет ли душа Плюшкина? // Литературное обозрение. М., 1980. № 2. С. 20–34.

Кокарев В.А. Н.П. Огарев и Н.В. Гоголь (к вопросу о творческих связях) // Проблемы творчества Н.П. Огарева. Саранск, 1980. С. 85–97.

Курбатова Е. Был ли глуп городничий? // Театр. 1980. № 2. С. 91–94.

Лукпанова Г. Достоевский и «Шинель» Гоголя // Литературная учеба. М., 1980. № 6. С. 194–197.

Медриш Д.Н. «Славянская антитеза» в поэтике Н.В. Гоголя // Фольклорная традиция и литература. Владимир, 1980. С. 28–34.

Мережковский Д.С. Гоголь. Letchworth: Prideaus Press, 1980. 165 с.

Назиров Р.Г. Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Русская литература 1870–1890-х годов: сб. статей / Уральский гос. ун-т; под ред. И.П. Увшиновой. Свердловск, 1980. С. 94–107.

Новосильцов И.Л. Глава о том, как совет Николая Васильевича Гоголя помог нам спасать людей от архипелага ГУЛАГа // Новый журнал. Нью-Йорк, 1980. № 140. С. 241–258.

[О работе переселенческой организации при Синоде Русской Церкви за рубежом.]

Осокин В. До последних минут // Советская культура. М., 1980. 26 авг.

Прийма Ф.Я. Поэма об Игоре в творчестве Гоголя // Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. С. 179–195.

Прокаева Т.П. Идеино-стилистическое решение проблемы личности и среды в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Вопросы русской литературы. Львов, 1980. Вып. 2. С. 112–119.

Свиясов Е.В. Эпизод полемики о Гоголе 1852 года // Русская литература. Л., 1980. № 1. С. 127–134.

[Г.П. Данилевский о Гоголе. Polemica с Ф.В. Булгариным.]

Тараканов М. Творчество Р. Щедрина: [монография] / ВНИИ искусствознания. М.: Изд-во Советский композитор, 1980. 328 с.: нот. ил.

Гл. 6: «Мертвые души». С. 285–304.

Туниманов В.А. Творчество Достоевского. 1854–1862 / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Г.М. Фридлендер. Л.: Наука, 1980. 298 с. «Село Степанчиково...». С. 40–60.

Турбин В.Н. Эхо «Медного всадника» // Октябрь. М., 1980. № 10. С. 201–207.

[Традиции А.С. Пушкина в русской литературе.]

Храпченко М.Б. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1: Николай Гоголь: Литературный путь, величие писателя. М.: Художественная литература, 1980. 711 с.

[Рец.: Лукин Ю.А. Поверка современностью // Новый мир. М., 1982. № 12. С. 239–244.]

Чичерин А.В. Ритм образа. Стилистические проблемы. 2-е изд., расшир. М.: Советский писатель, 1980. 335 с.

Из содерж.:

Ранний Гоголь-романтик. С. 258–276.

Чудакова М.О. Булгаков – читатель // Книга: Исследования и материалы. М.: Книжная палата, 1980. Вып. 40. С. 164–185.

Шапиро Г. Конфликт между протагонистом и окружающим его миром в повести Н.В. Гоголя «Шинель» и в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь» // Russian Language Journal. 1980. № 119. С. 109–119.

Поморская Кристина. Об изучении Гоголя: методологические заметки // To Honor Roman Jakobson Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday / 11 Oktoder 1966. Volum II. 1967 Mogton. P. 1590–1601.

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

voropaevvl@bk.ru

А.В. Злочевская (Москва, Россия)

Изучение русской литературы в Чехии и Словакии (2006–2015 гг.)¹: Аннотированная библиография

A.V. Zlochevskaya (Moscow, Russia)

Study of Russian Literature in Czech Republic and Slovakia: Annotated Bibliography

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ, ХРЕСТОМАТИИ, СЛОВАРИ

Antoňák A. Ruská literatura 20. storočia I. Prešov: Prešovská univerzita, 2007. 165 s.

Учебное пособие на русском языке. Русская литература первой половины XX в.: литературный процесс и «медальоны» поэзии Серебряного века, творчество И. Бунина, Л. Андреева, М. Горького, А. Блока, С. Есенина и др. Словарь литературоведческих терминов и понятий художественной литературы того времени.

Dohnal J. Русская литература XVIII века.. Избранные тексты. Хрестоматия. Brno: Masarykova univerzita. T. I. 2013. 266 s.; T. II. 2014. 278 s.

Историко-биографические очерки о видных деятелях русской культуры и тексты их сочинений: Петр I, Феофан Прокопович, А.Д. Кантемир, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, М.В. Ломоносов, Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков, И.А. Крылов, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, А.Н. Радищев и др.

Eliša a kol. Ruská literatúra 18. – 21. storočia. Bratislava: Veda, 2013. 240 s.

Учебник. История русской изящной словесности XVIII–XI вв. в социокультурном аспекте в широком контексте словацких, чешских и общеевропейских культурных процессов. Представлен художественный процесс исследуемого периода как единое целое: весь спектр направлений, течений, школ и объединений, в том числе литература андеграунда и эмиграции, жанровая палитра словесности на всех этапах ее развития.

Jehlička M. Aby se literatura stala inspirací: ruská literatura očima Miloslava Jehličky / [k nedožitým pětiasmdesátinám Miloslava Jehličky uspořádal, upravil a autorovu bibliografii zkompletoval Stanislav Rubáš]. Praha: Karolinum, 2006. 85 s.

Учебник. Текст неоконченного труда. Русская литература XVIII – первой трети XIX в.: художественный процесс и «медальоны».

Kupko V., Kupková I. Krátky slovník ruskej kultúry 20. storočia. Prešov: Prešovská univerzita, 2009. 150 s.

Словарь. Русская культура XX в.

Kupko V., Kupková I., Harbul'ová L. Slovník ruskej umeleckej kultúry 20. storočia. Prešov: Prešovská univerzita, 2014. 296 s.

¹ В библиографию добавлены работы до 2006 г., не вошедшие в опубликованную ранее библиографию 1990–2005 гг. См.: Злочевская А.В. Изучение русской литературы в Чехии и Словакии в 1990–2005 гг.: Аннотированная библиография // Stephanos. 2014. № 7. С. 135–150.

Словарь. Русская культура XX в.: литература, театр, музыка, изобразительное искусство, кино. Основные тенденции и персоналии, искания и эксперименты.

Kovačičová O. a kol. Slovník ruskej literatúry 11.–20. storočia. Bratislava: Veda, 2007. 581 s. Словарь. Русская литература XI–XX вв. в персоналиях (550 медальонов).

Patapava V., Pospíšil I. Slovník autorů literatury pro děti a mládež. 1–3. Zahraniční spisovatelé. Praha: LIBRI, 2007. T. 1: Běloruská literatura pro děti a mládež; T. 2: Ruská literatura pro děti a mládež; T. 3: Ukrajinská literatura pro děti a mládež.

Словарь-справочник. Зарубежные (белорусские, русские и украинские) писатели – авторы литературы для детей и юношества.

Pospíšil I. Literární genologie. Brno: Masarykova univerzita, 2014. 118 s.

Учебное пособие. Общие проблемы генологии: концепции, основные понятия, литературные жанры, современное состояние дисциплины и др. Исследование проведено в том числе на материале русской литературы.

Pospíšil I. Kapitoly z ruské klasické literatury: nástin vývoje, klíčové problémy a diskuse. Brno: Masarykova univerzita, 2014. 176 s.

Учебное пособие. Русская классическая литература: очерк развития изящной словесности XIX в., ключевые проблемы и дискуссии.

Pospíšil I. Stará literatura východních Slovanů a ruská literatura 18. století: přehled a exkurzy s ukázkami textů z literatury 11.–17. století. Brno: Masarykova univerzita, 2014. 195 s.

Учебное пособие. Русская литература XI–XVII вв. в контексте восточнославянского литературного процесса: очерк истории, сопоставительный анализ древнерусской и восточнославянской средневековой литературы, возникновение и формирование белорусской и украинской литературы и др.

Zahrádka M. a kol. Slovník rusko-českých literárních vztahů. Ústí nad Orlicí: Oftis, 2008. 320 s.

Словарь-справочник. Русско-чешские литературные связи начиная с XVIII в. (около 300 статей): краткая характеристика творчества писателя, даты жизни; рецепция в Чехии: журнальные и книжные переводы, театральные инсценировки и экранизации, телевизионные постановки и радиопередачи, литературно-критические статьи и монографии о творчестве автора.

РАБОТЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Červeňák A. Romantika hľadania. Nitra: Univerzita Konštantína Filozófa, 2006. 145 s.

Монография. Русский романтизм в общеевропейском контексте. Аксиологический аспект.

Červeňák A. Tridsať statí o slovenskej literatúre. Nitra: Univerzita Konštantína Filozófa, 2006. 138 s.

Авторский сборник. Словацко-русские литературные связи (влияние Достоевского на творчество В. Минача, М. Угрина, Я. Тужинского и др.).

Červeňák A. Štyridsať statí o slovenskej literatúre. Nitra: Univerzita Konštantína Filozófa, 2010. 95 s.

Авторский сборник. Словацко-русские литературные связи (Я. Штевчек и русская «формальная школа», М. Руфус – С. Есенин и др.).

Daniš M., Matula V. M.F. Rajevskij a Slováci v 19. storočí. Bratislava: Univerzita Komenského; STIMUL, 2014. 303 s.

Коллективная монография. Раевский М.Ф. – священник церкви при русских посольствах, общественный деятель славянофильского направления, писатель: жизнь и деятельность в Словакии XIX в.

Genologické a medziliterárne štúdie 1, 2. Prešov: Prešovská univerzita, 2009. T. 1. 164 s.; T. 2. 481 s.

Сборник работ словацких и чешских ученых. Межлитературные связи и генология. В том числе на материале русской литературы (романы Ф.М. Достоевского).

Housková A., Svatoň V. Konec a počatek: literatury na prelomu dvou stáletí. Praha: Univerzita Karlova, 2013. 212 s.

Коллективная монография. Модернизм в мировой литературе (на материале французской, испанской, скандинавских, русской и др. европейских литератур, а также испаноязычной Америки и Китая).

Kšicová D. Od moderny k avantgardě. Rusko-české paralely. Brno: Masarykova univerzita, 2007. 516 s.

Монография. Русское искусство конца XIX – первых десятилетий XX в. (изящная словесность, живопись, музыка, ваяние, архитектура, театр) в контексте мирового художественного процесса. Движение от модернизма к авангарду. Чешско-русские параллели.

Kšicová D. Cesty do Svaté Země XII.–XX. století. Mýty a realita v ruských a českých cestopisech. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 336 s.

Монография. Жанр «паломничества» на материале шести русских (игумена Даниила, И. Лукьянова, А. Белого и др.) и шести чешских (М. Кабатника, О. Префата, Я. Неруды и др.) текстов: жанровые границы, эволюция, тематика, стиль, мифопоэтическая картина мира, межлитературные параллели.

Mattová I., Lorková Z., Haburová A. Podoby a premeny reflexie ruskej literatury na Slovensku v rokoch 1996–2009. Bratislava: STIMUL, 2010. 105 s.

Коллективная монография. Русская литература – проза, поэзия, драматургия – в Словакии 1996–2009 гг.: изменения характера восприятия и вектора интересов; переводы произведений Г. Айги, В. Сорокина и др.

Mikulášek M. Via cordis: ars interpretationis hermeneuticae. Duchovnědné paradigma literární hermeneutiky. Ostrava: Ostravská univerzita, 2011. 198 s.

Монография. «Искусство интерпретации» художественного текста: герменевтика против деконструктивизма и постструктурализма. Духовноведческий аспект искусства интерпретации. Размышления на материале европейской, в том числе русской (В. Набоков, М. Булгаков и др.), литературы.

Philologica LXIV. Zborník filozofické fakulty Univerzity Komenského. Ruská literatúra v súčasnej literárnovednej reflexii. Bratislava: Univerzita Komenského, 2008. 265 s.

Сборник работ русистов из Словакии, Чехии, России, Польши. Проблемы современной рецепции русской литературы XII–XX вв.: переводы, читательское восприятие, научное осмысление.

Pilátová J. Krátká zpráva v současné ruské a české publicistice: jazyk a text. Olomouc: Univerzita Palackého, 2009. 163 s.

Монография. Жанр заметки в современной русской и чешской публицистике. Язык и текст. На материале текстов из центральных изданий («Известия», «Независимая газета», «Lidové noviny», «MF Dnes»), местных («Санкт-Петербургские ведомости», «Olomoucký Den»), бульварных («Экспресс газета», «Moravskoslezský Blesk») и оппозиционных («Правда»).

Pokorný M. Románová epopej v žánrových a meziliterárních souvislostech. Praha: Academia, 2007. 167 s.

Монография. Теоретическое исследование жанровой модели романа-эпопеи в контексте межлитературных связей и параллелей. На материале произведений чешских, словацких и русских («Война и мир» Л.Н. Толстого и «Тихий Дон» М. Шолохова) писателей.

Pospíšil I. Srovnávací studie (Komparatistika, slavistika, rusistika a česko-slovenské souvislosti). Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda, 2008. 262 s.

Монография. Сравнительные исследования: компаративистика, славистика, русистика, чешско-словацкие отношения.

Pospíšil I. Základní okruhy filologické a literárněvědné metodologie a teorie (elementy, materiály, úvahy, pojetí, texty). Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda, 2010. 275 s.

Монография. Основные области теории и методологии филологических и литературоведческих наук (дисциплины, понятия, материалы, размышления, тексты). Обзор и критика филологических школ, в том числе русских («формальная школа» и др.). Чешско-русские параллели.

Pospíšil I., Šaur J. Střední Evropa jako kulturní průsečík a Slované: tradice – perspektivy – úskalí. Několik vybraných okruh. Brno: Masarykova univerzita, 2011. 114 s.

Коллективная монография. Компаративистика. Средняя Европа как перекресток культур и Славяне: традиции – перспективы – проблемы. В том числе взаимодействие культур Европы и России.

Pospíšil I. Literatura v souvislostech. Několik příběhů o tom, jak také číst literaturu z širšího pohledu. České Budějovice: Nakladatelství Vlastimil Johanus, 2011. 151 s.

Монография. Литература в контексте: восприятие художественного произведения на фоне мировой литературы, как современной инациональной, так и изящной словесности прошлого. В том числе на материале русской изящной словесности.

Pospíšil I. K teorii ruské literatury a jejím souvislostem. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 271 s. Монография. Русская литература XI–XX вв. в контексте общеевропейского литературного процесса; взгляд извне и изнутри. Своеобразие русской литературы, жанровая структура и формы, роман. Современная теория ареальных, междисциплинарных и межкультурных связей. Чешско-русские связи.

Pospíšil I., Zelenka M. a kol. Kontexty literární vědy V. Brno: Tribun Evropské Unie, 2014. 179 s. Сборник работ славистов из Чехии, Словакии. Современное восприятие и переосмысление творчества писателей, поэтов и литературоведов прошлого, в том числе русских (А.С. Пушкин, С. Захаров, поэты «Лианозовской группы»). Проблемы перевода.

Pospíšil I. Metodologie a teorie literaturovedčeské slavistiky a Centrální Evropa. Siedlice: Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2015. 184 s.

Монография. Современное состояние «ареальных» исследований. Среднеевропейская литературная общность. Роль русской литературы.

Žemberová V. Z morfológie prózy. Prešov: Prešovská univerzita, 2012. 253 s.

Авторский сборник. Проблемы прозы: морфология, жанр и поэтика на материале словацкой и чешской, а также русской (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, М. Агеев) литератур.

ИССЛЕДОВАНИЯ, ОХВАТЫВАЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО ПЕРИОДОВ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Adamka P. Ruská publicistika (história, štýl). Nitra: Univerzita Konstantína Filozofa, 2010. 126 s. Монография. Русская публицистика от XVIII в. до наших дней: история, характеристика основных изданий, эволюция стиля и др. Проблемы теории публицистического стиля: язык, место среди других функциональных стилей и др. Публицистический стиль в русской и словацкой филологической традиции.

Bínová G. Русская литературная эротика (Исторические и эстетические метаморфозы). Brno: Masarykova univerzita, 2006. 176 s.

Монография. Русский эротизм: история, философия, эстетика. На материале работ Вл. Соловьева, В.В. Розанова, Л. Карсавина, Н. Бердяева, П. Флоренского, С. Булгакова и др., а также произведений Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Д. Мережковского, В. Набокова, Б. Пастернака, А. Платонова, В. Сорокина, Л. Улицкой и др.

Červeňák A. Reminiscencie esteticko-antropologické. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Spolok slovenských spisovateľov, Klub Fjodora Michajloviča Dostojevského, 2009. 166 s.

Авторский сборник. Эссе, размышления, исследования. Эстетико-антропологический аспект изучения изящной словесности, преимущественно русской: современная русистика, в том числе словацкая; русско-словацкие связи; проблемы перевода; Ф.М. Достоевский, М.М. Бахтин, русский модернизм и др.

Червенияк А. Русская литература в словацком восприятии. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2007. 150 s.

Авторский сборник. Русская литература XIX–XX вв. Рецепция в Словакии.

Червенияк А. Русская литература в восприятии проф. Андрея Червенияка. Нитра: Университет им. Константина философа, 2011. 221 s.

Авторский сборник. Статьи, эссе, размышления о русской литературе XIX–XX вв. Современная словацкая русистика: традиции и новые тенденции в рецепции.

Dekanová E., Semionovna N.V., Sokolová J. Kulturnýje realii Rossiji. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2010. 292 s.

Коллективная монография. Культурные реалии современной России: общественная жизнь, искусство, народный характер с точки зрения русского человека.

Eliáš A. Demiurg či reptajúca trstina? Lyrický subjekt v ruskej romantickej, postromantickej a neoromantickej poézii. Bratislava: Univerzita Komenského, 2008. 136 s.

Монография. Лирический субъект в русской поэзии романтизма и неоромантизма. На материале лирики В.А. Жуковского, К.Ф. Рыльева, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, К. Бальмонта.

Hrala M. Ruská moderní literatura 1890–2000. Praha: Karolinum, 2007. 767 s.

Монография. История современной русской литературы (1890–2000) – дореволюционной, советской и зарубежной. Периодизация, направления, школы и группы, «медальоны» творчества отдельных авторов.

Hľadanie ekvivalentnosti II. В поисках эквивалентности, Prešov: Prešovská univerzita, 2004. 607 s.

Сборник работ русистов из Чехии, Словакии, России, Венгрии по материалам прошедшей в 2004 г в Прешове (Словакия) международной конференции. Русская литература XIX–XX вв.: реальность и художественная правда: критика церкви и тема детства в литературе XIX в., провокации М. Арцыбашева, Ф. Сологуба и А. Белого, символика в современной русской публицистике и др. Проблемы перевода.

Litteraria humanitas XIV. Problémy poetiky. Brno: Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2006. 388 s.

Сборник работ славистов из Чехии, Словакии, России, Украины, Венгрии, Болгарии, Швеции, Германии, Австрии, Японии и др. Проблемы поэтики и компаративистики, в том числе на материале русской литературы (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А. Белый, Н. Гумилев, А. Блок, В. Хлебников, А. Вознесенский, В. Пелевин и др.).

Litteraria humanitas XVI. Dialogy o slovanských literaturách: tradice a perspektivy. Brno: Masarykova univerzita, 2012. 244 s.

Сборник работ славистов из Чехии, Словакии, России, Сербии, Италии, Польши, Германии и др. Славянские литературы: проблематика, топосы, поэтика, рецепция (в том числе на материале русской поэзии и прозы: А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, М. Кузмин, Б. Пастернак, В. Шукшин и др.).

Olomoucké Dny Rusistů. XIX. Sborník příspěvků z mezinárodní konference. 30.08–01.09.2007. Olomouc: Univerzita Palackého, 2008. 580 s.

Сборник работ русистов из Чехии, России, Польши, Бельгии, Германии и др. Русская литература от истоков до XX в.: поэзия, проза, драма; жанры, поэтика, литературные связи и др.

Olomoucké Dny Rusistů. XX. Sborník příspěvků z mezinárodní konference. 02.09–04.09.2009. Olomouc: Univerzita Palackého, 2009. 450 s.

Сборник работ русистов из Чехии, России, Польши, Бельгии и др. Русская литература от истоков до XX в.: проблематика, топосы, поэтика и др.

Olomoucké Dny Rusistů. XXI. Sborník příspěvků z mezinárodní konference. 07.09–09.09.2011. Olomouc: Univerzita Palackého, 2011. 604 s.

Сборник работ русистов из Чехии, России, Польши и др. Русская литература XIX–XX вв.: диалог классики и современности (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, И. Бунин, Л. Улицкая и др.).

Pašteková S. Proces, kánon, recepcia (historiografické, translátologické a interpretačné aspekty skúmania ruskej literatúry). Bratislava: Veda, 2013. 140 s.

Монография. Проблемы изучения русской литературы: историография, перевод и интерпретация. На материале произведений Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И. Бунина, А. Ахматовой, В. Ланина, В. Сорокина, Т. Толстой и др.

Pechal Z. Fenomén živlu v ruskej literatúre. Olomouc: Univerzita Palackého. 264 s.

Монография. Русская литература XIX–XX вв. с точки зрения роли и функций в нем энтропии – как в процессе креации, так и во «внутреннем мире» произведения. На материале прозы А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А. Белого, В. Набокова, Б. Пастернака и др.

Pospíšil I. Pátání po nové identitě. Rusistické a vztahové reflexe. Brno: Středoevropské centrum slovanských studií, 2008. 273 s.

Авторский сборник. Статьи, заметки, рецензии. В поисках новой идентичности: развитие русской словесности от общих восточнославянских истоков до конца XX в.

Tragédia doby, literatúry, človeka. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2011. 341 s.

Сборник работ русистов Словакии, России, Армении и Казахстана. Творчество Ф.М. Достоевского и М. Булгакова как отражение эпохи. Традиции и актуализация.

Vobořil L. Ruská anekdota: žánr, jazyk, text. Olomouc: Univerzita Palackého, 2009. 111 s.
Монография. Русский анекдот: жанр, язык, текст. Феномен русского анекдота как фольклорно-литературного жанра, акта коммуникации и др. Эволюция жанра.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII в.

Komendová J. Světec a šaman. Kulturní kontexty ruské středověké legendy. Praha Argo, 2011. 208 s.
Монография «Святой и волхв». «Слово о житии святого Стефана, бывшего епископом Перми» (рубеж XIV–XV вв.) Епифания Премудрого: новаторство и консерватизм агиографического жанра; сюжет о миссионерской деятельности в рамках жанровой модели жития.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX в.

Acta rossica Tyrnaviensis: zborník štúdií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda. Brno: Tribun Evropské Unie, 2014. 175 s.

Сборник статей словацких русистов – лингвистика и литературоведение. В том числе на материале художественных текстов Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева и др.

Pospíšil I. Na forpостax теории и истории классической русской литературы. Siedlce: Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2015. 202 s.

Монография. Проблемы поэтики русской классической литературы.

Repoň A. Umelecké zobrazenie človeka v románovom svete I.S. Turgeneva. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 2011. 152 s.

Монография. Человек как центр художественного мира И.С. Тургенева. Классификация образов героев. Персонаж как единство физического – душевного – духовного. Тургенев в восприятии русских символистов.

Н.В. ГОГОЛЬ

Isačenko A.V. Nikolaj Vasilievič Gogoľ i problémy ruského realizma. Bratislava: Univerzita Komenského, 2003. 207 s.

Авторский сборник. Н.В. Гоголь и проблемы русского реализма.

Litteraria Humanitas XV. N.V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase (studie o živém dědictví). Brno: Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty: Tribun, 2010. 482 s.

Сборник работ чешских, словацких и российских авторов. Различные аспекты современного восприятия гоголевского наследия: интерпретации, реминисценции и аллюзии в литературе постмодернизма, перевод.

Olomoucké Dny Rusistů. XXII. Sborník příspěvků z mezinárodní konference. 04.09–06.09.2013. Olomouc: Univerzita Palackého, 2014. 430 s.

Сборник работ русистов из Чехии, Словакии, России, Италии, Франции и др. Творчество Н.В. Гоголя: топосы, генеалогия, поэтика, отзвуки в произведениях Н.С. Лескова, В. Маяковского, М. Цветаевой и др.

Пехал Зд., Зарянов О. и колл. Н.В. Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен. Olomouc: Univerzita Palackého, 2015. 202 s.

Сборник работ русистов из Чехии, России, Украины и Германии. Творчество Н.В. Гоголя: особенности креативного процесса, литературные связи, поэтика, рецепция.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

Antoš M. Dostojevskij na Slovensku (F.M. Dostojevskij v zrkadle slovenskej publicistiky). Nitra: Garmond, Nitrianska obdoba Spolku slovenských spisovateľov, Klub F.M. Dostojevského, 2009. 136 s.

Монография. Ф.М. Достоевский в «зеркале» словацкой публицистики.

Dostojevskij dnes: sborník příspěvků z konference s mezinárodní účastí: (Praha, 27. listopadu 2006, Národní knihovna České republiky). Praha: Národní knihovna České republiky, Slovenská knihovna, 2007. 183 s.

Сборник материалов конференции с участием ученых из Чехии, Словакии, России. Достоевский сегодня: восприятие, инонациональная рецепция и интерпретация произведений писателя в наши дни.

Dostojevskij a dnešok. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2007. 330 s.

Сборник статей ученых из Чехии, Словакии, России. Современное восприятие и интерпретация наследия Достоевского.

Koukolík F. Proč se Dostojevskij mýlil? O vědomí, empatii, altruismu, lásce, zlu a religiozitě. Praha: Galén, 2007. 216 s.

Монография. Прав ли был Ф.М. Достоевский, утверждая: если Бога нет, то все позволено? Полемические размышления.

Pechal Z. a kol. Двойственность у Достоевского. Olomouc: Univerzita Palackého, 2011. 100 s. Сборник работ русистов из Чехии и России. Творчество Ф.М. Достоевского: особенности психологизма, жанровое своеобразие, поэтика.

Pytlík R. F.M. Dostojevskij. Život a dílo. Praha: Emporijs, 2008. 207 s.

Монография. Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского. «Проклятые вопросы», заданные писателем человечеству, в восприятии чешского читателя.

Sýkora M. Dostojevského buldok. O zvířatech a/v literature. Brno: Host, 2006. 196 s.

Монография. Животные в творчестве Ф.М. Достоевского.

Tužinský J., Murin Š. Inkvizítor (dnes). Bratislava: CCW, 2006. 345 s.

Коллективная монография. «Великий Инквизитор» в современном восприятии.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX в.

Bulgakov a dnešok. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2006. 252 s.

Сборник материалов научного семинара, прошедшего 23.11.2005 в Нитре. Творчество М. Булгакова: интерпретация произведений и современное восприятие; рецепция в Словакии.

Červeňák A. Na margo ruskej moderny. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2012. 151 s. Авторский сборник. Русский модернизм как литературное движение рубежа XIX–XX вв., охватывающее все сферы культурной жизни России: искусство, филологию, философию, науку и др.

Dohnal J. Proměny modelu světa v ruské próze na přelomu XIX. a XX. století. Brno: Masarykova univerzita, 2012. 178 s.

Монография. Изменение модели мира в русской прозе рубежа XIX–XX вв. Художественная модель мира как таковая: аксиология, язык и символика. Феномен русской литературы в контексте европейского художественного процесса. На материале творчества Л.Н. Толстого, Л. Андреева, В. Брюсова, И. Шмелева.

Gazda J., Pospíšil I. Proměny jazyka a literatury v současných ruských textech. Brno: Masarykova univerzita, 2007. 146 s.

Коллективная монография. Русская литература конца XX в. с точки зрения методологии междисциплинарных социокультурных исследований и интеграционной типологии жанра. Метаморфозы языка художественных и публицистических текстов под влиянием кардинальных перемен в русском обществе 1980–1990-х гг.

Engelová O. Od moderny k avangarde. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2006. 134 s. Монография. Русская поэзия XX в.: движение от модернизма к авангарду.

Engelová O. Študie a etúdy z ruskej poézie 20. storočia. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2006. 140 s.

Авторский сборник. Эссе и исследования о русской поэзии XX в.

Koryčánková S. Лексико-семантическое оформление философски значимых образов в поэзии В.С. Соловьева. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 201 s.

Монография. Поэзия Вл. Соловьева: гностическая основа, свето-цветовая и эмоционально-звуковая образность и др.

Lorková Z. Vladimir Sorokin: tvorca mnohých tvári (ininterpretované podoby v slovenskom kultúrnom priestore). Bratislava: Stimul, 2011. 133 s.

Монография. Творчество В. Сорокина, рецепция в словацком культурном контексте.

Maliti R. Dramatická Oľa Muchina a nová drama. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2013. 120 s.

Монография. Современная русская драма (со второй половины 1990-х гг.): основные течения, ключевые события и авторы. Очерк творчества О. Мухиной, стоявшей у истоков русской «новой драмы». Первый в Словакии перевод пьесы О. Мухиной «Таня-Таня».

Marčok V. V postmodernom labyrinte. Bratislava: Literárne a informačné centrum, 2010. 284 s.

Монография. Постмодернизм в критике и литературоведении (в том числе русской: Л.Г. Андреев, М. Липовецкий, В. Пелевин и др.).

Muránska N. (Kon)Texty ruskej literatúry. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Spolok slovenských spisovateľov, Klub F.M. Dostojevského, 2010. 81 s.

Авторский сборник. Творчество М. Булгакова: проблематика, жанровое своеобразие, литературные связи и переключки (на материале романа «Мастер и Маргарита» и повести «Собачье сердце»). Проблемы поэтического перевода (в том числе русской поэзии).

Pašteková S. Moderné inšpirácie ruskej literatúry (Kultúrno-historické, poetologicko-interpretácie a recepčné súvislosti ruskej literatúry začiatku 20. storočia). Bratislava: Veda, 2006. 152 s.

Монография. Русская литература рубежа XIX–XX вв. в культурно-историческом, поэтологическом и интерпретационном контексте. В том числе рецепция в Словакии.

Pešková M. Idea «nového človeka» v literatúre 20. a 30. let 20. stoločia. Plzeň: Západočeská univerzita, 2012. 221 s.

Монография. Концепция «нового человека» в советской литературе 1920–1930-е гг.

Pospíšil I. Až se vyčasí... Úvahy – kritiky – glosy – eseje. Brno: Nadace Universitas Masarykiana, 2002. 132 s.

Авторский сборник «Когда разгуляется». Размышления, эссе, заметки и сообщения. Язык и литература, преимущественно русская (писатели и поэты, их произведения, литературная критика, исследования) в современном мире.

Pospíšil I. Když se nevyčasí aneb Stmívání. Brno: Jan Sojnek, Galium, 2015. 249 s.

Авторский сборник «Когда не разгулялось, или Сумерки». Эссе, статьи, размышления о литературе, преимущественно русской.

Ryčlová I. Ruské dilema. Společenské zlo v kontextu osudu tvůrčích osobností Ruska. Brno: Centr pro studium demokracie, 2006. 222 s.

Авторский сборник. Эссе-размышление. Проблемы общественного зла в русской литературе XX в. – отношение различных творческих личностей и влияние на их судьбы (Л. Толстой, Е. Замiatин, М. Булгаков, В. Набоков, И. Ратушинская и др.).

Ryčlová I. Mezi kladivem a kovaldinou. Brno: Centr pro studium demokracie, 2012. 200 s.

Монография. Творческие судьбы советских писателей – «Между молотом и наковальней». «Медальоны» М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, В. Некрасова, А. Фадеева, В. Шаламова.

Sováková J. Románový svět Anatolije Kima. Plzeň: Západočeská univerzita, 2008. 173 s.

Монография. Проза А. Кима на материале романов «Белка», «Отец-Лес», «Остров Ионы». Философия и миропонимание, амбивалентность культурных истоков и стремление к синтезу, жанровое своеобразие, роль мифа.

Šajtar D. Černé labutě: na okraj moderní literatury ruské. Ostrava: Společnost Leopolda Vrly, 2006. 269 s.

Авторский сборник. «Южнорусский» импульс в творчестве русских неоромантиков. На материале произведений М. Горького, А. Грина, К. Паустовского, Б. Пастернака, А. Ахматовой, Э. Багрицкого, И. Бабеля.

Ulbrechtová H. a kol. Ruská poezie 20. století. Recepční, genologické a strukturně analytické pohledy. Sborník studií. Praha: Slovanský ústav Akademie Věd České republiky, 2007. 274 s.

Сборник работ чешских и словацких русистов. Русская поэзия XX в.: В. Маяковский, С. Есенин, А. Блок, П. Антокольский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, В. Высоцкий, И. Бродский, Г. Сапгир и др. Биографические и библиографические данные об отдельных поэтах.

Vorel J. Astrální próza Andreje Bělého: román «Petrohrad» v zrcadle esteticko-filozofických koncepcí symbolizmu. Ostrava: Ostravská univerzita, 2007. 302 s.

Монография. Литературное наследие А. Белого – философа, поэта, прозаика и драматурга, одного из лидеров русского символизма. Анализ романа «Петербург» как образца экспериментальной прозы XX в.: духовное послание и композиция.

Winczer P. Literatúra v hľadani čitateľa (20. roky: Karel Čapek, Il'ja Erenburg). Bratislava: Veda, 2013. 192 s.

Монография. «Авторская стратегия» в отношении читателя на материале прозы 1920-х гг. (К. Чапек и И. Эренбург).

ЛИТЕРАТУРА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Běloševská L. a kol. Vzpomínky. Deníky. Vyprávění. (Ruská emigrace v Československu). Svazek 1. Praha: Slovanský ústav Akademie Věd České republiky, 2011. 672 s.

Сборник материалов. Русская эмиграция в Чехословакии. Воспоминания (К.А. Чхеидзе, Н. Мусатова). Дневники (Н.П. Кондаков, В.Ф. Булгаков). Беседы (Д.С. Гессен, И.В. Рафальская и др.).

Bubenikova M., Vachalovska L. Alfred Liudvigovich Bem (1886–1945?). Bibliography. Praha: Národní knihovna České Republiky, 1995. 109 s.

Библиографический справочник. А.Л. Бем: его произведения и работы о нем.

Drugová I. Kultúrne tradície v poézii Josefa Brodského. Bratislava: Univerzita Komenského, 2009. 132 s.

Монография. Культурные традиции в поэзии И. Бродского: античность и барокко, М.В. Ломоносов и А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, Вяч. Иванов, И. Анненский, А. Белый, А. Ахматова, О. Мандельштам, М. Цветаева, Дж. Донн, Дж. Китс, Т. Элиот и др.

Harbul'ová L. a kol. Ruská a ukrajinská emigrácia na východnom Slovensku v rokoch 1919–1945. Prešov: Štátna vedeck. knižnica, 2006. 166 s.

Сборник работ. Русская, украинская и белорусская эмиграция в восточной Словакии 1919–1945 гг.: личности, биографии, общественно-культурная деятельность, вклад в культуру Словакии.

Posokhin I. Сергей Довлатов и «русский» Нью-Йорк. Bratislava: Stimul, 2013. 93 s.

Монография. Творчество С. Довлатова. Русские в Нью-Йорке.

РАБОТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ НАСЛЕДИЮ ВИДНЫХ ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ РУСИСТОВ

Florilegium in honorem Alexandri Isačenko: ad iubilaeum centenarium oblatum. Bratislava: Coolart, 2011. 131 s.

Юбилейный сборник памяти известного словацкого русиста А. Исаченко (1911–1970). Автобиография, материалы к биографии.

Franta V., Pospíšil I. Josef Jirásek jako rusista, slovákista a umělec slova. Brno: Tribun Evropské Unie, 2009. 160 s.

Коллективная монография. Творческое наследие классика чешской литературы Й. Ирсека (1851–1930) – русиста, слависта и художника слова.

Pospíšil I. Srdce literatury. Alois Augustin Vrzal. Brno: Albert, 1993. 43 s.

Монография. Творческое наследие Алоиза Августина Врзала (1864–1930) – первого моравского историка русской литературы, впоследствии монаха. А. Врзал – активный пропагандист и популяризатор русской литературы, переводчик (произведения Н. Лескова, А. Чехова, В. Короленко, Л. Андреева и многих других), литературный критик. Религиозно-консервативный взгляд на русскую изящную словесность. Поиск разгадки «тайны русской души».

Slavistické reminiscence. Výbor z textů Jiřího Fraňka. Praha: Národní knihovna České republiky – Slovanská knihovna, 2011.

Сборник избранных работ, посвященный памяти видного пражского русиста, переводчика и издателя Й. Франька (1922–2007): «Слово о полку Игореве», творчество Н.В. Гоголя, И. Бабея, К. Паустовского, А. Солженицына и др.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Dekanová E. Kapitoly z teórie a prekladu odborných textov. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2009. 152 s.

Монография. Теоретические, дидактические и практические аспекты перевода (на материале русско-словацких и словацко-русских текстов).

Maliti-Fraňová E. Tabuizovaná prekladateľka Zora Jesenská. Bratislava: Veda, 2007. 208 s. Монография. Жизнь и творчество Зоры Ясенской (1909–1972), известной словацкой переводчицы английской, немецкой, французской, болгарской, но прежде всего русской (И. Эренбург, И. Бабель, Б. Пастернак, А. Солженицын и др.) художественной литературы, чья деятельность в социалистической Чехословакии была по большей части под идеологическим запретом.

Nová koncepcia univerzitného vzdelávania prekladateľov a tlmočníkov na Slovensku. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2010. 208 s.

Сборник материалов международного семинара, прошедшего в Нитре (Словакия) в марте 2010 г. Проблемы письменного и устного перевода: теория и практика, перевод как фактор объединения современной Европы и др. (в том числе на материале переводов русской литературы).

Kusá M. a. kol. Preklad a kultúra 3. Bratislava: Slovak Academic Press, 2011. 176 s.

Коллективная монография. Перевод как часть культурной жизни общества (в том числе на материале переводов русской литературы).

Valcerová A. Hľadanie súvislostí v básnickom preklade. Prešov: Prešovská univerzita, 2006. 220 s. Авторский сборник. Переводы русской поэзии (М.Ю. Лермонтов, С. Есенин, А. Ахматова, М. Цветаева, А. Вознесенский и др.) на словацкий и чешский языки. Соотношение содержания и формы, вопросы ритмо- и рифмологии и др. Анализ современных переводов, а также творчества выдающегося словацкого переводчика Я. Замбора.

Vilikovský J., Hutková A. a. kol. Preklad a tlmočenie 7. Sociokultúrne aspekty prekladu a tlmočenia: prítomnosť a budúcnosť. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 2006. 527 s.

Сборник работ словацких авторов. Социокультурный аспект письменного и устного перевода: прошлое и будущее (в том числе на материале переводов русской литературы – Н.В. Гоголя, В. Распутина и др.).

Автор-составитель:

Алла Владимировна Злочевская,
доктор филол. наук
ст. науч. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla V. Zlochevskaya,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zlochevskaya@mail.ru

Научная жизнь

Academic Life

И.В. Баданина (Москва, Россия)

**Международная научная конференция
«Русско-славянский диалог: язык, литература, культура»**

I. V. Badanina (Moscow, Russia)

**International Scientific Conference
“Russian-Slavic Dialogue: Language, Literature, Culture”**

8–9 ноября 2017 г. на базе Института русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (ул. Кржижановского, 24) прошла Международная научная конференция «Русско-славянский диалог: язык, литература, культура», организованная совместно с Институтом филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета.

Конференция собрала лучших российских и зарубежных славистов. Оба дня работы форума открыли пленарные заседания. 8 ноября в адрес участников конференции прозвучали приветственные слова проректора МГУ К.В. Миньяра-Белоручева и профессора Задарского университета (Хорватия) Рафаэлы Божич. Открыл конференцию доклад директора ИРЯиК профессора Е.Н. Ковтун «Русистика / славистика: история и современность». После этого слово было предоставлено зарубежным гостям: профессору Р. Божич («Политика и перевод: краткая история переводов русской литературы на хорватский язык») и представителю Карлова университета (Прага, Чехия) М. Пршигоде, выступившему на тему «Пределы славянской любви: восприятие русских и России в чешском и хорватском обществе первой половины XIX века (попытка сравнения)». Далее прозвучали

доклады профессора МГУ Н.Е. Ананьевой «Полонизмы в рассказе Н.С. Лескова “Антука”», доцента РГГУ С.С. Скорвида «Островные говоры западных славян в современной России», профессора МГУ О.С. Крюковой «Украина как один из идеальных романтических топов в русской литературе XIX века».

В начале пленарного заседания 9 ноября был заслушан доклад «Торговая марка “Чурин” в русской литературе XX века», сделанный дистанционно профессором Сахалинского государственного университета Е.А. Иконниковой. Затем выступили: профессор Института славяноведения РАН Н.Н. Старикова с докладом «Феномен билитературной принадлежности», профессор Университета Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве (Словакия) Е.М. Маркова («Роль русского языка в становлении чешского литературного языка»), профессор МГУ К.В. Лифанов (доклад «Изменения словацкого литературного языка на синтаксическом уровне в XX в. и их соотношение с чешским литературным языком»), профессор, и.о. ректора Тверского государственного университета, Л.Н. Скаковская («Традиции изучения русского языка и литературы в Болгарии»), зав. кафедрой русского языка ИРЯиК профессор В.А. Степаненко («Русский язык в эпоху глобализации»), профессор МГУ А.И. Изотов («Роман Я. Гашека в переводе П. Богатырева и этнокультурные стереотипы»), профессор МГУ А.Г. Шешкен с докладом «Развитие югославянских литератур XX века в свете русско-славянского культурного и литературного диалога». В заключение прозвучал доклад доцента МГУ С.Н. Мещерякова «“Ревизор” Н.В. Гоголя и “Подозрительная личность” Б. Нушича: опыт сопоставительного анализа».

В рамках конференции работали три секции: «Сопоставительное изучение славянских литератур и культур», «Славянские культурно-языковые исследования», «Русская культура сквозь призму русского языка и литературы». На первой из секций были заслушаны выступления представителей МГУ имени М.В. Ломоносова, Института славяноведения РАН, Института филологии и истории РГГУ, Института языков и культур имени Льва Толстого, Смоленского государственного университета, Военного университета Министерства обороны РФ. Проблематика докладов была связана с различными формами репрезентации русско-славянских литературно-культурных связей, в том числе образов России и русских в произведениях славянской культуры – в романе И. Андрича «Травницкая хроника» (Н.М. Воробьева), в хорватской рок-опере «Ялта, Ялта» (П.В. Королькова); с русской темой в культуре австрийских славян (Н.А. Бондаренко), семиотическими и нарративными особенностями восточнославянских сказок (Л.Г. Каяниди), ролью перевода Нового Завета, сделанного Н.П. Апраксиным, в истории русско-славянских контактов (И.В. Вернер), идеей культурного панславизма в Российской империи (А.С. Яровой), русско-сербскими и русско-польскими литературно-культурными (М.А. Штудинер) и литературными связями (О.В. Розинская), судьбой русской драматургической классики в театре славянских стран (И.П. Артемьева), языковыми формами самобытности восточных славян (С.В. Боброва), восприятием цвета человека в южнославянской традиции (А.И. Чиварзина), славянским и российским вопросами в немецкой политической мысли (К.Н. Цимбаев), влиянием Л.Н. Толстого на творчество словацкого писателя Йозефа Грегора-Тайовского (Я.Ю. Кресан), архетипом «вещей девы» в литературе Киевской Руси и славянской мифопоэтической традиции (Е.В. Гуськова), русским присутствием в Сербии и Черногории в культурно-историческом аспекте (Н.В. Игнатьева), реализацией славянского сказочного сюжета о двенадцати месяцах в сказке Б. Немцо-

вой и пьесе С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев» (А.И. Сафуанова), черногорской народной поэзией (В.Б. Хлебникова), творчеством чешского писателя П. Шабаха (Г.Ю. Маслов), а также методикой преподавания РКИ в аспекте славянского диалога культур (Е.Г. Ростова).

В секции «Славянские культурно-языковые исследования» приняли участие ученые из МГУ, РАН, РУДН. Прозвучали доклады о сохранении родного славянского языка в иноязычном окружении (Д.Ю. Ващенко), истории восточнославянских антропонимов в аспекте лингвокультурной идентификации (А.В. Воронова), русских лексических заимствований в сербском языке (И.Е. Иванова), типологической характеристике мелодического компонента фразовой интонации русского, польского и чешского языков (В.В. Бондарева), словенских частиц (наречиях) *še* и *že* и их соответствиях в русском языке (М.Л. Кулешова), употреблении номинаций женщин в современных русском и польском языках (И.В. Баданина, Й. Митурска-Бояновска), проблемах русско-сербской эквивалентности в области абстрактной лексики (Е.И. Якушкина), подвижности лексической нормы в современном украинском языке – на примере лексемы *поліція* (М.И. Хазанова). С интересом был прослушан и доклад на методическую тему – об учебных экскурсиях как варианте диалога культур в процессе изучения РКИ студентами из южнославянских стран.

В секции «Русская культура сквозь призму русского языка и литературы» участвовали ученые из МГУ, МГОУ, РУДН. Были сделаны доклады о различных аспектах репрезентации русской культуры в русском языке и литературе: об архетипе Дон Жуана на русской почве (А.П. Забровский), о функциях рамочного текста в пьесах Л.Н. Толстого (Ю.А. Рубичева), а также доклады по различным аспектам преподавания языка в иностранной аудитории: о коммуникативных неудачах в межкультурной коммуникации (Л.С. Крючкова), об интеграции иностранных студентов в жизнь современного российского мегаполиса (Т.В. Шустикова, В.А. Кулакова), о лингвострановедческом и коммуникативном потенциале профильно ориентированных текстов (Т.В. Шустикова, И.А. Воронкова, Н.Ж. Хамгокова, Е.Н. Шоркина).

Отличительной особенностью конференции стало сопряжение исторической и современной проблематики в лингвистических и литературоведческих исследованиях, а также многоаспектное сопоставление славянских языков, литератур и культур. Подобный способ рассмотрения актуальных вопросов русистики и славистики оказался продуктивным: слушая выступления друг друга, исследователи – русисты и инослависты – убеждались в сходстве стоящих перед ними как научных задач, так и направлений развития славянских языков, литератур и культур.

Новаторский характер конференции проявился также в том, что, поскольку она проводилась в ИРЯиК МГУ, где учатся иностранные слушатели и работают преподаватели РКИ, представители Института приняли активное участие в работе конференции: выступили с докладами (А.П. Забровский, Н.М. Воробьева, И.В. Баданина, Е.В. Гуськова, Ю.А. Рубичева, А.С. Яровой и другие) или стали слушателями пленарных и секционных заседаний. Это сблизило специалистов по славянским языкам и РКИ, сделало логичным объединение в одном научном мероприятии исследований по славянским языкам, литературам, культурам и РКИ. Особенно полезной с точки зрения предъявленной научной информации конференция стала для преподавателей вновь образованной в ИРЯиК МГУ кафедры межкультурной коммуникации.

В работе конференции приняли участие и молодые исследователи: Г.Ю. Маслов – магистрант филологического факультета МГУ, А.И. Чиварзина – аспирант, мл. науч. сотрудник Института славяноведения РАН, М.А. Юдов – аспирант факультета журналистики МГУ.

Разнообразие научных взглядов филологов различной специализации, встретившихся на этом мероприятии, создало плодотворную почву для дальнейших научных изысканий, поскольку в нынешнюю эпоху углубления междисциплинарных, метапредметных связей именно новизна подхода может дать новые импульсы дальнейшим исследованиям. По итогам работы многими участниками было выражено пожелание, чтобы конференции с тематикой на стыке русистики, славистики и РКИ стали ежегодными.

Сведения об авторе:

Ирина Васильевна Баданина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina V. Badanina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
irinabadanina@gmail.com

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

*М.В. Михайлова (Москва, Россия),
Н.М. Ботнаренко (Ивано-Франковск, Украина)*

Человечность – мера всех вещей

Ігор Козлик. Професія крізь призму людяності. Івано-Франківськ:
Симфонія форте, 2016. 228 с.

*M.V. Mikhailova (Moscow, Russia),
N.M. Botnarenko (Ivano-Frankivsk, Ukraine)*

Humaneiness is the Measure of All Things

Ігор Козлик. Професія крізь призму людяності. Івано-Франківськ:
Симфонія форте, 2016. 228 с.

«Человек тот, кому дороже и выше всего звание человека, человек “по профессии”, словом – писатель...» – так определил основное качество писателя А.А. Блок. Близко этому высказыванию название книги профессора, доктора филологических наук Игоря Владимировича Козлика «Профессия сквозь призму человечности», который именно гуманистической наполненностью измеряет филологическое призвание. Основная интенция его книги заложена, как видим, в заглавии. Она посвящена воспоминаниям, размышлениям о выдающихся ученых, литературоведах, которых автор знал лично или узнавал их, читая их труды. Книга в некотором роде обобщает опыт определенного отрезка жизни, когда человек, утвердившись в своей деятельности, размышляет над своей профессией и находит ракурс оценки: человеческий фактор.

Книге предпослан эпиграф: стихотворение Бориса Божнева «Неблагодарность – самый черный грех...». И это не случайно, поскольку именно «благодарность» является мерой человеческого достоинства, по мнению автора. Собственно этот посыл и объединяет его кинодокументалистику, которой он занимается уже несколько лет, посвящая фильмы своим учителям, духовным наставникам и друзьям. В его багаже уже имеются следующие ленты: «Марк Теплинский – учитель, ученый, человек» (2012), «Глазами Другого: Марк Теплинский и Владимир Матвишин» (2013), «Оставаться человеком, или Не дать умереть памяти» (2014, о жизни и деятельности доктора технических наук, профессора Петра Ивановича Мельника), «Академик Дмитрий Наливайко» (2016)¹. И книга «Профессия сквозь

¹ См.: www.youtube.com/channel/UCz-W0WLgdykbS4s8MOTtuaQ

призму человечности» является как бы продолжением того, что было начато в этих работах.

Открывается издание авторским предисловием – «О замысле этой книги», в котором кратко говорится о цели данной работы. «Я прежде всего литературовед, то есть тот, кто работает в сфере науки о литературе, – пишет И.В. Козлик, обращаясь к читателям. – Так сложилось. И поэтому то, о чем пойдет речь далее, будет касаться в первую очередь этой гуманитарной науки и тех, кто связал свою жизнь с ней <...>. Жизнь и деятельность ученого воплощаются не только в его научных исследованиях (статьях, монографиях), посвященных собственно предмету его профессиональной деятельности. Другая их сторона связана с чисто человеческим измерением профессионального бытия, с пространством живого общения с теми людьми, с кем на различных этапах связаны судьбоносные поступки – выбор жизненного пути, профессии как дела жизни, а позже – поддержка и стимулирование в личностном и профессиональном становлении. Ведь всю нашу жизнь нас кто-то окружает, сопровождает, иногда опекает, да и само пребывание в научной сфере, причем с самого начала, неразрывно связано с конкретными фигурами, а среди них – с теми, кто для каждого из нас олицетворяет саму сущность конкретной культуротворческой деятельности» (стр. 7). И далее он делает методологическое обобщение из сказанного: «<...> именно человеческое измерение специальности не является второстепенным или факультативным. В морально-психологическом смысле оно является базовым» (там же).

В рецензируемой книге собраны научные статьи, воспоминания, выдержки из писем. Она состоит из трех разделов: «Литературоведческие практики в плоскости методологической рефлексии», «Профессиональное бытие в индивидуальном пространстве межличностного общения (воспоминания, размышления, фрагменты эпистолярия)», «В отголоске специальности». Нам не кажутся эти заголовки удачными. Они грешат наукообразием и несколько затушевывают тот эмоциональный порыв, который явно двигал автором при отборе имен. Но, наверное, профессору показалось, что так его труд приобретает филологическую весомость... Имеет право...

В первой части раскрывается существо научных концепций известных ученых-литературоведов – М.В. Теплинского (1924–2012), Ю.И. Султанова (1948–2003), А.В. Чичерина (1899/1900–1989), М.М. Гиршмана (1937–2015), Н.Х. Копыстьянской (1924–2013), Р.Т. Громяка (1937–2014), С.Д. Павлычко (1958–1999). При их анализе И.В. Козлик опирается на системный подход, который определяет следующим образом: он дает возможность осуществлять «определенную последовательность действий (операций), правила их применения, призванных решить определенную задачу, а их схематизация уже сама по себе открывает путь к определенной познавательной информации» (стр. 50). При таком подходе ничто не может «выпасть» из поля зрения исследователя. Но важно, что в каждом индивидуальном случае И.В. Козлик находит «изюминку», т. е. то, что составляет уникальность каждого крупного ученого. У М.В. Теплинского, своего наставника и научного руководителя, И.В. Козлик выделил базовые параметрические характеристики его гносеолого-эвристической деятельности, указал на его эвристический опыт. Автор оперирует понятием «академичность», которое оказывается той категорией, которая наиболее адекватно характеризует научный метод ученого. В отношении известного украинского ученого-методиста Ю.И. Султанова И.В. Козлик предложил вариант семиотической проекции его творчества. А говоря о Г.П. Щедровицком, выдвинул на первый план системомыследеятель-

ностную (СМД) методологию, которой тот руководствовался при преподавании литературы. Различные уровни «теоретической доктрины литературного стиля» он обнаружил у профессора А.В. Чичерина (стр. 30–47). При этом, обратив внимание на точки пересечения научных открытий А.В. Чичерина и В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Ю.Н. Тынянова, Ю.М. Лотмана, А.И. Белецкого и др., автор делает важный вывод о том, что «все они были сформированы в лоне органического филологического подхода, которому присуще восприятие художественной литературы в ее онтологической самости (имманентности) как искусства слова с ориентацией на сквозную литературоведческую проблематику» (стр. 45). Такой же подход применен и к анализу проблемы целостности в разработанной профессором М.М. Гиршманом теории (стр. 57–67). Были важны для автора книги и методологические наработки профессора Н.Х. Копыстьянской (стр. 69–80), сосредоточившейся на изучении жанровой природы произведения, когда он писал докторскую диссертацию «Философская лирика: дифференциация видов и жанровая интеграция» (2008). Тем не менее, однако, к проблеме жанра каждый из литературоведов подошел по-своему. Так, Н.Х. Копыстьянская исходила «из традиционных внутренних сфер историко-литературной науки», а он отталкивался от «внелитературной плоскости общей методологии Г.П. Щедровицкого и философской герменевтики Г.-Г. Гадамера» (стр. 69–70). При этом автор отдает должное открытиям и итоговым размышлениям Н.Х. Копыстьянской, дальнейшее функционирование которых в работах учеников и коллег по литературоведческому цеху и становится «настоящим продолжением жизни ученого» (стр. 70).

Основательным и развернутым представляется подраздел «Профессор Р.Т. Громяк: методологические параметры научной деятельности ученого» (стр. 81–110). И.В. Козлик убедительно аргументирует свое утверждение, что основой организационной работы Р.Т. Громяка стало «понимание неделимости науки как культуротворческого феномена» (стр. 83) и что для этого ученого особенно значимыми были именно этическое измерение профессии и проблема воспитания современного специалиста. Автор книги также рассматривает и факторы, повлиявшие на становление и формирование личности самого Р.Т. Громяка как ученого и организатора науки, в которой большую роль сыграли компаративистские исследования.

В наследии С.Д. Павлычко И.В. Козлик выделил работу «Методологическая ситуация в современном украинском литературоведении» (стр. 111–115), в которой было обращено внимание на ряд устаревших гносеолого-эвристических парадигм мышления, еще функционирующих в современном литературоведении, но с преодолением которых связана перспектива развития украинского литературоведения в целом. И.В. Козлик убежден, что «сам факт периодического появления публикаций на эту тему не только свидетельствует о возможности возникновения внимания украинских литературоведов к проблемам методологии и теоретических основ собственной научной деятельности», что постепенно определяет не только «круг их дальнейшего компетентного обсуждения, но и артикулирует и объективирует те мировоззренческие тенденции, на сосуществовании и столкновении которых реально функционирует современное украинское литературоведческое сознание» (стр. 114–115).

Анализ научных концепций таких знаковых в украинской науке личностей, как М.В. Теплинский, Ю.И. Султанов, А.В. Чичерин, М.М. Гиршман, Н.Х. Копыстьянская, Р.Т. Громяк, С.Д. Павлычко, подтолкнул создателя рецензируемой монографии к мысли о традициях в развитии литературоведческой науки как одной из форм проявления закона культурной преемственности, что так или иначе определяет феномен

научной школы, в которой вопрос о личности ученого как носителя определенной системы ценностей, передачи научного опыта стоит особенно остро.

Это размышление логично подводит читателя к разделу «Профессиональное бытие в индивидуальном пространстве межличностного общения (воспоминания, размышления, фрагменты эпистолярия)», построенному в форме мемуаров. Это воспоминания об ученых-литературоведах, которых автор знал лично и которые оставили значительный след в его жизни, будучи носителями определенной культурной традиции. Здесь читатель может познакомиться с жизнью и научной деятельностью члена-корреспондента НАН Украины Нины Евгеньевны Крутиковой (1912–2008), работавшей в Институте литературы имени Т.Г. Шевченко НАНУ в Киеве, с оппонентом по кандидатской диссертации автора доктором филологических наук, профессором Леонидом Генриховичем Фризманом из Харьковского государственного педагогического университета имени Г.С. Сковороды, с польским профессором Базилем Яновичем Бялокозовичем (1932–2010) и Романом Теодоровичем Громяком, с которыми автора связывали теплые отношения на протяжении долгих лет. Особой теплотой проникнуто эссе о кандидате филологических наук, доценте кафедры мировой литературы Прикарпатского национального университета имени В. Стефаника Мирославе Медицкой (1978–2010), жизнь которой трагически оборвалась так рано. Особенно привлекательны в этом разделе цитаты из писем и стихов, комментарии к которым окрашены личностным лирическим чувством.

Также в форме воспоминаний и размышлений написан последний раздел книги – «В отголоске специальности». Название раздела говорит само за себя: отголосок, т. е. «отраженные звуки, доносящиеся издалека». Этот раздел посвящен не научной деятельности ученых, а их творческим интересам. Так, автор анализирует первый сборник стихов своего покойного друга, кандидата педагогических наук Юрия Ибрагимовича Султанова «Алхимия виртуальных игр» (Киев, 2001). Также здесь читатель может познакомиться с жизнью и литературным творчеством яркой и неординарной личности – известным донецким, а позже ивано-франковским врачом-дерматологом, доктором медицинских наук, профессором Леонидом Михайловичем Гольдштейном (1919–2005), сумевшим объединить вокруг себя единомышленников, связанных особой атмосферой культурного сотрудничества.

Концепция книги И.В. Козлика перекликается с суждением Григория Сковороды, который считал, что главная задача в воспитании молодого человека заключается в умении научить его благодарности. Именно это чувство делает «человека человеком». Поэтому книга адресована не только ученым, коллегам, а прежде всего молодому поколению, которое может вобрать в себя самое ценное – опыт и мудрость старших. И некоторая разножанровость представленных материалов становится ее плюсом, так как представляет этот опыт во всем его объеме и многообразии. Сам автор признается, что тексты первоначально появились «независимо друг от друга и при разных обстоятельствах», но оказались в итоге «объединены сквозным сюжетным вектором» – целостью накопленного опыта, который, как он подчеркивает, «по своему смысловому наполнению выходит за пределы <...> частного существования и может вызвать интерес у тех, кто, совершая свой жизненный выбор, собирается связать (или уже связал) свою жизнь с наукой о литературе» (стр. 8). Нельзя не присоединиться к этим его словам!

Сведения об авторах:

Мария Викторовна Михайлова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhailova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mary1701@mail.ru

Наталия Михайловна Ботнаренко,
канд. филол. наук
преподаватель
Прикарпатский национальный университет
имени Василя Стефаника
(Ивано-Франковск, Украина)

Natalia M. Botnarenko,
PhD
Lecturer
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
(Ivano-Frankivsk, Ukraine)

М.Е. Бабичева (Москва, Россия)

Живые страницы отечественной истории

Соловьев М.С. Когда боги молчат. Малая война (Записки советского военного корреспондента) / Подгот. текста и вступ. ст. В.В. Агеносова. Москва: АИРО-XXI, 2017. 336 с. Серия АИРО – «Первая публикация».

M.E. Babicheva (Moscow, Russia)

Vital Pictures of the Motherland History

Solovyov M.S. When the Gods are Silent. Small War (Notes of a Soviet War Correspondent) / Prep. of the text and introductory article by V.V. Agenosov. Moscow. AIRO-XXI Publ. 2017. 336 p. AIRO Series – “The First Publication”.

Михаил Степанович Соловьев (Голубовский, 1907–1979) – писатель второй волны русской эмиграции, называемой также «военным исходом». Эта часть русской диаспоры, возникшая в результате и сразу после Второй мировой войны, долгое время была полностью отрезана от родной страны «железным занавесом». Соответственно, созданная второй эмиграцией литература была и в значительной степени остается до настоящего времени мало известной отечественному читателю. В особенности это относится к прозаическим произведениям. Соловьев только один из немногих пока прозаиков «новой эмиграции», опубликованный наконец на родине. Ранее на волне начавшейся в стране перестройки были изданы произведения Б.Н. Ширяева, Н.Н. Нарокова, Л.Д. Ржевского. Год назад, в связи со столетним юбилеем автора, увидели свет в Москве две книги С.С. Максимова.

Публикация произведений Соловьева приурочена к юбилею Октябрьской революции. Основания для выпуска этой книги именно в ноябре 2017 г. в рамках издательского проекта Ассоциации исследователей российского общества содержатся в особенностях творческого наследия автора. Оно невелико по объему, но очень разнопланово. Автор активно искал свой путь в литературе, пробовал силы в разных направлениях. К настоящему моменту известны три книги, изданные при жизни Соловьева, и около десяти его публикаций в эмигрантской периодике. В числе последних – литературно-критические и публицистические статьи, а также отрывки из будущих (готовящихся к печати) книг. Все три отдельно изданных книги Соловьева очень сильно различаются между собой. При этом одна из них, первая и лучшая (роман-эпопея «Когда боги молчат», 1953), имеет ряд общих черт с каждой из двух других. Со сборником автобиографических очерков «Записки советского военного корреспондента» (1954) предыдущую книгу объединяет общая

тематика, автобиографическая основа, большая роль реальных исторических событий в сюжете, наличие исторических лиц в системе персонажей. С последним мистическим романом «Смеющийся Курос» (1965) эпопею роднит наличие в каждом из этих произведений единого целостного сюжета, основанного на художественном вымысле, и соответствующая ему хорошо выстроенная система персонажей.

Одно из главных достоинств вновь изданной книги М.С. Соловьева в подборе текстов для публикации. В сравнительно небольшом по объему (менее 350-ти страниц) томе достаточно полно и разнопланово представлено творчество автора. Основа книги – первый том романа «Когда боги молчат». Это произведение публикуется с небольшими купюрами. Краткое содержание опущенных глав изложено четко, передает основные идеи и эмоции автора, текст пересказа, набранный курсивом, стилистически соответствует основному повествованию.

Жизненный путь главного героя – Марка Сурова – показан, таким образом, от Первой мировой до начала Великой Отечественной войны. Все происходящее с этим персонажем неразрывно связано с историческими катаклизмами, которые переживает страна. Суров плотно вписан в целостную систему персонажей, где вымышленные герои действуют на равных с реальными историческими лицами. Соловьев подробно рассказывает о большой родительской семье Марка, об участии ее членов в исторически значимых событиях. Разветвленные родственные связи Марка и соответствующий круг его общения позволяют автору дать широкую панораму социальных типов, характерных для изображаемой эпохи.

В книгу включена также глава из «Записок советского военного корреспондента» – «Малая война», посвященная событиям советско-финского вооруженного противостояния 1939 г. Текст публикуется, как и в предыдущей части, с небольшими купюрами. Полностью сохранена структура главы: все шесть очерков представлены в той же последовательности, что и в книге («Ухабы бытия», «Финская война», «У линии Маннергейма», «В замороженном мире», «Пермский полк», «Жизнь и смерть Сергея Стогова»). Название второго очерка («Финская война») в оригинальном тексте было «Путь на север». Предложенный вариант, безусловно, четче фиксирует внимание читателя на исторической сущности изображаемого события, однако менее точно отражает содержание конкретного отрывка. Именно здесь автор рассказывает о первых днях финской кампании, выявивших неподготовленность армии к военным действиям. В частности, об отсутствии зимнего обмундирования, приведшем к массовым обморожениям бойцов, о крайне неэффективном руководстве военными действиями в целом, которое приводило к неразберихе и большим людским потерям. Последний очерк главы о Финской войне («Жизнь и смерть Сергея Стогова») стал завершающим эпизодом всей книги. История рядового Стогова, расстрелянного за убийство политрука роты, звучит суровым обвинением сталинскому режиму.

Этого бойца, происходящего из бедной крестьянской семьи, на преступление толкнули известия из дома о гибели от голода всей его семьи. Попытка героя-рассказчика спасти бойца успехом не увенчалась. Мехлис, фактический глава комиссарского корпуса, прямо заявил ретивому корреспонденту, что считает неуместным в военных условиях «заниматься такими тонкостями, как психиатрия». Тем более что «существует потребность показать всей армии, что жизнь политработников неприкосновенна».

Во вновь изданной книге каждой из двух частей предшествует статья современного исследователя, подготовившего это издание, – профессора В.В. Агено-

сова. Обе статьи, характеризующие произведение в целом, так и озаглавлены: «О романе “Когда боги молчат”» и «О книге “Записки советского военного корреспондента”».

В.В. Агеносовым написана и вступительная статья ко всей книге: «Таинственный свидетель истории с «пятнистой биографией». Ученый использует определение, которым характеризовал свою судьбу сам писатель. Действительно, «линия жизни» М.С. Соловьева была весьма извилистой. К тому же, как и многие русские эмигранты «второй волны», он долгие годы тщательно запутывал собственные следы, во-первых, чтобы избежать насильственной репатриации, во-вторых, опасаясь за оставшихся в СССР родственников. Агеносов фиксирует основные факты биографии Соловьева, нашедшие впоследствии отражение в его произведениях. Это появление на свет в 1907 г. в многодетной сельской семье. Участие в Гражданской войне в рядах Первой конной армии М. Буденного вместе с четырьмя старшими братьями. Обучение в МГУ, работа военным корреспондентом «Известий». Участие красноармейцем в Финской и на первом этапе – Великой Отечественной войне. Плен, коллаборационизм, беженский лагерь, эмиграция. Отмечает исследователь лакуны и «непрозрачные места» в жизнеописании Соловьева, а также разночтения в автобиографических заметках Соловьева по одним и тем же вопросам. Больше всего это касается участия (неучастия) писателя в действиях Русской освободительной армии Власова (РОА). Статью завершает список прижизненных публикаций М.С. Соловьева, включающий как отдельные издания, так и публикации в эмигрантской периодике.

Новая книга произведений М.С. Соловьева содержит, таким образом, значительное количество разнородной информации. Расширение информационного поля достигается за счет многоплановости относительно небольшого по объему текста. Прежде всего, это издание непосредственно знакомит отечественного читателя с конкретными произведениями Соловьева, в том числе с его лучшим романом. Важнейшая характерная черта творческого почерка Соловьева – правдивое, реалистическое и высокохудожественное изображение важных для истории страны событий. Следовательно, в книге художественно показаны значимые эпизоды отечественной истории первой половины XX столетия. Кроме того, настоящим изданием писатель Михаил Соловьев, фактически, вводится в единый русский литературный процесс: в книге достаточно полно представлена личность писателя и его творчество в целом. Таким образом, расширяется и корректируется представление российских читателей о литературе второй волны русской эмиграции как о феномене отечественной культуры.

Заслуживает внимания дизайн обложки, выполненный В. Руденко. Художник успешно сочетает информационную и эстетическую задачи, активно используя при этом символику. Черный крест на желтом фоне становится основой, несущей конструкцией, на которой размещены имя автора, названия его произведений, сведения о составителе книги и карта военного конфликта в Финляндии 1939 г. Определение этого события – Малая война – выделяется красным цветом. На обратной стороне обложки помещен портрет автора и рассказаны основные факты его биографии, отраженные в публикуемых в данной книге произведениях. Здесь же очень выразительная цитата из главного произведения Соловьева, характеризующая его отношение к отечественной истории. Еще один портрет писателя, в 1950-е гг. иллюстрировавший большую часть его изданий, расположен в книге после оглавления, перед предисловием.

К сожалению, тираж этой замечательной во всех отношениях книги только тысяча экземпляров. Пожалуй, это главный и единственный недостаток издания. Конечно, в век информационных технологий даже в такой ситуации опубликованный текст становится, в принципе, широко доступным массовому читателю. Однако в данном конкретном случае речь идет о книге, которую хочется держать в руках, иметь на книжной полке в домашней библиотеке. Думается, такое издание именно в печатном виде должно присутствовать и на полках общественных библиотек, хотя бы вузовских, а хорошо бы также публичных и школьных. Широкое тиражирование подобных изданий станет весомым вкладом в развитие отечественной культуры, изучение российской истории и в конечном итоге – в выполнение государственной программы по воспитанию патриотизма.

Сведения об авторе:

Майя Евгеньевна Бабичева,
канд. филолог. наук
ведущий научный сотрудник
Российская государственная библиотека

Maya Babicheva,
PhD
Leading Researcher
Russian State Library

babichevame@rsl.ru

М.А. Хлебус (Москва, Россия)

**Знаковые имена современной
русской литературы: Михаил Шишкин /**
Под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков:
SCRIPTUM, 2017. 509 с.

М.А. Khlebus (Moscow, Russia)

Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej MICHAŁ Szyszkin /
Praca zbiorowa pod redakcją Anny Skotnickiej i Janusza Świeżego.
Kraków: Wydawnictwo «scriptum», 2017. 509 s.

Изданный в конце 2017 г. сборник статей «Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин» – итог I Международной научной конференции «Знаковые имена современной русской литературы», которая проходила в Ягеллонском университете (Краков, Польша, май 2016). Первую конференцию посвятили М.П. Шишкину, действительно знаковой фигуре как русской, так и европейской литературы. В основу статей легли научные доклады литературоведов, критиков, переводчиков, выступавших на конференции в Кракове.

Творчество Шишкина стало заметным явлением в русской литературе еще в начале 1990-х. Уже первые произведения прозаика – «Урок каллиграфии» (1993) и роман «Всех ожидает одна ночь» (2000) – были отмечены как лучший литературный дебют. В течение последующих лет вышли романы «Взятие Измаила» (1999), «Венерин волос» (2005), «Письмовник» (2010), принесшие их автору не только российскую, но и мировую известность. Шишкин – лауреат многих литературных премий России («Русский Букер», 2000; «Национальный бестселлер», 2005; «Большая книга», 2006). В ноябре 2011 г. роман «Письмовник» стал победителем национальной литературной премии «Большая книга». С 1995 г. писатель живет в основном в Швейцарии.

Авторы коллективной монографии решают задачу многостороннего научного исследования творчества современного писателя, что, на наш взгляд, разрушает априорные представления об иерархии художественных специфик: маргинальные, на первый взгляд, техники, судя по большинству статей, обретают статус образующих саму суть содержания.

Сборник состоит из двух частей, предисловия редактора и заключительного слова писателя – рассказа «Гул затих...», последнего на сегодняшний день произведения автора, написанного специально для конференции.

Для нас особый интерес представляет первая часть сборника – критико-литературоведческие исследования и интерпретации различных аспектов творчества Шишкина. Вторая часть включает работы, посвященные проблемам перевода произведений писателя на другие языки. Отметим, что роман «Венерин волос» переведен на 30 языков.

Первую часть открывает статья «Михаил Шишкин: контексты прозы» Н. Ивановой, заместителя главного редактора журнала «Знамя», в котором были опубликованы первые произведения писателя. Именно «Знамя» выдвигало «прозу Шишкина на все значимые литературные награды»¹. Иванова рассматривает общественный и в первую очередь литературный контекст, в котором формировалась проза Шишкина. Так, на фоне «крушения литературоцентризма и литературных устоев, и прежде всего советской империи, что являлось главным общественно-политическим контекстом всех текстов, возникает Михаил Шишкин со своим романом» (стр. 25). Что касается контекста прозы, на который ориентируется сам писатель, то здесь Иванова наряду с Сашей Соколовым называет А. Гольдштейна и И. Бродского. Еще одна важная, на наш взгляд, мысль, высказанная автором статьи: «Шишкин в своей стратегии и личном поведении, выборе судьбы, старается освободиться, выйти из контекста, дистанцироваться» (стр. 27).

Авторы статей исследуют стратегии и техники писателя, определяют структуру текстов, выявляют их основы и константы.

Так, в ряде статей акцент сделан на доминантах художественного мира Шишкина. Профессор А. Леденев («Сенсорная реактивность как свойство поэтики Михаила Шишкина») в качестве характерной черты шишкинской прозы называет воспроизведение сложных сенсорных реакций литературных персонажей. По его мнению, в романах Шишкина визуальные, акустические, вкусовые, обонятельные и тактильные компоненты восприятия в большей степени способствуют пониманию авторской позиции, нежели сюжет или действие. Леденев анализирует различные типы чувственных паттернов (например, взаимодействие цветов и звуков, вкусов и эмоций, рост и падение различных сложных ощущений) с точки зрения предполагаемых метафизических идей.

Предметом исследования Т. Кучиной («Слепой и зеркало: скрытые отражения как структурный принцип нарратива в прозе Михаила Шишкина») стал мотив слепоты и зеркала в творчестве писателя, корреляция видимого и невидимого, «светлого» и «темного», прежде всего в романе «Письмовник» и рассказе «Слепой музыкант», где слепые персонажи играют значительную роль: чувствуют жизнь во всей ее полноте и могут «видеть» то, что видящие люди неспособны воспринимать.

И сенсорная реакция, и мотив слепоты нашли отражение в работе Г. Нефагиной («Все дело в рифмах: симметрия в романе Михаила Шишкина “Письмовник”»). Анализируя структуру «Письмовника» как основанную на симметрии, исследовательница пишет о принципиальном для творчества Шишкина вопросе рифмизации, а также о симметрии семантических образов и знаков, формирующих рамки тематических мотивов, среди которых мотивы слепоты, зеркального отражения, двойничества.

В свою очередь А. Скотницкая («Между утратой и надеждой. Книга книг Михаила Шишкина») разъясняет, как писатель использует творческую технику, в которой сосуществуют антиномии: текст и книга, фрагмент и целостность, деграда-

¹ Знаковые имена русской литературы: Михаил Шишкин: Коллективная монография. Краков. 2017. С. 22. Далее страницы будут указываться по этому изданию в тексте.

ция и реконструкция, потеря и надежда. Последняя особо влияет на композицию художественного пространства. При этом отмеченная антиномичность не входит в противоречие с целостностью содержания.

Особо хотим отметить работу А. Распопова («К вопросу о функционировании анималистической образности в прозе Михаила Шишкина»), который впервые анализирует анималистические образы в романах писателя («Взятие Измаила», «Венерин волос», «Письмовник»). По мнению Расопова, «зооморфизмы и анималистические сравнения в художественном мире прозаика становятся не только демонстрацией несовершенства человеческой природы, но и источником нового знания о человеке» (стр. 163). Это положение, на наш взгляд, можно рассматривать как ключ к художественной антропологии Шишкина.

Ряд статей посвящен проблеме жанра. Например, М. Абашева («Функция первичных речевых жанров в прозе Михаила Шишкина») определяет значение эпистолярного жанра для структуры произведений писателя. Ж. Калафатич («Поиски вымышленного царства. Трансформация эпистолярного нарратива в романе Михаила Шишкина “Письмовник”») пишет о специфике жанра письма в связи с легендой о царе-попе Иоанне («Письмовник»).

С точки зрения особенностей жанра рассмотрена и эссеистика писателя. Мы имеем в виду «Русскую Швейцарию», к которой обратились В. Абашев («“Русская Швейцария” Михаила Шишкина в контексте путеводительного жанра») и Е. Скарлыгина («Документ и документальность в книге Михаила Шишкина “Русская Швейцария”»). В первом случае названное эссе интегрировано в контекст жанра путеводителя, во втором – исследуется в связи с представлениями о документальности.

К «Русской Швейцарии» обращается Н. Блищ («Металитературный лабиринт Михаила Шишкина»), которая предлагает свое понимание метатекстуальности в творчестве Шишкина, его межтекстовых и металитературных связей. По ее мнению, писатель должен находиться в постоянном диалоге со своими литературными «предками», причем основными претендентами на скрытые высказывания являются тексты Н. Гоголя, В. Набокова, И. Бунина и Саши Соколова.

Категорию времени в творчестве Шишкина исследовали М. Яровски («Категории времени и пространства в творчестве Михаила Шишкина. На материале романа “Венерин волос”») и Б. Ланин («Антибахтинский роман Михаила Шишкина»). Последний, например, прослеживает эволюцию романного творчества писателя с точки зрения хронотопа (в понимании Бахтина) и приходит к выводу, что бесспорным примером антибахтинского романа является «Письмовник», где нет ни полного классического диалога, ни хронотопа как типичного конгломерата «время + пространство». Вместо этого его персонажи обмениваются длинными монологами, даже не рассчитанными на понимание собеседника.

О. Гримова («Нарративная поэтика романа Михаила Шишкина. «Взятие Измаила»: поиск инварианта»), не раз писавшая об онтологизации слова у Шишкина, на этот раз рассматривает особенности, характеризующие повествовательную структуру романа «Взятие Измаила». По мнению Гримовой, за мозаикой и полидискурсивностью новаторской формы есть монолитный онтологический центр, который читатель должен уметь воспринимать.

Особый интерес представляет корпус работ, посвященных осмыслению статуса слова в творчестве Шишкина. Так, Ю. Брюханова («Михаил Шишкин: избытие трагизма бытия в художественном слове») пишет о концепции избытия трагизма бытия как на уровне героя, так и в художественном слове. По мнению автора

статьи, «маленький», «негероический» (стр. 61) человек защищен у Шишкина от враждебной жестокой действительности посредством слова: «слова нужны людям, поскольку, пропуская жизнь через свой фильтр, они нивелируют трагизм существования» (стр. 62). Прослеживая эволюцию творчества Шишкина на уровне заданного концепта, Брюханова отмечает, что слово является смысловым центром художественного мира писателя, однако «от “Взятия Измаила” до “Письмовника” оно постепенно теряет свой онтологический статус» (стр. 54).

О религиозной концепции слова в творчестве Шишкина пишет Н. Хрящева («Слово – вещь – предмет в поэтике Михаила Шишкина»). Она рассматривает отношения между такими понятиями, как «слово и вещь», «вещь и телоподобие», «обогащение сознания в акте письма», и приходит к выводу, что у Шишкина «всё абсолютно живо, или способно оживать» (стр. 201). По сути, поэтике писателя свойственно экзистенциальное осмысление вещей, вступающих в диалог с человеком. Происходит это благодаря тому, что доминантой является слово в библейском понимании – как «воплощенной возможности». «Любая частица вещества, костей, земного праха получает в акте письма полагающийся ей статус вещи именно потому, что Слово способно осмыслять вещь и тем самым извлекать ее из “забытия”, возвращать ей качество Божественного первосмысла» (стр. 201).

О христианском отношении к «слову-логосу» пишет также И. Мотеюнайте («Слово как способ преодоления времени в романах Михаила Шишкина и Евгения Водолазкина»). Эта статья интересна еще и сопоставительным анализом творческих концепций двух современных писателей. Исследуя романы «Письмовник» и «Лавр», Мотеюнайте приходит к заключению, что оба писателя свободно обращаются со временем, а также «символически сближают слово и человеческую сущность» (стр. 237).

Назовем и сопоставительную статью Я. Солдаткиной («Итальянские мотивы в романах Михаила Шишкина “Венерин волос” и Евгения Водолазкина “Лавр”»), которая сравнила два романа и выявила общий для обоих произведений итальянский мотив. Отметим, что сравнительные анализы «Шишкин – Водолазкин» – перспективное исследовательское направление, что обусловлено не только выходом в 2017 г. нового романа Е. Водолазкина «Авиатор», но и тем, что II Международная научная конференция «Знаковые имена современной литературы» будет посвящена Водолазкину. В мае 2018 г. критики, литературоведы, переводчики снова соберутся в Кракове, чтобы обсудить концепции, выявить стратегии, отметить техники, определить доминанты творчества еще одного знакового писателя современности. Будем ждать новую монографию.

Сведения об авторе:

Марина Александровна Хлебус,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina A. Khlebus
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

mhlebus@mail.ru

In Memoriam

In Memoriam

Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

In Memory of Andrei Zaliznyak

24 декабря 2017 года умер Андрей Анатольевич Зализняк. На пике творческой и педагогической активности. Еще 16 декабря он провел последнее в семестре занятие по истории русского ударения, поставил зачеты тем, кто выступал у доски, и договорился о зачете с другими желающими – все как обычно. Он сейчас интенсивно работал над вторым, существенно дополненным изданием фундаментального труда «Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь» (1-е изд.: М., 2014. 728 с.) и не раз говорил о том, что в новом издании значительно расширен круг использованных источников за счет вновь обследованных им за последние годы. Готовились дополнения к «Древненовгородскому диалекту» (1995; 2-е изд., доп.: 2004) с учетом находок прошедших со времени выхода второго издания лет, публикация материалов последних новгородских раскопок. Все оборвалось.

Шок и боль стали всеобщими. Всегда было известно, что А.А. Зализняка, чьи ежегодные традиционные «новгородские» лекции о лингвистических итогах сезона собирают сотни интересующихся со всей Москвы и особенно молодежи, любят его благодарные слушатели, – сейчас реакция на случившееся показала, насколько серьезна эта любовь, насколько важным образцом научной, педагогической и человеческой этики был для научного сообщества Андрей Анатольевич Зализняк. Множество людей – лингвистов, работающих в разных областях, и шире – филологов, и еще шире – исследователей в смежных областях знания – чувствуют сейчас себя его учениками; очень для многих его уход стал личной утратой.

На протяжении всей своей деятельности (с одним не очень большим перерывом, как он сам писал) Андрей Анатольевич Зализняк параллельно с работой в Институте славяноведения РАН (ранее АН СССР) преподавал на филологическом факультете МГУ, который он и сам окончил, – с 1960 г., с 25-летнего возраста.

В 1960–1970-е гг. это было отделение структурной и прикладной лингвистики – тогдашний ОСиПЛ времени его молодого расцвета. А.А. Зализняк, в студенческие годы прошедший стажировку в Париже и обучавшийся общему языкозна-

нию, типологии и индоевропеистике у крупнейших французских лингвистов – А. Мартине, Э. Бенвениста, Л. Рену и др., вел на ОСиПЛе занятия по санскриту и ведийскому, древнеперсидскому, арабскому и другим языкам, а также вел общие курсы старославянского и древнерусского. Среди его учеников – «осиплян» тех лет – многие крупные лингвисты современности, и все они любят вспоминать, как Зализняк учил их – или арабскому, или санскриту, или чтению древнерусских рукописей. И еще в те ранние осипловские годы именно А.А. Зализняк придумал такой замечательный вид лингвистического творчества, как лингвистические задачи, с энтузиазмом подхваченный его учениками. На базе таких задач стали проводиться лингвистические олимпиады для школьников, позволяющие выявить и принять на факультет талантливых и заинтересованных лингвистикой ребят, – традиция, которая жива и активно развивается новым поколением молодых энтузиастов и поныне.

Уже в те 1960–1970-е гг. собственные научные интересы А.А. Зализняка стали смещаться в сторону русистики. О закономерности такого смещения для ученого, в центре интересов которого были прежде всего внутренние механизмы устройства языка, сейчас прекрасно написала С.М. Толстая¹. В 1967 г. выходит его знаменитая монография «Русское именное словоизменение», а через 10 лет, в 1977 г., – «Грамматический словарь русского языка», многократно потом переиздававшийся. О том, каким событием для русистики стал выход этого сделанного тогда – вручную! – грамматического словаря, содержащего полную грамматическую информацию о русской морфологической системе, сказано очень много. Для нескольких поколений русистов эти труды А.А. Зализняка по русской грамматике стали и остаются до сих пор основой профессионального лингвистического образования. Уже тогда – в 1970-е гг. – эти книги Зализняка были для нас, русистов, главными учебниками русской морфологии: мы учили морфологию «по Зализняку». И сейчас они остаются для студентов русистов и славистов тем же: русскую морфологию изучают с опорой прежде всего на основополагающие труды А.А. Зализняка – РИС и Грамматический словарь. Сам Зализняк студентам русского отделения в те годы еще не преподавал, но все мы учились по его главным на тот момент книгам...

К русскому отделению – студентам и аспирантам – он пришел позже, в 1980-е гг., после того «не очень большого перерыва», который случился в его педагогической деятельности. Сам ААЗ (Андрей Анатольевич Зализняк) со второй половины 1970-х гг. стал активно заниматься русской исторической акцентологией и исследованием в связи с этим многочисленных древних восточнославянских рукописей. Часто в отделах рукописей ГИМа (Исторического музея) или Ленинской библиотеки (ГБЛ, сейчас РГБ) можно было встретить склонившегося над рукописями Зализняка, причем работал он там целыми днями, как будто не уставая...

С 1980 г. А.А. Зализняк обращается к исследованию новгородских берестяных грамот: придя на основании имевшихся публикаций к выводу о необходимости пересмотра чтения ряда грамот, он начинает всестороннее изучение текстов берестяных грамот, с 1982 г. и далее ежегодно принимает участие в Новгородской археологической экспедиции. Уже тогда ему удается установить, что казавшаяся прежде безграмотностью особенность письма берестяных грамот в действительности представляет собой проявление особой бытовой графической системы, не различающей буквы *ъ-о*, *ь-е*, но при этом имеющей свои собственные правила;

¹ Толстая С.М. Феномен Зализняка // Троицкий вариант – Наука. 2018. № 1(245). 16 янв. С. 4–5.

уже тогда он открывает уникальные фонетические и морфологические особенности диалекта древних новгородцев, отличающие его от прочих диалектов Древней Руси, а в ряде позиций – и от остального славянского мира. Складывается картина особого древненовгородского диалекта, отличного от того «стандартного» древнерусского языка (как ААЗ его называл в 1980–1990-е гг., позднее заменив столь же условным термином «наддиалектный»), к которому привыкла традиционная русистика: меняется представление об истории восточнославянской ветви славянских языков, о диалектном членении позднепраславянского ареала – точнее, подтверждается гипотеза гораздо более сложных и дробных диалектных связей позднепраславянской эпохи, что требовало отказа от традиционной концепции единого правосточнославянского языка.

Над всеми этими проблемами А.А. Зализняк с невероятной интенсивностью работает в первой половине 1980-х гг. – и именно тогда его, вынужденно прекратившего свою педагогическую деятельность, приглашают на кафедру русского языка читать спецкурсы по русской исторической акцентологии и языку новгородских берестяных грамот. Это была идея Г.А. Хабургаева, с радостью поддержанная К.В. Горшковой, – позвать Зализняка читать нашим студентам и аспирантам (да всем, кто хочет слушать, никакой закрытости) русскую историческую акцентологию и чтение берестяных грамот! И начался наш еженедельный праздник. И труд, потому что задания надо было готовить и халтура здесь не предполагалась. Именно на этих лекциях первой половины 1980-х гг. у А.А. Зализняка учились Е.А. Галинская, А.А. Гиппиус, М.Г. Гальченко, М.А. Бобрик, А.В. Тер-Аванесова и др. – все мы, тогда начинающие русисты.

В 1985 г. вышла монография «От праславянской акцентуации к русской»; в 1986 г. – VIII том «Новгородских грамот на бересте» в соавторстве с В.Л. Яниным – первый, содержащий лингвистический очерк А.А. Зализняка, в 1993 г. – IX том того же издания, также включивший «Лингвистические исследования и словоуказатель» А.А. Зализняка, а в 1995 г. – знаменитая обобщающая монография «Древненовгородский диалект», содержащая полное описание древненовгородского диалекта и издание заново выверенных текстов всех известных к концу 1994 г. берестяных грамот, снабженное их переводом и комментарием, а также словоуказатель ко всем грамотам (2-е издание, расширенное с учетом последующих находок: 2004).

Эти труды А.А. Зализняка по описанию древненовгородского диалекта сразу же вошли в базовую основу историко-лингвистического образования студентов-русистов, с ними знакомятся уже не только специально интересующиеся проблемами истории русского языка студенты – с ними знакомится каждый филолог-русист и выпускник ОТиПЛа.

Именно тогда – со второй половины 1980-х гг. – началась традиция ежегодных осенних лекций А.А. Зализняка о лингвистических итогах новгородских раскопок сезона: это был, кажется, 1986 г. – ААЗ сам об этом сказал на лекции 2016 г., а лекцию 2017 г. начал с того, что традиции уже 31 год... Сначала это было в рамках семинара Б.А. Успенского – В.М. Живова по истории русского языка и культуры и проходило в относительно небольших аудиториях П-7 или П-11, потом стало самостоятельным мероприятием, и быстро даже П-9 оказалась тесна: сидели и стояли во всех проходах, на подоконниках, студенты занимали места за две пары до начала лекции, приводя в смущение читавших на предшествующих парах в этой аудитории преподавателей истории или философии... Последние два

года по инициативе коллег-математиков «новгородские» лекции Зализняка были перенесены в самую большую в МГУ аудиторию 01 в Главном здании: сначала было непривычно – казалось, что в нашей П-9 было уютнее, по-домашнему, в этом последнем году уже и 01 ГЗ оказалась заполнена до предела... 31 год традиции – до самого конца... Как хорошо, что записи этих лекций хотя бы за последние 10 лет сохранились.

С начала 2000-х гг. А.А. Зализняк снова преподавал на ОТиПЛе. Только теперь это было уже не только для «отиплян»: студентов русского отделения здесь всегда было никак не меньше и работали они на этих лекциях-семинарах (сам А.А. предпочитал называть их занятиями) отнюдь с не меньшим энтузиазмом и самоотдачей. Это были спецкурсы: в первые годы по древненовгородскому диалекту и новгородским берестяным грамотам, потом ААЗ пришел к выводу, что основные знания в этой области наши студенты уже имеют, и стал читать последовательно сменяющие друг друга курсы по строю санскрита, ведийского, древнеперсидского, арабского и двухлетний курс по русской исторической акцентологии. На первых лекциях раздавались краткие компендиумы с основной грамматической информацией (сами по себе представляющие шедевры лингвистического творчества – идеально точное, ясное, предельно компактное представление грамматического материала, традиционно занимающего десятки и более страниц), в которых после необходимых комментариев предлагалось научиться ориентироваться, – и почти сразу же приступали к чтению и разбору *подлинных* текстов. Подготовка к таким занятиям требовала от ребят большого энтузиазма и большого труда: это уже были действительно специальные углубленные авторские курсы Зализняка, рассчитанные не на массового слушателя, а на серьезно заинтересованного и профессионально мотивированного студента. Но такие ребята успешно преодолевали все трудности, справлялись и, сами гордые своими успехами и победами, с радостью выходили к доске (всегда только по собственному желанию, а между желающими уже выбирал А.А., стараясь соблюдать справедливую очередность и не оставить никого без желаемого выступления) и разбирали под его руководством и вместе со всеми остальными участниками заданный на дом текст. И он неизменно радовался их успехам, в конце занятия неизменно следовало обращенное лично к выступавшему одобрение («Очень хорошо. Замечательно»), а после занятия нередко радостное в частном разговоре к нам, особенно в самом начале курса: «Но ведь получается же – значит, можно, если есть желание! Здорово! И она (выступавшая студентка) ведь действительно этим раньше совсем не занималась и всему научилась здесь? Замечательно! Студентка отличная, прекрасно».

Это была радость, наша общая радость: каждую субботу в жизни нашего факультета была радость – радость Андрея Анатольевича, радость ребят, побеждавших под его руководством все трудности в приобретении знания, радость всех слушателей этих семинаров. И неважно, были ли они отипляне, русисты или кто-то еще: студенты русского отделения одолевали санскрит, читали ведийские и даже арабские тексты с ничуть не меньшим рвением, чем готовящиеся стать компаративистами или типологами, Зализняк и сам это отмечал. Присоединиться всегда мог любой. Великая лингвистическая наука была общей. И еще это было невероятное расширение не только лингвистического, но и культурного горизонта – для всех.

Сам А.А. Зализняк в эти годы работает над вторым изданием «Древненовгородского диалекта» (2004), выходят X (2000), XI (2004) и XII (2015) тома «Новгородских грамот на бересте», включающие его лингвистические очерки. Мно-

гие студенты – участники его факультетских субботних занятий – с энтузиазмом включаются в работу летних новгородских экспедиций: ААЗ и там занимается с ними чтением грамот, ставит перед ними совершенно новые задачи и неизменно радуется их успехам. А некоторым выпадало счастье своими руками найти грамоту и даже под руководством Зализняка потом участвовать в ее чтении – такие счастливицы запомнили это на всю жизнь...

В те же годы А.А. Зализняк занимается проблемой подлинности или поддельности «Слова о полку Игореве», стоявшей перед мировой наукой более двухсот лет и обострившейся в связи с появлением в конце XX – начале XXI в. новых работ противников подлинности «Слова». Задачей работы Зализняка было тщательное и беспристрастное взвешивание всех лингвистических аргументов «за» и «против» подлинности «Слова», в результате оказался гигантский перевес аргументов «за»: выяснилось, что предполагаемый фальсификатор XVIII в. должен был бы обладать громадным набором тех лингвистических знаний, которых наука достигла лишь к концу XX в. Книга А.А. Зализняка «“Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста» (2004; 2-е расшир. изд.: 2007; 3-е расшир. изд.: 2008) написана блистательно, легко, как на одном дыхании. Это великолепный образец сочетания безупречно строгого построения лингвистического доказательства и, благодаря использованию доказательств «от противного», тонкого остроумия в полемике. За книгу о «Слове» А.А. Зализняк был удостоен солидных премий (Литературная премия Александра Солженицына 2007 года, Государственная премия России за 2007 год, Большая золотая медаль Российской академии наук 2007 года), но для него было главным не то, что он доказал *подлинность* «Слова», а то, что лингвистика смогла строго *доказать, решить* стоявшую 200 лет задачу. Это триумф лингвистической науки как науки, способной получать строго обоснованное знание.

Именно в связи с этим в своей речи при получении солженицынской премии в 2007 г. А.А. Зализняк сформулировал свое знаменитое: «Истина существует, и целью науки является ее поиск»; и вторая столь же очевидная, но ставшая немодной идея, состоящая в том, что «в любом обсуждаемом вопросе профессионал... в нормальном случае более прав, чем дилетант»¹. Сейчас это «Истина существует» – это кредо служения науке великого лингвиста – процитировали не раз и не два; пишут и о том, что не случаен такой резонанс выступления Зализняка десятилетней давности – актуальность этого напоминания только возрастает.

В 2000-х гг. А.А. Зализняк принимает активное участие в дискуссии по поводу так называемой «новой хронологии»: для него всегда было принципиально важным отстаивание профессионального научного знания и научных ценностей. Появились блестящие полемические статьи Зализняка начала 2000-х гг. (см. список опубликованных работ А.А. Зализняка²), а в октябре 2008 г. он выступает на Фестивале науки в МГУ с лекцией «О профессиональной и любительской лингвистике», обращенной к широкому кругу слушателей, – в отстаивании принципов подлинной науки Зализняк видел свой гражданский долг.

В те же 2000-е гг. А.А. Зализняк продолжает начатое им в 1990-х гг. исследование древнерусских энклитик и их истории в русском языке. В 2008 г. выходит монография «Древнерусские энклитики» – скрупулезнейшее описание системы

¹ Зализняк А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010. С. 210.

² Существует несколько публикаций библиографии печатных работ А.А. Зализняка; одна из наиболее поздних, доходящая до 2008 г. включительно, – в книге: Зализняк А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010. С. 217–237.

энклитик по данным раннедревнерусских памятников и эволюции этой системы на базе сопоставления с данными памятников более поздних; в результате выявляются основные направления перестройки системы от древнерусского состояния к принципиально отличному от него современному, в основном достигнутому в XVII в., устанавливается факт архаичности древнерусской системы энклитик, наиболее близкой из всех известных в славянском мире к реконструируемому праславянскому состоянию.

Все эти годы А.А. Зализняк работает над проблемами русской исторической акцентологии – в последние годы именно эта область выходит у него на первый план. Он работает над составлением древнерусского и старовеликорусского акцентологического словаря, основанного на данных огромного числа древних источников, исследование которых он начал еще в 1970–1980-е гг. В 2011 г. выходит первая (позднее он называл ее предварительной) версия этого труда – двухтомник «Труды по акцентологии», в первый том которого вошли работы разных лет (как уже публиковавшиеся, так и новые) по современной русской и древнерусской акцентологии, в том числе монографии «От праславянской акцентуации к русской» (первая публ.: 1985) и «“Мерило Праведное” XIV века как акцентологический источник» (первая публ.: 1990), II том – акцентологический словарь, включающий около 7400 слов на базе более 90 обследованных памятников.

В 2014 г. выходит новое издание акцентологического труда А.А. Зализняка под названием «Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь» – именно его ААЗ называл первым, поскольку это новое по отношению к работе 2011 г. сочинение содержит вновь написанный краткий очерк древнерусской акцентной системы, включающий таблицы древнерусской акцентуации и схематические карты диалектного распространения тех или иных акцентных явлений, и существенно расширенный словарь, основанный на данных уже около 120 обследованных памятников.

Интенсивная работа над расширением объема этого словаря продолжалась, уже завершалась подготовка второго издания, основанного на еще большем числе источников. Завершиться не успела.

Среди спецкурсов А.А. Зализняка последних лет для нас, специалистов по истории русского языка, особое место занимал, конечно же, курс русской исторической акцентологии. Для него этот курс тоже был очень важен: Зализняк стремился к тому, чтобы акцентология перестала восприниматься как некое элитарное закрытое знание, доступное лишь узкому кругу специалистов, чтобы изучение истории русского ударения стало полноправной частью историко-лингвистической подготовки филолога-русиста, слависта, типолога – ведь без знания истории русской акцентной системы многого нельзя понять и в механизмах эволюции других уровней русского языка. ААЗ знал, что ситуация уже изменилась, что азы русской исторической акцентологии уже преподаются всем нашим студентам, и очень этому радовался. И ему хотелось это закреплять и совершенствовать, подготовить больше молодых специалистов, углубленно владеющих акцентологической проблематикой. И он с увлечением вел свой курс по истории русского ударения: первый год был посвящен собственно древнерусской системе, второй – эволюции от древнерусского состояния к современному. Каждое занятие было неповторимым: наряду с сообщением теоретических сведений постоянно анализировались древние тексты, а в подлинном тексте всегда можно было встретить что-то особенное, что требовало индивидуального комментария Зализняка. И эти

комментарии давались, и россыпь интереснейшей лингвистической информации шла непрерывно... Студенты под его руководством работали у доски, и особенно приветствовалось, когда ребята приходили к чему-то в результате собственного лингвистического анализа, к строгости и чистоте которого предъявлялись самые высокие требования: добытое собственным трудом знание ценилось выше всего. Атмосфера радости, содружества и свободы.

Сейчас уже сказано очень много правильных слов о феномене Зализняка, об уникальности его личности и громадности сделанного им для лингвистической науки – лингвистическое сообщество осознало, что это была эпоха. Очень важно еще раз сказать, что А.А. Зализняк был не только великим ученым, бескомпромиссно служившим лингвистической науке, – он был великим педагогом, важнейшей составляющей всей деятельности которого было воспитание следующих поколений только входящих в науку исследователей. Он учил безупречной строгости и честности работы с лингвистическими источниками, пониманию их ценности, учил строгости построения лингвистической аргументации, уважению к достигнутому и смелости в поисках самостоятельных решений. Это были уроки научной и человеческой этики, воспитание школы лингвистического мышления (о чем сейчас сказали многие, кто учился у А.А. Зализняка в разные годы). Он воспитывал и учил всеми своими занятиями и лекциями, учил без прямого наказания – собственным отношением к своему делу, просто и ясно, без всякого пафоса он учил всех нас любить и уважать свою Науку.

И он заражал своей увлеченностью, радостью открытия нового знания – и всегда стремился передать эту радость начинающим. Это чудесное умение радоваться было одним из секретов его личности: радоваться вновь открытому знанию, разгадке какой-то загадки древнего текста, радоваться успехам студентов, восхищаться достижениями коллег и делиться этим восхищением с молодежью... Радость и уважение к коллегам, даже еще совсем юным.

А.А. Зализняк всегда любил общаться с молодыми: студентами, аспирантами, начинающими исследователями, наконец со школьниками, заинтересовавшимися лингвистикой. Для него это всегда было очень важно. Для А.А. Зализняка всегда было исключительно важно передать кодекс научной чести филолога-лингвиста следующим поколениям молодых.

М.Н. Шевелёва

**Вера Александровна Кочергина
(1924–2018)**

In Memory of Vera Kochergina (1924–2018)

Двадцать четвертого февраля на девяносто четвертом году жизни скончалась Вера Александровна Кочергина – заслуженный деятель науки, заслуженный профессор Московского университета, доктор филологических наук.

Эти высокие звания, степени и должности, вехи многолетней научной и педагогической деятельности Веры Александровны, лишь внешне отражают ее личность, ее жизнь в науке, ее путь учителя, наставника, воспитателя нескольких поколений не только компаративистов, индологов, но языковедов самых разных специальностей – всех, кому довелось слушать ее лекции, заниматься в ее семинарах, работать под ее руководством. Вера Александровна была замечательным примером научной добросовестности, педагогической ответственности, строгости к себе и доброжелательности к коллегам – стиля жизни, столь характерного для старшего поколения московской университетской среды.

Вера Александровна поступила на романо-германское отделение филологического факультета Московского университета в 1942 г. В то время сам филологический факультет, за год до того восстановленный, только формировался в своем составе. Профессура факультета в своей лингвистической части пришла на факультет в основном из Потемкинского московского педагогического института, а в литературоведческой – из ИФЛИ.

Именно в Потемкинском, где до войны работали Александр Александрович Реформатский, Алексей Михайлович Сухотин, Рубен Иванович Аванесов, Петр Саввич Кузнецов и будущий научный руководитель Веры Александровны Михаил Николаевич Петерсон, вопреки напору полуофициальной стихии марризма продолжались и развивались традиции Московской формальной школы Ф.Ф. Фортунатова. Достаточно сказать, что в учебнике А.А. Реформатского «Введение в языкознание», вышедшем первым изданием в 1947 г., но основанном на лекциях, читанных А.М. Сухотиным и П.С. Кузнецовым в Потемкинском, А.А. Реформат-

ским в литературном институте и М.Н. Петерсоном на филологическом факультете МГУ, можно видеть весьма показательное замечание по поводу необходимости «прежде всего обратиться к целостной и детальной характеристике отдельных языков и их групп и к реальной истории языков»¹.

Именно этот принцип лег в основу научного мировоззрения Веры Александровны, в 1942 г. слушавшей лекции М.Н. Петерсона и занявшей под его руководством систематическим изучением санскрита. В 1952 г. Вера Александровна защищает кандидатскую диссертацию «Словосложение в эпическом санскрите», но будучи еще аспиранткой, фактически организует кафедру иностранных языков в тогдашнем физико-техническом факультете МГУ (впоследствии Физтех) и преподает на филологическом факультете. В 1956 г. Вера Александровна активно включается в работу Института восточных языков при МГУ. Институт восточных языков вырос (как и многие другие факультеты МГУ) из филологического факультета – из кафедры, возглавлявшейся А.В. Болдыревым, П.Я. Петровым, Ф.Ф. Фортунатовым. Таким образом, Вера Александровна, организовавшая в 1956 г. на Восточном факультете кафедру индийской филологии и продолжавшая работать на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания, по существу дела, восстанавливала и развивала научно-педагогическую традицию, заложенную в середине XIX в. учителями ее учителей.

Как известно, классическое отечественное востоковедение имеет в основном петербургское происхождение, в Москве же с середины XIX в. востоковедение развивалось главным образом в тесной связи с сравнительно-историческим языкознанием и, пожалуй, в меньшей мере с тюркологией и семитологией, хотя П.Я. Петров настаивал на необходимости развития арабистики. Классическое востоковедение развивалось как комплексная дисциплина, изучавшая культуру как единое целое. Такая комплексная подготовка востоковеда открывала возможность вхождения исследователя в культурный мир изучаемого языка и, соответственно, возможность системного анализа и прогноза современной общественно-политической обстановки в странах так называемого Востока. Поэтому изучение санскрита и древней индийской словесности – предмета фундаментального научного знания – было в то же время тесно связано с общегосударственными задачами и интересами.

Продолжая разработку избранной научной темы, Вера Александровна защищает в 1982 г. докторскую работу «Многофункциональные способы санскритского словообразования», читает в ИСАА и на филологическом факультете все основные курсы кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания: «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Историю лингвистических учений», «Введение в индийскую филологию»; ведет практические занятия санскритом, но также курс методики преподавания иностранных языков.

Вера Александровна умела мастерски излагать трудные предметы. Ее учебники – не только теории языка «Введение в языкознание для востоковедов» (1970), «Введение в языкознание. Фонетика-фонология. Грамматика» (1979; 1991), но и «Начальный курс санскрита» (1956), «Учебник санскрита» (1994) – отличаются поразительной ясностью, систематичностью, цельностью, продуманностью отбора материала. Они в первую очередь воспитывают культуру научного мышления и научного изложения.

¹ Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Гос. изд-во учеб. и пед. лит., 1947. С. 153.

Помимо прекрасных учебников Веры Александровны, написанных и переизданных ею в различные годы, следует особенно отметить Санскритско-русский словарь, известный в трех изданиях (1978; 1987; 1996), каждое из которых уточняет и дополняет предыдущие. Это был первый и долгое время единственный санскритско-русский словарь, фундированный многолетним изучением лексики санскрита, результатами сравнительно-исторических исследований, проникновением автора в культуру Индии и языковое мышление, характерное для базового языка – фундамента этой культуры.

Оставаясь постоянным членом кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета, Вера Александровна работала на кафедре индийской филологии до 1985 г.

Вера Александровна создала специализацию «Сравнительно-историческое индоевропейское языкознание»; разработала для аспирантов курс по истории науки о языке, разделы которого читались специалистами; организовывала всероссийскую, а затем международные конференции по компаративистике. Так, подготовка компаративистов, подготовка аспирантов кафедры, объединение исследователей в области сравнительно-исторического языкознания и типологии стали единой учебной и научно-исследовательской программой. Вера Александровна приложила немалые усилия для ее реализации.

Академик Б.В. Раушенбах сказал, что ему «по душе то, что еще никогда не делалось»¹. Действительно, дело не в том, сколько – десять или больше – ученых занимались проблемой, но в ее принципиальной новизне. Так действовали Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, Н.С. Трубецкой, В.К. Поржезинский, М.Н. Петерсон, Ю.В. Рождественский. Мне кажется, что так думала и Вера Александровна. И этот синтез традиции научной школы и умения найти и решить проблему, обнаруженную и потому интересную, думается, был далеко не чужд и Вере Александровне. Вечная ей память.

А.А. Волков

¹ Синтез двух систем познания академика Раушенбаха. М.: ВегаПринт, 2015. С. 47.

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2018-27-1-1-304

STEPHANOS
2018
№1 (27)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2018
Январь — January